

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Р.М. БАТАЛОВА

АРЕАЛЬНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ВОСТОЧНЫМ
ФИННО-УГОРСКИМ
ЯЗЫКАМ
(коми языки)

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

Москва 1982

Исследование представляет собой первую попытку выявления отдельных изоглосс в области фонетики и морфологии на материале диалектов коми-зырянского и коми-пермяцкого языков, с учетом имеющихся данных по языку коми-язьвинских и кировских пермяков. Анализируются некоторые процессы и их территориальные разновидности, находящиеся на той или иной ступени развития современных диалектов рассматриваемых языков. Устанавливаются зоны возникновения инноваций и "центры" языковых явлений, а также на основе имеющихся диалектных данных, по мере возможности, прослеживаются пути и темпы их распространения.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
К.Е. МАЙТИНСКАЯ

ВВЕДЕНИЕ

За последние годы в советском языкознании появился ряд работ в области ареальной лингвистики. В финно-угроведении такие исследования приняты впервые на материале восточных финно-угорских языков. Работа в данной отрасли вызывает немалые трудности из-за отсутствия какой бы то ни было методики ареальных исследований в области финно-угроведения. Поэтому в нашем исследовании мы широко опираемся на положения монографии Н.З. Гаджиевой "Проблемы тюркской ареальной лингвистики" (М., 1975), в которой разработаны методы ареальной лингвистики, как самостоятельной дисциплины на материале тюркских языков среднеазиатского региона. Нами учитываются также исследования В.М. Жирмунского (1954, 1956), Э.А. Макаева (1964), В.И. Абаева (1965), Б.А. Серебренникова (1974), Г.А. Климова (1973), Д.И. Эдельман (1968), Г.Ф. Благовой (1975) и др., в которых затрагивались вопросы, касающиеся факторов языкового развития, языковых контактов, изоглоссных явлений, ареалов распространения диалектных зон, языкового влияния, темпов развития языковых явлений, вопросов лингвистической географии и т.д.

Наше исследование проведено на материале диалектов двух коми языков — коми-зырянского и коми-пермяцкого. Нами использованы имеющиеся исследования по диалектам этих языков. По языку коми-пермяков включаются сведения не только по двум основным наречиям — северному и южному, а также по говорам коми-язьвинцев (язьвинских пермяков), и Кировских пермяков (так называемых "зюздинцев"); язык последних имеет много общих черт с самыми северными диалектами собственно коми-пермяцкого языка, а также ряд черт, сближающих его в особенности с летским говором коми-зырянского языка. Это свидетельствует о наличии бывших более или менее тесных контактов с носителями указанных диалектов в недавнем прошлом.

В настоящей работе использованы все имеющиеся основные исследования, посвященные описанию диалектов и рассмотрению некоторых вопросов коми диалектологии.

По коми-зырянским диалектам значительным исследованием является своего рода обобщающая работа по всем коми диалектам — "Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов" с его "Кратким грамматическим очерком", составленным редактором этого словаря В.А. Сорвачевой (1961). В этом очерке выявлены отдельные изоглоссные явления, изложены результаты наблюдений по распространению отдельных языковых явлений.

За последние два десятилетия по коми-зырянским диалектам выпущен ряд монографических работ, посвященных описанию фонетических и морфологических черт конкретных диалектов, обычно с приложением словаря специфической лексики опорных говоров населенных пунктов. Отдельные исследования посвящены верхневычегодскому [Сорвачева и др. 1966], нижневычегодскому [Сорвачева 1978], верхнесысольскому [Жи-

лина 1975], присыктивкарскому [Жилина, Бараксанов 1971], ижемскому [Сахарова, Сельков 1976], печорскому [Сахарова, Сельков, Колегова 1976], среднесыольскому [Колегова, Бараксанов 1980] диалектам. Коми лингвисты продолжают работу в этом направлении. Таким образом, из десяти коми-зырянских диалектов по шести из них имеются специальные исследования. По вопросам, в какой-то степени касающейся нашей проблемы, имеются отдельные статьи и диссертации. Так, морфологическим особенностям верхневашского говора удорского диалекта посвящена кандидатская диссертация В.А. Сорвачевой (1950), особенностям вымского диалекта посвящены диссертации Т.И. Фроловой-Жилиной (1952¹), В.А. Ляшева (1975). Некоторые особенности ижемского диалекта освещены в диссертационной работе Е.А. Игушева (1972). По лузско-летскому диалекту краткие сведения о говоре с. Слудка изложены в статье Т.И. Жилиной (1956).

Особенности отдельных коми-пермяцких диалектов рассмотрены в диссертациях А.С. Гантман-Кривошековой (1951) и Е.В. Ботевой (1961) — по кудым-карско-иньвенскому диалекту, Р.М. Баталовой (1962) — по оньковскому диалекту. Имеется также ряд статей по некоторым вопросам коми-пермяцкой диалектологии. Основные результаты изучения коми-пермяцких диалектов были обобщены в нашей работе "Коми-пермяцкая диалектология" (1975).

Языку коми-язьвинцев посвящена монография В.И. Лыткина "Коми-язьвинский диалект" (1961). Некоторые особенности языка кировских пермяков еще в начале 30-х годов были рассмотрены в статье Г.А. Нечаева "Характеристика зюздинского диалекта коми языка" (1930), а затем результаты нашего изучения этого языка нашли отражение в названной выше работе [Баталова 1975].

Несмотря на наличие ряда диалектологических исследований, в настоящее время имеется еще немало "белых пятен" в изучении диалектов коми языков и наречий. В области диалектологии предстоит большая работа и потребуются немалые усилия ученых-комиведов.

До настоящего времени в коми диалектологии пока что не ставилась задача выявления одинаковых новейших явлений в существующих диалектах, говорах и подговорах. На имеющихся работах сказалась несовершенство существующей методики фронтального исследования диалектов, о чем свидетельствует и разноплановость описания диалектных особенностей. Но необходимо отметить, что в вышедших работах имеется богатый языковой материал, который представляет большой интерес для пермистов в целом.

Общеизвестно, что диалекты, занимающие относительно большую территорию, не являются однородными, в них обычно имеют место говоры и подговоры, специфические особенности которых представляют немалый интерес для диалектологии вообще и для ареальных исследований в особенности. В этом плане по коми диалектологии пока что предприняты лишь отдельные попытки по верхневыхгодскому, нижневыхгодскому, вымскому, присыктивкарскому и среднесыольскому диалектам.

Необходимость составления диалектного атласа также является насущной задачей коми диалектологов в будущем.

Имеющиеся исследования по диалектам коми языков на данное время позволяют рассмотреть некоторые изоглоссные явления на фонетическом и морфологическом уровнях.

Предлагаемое исследование является первым опытом ареального описания диалектных явлений, распространенных на территории языка коми-

зырян и коми-пермяков. Языковые явления нами рассматриваются в основном в синхронном плане. Однако там, где позволяют диалектные данные, мы пытаемся выяснить пути и этапы развития того или иного явления. По возможности выявляются контуры ареалов распространения отдельных явлений. Рассмотрены нами также некоторые явления, имеющие "островной" характер, но, с нашей точки зрения, представляющие несомненный интерес в ареальном плане. Определяются также некоторые "центры" возникновения инноваций, территориальные границы распространения отдельных явлений, некоторые зоны вибрации языковых явлений, случаи взаимовлияния географически соприкасающихся языков и диалектов.

Как показывает исследуемый материал, одинаковые процессы и явления чаще всего происходят на более или менее компактной территории. Отсутствие компактности часто свидетельствует о наличии "белых пятен" в исследовании территориальных диалектов или являются следствием процессов миграции носителей того или иного говора, диалекта. В результате миграционных процессов, как известно, возникают зоны так называемых смешанных диалектов. К этому виду в первую очередь можно отнести, к примеру, верхневычегодский и нижневычегодский диалекты.

Несомненно на данной работе сказалось отсутствие сведений по ряду говоров или недостаточность таковых (например, по удорскому и лузско-летскому). Новые исследования по диалектам коми языков в дальнейшем позволят конкретизировать и уточнить наши выводы и отдельные положения.

Поскольку работа может быть использована в качестве учебного пособия в вузах, в ней употребляется в основном терминология, принятая в современных коми языках, и приближенная фонетическая транскрипция на основе существующей графики в коми-зырянском и коми-пермяцком языках.

Ссылки на литературу и источники даются в сокращениях: с указанием фамилии автора и года издания работы.

ГЛАВА I

ХАРАКТЕРИСТИКА ИЗОГЛОСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ФОНЕТИКИ ЯЗЫКОВ КОМИ

ОСОБЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ГЛАСНЫХ

Гласный *ô* (о закрытый)

Ареал распространения звука *ô* занимает территорию бассейна верхней Сысолы (притока р. Вычегды), примерно от впадения р. Тыбью до притока Кажим, а также в бассейне р. Кобра (притока р. Вятки) — территорию Кобринского сельсовета, расположенного южнее Койгородского [Жилина 1975, с. 3] (см. карты 16, 3).

Фонема *ô* является специфической для верхнесысольского диалекта. Наряду с закрытым *ô* в нем имеется также открытое *o* (*ô*). В.И. Лыткин этим двум звукам дает следующую характеристику: "Открытое *ô* является звуком более низкого образования, чем русское и коми литературное *o*, этот звук условно можно назвать гласным средне-нижнего подъема; закрытое *ô* — это звук средний между русским *o* и *y*, условно можно назвать его гласным средне-верхнего подъема" [Лыткин 1964, с. 26–27].

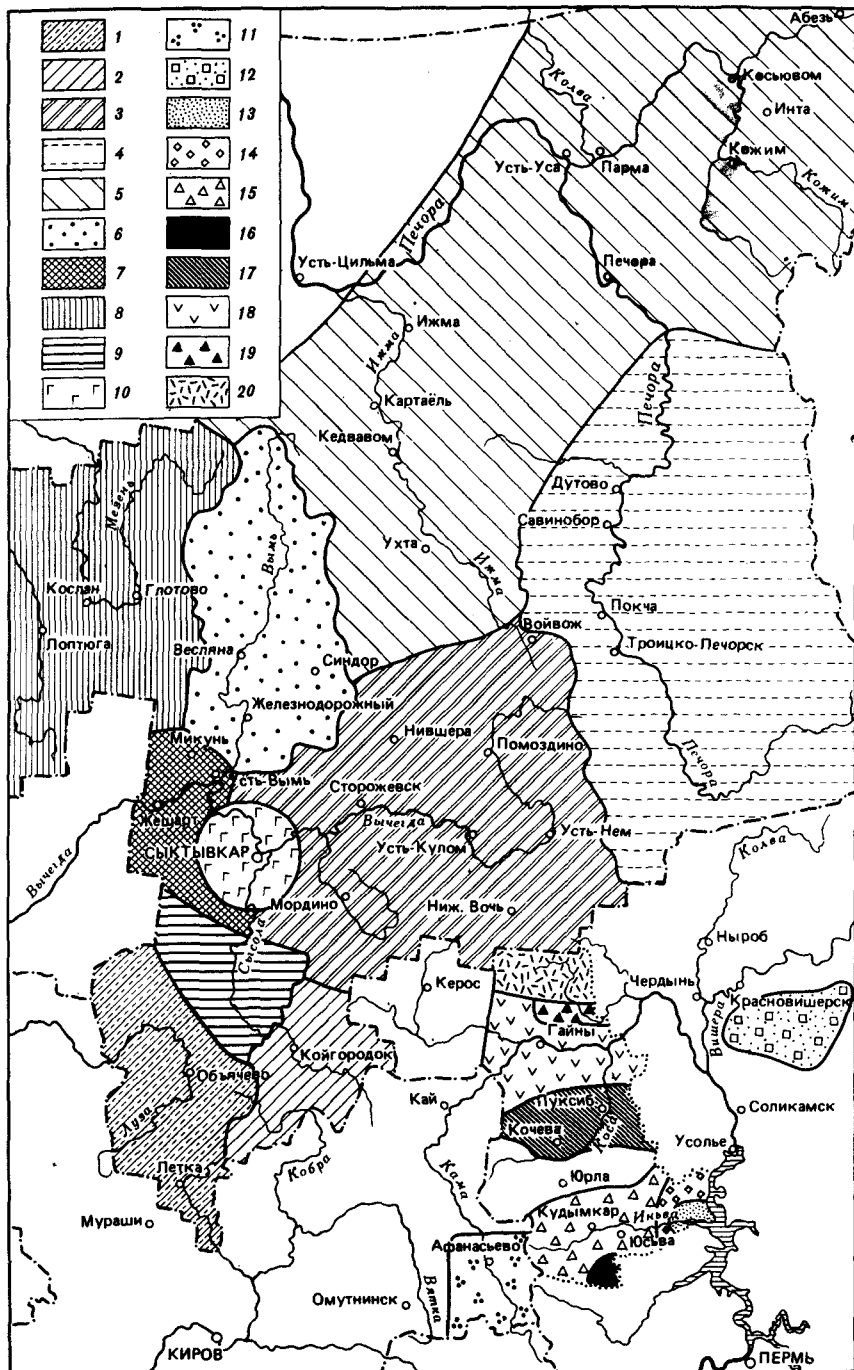
Следует отметить, что фонема *ô* впервые была зафиксирована В.И. Лыткиным. Его наблюдения и выводы были изложены в статье "Диалект Кобрин", в которой он подчеркивает, что "самой главной чертой этого говора (вс) является наличие двух родов *o*: открытого и закрытого *o*... Этот звук встречается в определенных словах, независимо от положения, качества соседних звуков и т.д., играет определенную дифференцирующую роль: *пон* 'конец', *пôn* 'собака', *корся* 'ищу', *кôрся* 'веник'; словом, этот звук является особой фонемой" (Лыткин 1930₁, с. 32). Наряду с описанием качества *ô* автор приводит список слов с указанной фонемой. Представляет интерес также предположение автора о соответствиях между звуками верхнесысольского диалекта и коми-язвинского наречия, изученного А. Генесом в 1889 г., а также о том, что территория диалектов с закрытым *ô* была раньше гораздо шире, во всяком случае на это указывают заимствованные из коми языка слова в обско-угорских и русском языках..." [Там же, с. 33].

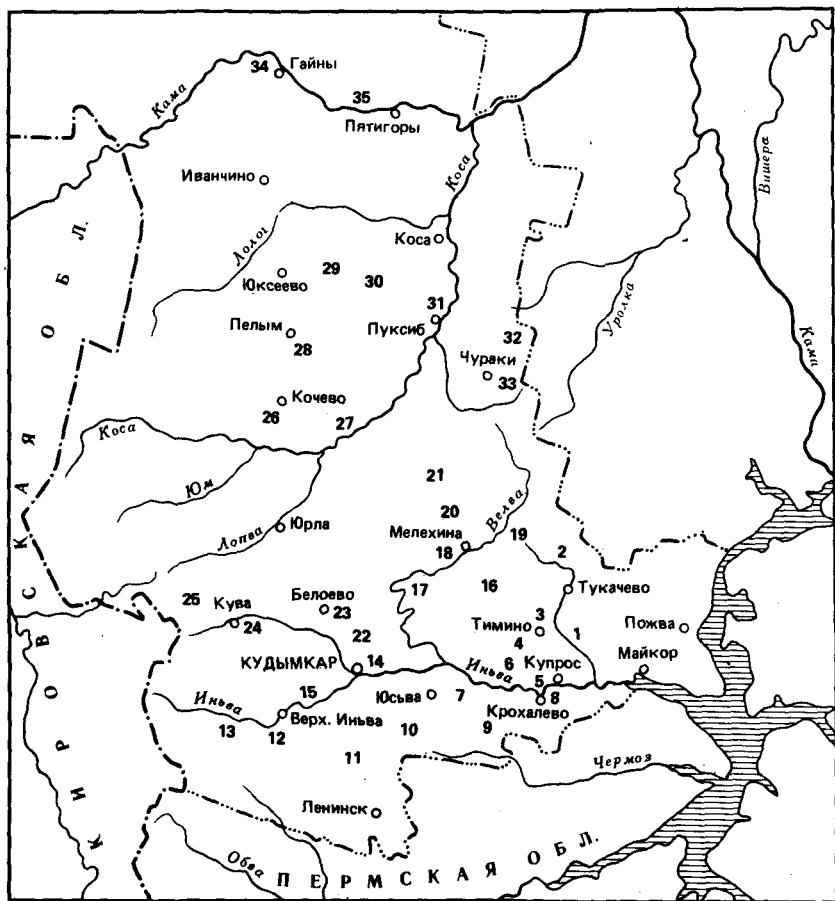
Известный коми исследователь Е.С. Гуляев писал, что "фонема закрытое *ô* в верхнесысольском диалекте — явление уникальное в разговорной коми речи. В говорах коми языка сохранились лишь немногочисленные отголоски данного звука в виде междиалектных корреляций *o* ~ *y*, например: *он* ~ *ун* 'сон', *шой* ~ *шуй* 'труп', *роз* ~ *руз* 'дыра', *лоис* ~ *лл*.

Карта 1. Распространение диалектов коми языков.

I. Диалекты коми-зырянского языка: 1. — лузско-петский, 2 — верхнесысольский, 3 — верхневычегодский, 4 — печорский, 5 — ижемский, 6 — вымский, 7 — нижневычегодский, 8 — удорский, 9 — среднесысольский, 10 — присыктывкарский.

II. Наречия и диалекты коми-пермяцкого языка: 11 — верхнекамское, 12 — коми-язвинское; 13 — оньковский, 14 — нижнеиньвенский 15 — кудымкарско-иньвенский, 16 — нердвинский, 17 — кочевский, 18 — косинско-камский, 19 — мысовский, 20 — верх-лупынский.

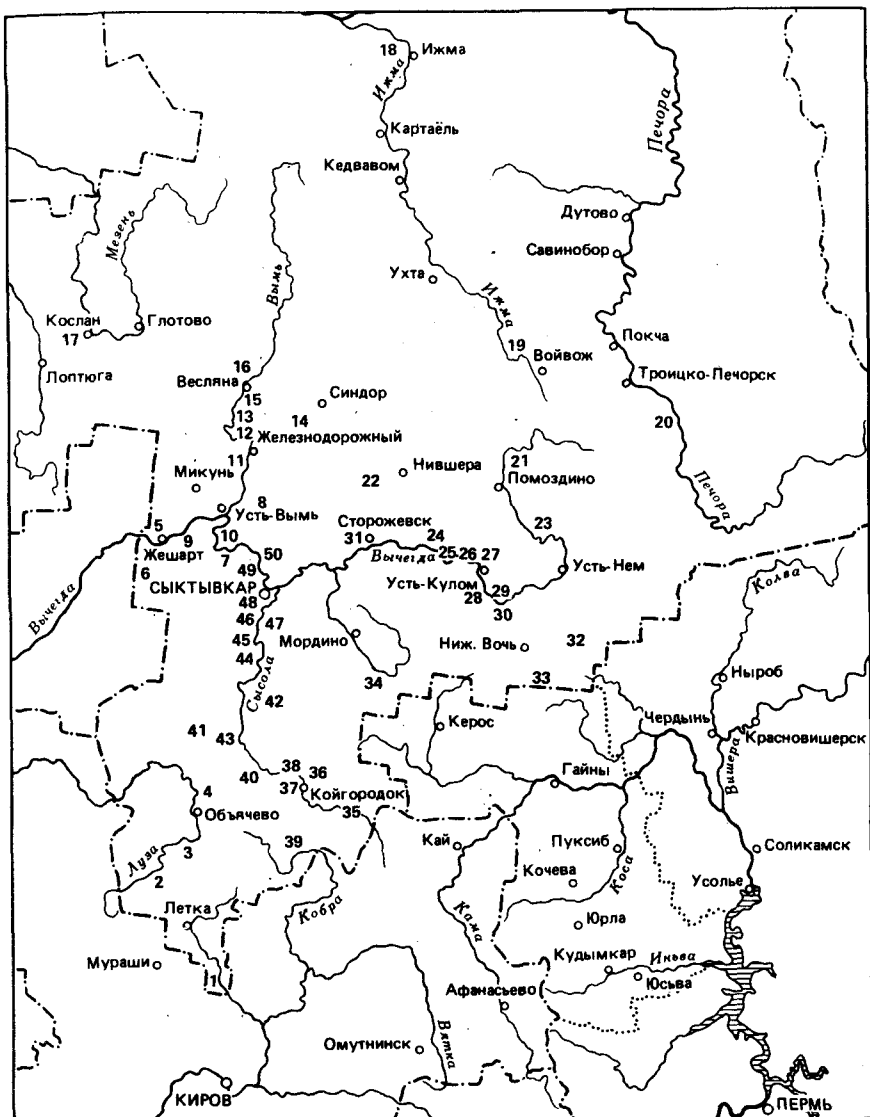

Карта 1а. Цифровое обозначение говоров коми-пермяцких нас. пунктов:

1 — азовский, 2 — тукачевский, 3 — тиминский, 4 — аксеновский, 5 — нижнеиньвенский, 6 — доеговский, 7 — среднеиньвенский, 8 — крохалевский, 9 — федоровский, 10 — мелюхинский, 11 — верх-юсвинский, 12 — верх-иньвенский, 13 — самковский, 14 — кудымкарский, 15 — деминский, 16 — вагановский, 17 — ошибский, 18 — мелехинский, 19 — хайдуковский, 20 — егоровский, 21 — лопанский, 22 — отевский, 23 — белоевский, 24 — кувинский, 25 — косогорский, 26 — кочевский, 27 — большекочинский, 28 — пельымский, 29 — чазевский, 30 — нижнекосинский, 31 — пуксибский, 32 — левичанский, 33 — чураковский, 34 — гаинский, 35 — исаевский.

луис 'стало', кз. *омёл* ~ кп. *умёл* 'слабый' и т.д. [Гуляев 1975, с. 18]. Далее он утверждает, что в этом диалекте "в наше время можно составить с достаточной степенью точности как перечень слов с закрытым *ô*, так и список слов с открытым *ô*".

Е.С. Гуляев обращает внимание также на то обстоятельство, что указанные фонемы могут иметь оттенки, на что в свое время обращал внимание В.И. Лыткин [Лыткин 1964, с. 27]. По мнению Е.С. Гуляева, закрытое *ô* усиливает свои позиции, почти приближаясь к *и* (*у*) в окружении сонорных согласных (*лôнтны* 'затопить печь'), тогда как в окружении глухих проявляет себя в умеренных рамках (*кôс* 'сухой'). Далее он делает вывод, что закрытое *ô* — явление пережиточное [Гуляев 1975, с. 18]. Закры-

Карта 16. Цифровое обозначение населенных пунктов Коми АССР (в скобках дано сокращенное название диалекта, на территории которого расположен населенный пункт).

1 — Слудка (лл.), 2 — Ловля (лл.), 3 — Ношуль (лл.), 4 — Читаево (лл.); 5 — Айкино (нв.), 6 — Гам (нв.), 7 — Палевицы (нв.), 8 — Часово (нв.), 9 — Кожмудор (нв.), 10 — Б. Слуда (нв.); 11 — Половники (вым.), 12 — Шошки (вым.), 13 — Онежье (вым.), 14 — Вожаэль (вым.), 15 — Кони (вым.), 16 — Турья (вым.); 17 — Удор (уд.); 18 — Сизябск (иж.), 19 — Изваиль (иж.); 20 — У.-Илыч (печ.), 22 — Богородск (вв.), 23 — Пожог (вв.), 24 — Аныб (вв.), 25 — Руч (вв.), 26 — Дервянск (вв.), 27 — Мыелдино (вв.), 28 — Носим (вв.), 29 — Дон (вв.), 30 — Керчомья (вв.), 31 — Нёбдін (вв.), 32 — Канава (вв.), 33 — Дзоль (вв.), 34 — Лопыдино (вв.); 35 — Кажым (вс.), 36 — Ужга (вс.), 37 — Грива (вс.), 38 — Карвуджем (вс.), 39 — Кобра (вс.); 40 — Палауз (сс.), 41 — Куратово (сс.), 42 — Вотча (сс.), 43 — Межадор (сс.), 44 — Иб (сс.), 45 — Пажга (сс.), 46 — Лозым (сс.); 47 — Шошка (скр.), 48 — Вильгорт (скр.), 49 — Тентюково (скр.), 50 — Зеленец (скр.).

тое $\hat{o}$ в верхнесысольском диалекте быстро утрачивается, сливаясь с открытым $\hat{o}$. Уже в 20-х годах текущего столетия в некоторых селах, говорящих на этом диалекте, молодежь не употребляла этого звука, а бывающие люди вообще не различали двух $\hat{o}$ [Лыткин 1957, с. 98].

Говоря о территории распространения $\hat{o}$ на Верхней Сыsole, Е.С. Гуляев отмечал, что "фонема $\hat{o}$ очень четко различается в говоре с. Грива и примыкающих к ней деревень, она хорошо сохранилась в с. Кобра, представлена в деревнях Ужгинского сельсовета и в центре района — в Койгородке" [Гуляев 1975, с. 19—22]. На основе собранного языкового материала составлены значительные списки слов с закрытым $\hat{o}$ и открытым $\hat{o}$ (о) Лыткиным и Гуляевым, представляющие несомненный интерес не только для пермистов, но и финно-угроведов в целом [Лыткин 1964, с. 29—69, 76—100; Жилина 1975; Гуляев 1975, с. 21—25].

Как В.И. Лыткин, так и Е.С. Гуляев считают, что данные верхнесысольского диалекта являются весьма существенными в объяснении междиалектной корреляции *во* ~ *о* [Гуляев 1975, с. 26].

Наличие двух $\hat{o}$ было установлено также в языке древнепермских писмен: в древнепермской азбуке существовали две буквы — *вой* и *омега*, которые употреблялись в определенных словах и не смешивались друг с другом. Звуковое значение этих букв удалось определить благодаря верхнесысольскому говору: в тех словах, где стоит в древнепермском языке буква *вой*, в верхнесысольском говоре закрытое $\hat{o}$; а в словах, в которых встречается *омега*, в верхнесысольском диалекте появляется открытое $\hat{o}$ [Лыткин 1964, с. 27; он же, 1952₁, с. 22].

На основе сравнения данных коми-язьвинского диалекта и некоторых западных и южных диалектов, а также бесермянского наречия удмуртского языка В.И. Лыткин делает предположение "о существовании по крайней мере двух $\hat{o}$ в общепермском языке-основе и считает, что качество этих двух звуков общепермского языка, вероятно, было приблизительно таким, как мы его застаем в современном верхнесысольском говоре [Лыткин 1964, с. 27—29]. Одновременно В.И. Лыткин обращает внимание на то, что "верхнесысольский диалект, сохранивший общепермское закрытое и открытое $\hat{o}$, тоже не всегда может свидетельствовать об исконности $\hat{o}$ и $\hat{o}$ тех слов, где они наличествуют в настоящее время", так как "в отдельных случаях в этом диалекте рассматриваемые гласные не восходят к общепермскому $\hat{o}$ и $\hat{o}$, а являются новообразованиями". Он предполагает "общепермское закрытое $\hat{o}$ (вернее закрытое $\hat{o}$ и $\hat{o}$) только в тех словах, в которых верхнесысольскому $\hat{o}$ соответствует коми-язьвинское *и*, юго-западное *ш* или *и*, бесермянское *е* или древнепермское $\hat{o}$ " [Лыткин 1964, с. 27—29].

По данным В.И. Лыткина, верхнесысольскому $\hat{o}$ открытому в коми-язьвинском соответствует *о*, в удмуртском (юго-западном и бесермянском) — *и* [Лыткин 1964, с. 28—29].

Приведем примеры на $\hat{o}$ и $\hat{o}$ из верхнесысольского диалекта: $\hat{o}$ н (скр. он) *локны кутис* 'захотелось спать', *др* (кп. ор) 'гной', *кôз* (скр. коз) 'ель', *ôмол* (скр. омôл') 'плохой', *бос* *рôс да чышки джджô* 'возьми веник и вымети пол', *ôрсам* (кп. орсам) 'играем' и др.; *борд* 'крыло', *вож* 'ветвь', *ворга* 'желоб', *гожôм* 'лето', *горт* 'дом', *долыд* 'радостно, весело', *йог* 'сор', *йоды* 'лещ', *кок* 'нога', *ордлы* 'ребро', *орчча* Крв. 'соседний', *томан* Гр.Крв.Уж. 'замок', *шонды* 'солнце', *шор* 'ручей' и т.д. (Жилина 1975, с. 20—25).

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что специфические звуки $\hat{o}$ и $\hat{o}$ распространены лишь на территории Койгородского района Коми

АССР, где проживают носители окраинного верхнесольского диалекта, изолированного от основного коми-зырянского края сорокакилометровым волоком [Лыткин 1964, с. 26]. Следовательно, данное фонетическое явление представляет замкнутый ареал (карта 1, 1а, 1б).

Гласный *ө*

Ареалом распространения звука *ө* является территория коми-язьвинского наречия пермяков (см. карту 1).

Отличие коми-язьвинской звуковой системы от коми-зырянской и коми-пермяцкой состоит в наличии особых фонем — гласных *ө* и *ў*, отсутствующих в других коми диалектах, среди других особенностей коми-язьвинского наречия В.И. Лыткин называет специфичность произношения некоторых звуков, наличие ряда специфических фонетических закономерностей в области гласных и особую, оригинальную систему ударения [Лыткин 1961, с. 24].

Фонема *ө*, по описанию В.И. Лыткина, является гласным заднего ряда ниже-среднего подъема, она несколько напоминает русское *а*, но более заднерядное и более узкое; он акустически довольно близок к ленинградскому *а* (Λ) в словах *стола* (стΛла), *дала* (дΛла), но в отличие от русского литературного языка этот звук *ө* в коми-язьвинском употребляется как в ударном, так и в безударном положении в количественном отношении не отличается от других гласных звуков, то есть *ө* в коми-язьвинском наречии является полноценной фонемой. Как и другие гласные, она выступает в роли смыслоразличителя в любом положении (в начале, в середине и в конце; может стоять в соседстве с любым гласным), например: *зөр* 'лопата', *зэр* 'дождь', *зёр* 'овес', *төл* 'перо птичье', *тэл* 'зима', *түл* 'ветер', *тул* 'гвоздь', *ушөн* 'окно', *ўшан* 'заблудись' и т.д. [Лыткин 1961, с. 24].

В других диалектах коми (а также и удмуртского) языка коми-язьвинскому *ө* обычно соответствует *ы*, представляющий собой гласный звук средне-заднего ряда, верхнего подъема.

Коми-язьвинское *ө* по своим физиолого-акустическим свойствам вовсе не является звуком *ы*-ового порядка. Поэтому коми-язьвинцы русский звук *ы* никогда не передают через свое *ө*, а замещают гласный русского языка через свои *ў* или *и* (*клопи* 'клопы', *вўдра* 'выдра', *мўт* 'мыть' и т.д.) [Лыткин 1961, с. 25].

Гласный *ў*

Другая специфическая гласная фонема коми-язьвинского наречия *ў* по финно-угорской транскрипции *ш*) является огубленной гласной верхнего подъема средне-переднего ряда. Этот звук напоминает лабиализованное *ы*, но более переднего образования, чем русское *ы* в словах *мыть*, *быть*, *высь* или русское палатализованное *у* в словах типа *воюет* (*войуйт*) [Лыткин 1961, с. 26–27].

В русских заимствованиях коми-язьвинского диалекта русское *ы* передается через *ў* в том случае, если оно находится в соседстве с губными согласными *б*, *в*, *м*, *п*: *бўл* 'верно, правда' (русс. *быль*), *бўк*: *бўк вөлө султнө* 'встать на четвереньки' (русс. *бык*), *вўшка* 'чердак' (русс. *вышка*), *зўпка* 'люлька, колыбель' (русс. *зыбка*), *мўзник* 'мызник (вид цветка)'. В отдельных случаях *ў* встречается также на месте русских гласных *у*, *и*, находящихся в соседстве с губным гласным: (*бўтилка* 'бутылка', *вўлка* 'грудная кость птицы') и с мягкими согласными (*дўритны* 'дурить, шалить', *чўт* 'чуть', *бл'ўд'ичөк* 'блюдечко') [Лыткин 1961, с. 26].

Финский ученый А. Генец данный коми-язьвинский звук обозначает через *y* (игрек) и характеризует его как звук переднего ряда, по-видимому, отождествляя с финским *y*, соответствующим немецкому *ü*. Генец считает звук *y* (по В.И. Лыткину, *ÿ*) "лабиализованным" и средним между *y* и *u*, то есть с положением языка между *u* и *i* [Генец, 1897]. В.И. Лыткин также считает, что коми-язьвинский гласный *ÿ* на слух в известной мере напоминает немецкое *ü*, хотя артикуляция его более задняя, чем этот гласный немецкого языка [Лыткин 1961, с. 27].

В других диалектах коми языков коми-язьвинскому *ÿ* соответствуют разные звуки, но чаще *ö* (*e*) и *y* (кя. *лÿз*, кз. кп. *лöz* 'синий'; кя. *бÿж*, кз. кп. *бöж* 'хвост'; кя. *чÿн*, кз. кп. *чун* 'палец'; кя. *тÿй*, кз. кп. *туй* 'дорога' и т.д.; и реже *o* (кя. *дÿд* кз. кп. *дод* 'сани'; кя. *с'ÿй*, кз. кп. *с'ой* 'глина' и т.д.); в единичных случаях *ÿ* соответствует *ы* (кя. *пÿлс'инö*, кз. кп. *пылс'ыны* 'париться в бане', кя. *кÿнö*, кп. *кыйны*, кз. *кыны* 'ткать') [Лыткин 1961, с. 27].

Звук *ÿ* имеется и в юго-западных диалектах удмуртского языка [Тараканов 1959, с. 92].

Кроме того, В.И. Лыткин в системе гласных звуков в речи коми-язьвинцев отмечает, что звуки *э*, *u*, *o* на слух в некоторой степени также отличаются от *э*, *u*, *o* других коми диалектов. А звук *ë* (*ö*) резко отличается от коми-зырянского и коми-пермяцкого *ö*, встречающегося в общем в тех же словах [Лыткин 1961, с. 27].

Гласный *ë*

По описанию В.И. Лыткина, фонема *ë* (*ö*) — это довольно сильно огубленный гласный средне-переднего ряда, среднего подъема; при его произношении язык артикулирует несколько выше и ближе к передней части рта, чем при произношении коми-пермяцкого и коми-зырянского *ö* (*e*). Он считает, что коми-язьвинское *ë* акустически несколько напоминает немецкое *ö* [Лыткин 1961, с. 27]. Коми-язьвинскому лабиализованному *ë* в других диалектах коми языков соответствует обычно неогубленное *ö*, например: кз. кп. *йöл* 'молоко', *мöс* 'корова', *тöд* 'знать' и др., ср. кя. *йэл*, *мэс*, *тэд* (там же, с. 28).

Далее В.И. Лыткин отмечает, что звуки *э* и *u*, являясь гласными переднего ряда, образуются несколько сзади, чем соответствующие русские и коми-зырянские (в сыктывкарском произношении) гласные, поэтому правильнее было бы назвать их передне-средними гласными. Коми-язьвинские *u* и *э* на слух близки к верхневыходским *u* и *э*, имеющим тоже более заднее образование по сравнению с соответствующими русскими и коми звуками в словах *мунис* 'он ушел', *мунэ* 'идет', *пэтус* 'он вышел', *пэтэ* 'выходит' и т.д.

Отодвинутостью назад коми-язьвинского *u* В.И. Лыткин объясняет то, что коми-язьвинцы в русских заимствованиях и в русской речи произносят *u* на месте русского *ы* и лишь иногда в определенных фонетических условиях *ÿ* на месте *ы*. Примеры: *волоси* 'волосы', *рижик* 'рыжик', *гриби* 'грибы'; *куди корови* 'худые коровы' и т.д. [Лыткин 1961, с. 29].

Звук *o* у коми-язьвинских старожиллов, по наблюдениям В.И. Лыткина, уже, более высокого подъема, чем в русском, коми-зырянском и коми-пермяцком произношении. Гласные звуки *a* и *y* на слух не отличаются от соответствующих звуков русского литературного языка.

По составу гласных коми-язьвинское наречие является одним из самых богатых среди диалектов пермских языков: в нем 8 гласных фонем: *u*, *э*, *y*, *ë*, *a*, *o*, *ÿ*, *ө* [там же, с. 30] (см. карту 3).

В отдельных ареалах коми языков наблюдается более широкое употребление звука *и*. В одних диалектах *и* (<ы) появилось под влиянием мягких согласных на соседний гласный, в других *и* из *ѣ* (закрытого) (карта 2).

Рассмотрим, каковы ареалы распространения *и* из *ы*. Так, на территории распространения жешартско-гамского, палевицко-пожегодского и часовского говоров нижневыходского диалекта употребление *и* на месте *ы* связано с качеством предшествующего им согласного или гласного переднего ряда *и* и *э*. Примеры: *водзин* < *водзын* 'впереди', *пукс'и* < *пукс'ы* 'садись', *кӧдзид* < *кӧдзыд* 'холодный, холодно', *бӧрйи* < *бӧрйы* 'выбирай', *мол'ид* < *мол'ыд* 'гладкий', *н'ан'ис* < *н'ан'ыс* 'хлеб-то' и др.

Ы > *и* также под влиянием переднерядного гласного смежного слога. Ср. примеры: *вижэдни* < *вижэдны* 'желтеть', *вини* < *вины* 'убить', *вис'ни* < *вис'ны* 'болеть', *инли* < *инлы* 'погоди' и др. [Сорвачева 1978, с. 19–21]. Данное явление имеет место также в переходном кошецком говоре вымского диалекта [Ляшев 1972, с. 189].

В говорах населенных пунктов Зеленец и Красная присыктывкарского диалекта, граничащего с нижневыходским диалектом (с востока), под влиянием соседних предыдущих и последующих мягких согласных звук *ы* также переходит в *и*. Примеры: 3.Кр. *н'ив*, *н'ивпу* — ср. Скр.В.Ш. *н'ыв*, *н'ывпу* 'пихта'; 3.Кр. *н'илӧм* — ср. Скр.В.Ш.Т. *н'ылӧм* 'пот'; 3.Кр. *с'или* — ср. Скр.В.Ш.Т. *с'ыли* 'шея'; 3.Кр. *йив* — ср. Скр.В.Ш.Т. *йыв* 'верхушка, вершина' и т.д.

Подобное явление наблюдается также в говорах Слободы и Койтыбожа, в единичных случаях в говоре Шошки того же диалекта. Например, в койтыбожском говоре параллельно употребляются *н'ылӧм* и *н'илӧм* 'пот', *с'ывны* и *с'ивны* 'петь', *йыв* и *йив* 'верхушка, вершина', в Шошке — *йыв* и *йив*.

Сравните также данные шошкинского говора, где после мягких согласных и переднерядного гласного *и* на месте *ы* других говоров употребляется звук *и*: *н'ан'ис* < *н'ан'ыс* 'хлеб-то', *тувйин* < *тувйын* 'на гвозде, на вешалке', *вил'шас'ис* < *вил'шас'ыс* 'шаловливый', *гыз'уны* < *гыз'ыны* 'взволноваться (о реке)', *пукс'и*, *шойччи* < *пукс'ы*, *шойччы* 'садись, отдохни' и др.

В говоре Вильгорта присыктывкарского диалекта в указанной позиции также выступает *и*, но чаще употребляется *ы*. Ср. примеры: *пундзир-пандзир вӧчны* < *пундзыр-пандзыр* 'смять, скомкать', *джен'ид* наряду с *джэныд* 'короткий', *кийин* наряду с *кийын* 'в руке', но: *пус'ыс* 'повар', *тупыл'ын* 'в клубке', *пыз'ыс* 'из муки' и т.д.

Отмечается, что после мягких согласных и *и* произносится вариант фонемы *ы* — *ы́* (продвинутый вперед), акустически производящий впечатление звука среднего между *ы* и *и*: *ачы́д* 'ты сам', *гортӧды́с* 'до его дома', *шонды́д* 'солнце-то' [Жилина, Бараксанов 1971, с. 16–17, 24]. По-видимому, данное явление находится в стадии дальнейшего развития (или вибрации).

В соседнем, в верхневыходском диалекте (к востоку от присыктывкарского диалекта), по сравнению с другими диалектами, позиции звука *и* значительно шире (см. карту 1). Очевидно, что в этом диалекте звук *и* употребляется не только в соседстве с мягкими согласными и гласными переднего ряда *э* и *и*, но и после твердых согласных, ср.: *н'авгини* (скр. *н'авгыны*) 'мякуать', *локил* (скр. *локыл*) 'подойди-ка', *вылис* вм. *вылыс* 'верхний' и др. Такое широкое употребление звука *и* на месте *ы* создало

условия для возникновения и действия процессов аналогии как на фонетическом, так и на морфологическом уровнях, результатом чего явились суффиксы с *и*-овой огласовкой на месте *ы*-овых в других диалектах. В диалекте суффиксами инфинитивных форм глагола являются *-ни* и *-ини* вм. *-ны* и *-ыны*. Например: *чышкас'ни* Бог.Н.Крч., *чышкас'ни* М.Устьн. 'опалиться, обгореть'; *чышкоони* Бог.Н., *чышкоони* М., *чышкони* Устьн. 'палить, опалить'; *гужни* < *гужны* 'писать'; *шуз'эдни* М.Укл.Устьн., *шыз'эдни* Бог.Вочь.Крч.Н. 'вспокоить, тревожить', *сус'с'ини* вм. *сус'с'ыны* 'отпираться, отпереться' и т.д. [Сорвачева и др. 1966, с. 32–33].

Суффикс глаголов со значением уменьшительности выступает в виде *-ишт* < *-ышт*: *муништни* < *муныштны* 'подвинуться', *н'ужиштни* < *н'ужыштны* Н. 'немножко вытянуться', *пал'иштни* < *пал'ыштны* Н.М.Укл. 'немного протрезвиться' и т.д.

С *и*-овой огласовкой выступают глагольные суф. *-ил/-ив*, *-илл/-ивл*, *-л'ил/-л'ив*, *-л'илл/-л'ивл*, например: *вэштилни*, *вэштивни* 'передвинуть на время', *вис'милни*, *вис'мивни* 'заболеть на время', *волиллил* 'захажи-вай', *н'амиртэ с'ойлилла* П. 'костянику ем', *вэтливлан* Дер. 'ходишь' и др. [Сорвачева и др. 1966, с. 103–104].

Суффиксом действительных причастий является *-ис'* (скр. *-ыс'*), например: *полис* 'морт' трусливый человек', *бёрдис* 'кага' плаксивый ребенок', *л'укас'ис'* 'моё' бодливая коро́ва' и т.д.

Суффиксом местного падежа является *-ин* вм. *-ын*, ср.: *муин* (скр. *муын*) 'в земле', *ваин* (скр. *ваын*) 'в воде', *с'эл'поин* М.Н.Укл. (ср. скр. *с'эл'поын*) 'в сельпо'. Суффиксом исходного падежа является *-ис'* вм. *-ыс'*: *ваис* М.Н.Укл. 'из воды', *кэркаис* М.Н.Укл. 'из дому' и т.д. Суффиксом притяжательного падежа выступает *-лис'* вм. *-лыс'*: *мамлис'* 'у матери', *бат'лис'* 'у отца', *воклис'* 'у брата' и т.д.

Непродуктивные суффиксы прилагательных *-ыд*, *-ыр*, *-ыш*, *-ыс*, *-ыл* в этом диалекте выступают в форме *-ид*, *-ир*, *-иш*, *-ис*, *-ил*. Например: *вэс'кид* < *вэс'кыд* 'прямой, справедливый', *дус'ид* < *дус'ыд* 'ленивый', *пагир* и *пагыр* 'прокислый', *вил'иш* < *вил'ыш* 'шаловливый', *гырис* < *гырыс* 'крупный', *ногил* < *ногыл* 'густой' и др. [Сорвачева и др. 1966, с. 87–88, 114].

Лично-притяжательный суф. 2 и 3 л. ед. ч. *-ид*, *-ис*, а также во всех трех лицах мн. числа *-ним*, *-нит*, *-нис* тоже имеют *и*-овую огласовку вм. *-ыд*, *-ыс*: *-ным*, *-ныт*, *-ныс*, например: *с'ойанид* 'кушанье твое', *с'ойанис* 'кушанье его', *с'ойанним* 'кушанье наше', *с'ойаннит* 'кушанье ваше', *с'ойаннис* 'кушанье их' и др. [Сорвачева и др. 1966, с. 76–77].

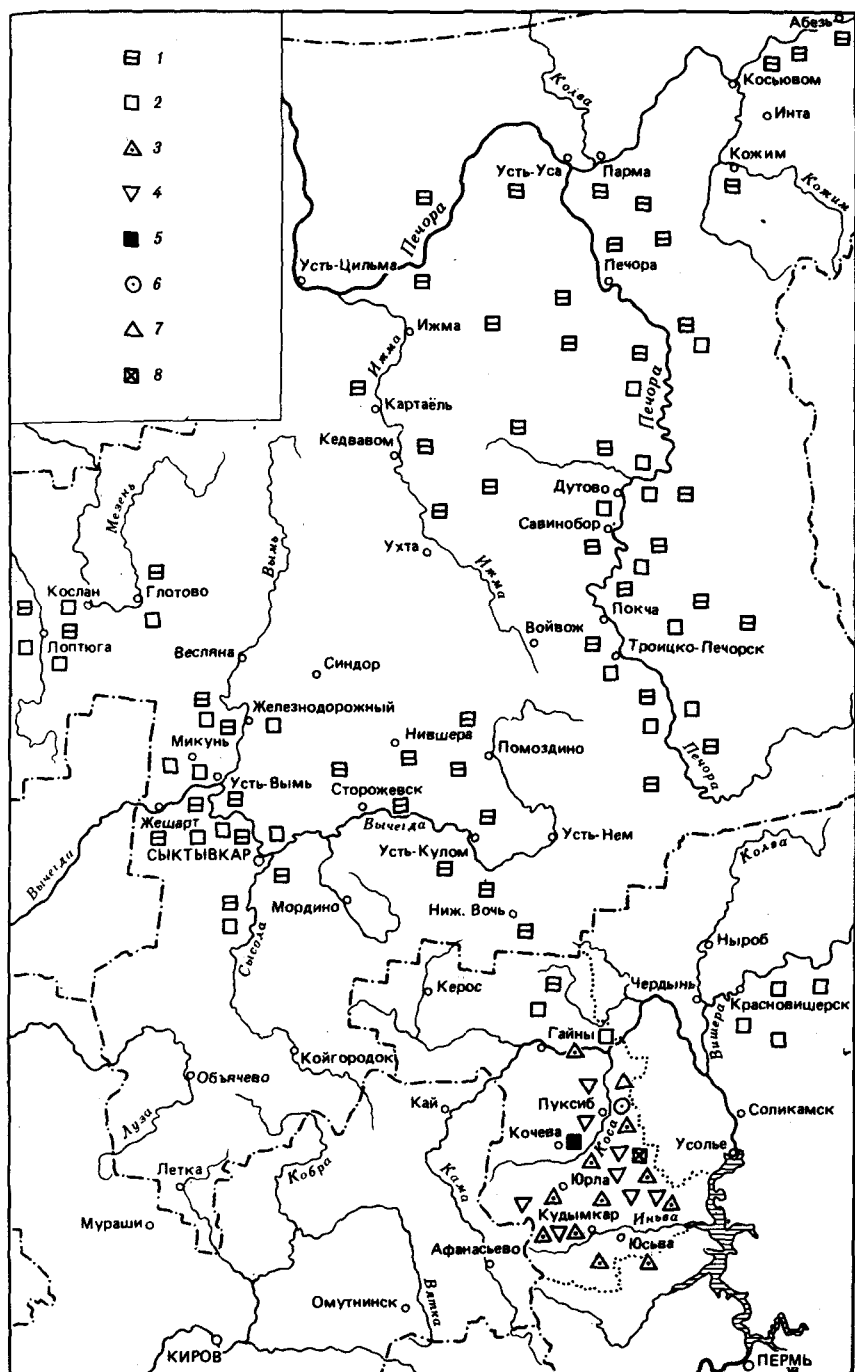
В печерском диалекте, пограничном с верхневыхгодским с северо-востока, также имеет место употребление *и* на месте звука *ы* в соседстве с палатальными согласными и *й*: *мэнс'им* < *мэнс'ым* 'у меня', *ачим* < *ачым* 'я сам', *вил'ид* < *вил'ыд* 'скользкий', *войин* < *войын* 'ночью', *то мыйид* < *то мыйыд* 'вот что' и др. Звук *и* произносится также после твердых согласных. Ср.: *тулис* < *тулыс* 'весна', *рыниш* < *рыныш* 'овин', *гортин* < *гортын* 'дома', *мунни* < *мунны* 'идти' и др.

Отмечается, что в соседстве с палатальными и после *й* в печерских говорах часто произносится *и* переднерядное, акустически близкое к *ы*. По-видимому, передне-среднерядное *у* является промежуточной ступенью (вариантом) на пути перехода звука *ы* в *и* в указанных позициях.

Карта 2. 1. Невилировка гласных звуков: *ö* > *э*, *ы* > *и*: 1 – *ö* > *э*; 2 – *ы* > *и*.

II. Ассимиляция й предшествующими согласными: 3 – *шй* > *шш*; 4 – *жй* > *жж*; 5 – *сй* > *сс*; 6 – *лй* > *лл*; 7 – *рй* > *рр*; 8 – *зй* > *зз*.

- ▣ 1
- 2
- △ 3
- ▽ 4
- 5
- 6
- △ 7
- ⊠ 8

В этом диалекте в употреблении звуков *ы* и *и* в первом слоге слова нет единства. Это объясняется смешанным характером населения Печоры, которую активно осваивали как среднесыольцы, так и верхневыегодцы [Сахарова и др., 1976, с. 4—6, 8—9].

Употребление *и* на месте *ы* — черта, несомненно, верхневыегодская, хотя процессы перехода *ы* в *и* более замедленны по сравнению с говорами Верхней Вычегды. Отсутствие единства в употреблении звуков *ы* и *и* говорит о незавершенности процессов невилировки в области фонетики.

На территории ижемского диалекта данное явление не зафиксировано.

В верхневашском говоре (соседнем с ижемским с запада) удорского диалекта на месте *ы* других коми-зырянских диалектов (вымского ижемского, среднесыольского, лузско-летского, верхнесыольского, а также отдельных говоров нижневыегодского и присыктивкарского) выступает звук *и* не только после мягких согласных, *й* и шипящих, но и перед мягкими согласными. Ср. примеры: *н'ил'ом* (вм. *н'ыл'ом*) 'пот', *с'ивны* (вм. *с'ывны*) 'петь', *йивдыны* (вм. *йывдыны*) 'заострить', *вэрдис* (вм. *вэрдис*) 'кормилец', *рис* (вм. *рыс*) 'творог', *лыс'тыны* (вм. *лыс'тыны*) 'посметь', но: *мыча* 'красный', *кын* 'песец'. Таким образом, приведенные выше примеры показывают, что звук *ы* переходит в *и* в большинстве случаев в указанных позициях во всех слогах, включая и первый (примеры см. выше). Кроме того, в этом говоре имеются случаи употребления *и* на месте звука *ы* и в позиции после твердых согласных, например: *лыбны* (вм. *лыбны*) 'подниматься, подняться; всплывать, всплыть на поверхность', *шибэл* < *шыбэл* 'раскат (на зимней дороге), *лыны* (ср. вым. *лыны*) 'выстрелить, застрелить' и др. [Сорвачева 1950, с. 33—34].

В удорском диалекте в суффиксальных слогах перед мягкими согласными *ы* последовательно перешло в *и*, например: *мортлис* (скр. *мортыс*) 'у человека', *мортис* (скр. *мортыс*) 'из человека', *вэрдис* (скр. *вэрдис*) 'кормилец' и др. [там же]. Следовательно, суффиксы притяжательного и исходного падежей соответственно *-лис* < *-лыс*, *-ис* < *-ыс*, а также суффикс действительных причастий *-ис* < *-ыс* в этом диалекте имеет *и*-овую огласовку, как и в коми-пермяцких диалектах; сравните также — в верхневыегодском диалекте и в отдельных говорах нижевыегодского и печорского диалектов. Это результаты действия аналогии как на фонетическом, так и на морфологическом уровнях.

В лузско-летском и верхнесыольском диалектах явление перехода *ы* в *и* не отмечается (см. карту 2).

В коми-язьвинском наречии, как и в верхневыегодском диалекте, лично-притяжательные суф. 2- и 3-го лица ед.ч. *-ит*, *-ис*, также во всех трех лицах мн. числа *-ним*, *-нит*, *-нис* имеют *и*-овую огласовку. Примеры: *ажй'вит* < *ажй'взит* 'твои овцы', *вунй'вис* < *вунй'взис* 'его братья'; *ас'ним* 'мы сами', *ас'нит* 'вы сами', *ас'нис* 'они сами'. Это явление, очевидно, следует объяснить отсутствием звука *ы* (как такового) в данном наречии, он замещается специфическим гласным *ө*; и кроме того, коми-язьвинское *и*, в отличие от русского, а также коми-зырянского (в присыктивкарском произношении) и коми-пермяцкого и по месту образования является гласным передне-среднерядным (*и*). Звук *ы* в русских заимствованиях и в русской речи также замещается коми-язьвинским *и* (см. об этом тж. ниже) [Лыткин 1961, с. 29].

В языке коми-язьвинцев употребляются *и*-овые суф. *-лис* (прит.п.), *-ис*, с помощью последнего образуются действительные причастия (*вузалис* 'продающий', *мунис* 'идуший'), числительные (*пэт'ис* 'пять раз', *н'ул'ис* 'четыре раза'; суф. *-ис* также является окончанием исходного

падежа. Оба эти суффикса в таком фонетическом облике употребляются во всех коми-пермяцких диалектах. Ср.: *сойлис* 'у сестры', *уййс* 'плавающей'; *кыкис* 'два раза' и др. И-овое оформление имеет также суффикс инфинитивных форм глагола *-инэ* (ср. кз.кп. *-ыны*), например: *куйлинэ* (кп. *куйлыны*) 'лежать', *өждинэ* (кп. *ыждыны*) 'расти, увеличиваться', *көскинэ* (кп. *кыскыны*) 'тащить' и др. [Лыткин 1961, с. 45, 47, 63, 72].

Следует отметить, что в коми-пермяцком языке звук *ы* переходит в *и* только перед или после мягкого согласного *с*. Примеры: *нердв. уджалис* 'рабочий', *матис* 'близкий'; юж. *мамвис* 'у матери', *гöрис* 'пахарь', *ыис* 'дальний' и др. Однако в самом северном (окраинном) диалекте — верх-лупьинском и в речи кировских пермяков наряду с суффиксом *-ис* выступает его *ы*-овый вариант *-ыс* (> *-ис*). Ср. примеры: вл. *татис* 'отсюда из Мысова', *томжык мамöис* 'моложе моей матери', но: *эз Москваыс* 'не из Москвы'; вк. *татис* 'отсюда', *пöрыс* 'старый', *зэрүз бöрыс* 'после дождей', *вурсис* 'швец', *дыр лонтысöны* 'долго топятся', *кумысыс* 'три раза' и др.

При этом отметим, что вариант *-ис* в верх-лупьинском диалекте более употребителен, чем *-ыс* (он встречается реже), а в верхнекамском вариант *-ыс* более распространен, чем *-ис* (< *-ыс*).

Суффиксом притяжательного падежа в верхнекамских говорах является *-лыс*/*-лис*. Более ранняя форма — *-лыс* (> *-лис*) также имеет более широкое употребление. Ср.: *мамыдлис* 'у твоей матери', *сылис* *полöны быкöб* 'все его боятся', но: *сылыс* *бос'таллöны* 'у него покупают', *ныллыс* *бос'тис* 'взял он у дочери своей' и др. [Баталова 1975, с. 219, 221–222].¹

В летском говоре, имевшем некогда прямые контакты с кировскими пермяками, наблюдается развитие аналогичных явлений. Так, в исходном падеже наряду с суффиксом *-ыс* выступает вариант *-ис* (< *-ыс*). Примеры: *гортыс* 'из дому', *татыс* 'отсюда', *кык мис'эчыс* 'за два месяца', но: *öтик л'истис* 'из одного листа', *быдöдорис* *эд йöзыс* 'отовсюду ведь народ-то' и др. *Ы*-овый вариант данного суффикса более употребителен.

И-овый вариант суф. *-ыс* выступает в форме исходного падежа лично-притяжательного склонения 3 л. ед. ч. Ср.: *ставыс совхозс'ис* 'все из совхоза', *колхозс'ис* *курас'ны* 'гresti колхозное (букв. из колхоза)', *лактö армиас'ис* 'возвращается из армии', *Казахстанс'ис* 'из Казахстана', но: *Свердловскс'ыс* 'из Свердловска'. Суффикс *-ис*/*-ыс* характерен и для глаголов, например: *чышкис'öмны* 'они метут', *пöтöлöксö мис'калöмны* 'моют потолок', *сутки кэжлö мынтис'ис* 'уплатил он за сутки', но: *йона тöж-дыс'öма* 'сильно беспокоился он' и др., а также действительных причастий. Ср.: *мунис'-лактис'ыс уна* 'едущих много', *вис'талис'ыс абу* 'рассказчика нет', но: *вот муныс'ыс* 'вот пассажир', *куралыс'с'ас ставыс* 'все сгребальщики (обл.)' и др. Приведенные примеры показывают, что *и* на месте *ы* в указанном суффиксе появляется спорадически. Суффикс *-ис* является инновацией *-ыс* и представляет развивающееся явление. Причем в говоре Летки, а также в речи кировских пермяков звук *ы* > *и* в позиции после мягкого *с* или перед ним. Следовательно, в языке летских и кировских пермяков рассматриваемое явление подобно коми-пермяцкому, где *ы* > *и* также в позиции перед или после мягкого согласного *с* (примеры см. выше)².

¹ Материалы по верхнекамскому наречию собраны нами в 1965 г.

² Материалы по летскому говору собраны автором в 1971.

Выше нами были рассмотрены пути развития нового фонетического явления, находящегося в отдельных диалектах коми языков на различных ступенях развития и свидетельствующего о постепенном сужении позиции звука *ы*.

Неустойчивость *ы* и *ё* и переход их в *и* и *э* в соседстве с мягкими согласными переднего ряда в большей степени проявляется в коми-зырянских диалектах.

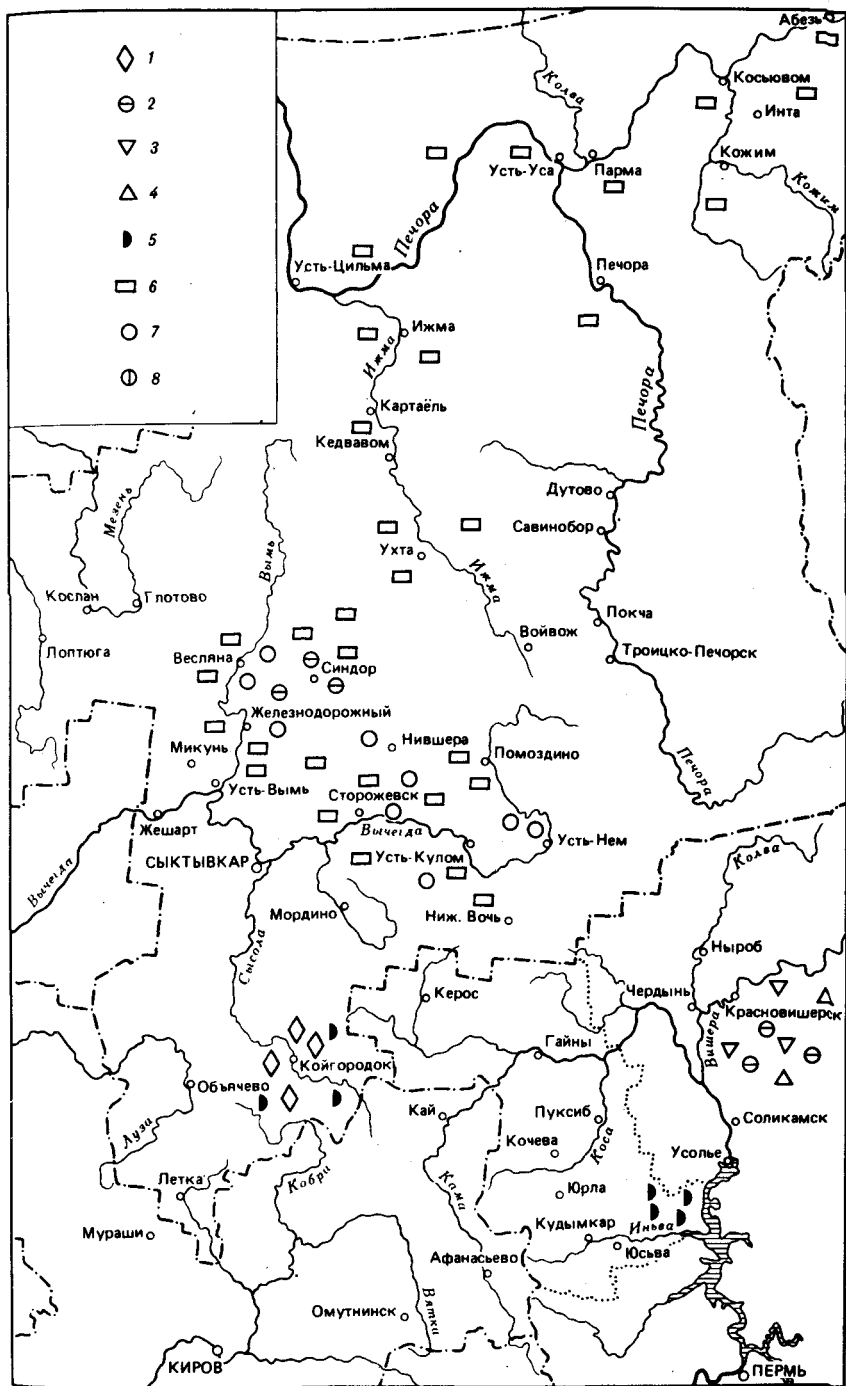
Фонетический процесс изменения гласных *ё* в *э* и *ы* в *и*, по предположению В.И. Лыткина, начался уже в XVI—XVII вв. Это подтверждается данными памятников коми письменности. В древнейших памятниках письменности, которые, вероятно, были написаны на нижневыхегодском диалекте, переход *ы* в *и* и *ё* в *э* не наблюдается. Ср.: *özöc voz'yn* 'перед дверьми' (Тр. 1), *тайё* 'этот' (Синаит 1), *гуйё* 'в путь' (Тр. 1), *на voz'yn* 'перед ними' (Тр. 6). А в лепехинско-евгеньевских текстах уже встречаются отдельные примеры, свидетельствующие о переходе *ы* в *и* и *ё* в *э*, например: *айэ* (ЛЕ106) 'в отца', *Пилат voz'un* (ЛЕ 124) 'перед Филатом', *н'ан'эс* (ЛЕ 185) 'хлеб' (в.п.), *кос'эм* (ЛЕ 123) 'распятый' и др. [Лыткин 1957, с. 104].

Однако позиции звука *и* в отдельных коми диалектах расширились и за счет перехода звука *э* в *и*. Говоря об истории звука *э* (закрытого), проф. В.И. Лыткин, основываясь на анализе трех сохранившихся списков древнепермской обедни (лепехинского, евгеньевского, гамско-сидоровского), пишет, что "в XVII в. в говорах вычегодского бассейна закрытого *э* как особой фонемы уже не было, хотя он имелся еще в языке древнейших памятников стефановской письменности XIV—XVI вв., отражающих диалект Нижней Вычегды". Далее он отмечает, что в современных диалектах коми языка закрытое *э*, как особая фонема, нигде не сохранилась; изменение общекоми закрытого *э* протекало в двух направлениях: в коми-язьвинском диалекте оно перешло в ударяемое *и*, а в остальных диалектах — слилось со звуком *э* [Лыткин 1957, с. 47—49, 100—101].

Следы перехода закрытого *э* в *и* имеются в отдельных словах в некоторых диалектах обоих коми языков: в нижневыхегодском, вымском, удорском и ижемском коми-зырянского, в оныковском и нижнеиньвенском южного наречия языка коми-пермяков, а также в коми-язьвинском. Ср.: *из мун*, *ин мун*, *из мун* 'я, ты, он не шел' вм. *эз мун*, *эн мун*, *эз мун* и т.д. остальных коми диалектов. Ср. также нв. вым. уд. иж. *ин* 'самка' (вм. сс. *эн*); ни. и онык. *йим* 'иголка', *вим* 'мозг', *чир* 'топор', *чигны* 'сломать', *кижны* 'сворачивать в сторону', *вижотны* 'желтеть' и др. вместо — *йэм*, *вэм*, *чэр*, *чэгны*, *кэжны*, *вэжотны* — других коми-пермяцких и коми-зырянских диалектов и говоров [Лыткин 1952, с. 82—86].

Отметим, что в коми-язьвинском наречии, по сравнению с оныковским и нижнеиньвенским диалектами, звук *и* на месте *э* употребляется значительно шире. В качестве примера приведем некоторые слова из этого наречия: *вижнэ* 'сменить, заменить', *вижөр* (онык. *вэжөр*) 'ум', *вишйөнэ* (онык. *вэшйыны*) 'сдвинуться', *либнэ* (онык. *лэбны*) 'подняться, подниматься', *пимёт* (онык. *пэмыт*) 'темный', *витлётнэ* (онык. *вэтлётны*) 'ходить', *висалнэ* (онык. *вэсалны*) 'очиститься', *витлине* (онык. *вэтлыны*) 'сходить', *лизнэ* (онык. *лэзны*) 'спускать', *вижн'ас'нэ* (онык. *вэжн'ас'ны*) 'кривляться' и др. [Баталова 1962, с. 25—30] (карта 3).

Таким образом, следы перехода *э* закрытого в звук *и* сохранились в

трех ареалах: 1) на территории северо-западных коми-зырянских диалектов (нижневьчегодского, удорского, вымского и ижемского), 2) на территории распространения коми-язьвинского наречия и 3) — нижнеиньвенского и оньковского диалектов — окраинных юго-восточных диалектов южного наречия языка коми-пермяков, представлявших некогда бывшее территориальное единство с коми-язьвинцами (см. карту 1).

Долгие гласные

Ареалом распространения долгих гласных являются бассейны рр. Выми и Ижмы, Вишеры с ее притоком Нившера. Это территория нуль-эловых диалектов коми-зырянского языка (см. об этом на с. 60—61) — вымского и ижемского, а также нуль-эловых говоров верхневьчегодского диалекта, распространенных по р. Вишере и ее притоку Нившере, включая территорию Усть-Куломского, Мылдинского, Носимского, Усть-Немского и Донского сельсоветов. В указанных диалектах и говорах этимологическое *л* в конце слога заменилось удлинением предшествующего гласного [Лыткин 1930₂, с. 12; 1970, с. 259—261]. Примеры: *вöö* < *вöl* 'лошадь', *ооны* < *олны* 'жить', *лоо* < *лол* 'душа', *тыы* < *тыл* 'невод', *с'ыыны* < *с'ылны* 'петь', *пуу* < *пул* 'брусника', *туусоо* < *тулсол* 'весенний', *паагыны* < *палгыны* 'накинуть (шаль)', *аагыны* < *алгыны* 'кричать, орать' и др. [Сахарова, Сельков 1976, с. 20—21] (см. карту 3).

Долгие гласные имеют позиционный характер. Так, в середине слова перед гласными звук *л* сохраняется. Ср.: *вöлыс* 'лошадь', *нылыс* 'дочь', *с'ылö* 'поет', *колö* 'надо' и др. На месте ожидаемых долгих гласных могут появляться полудолгие или краткие гласные. По отдельным диалектам и говорам в этом отношении имеются определенные различия (см. об этом ниже). Прежде чем рассмотреть эти различия, следует, вероятно, кратко остановиться на истории изучения долгих гласных. Необходимо отметить, что долгие гласные ижемского диалекта науке известны уже давно. Они были зафиксированы в работах М.А. Кастрена, А. Шренка, Ю. Вихмана, Т.Е. Утилы, В.И. Лыткина, Э. Итконена [Кастрен 1844, Шренк 1854, Вихман 1914, Вихман-Утила 1938, 1942; Итконен 1971, с. 5—6]. Все эти исследователи в той или иной мере отмечали наличие долгих гласных в ижемском диалекте в определенных позициях. Довольно подробный анализ истории изучения этого явления дается в работе М.А. Сахаровой и Н.Н. Селькова "Ижемский диалект коми языка" [Сыктывкар, 1976, см. с. 10—19]. В этом монографическом исследовании М.А. Сахарова и Н.Н. Сельков (вслед за В.И. Лыткиным) долгие гласные называют "связанными", выступающими в роли смыслоразличителей, например: *ты* 'озеро' и *тыы* 'невод', *пу* 'дерево' и *пуу* 'брусника', *ло* 'будь' и *лоо* 'душа', *кыны* 'ткать' и *кыыны* 'слышать'. Вместе с тем авторы указывают, что эти гласные не следует смешивать с несколько удлинненными гласными звуками, появляющимися в определенном фонетическом положении, но не несущими смыслоразличительной функции [Сахарова, Сельков 1976, с. 10—12].

На относительную долготу гласных перед звонкими и сонорными согласными в закрытом слоге указывают В.А. Терентьев и Е.А. Игушев [Терентьев 1970, с. 255—257; Игушев 1972₂, с. 55—57]. Последний экспериментально изучил долготу гласных ижемского диалекта, в результате чего он пришел к выводу о том, что "долгие гласные, образованные путем удлинения предыдущего гласного за счет этимологического *л*, в определенном положении могут быть в 3,1—6,6 раза длиннее обычных гласных, ... а

гласные перед звонкими и сонорными произносятся в 1,3—3,3 раза дольше, чем перед глухими. Причем в конце фразы и предложения они произносятся дольше, чем в начале, середине или в последнем слоге слова” [Игушев 1972₂, с. 55—57].

Появление долгих гласных в закрытом слоге перед звонкими и сонорными в ижемском диалекте на определенном этапе его развития, по-видимому, следует объяснять действием процессов аналогии. И долгота гласных в этой позиции по своему происхождению является вторичной. Такой точки зрения придерживается В.И. Лыткин [Лыткин 1970, с. 260]. Иная точка зрения у академика Э. Итконена, который считает, что удлинение гласных перед звонкими в закрытом слоге появилось раньше, чем долгий гласный в словах типа *лѣ* (< *лол*) ‘душа’ [Итконен 1971, с. 13]. Следует отметить, что первичные гласные в открытом слоге являются краткими. Примеры: *би* ‘огонь’, *ва* ‘вода’, *йи* ‘пояс’, *ку* ‘пенка’, *ши* ‘копье’ и др. Но в потоке речи они также подвергаются некоторому удлинению под действием звукового процесса, описанного выше. Большинство исследователей не отмечает долготу гласного в закрытом слоге перед глухими согласными.

На наличие долготы в позиции перед звонкими и сонорными согласными в закрытом слоге в свое время указывали и ученые XIX в.: А. Шренк (*шоор* в.м. *шор* ‘ручей’, *боорд* в.м. *борд* ‘крыло’, *кооз* в.м. *коз* ‘ель’ и др. [Шренк 1854]); М.А. Кастрен (ср.: *кооз* ‘ель’, *ииз* в.м. *из* ‘камень’, *ууз* в.м. *уз* ‘спи’, *с’оор* в.м. *с’ор* ‘поздно’ и др., но: *кэр* ‘бревно’, *поз* ‘гнездо’, и пр. [Кастрен 1844]); Ю. Вихман в закрытом слоге перед звонкими и сонорными согласными зафиксировал полудолгие и долгие гласные: *ѣж* ‘овца’, *зѣй* ‘очень’, *н’ол* ‘четыре’, *оз сѣтныс* ‘не поднимаются’ и др.; *гѣг* в.м. *гуг* ‘изнанка’, *ѣз* в.м. *из* ‘камень’, *дѣд* в.м. *дад* ‘санки’, *дѣр* ‘долго’, *ѣрд* ‘поляна, поле’, *гѣж* ‘веселье’ и др., но: *ог* ‘я не’, *дыр* ‘долго’, *лым* ‘снег’, *пыр* ‘всегда’, *бур* ‘хороший’ и др. Есть примеры, в которых в одном случае отмечается долгота, в другом — нет. Эта непоследовательность, по-видимому, объясняется наличием факультативности в произношении тех или иных гласных в рассматриваемой позиции (то есть перед звонкими и сонорными согласными) [Вихман 1914, с. 1—10].

Колебания в обозначении долготы гласных в этой позиции имеются и в работе Т.Е. Утилы, который перед звонкими и сонорными согласными в одних случаях гласные обозначает как полудолгие или долгие, а в других — как краткие. Ср.: *бѣрд* ‘крыло’, *чѣг* ‘щепа’, *дѣур* ‘петля’, шарнир’, *ѣбр* ‘кол, рычаг’, *зѣд* ‘брусок точильный’ и др.: *гѣз* и *гѣз* ‘пара’, но: *таг* ‘хмель’, *шор* ‘ручей’, *шыр* ‘мышь’, *йур* ‘голова’, *кар* ‘город’ и т.д. [Утила 1933, 193].

По наблюдениям В.А. Терентьева, удлинение гласных перед сонорными и звонкими согласными в закрытом слоге носит систематический характер, но выступает чисто позиционно [Терентьев 1970, с. 256]. Причем, по-видимому, длительность гласных в ижемском диалекте зависит не только от наличия тех или иных фонетических условий, но и от темпа речи и логического ударения. Так, М.А. Сахарова и Н.Н. Сельков в своем исследовании утверждают, что “носителям ижемского диалекта в настоящее время, как правило, не свойственно растягивание гласных ..., оно связано с мелодикой речи, характерной для ижемской речи”. Далее они отмечают, что, например, “гласный односложного слова в закрытом слоге перед звонкими и сонорными согласными в зависимости от смысловой нагрузки слова может иметь различную долготу. В словах со смысловым или эмфатическим ударением (в экспрессивной речи) гласный обычно удли-

няется". Авторы приводят примеры, в которых гласный одного и того же слова в указанной позиции имеет различную долготу. Ср.: 1. *Эсчэ кӱдзис-ныс зӱр* 'Сюда посеяли овес', *Зӱр мзшэкыс складын* 'Мешок с овсом на складе'; 2. *Дӱрэмсэ вӱр* или *Вур дӱрэм* 'Сшей рубаху' и др. Они отмечают, что "при отсутствии смыслового ударения на слове гласные перед звонками не имеют особой долготы. Примеры: *Мэ кара тыы таб*. 'Я делаю поплавки для невода'. Кроме того, зафиксированы такие случаи, когда слово акцентируется без удлинения гласного". Представляют интерес случаи удлинения гласного перед глухими согласными при наличии экспрессии или восклицания. Примеры: *Пескыс тай кӱс* (выражается удивление) 'Дрова-то сухие', *Йогсэ сӱт* 'Мусор-то жги', *Кӱт сийэ* 'Держи его' и др. [Сахарова, Сельков 1976, с. 13–15].

В работе М.А. Сахаровой и Н.Н. Селькова по вопросу долготы гласных в ижемском диалекте приводятся весьма интересные наблюдения. В результате анализа значительного диалектного материала авторы приходят к выводу о том, что удлинённый гласный, встречающийся чаще всего перед звонками и сонорными согласными, представляет собой вариант соответствующего краткого гласного, а не соотносится с долгими гласными типа *ныы* (из *ныл*) 'девушка', *вӱӱ* (из *вӱл*) 'лошадь', *оо* (из *ол*) 'живи' и т.д. [Сахарова, Сельков 1976, с. 16–19].

Таким образом, по вопросу о характере долготы гласных ижемского диалекта в закрытом слоге имеются разноречивые мнения. Очевидно, они отражают языковые явления, находившиеся на разных этапах развития. Опубликованный диалектный материал свидетельствует о живом процессе этого интересного звукового явления, имеющего тенденцию к дальнейшему развитию.

Как уже было отмечено выше, в нуль-эловых диалектах и говорах коми-зырянского языка этимологическое *л* в позиции конца слога в конце слова и в середине слова перед согласными заменялось удлинением предшествующих гласных *ӱ, о, ы, у, а* звук *л* после гласных *и* и *э* (иногда после *а*) переходит в *й*; например: *зӱй < зэл* 'очень', *пӱй < пэл* 'большой палец', *пий < пил* 'туча', *вӱйт < вӱлт* 'покрышка', *кӱй < кэл* 'невестка', *майтны* (< *малтны*) *пос* 'выкрасить пол' и т.д. [ССКЗД, 1961, с. 458].

В ижемском диалекте удлинение предыдущего гласного не наблюдается, если за звуком *л* следует сочетание двух согласных, в этом случае звук *л* выпадает. Примеры: *н'ан гаротны* (< *гаролтны*) 'завернуть хлеб', но *гарооти* 'я завернул', *кытны* (< *кылтны*) 'плыть', но *кыыты* 'я плыл', *гумотны* (< *гумолтны*) *ва* 'зачерпнуть воду', но *гумооти* 'я зачерпнул' и др. Звук *л* выпадает также перед согласными в конце слова: *сут* (< *султ*) 'встань', *коктэ ин пэсот* (< *пэсолт*) 'ногу не вывихни', *гарот* (< *гаролт*) *н'ан'тэ* 'заверни хлеб-то' и др. Относительно последнего случая следует сказать, что, по-видимому, позиция звука *л* перед согласными *т, д* вообще является наиболее уязвимой. Ср. примеры из коми-пермяцкого языка: сев. *кык суда* (< *сулда*) 'двухэтажный', *сутны* (< *султны*) 'встать на ноги', *утас* (< *ултас*) 'внизу, под низом, на дне', *утны* (< *ултны*) 'паять'. Правда, выпадение звука *л* здесь носит факультативный характер. Единичные примеры на выпадение звука *л* или *в* (< *л*) имеются и в других коми-зырянских диалектах, которым удлинение предшествующего гласного за счет "исчезновения" этимологического *л* не свойственно.

В ижемском диалекте этимологическое *л* сохраняется в следующих случаях: а) в глагольном суф. *-ыл*, где оно несет морфологическую нагрузку: *пукс'ыл* 'сядь (на время)', *иг аддзыл* 'я не видел', *кыызыл* 'послушай', *локыл* 'приходи', *дугдылтӱг вис'талэ* 'беспрерывно говорит' и др.;

б) в составе глагольных суффиксов *-ылл* (чаще *-ыыл*), *-ылл* (чаще *-ыыл*), реже — перед суффиксом *-л*: *мэ лэт'чыла* (и *лет'чыыла*) 'я спускаюсь', *унаыс' воыллис* (и *воыылис*) 'много раз он приходил' и др.; в) в русских заимствованиях: *бал* 'бал', *ил* 'ил', *чулки* 'чулки', *колхоз*, *сокол* 'сокол' и др.

Глагольный суф. *-ал-* в позиции конца слова и в середине перед согласными переходит в *-оо-*. Примеры: *сулооны* (< *сулалны*) 'стоять', *йуооны* (< *йуалны*) 'спросить', *вол'сооны* (< *вол'салны*) 'настилать', *вузооны* (< *вузалны*) 'продавать', *ин с'эроо* (< *с'эрал*) 'не смейся' и др., но: *вёёсё ваали* 'лошадь я напоил', *йуали* 'я спросил' [Сахарова, Сельков 1976, с. 20].

Следует подчеркнуть, что основой формирования и развития нуль-эловых диалектов явился вымский диалект. Однако не вымский, а ижемский диалект стал известен раньше в лингвистической науке, поэтому освещение рассматриваемого явления нами начато с ижемского диалекта.

Исторические данные показывают, что в процессе христианизации определенная часть местного населения бассейна Выми переместилась на Вишеру, Ижму и Удору, то есть в соседние районы. Большое число вымичей переселилось также на Сысолу и верхнюю Вычегду (в Помоздино, Усть-Нем, Мыелдино, Керчомью) и отчасти — на верхнюю Печору. В результате миграции в XV в. и в особенности в XVI в. население вымских погостов значительно убывает. Процесс переселения населения с Выми продолжался до начала XVIII в. В 1700 г. вымские погосты были приписаны к Сереговскому Усолью, так как соляные разработки требовали больших людских резервов, а указ 1724 г. уже запрещал уход крестьян с насиженных мест.

Принято считать, что в формировании и в сложении "изъватаса" (самоназвание ижемцев; ср. также "емватас" — самоназвание вымичей) большую роль сыграл вымский компонент. Языковые данные в определенной степени подтверждают это мнение (см. об этом ниже).

Вымский диалект входит в группу северо-западных диалектов коми-зырянского языка и граничит на западе с удорским, на северо-востоке — с ижемским, на юго-востоке — с верхневычегодским и на юго-западе — с нижневычегодским диалектами. В языковом отношении он не представляет единства. В.А. Ляшев, исследовавший фонетико-морфологические особенности диалекта, делит его на три группы ("зоны") — верхневымский регион, средневымские говоры и переходная зона. Верхневымские говоры распространены на территории Шошецкого, Турьинского, Ветчинского и Синдорского сельсоветов, средневымские — в населенных пунктах Княжпогостского сельсовета, к переходным относится кошецкий говор и отчасти половницкий. На переходных говорах отразилось длительное взаимодействие вымского и нижневычегодского диалектов. Отметим, что, например, фонетика кошецкого говора ближе к нижневычегодской. Переходные говоры относятся к вз-эловой разновидности: вместо долгих гласных в них выступает сочетание гласной с огубленным *W*, а вместо звуков *ы* и *ё* в первом слоге употребляются переднерядные *и* и *э* (как и в нижневычегодском). Отдельные нижневычегодские черты (в области палатализации, деаффрикатизации и др.) функционируют также в средневымском говоре [Ляшев 1975, с. 188—189].

Вымский диалект характеризуется наличием долгих гласных *э̄, ы̄, ё̄, ӯ, о̄*, функционирующих в определенных фонетических условиях. Долгие или "связанные" (по В.И. Лыткину) гласные возникли в результате вокализации звука *л* в позиции после гласных. Долгие гласные являются самостоятельными фонемами, несущими смысловозначительную нагрузку.

Отмечается широкое употребление звуков $\bar{y}$, $\bar{ö}$, $\bar{u}$, $\bar{o}$. Долгое $\bar{a}$ ($\bar{a}$) зафиксировано лишь в нескольких словах, например: *mātas* 'смазка', *pān'ич-чыны* 'накинуть платок (на себя)' и др.

Переднерядные долгие гласные имеются в синдорском говоре, представляющем изолированный "островок" между вымскими и вишерскими говорами.³ В других вымских говорах sporadически встречаются $\bar{e}$ (долгое). Примеров на $\bar{u}$ (долгое) не обнаружено. По мнению В.А. Ляшева, этот признак, вероятно, перенесен на Вишеру и Ижму [Ляшев 1975, с. 41]. Примеры на долгие гласные: *б̄дыны* 'задержаться, замешкаться', *б̄с'ыны* 'успокоиться', *ӯтас* 'низина', *ӯйоны* 'полоть коноплю', *б̄тэм* 'нежилой', *б̄дыс'ны* 'хлынуть, нахлынуть', *виз̄б̄йт̄* 'течет', *вз̄тл̄ыла* 'хожу (иногда)', *с'ом̄с* 'сердцевина', *к̄ӯк̄о муні* 'грохнуло', *к̄от̄ом* 'ненужное', *з̄этыш* 'натяни немножко', *рыг'г'ав̄ы* 'под вечер', *н'эд̄д̄у в̄д* 'гнедая лошадь', *пан̄о* 'крупа', *г'ӯ* 'фунт', *з̄э* 'очень' и др. [Ляшев 1975, с. 41].

По-видимому, по аналогии с долгими гласными в односложных словах диалекта обычные краткие гласные перед звонкими согласными могут произноситься как долгие. По наблюдениям и экспериментальным данным В.А. Ляшева, чем дольше произносится гласный, тем короче артикулирует звонкий согласный [Ляшев 1975, с. 44–45]. Такое явление чуждо вз-эловым и эловым говорам.

В односложных словах, оканчивающихся на глухой согласный, долго-та перемещается на конечный глухой, а предшествующий ему гласный произносится кратко: *дас^с* 'десять', *с'ис^с* 'свеча', *пац'ц* 'печь'. Аналогичное явление имеет место и в ижемском диалекте. Оно отмечено В.А. Терентьевым. Ср.: *рōз* и *роž* 'гнездо', *рōс* и *роš* 'полі' [Терентьев 1970, с. 254].

Удлинение гласных на Выми зафиксировано и в позиции перед глухими согласными, например: *ко^ок* 'нога', *нэ^эс* 'деревянный молот', *у^ус* 'падай', *вэ^эс* 'все, всё'.

В современном вымском диалекте удлинение гласного в позиции перед звонкими согласными (иногда и перед глухими согласными) происходит не только в односложных словах, но и в многосложных. Фонетическое явление удлинения обычных гласных находит свое отражение и на русских заимствованиях *ма^агн'утофон* 'магнитофон', *ша^аг* 'шаг'. Данное явление характерно всем вымским говорам. Оно изредка встречается уже и в говорах переходной зоны. Приводятся примеры из спонтанной речи: *л'э^эб* 'лети', *гэ^эз* 'веревка', *вэ^эйт* 'крыша', *кы^ыр* 'обрыв', *гы^ыж* 'ноготь', *с'д̄д̄* 'черный', *б̄д̄рд* 'плачь (ты)', *ку^уд* 'лукошко', *мо^ог* 'цель', *ва^ад* 'низина' и т.д. [Ляшев 1975, с. 47].

Представляет интерес вывод В.А. Ляшева о том, что "обычные гласные звуки в диалекте чаще имеют восходящий тон, а "связанные" долгие гласные характеризуются восходяще-нисходящим или нисходящим тоном [Ляшев 1975, с. 48].

Говоря о причинах вокализации звука *л* (*l* – типа среднеевропейского), В.А. Ляшев допускает появление велярного *л* в вымских говорах под влиянием русского языка, что, по его мнению, могло привести к спонтанному процессу вокализации этого согласного, например: *turipuw* (< *turipul) > вым. *turipu* 'клюква', то есть *l* > *u* > *w* > *vokal*; *w* > гласный.

³ К сожалению, примеры на данное явление отдельно не выделены.

Языковые (диалектные) данные показывают, что одного этого условия недостаточно. Во многих северно-великорусских говорах имеет место переход $л > ъ$ или $л > ѡ > \emptyset$ (нуль звука) и т.д., но в них не происходит удлинения предшествующего гласного. Это подтверждается также данными соседних близкородственных языков — коми-пермяцкого и удмуртского [Тараканов 1962, с. 75—82]. Очевидно, необходимо предполагать действие в нуль-эловых говорах нескольких причин, приведших к появлению оригинального явления в области вокализма этих говоров — возникновению долгих гласных. Развитие данного явления (в плане расширения позиций долгих гласных) продолжается.

Следует отметить, что звук $л$ в позиции после гласного сохраняется в том случае, если за ним следует также звук $л$. Так, в вымском говоре $л$ сохраняется в составе суффикса -олл или перед суффиксом -л *каз'оллыны* < *каз'аллыны* 'замечать', *л'исйоллыны* 'шататься пьяным', *пас'коллѡ* < *пас'каллѡ* 'расширяется (иногда)', *шѡроллыны* < *шѡраллыны* 'кроить', *ноллѡма* 'поношенный'. А в веселянско-синдорском говоре звук $л$ вокализуется, ср.: *каз'ѡллыны* (< *каз'оллыны* < *каз'аллыны*) 'замечать', *л'исйѡллыны* (< *л'исйоллыны* < *л'исйаллыны*), *пас'кѡлѡ* (< *пас'коллѡ* < *пас'каллѡ*), *шѡрѡллыны* (< *шѡроллыны* < *шѡраллыны*), *нѡлѡма* (< *ноллѡма*) и т.д. [Ляшев 1975, с. 52].

В соседнем, ижемском диалекте, как и в вымском диалекте, этимологическое $л$ в конце слога заменилось удлинением предшествующего гласного $\ddot{o}$, $\ddot{o}$, $\ddot{y}$, $\ddot{a}$ (кроме переднерядных звуков $и$ и $\ddot{e}$), в результате чего появились долгие гласные $\ddot{o}$, $\ddot{o}$, $\ddot{y}$, $\ddot{a}$ (см. об этом выше).

В нуль-эловых говорах верхневычегодского диалекта, распространенных по р. Вишере и ее притоку Нившере (см. карту 1), в конце слога звук $л$ также уподобляется предыдущему гласному, в результате чего данный гласный становится долгим в речи носителей усть-куломского, мыелдинского, носимского и вишерского говоров и полудолгим в говорах Усть-Нема и Дона. Полудолгий гласный, по наблюдениям В.А. Сорвачевой, занимает промежуточное место между долгими и краткими, но он ближе стоит к последним. Примеры: *кѡла* 'перехожу в брод', *кѡэ* и *кѡэ* 'переходи в брод', *пола* 'боюсь' — *поо* и *по* 'бойся', *поони* и *пѡни* 'бояться', *йылас* 'на вершине', *йыы* и *йѡ* 'верхушка, вершина', *кула* 'умру', *куу* и *кѡ* 'умирай', *кууни* и *кѡни* 'умереть' и др.; сравните также: *пѡэ*, *пѡэ* (ср. иж. *пѡэ*) 'большой палец', *пѡэйѡ*, *пѡэйѡ* 'мой большой палец', *зѡэ*, *зѡэ* (ср. иж. *зѡэ*) 'очень'; *вѡэтѡн* и *вѡэтѡн* (ср. иж. *вѡэтѡн*) 'крышкой, покрывшкой'; *маата*, *мѡта* (< *малта*) 'мажу'; *пуу*, *пѡ* 'брусника'; *уу*, *ѡ* (< *ул*) 'сук, сучок'; *тыы*, *тѡ* (< *тыл*) 'невод' и т.д. В отличие от ижемского диалекта, в большинстве нуль-эловых говоров верхневычегодского диалекта переход звука $л$ в $\ddot{y}$ после гласных $и$ и $\ddot{e}$ не отмечается. Лишь в говоре с. Усть-Кулом первичное $л$ в конце слога факультативно переходит в $\ddot{y}$ после гласного звука $\ddot{e}$ в следующих словах: *вѡйт* (наряду с *вѡэт*) 'крыша, кровля', *зѡйтим* (наряду с *зѡэтим*) 'натянули мы' [Сорвачева 1966 и др., с. 49—50]. А в говоре Усть-Нема на месте $л$ после гласных $\ddot{y}$ и $\ddot{o}$ перед мягким согласным $с'$ факультативно может появляться звук $\ddot{y}$. Примеры: *ѡла* 'унимаю', *ѡлѡдны* 'унимать, унять', *ѡйс'ины* (< *ѡлс'ины*) 'уняться', *ѡйс'ѡдни* 'унять', *ѡйс'и* 'уймись'; *кѡла* 'слышу' — *кѡйс'ис* 'слух дошел'; *вылис* 'верхний' — *виис'ид* 'с чего-л.'. Отдельные примеры перехода $л$ в $\ddot{y}$ в указанной позиции зафиксированы и в других нуль-эловых говорах, ср. Дон.М. *кѡла* 'слышу' — *кѡйс'ѡэ* 'слышно, слышать' [Сорвачева и др. 1966, с. 50].

В рассматриваемых говорах верхневычегодского диалекта звук $л$ в конце слога в определенных позициях сохраняется:

а) перед последующим *л* в говорах с. Усть-Кулома, Мыелдина, Усть-Нема: *оллини* 'бывать', *ноллини* 'носить', *уллан* 'вниз, книзу', *выллан* 'вверх, кверху', *ылла* 'двор, улица' и др. Однако в мыелдинском говоре в словах *пуула* (< *пулла*) 'за брусникой', *н'ылоони* (< *н'ыллоони*) 'глотать' звук *л* в указанной позиции ассимилируется предыдущим гласным звуком. В этой же позиции в вишерском говоре за редкими исключениями звук *л* также вокализуется, например: *оолини* (< *оллини*) 'бывать', *ноолини* (< *ноллини*) 'носить', *вооли* (< *волли*) 'было', *куулини* (< *куллини*) 'замирать (на время)', *выылан* (< *выллан*) 'вверх, кверху', но: *н'ыллоони* 'глотать', *ылла* 'двор, улица' и др. (см. также выше) :

б) в отдельных нуль-эловых говорах диалекта также и в позиции перед другими согласными: М.Н. Устьн. *нылка* 'девочка', М.Устьн. *Мылва* 'Северная Мылва', но: *Мыы* 'р. Мылва', *Мыыдин* вм. *Мылдин* 'Троицко-Печорск', Устьн. *ылдини* 'заблудиться, сбиться с пути', *чолгини* 'метнуть, швырнуть что-л. плоское', *гылз'ини* 'оживиться, разойтись, расшалиться' и др.;

в) в составе глагольного суффикса *-ил* (< *-ыл*), например: М.Н. Укл. *взмилни* 'мочь, иметь возможность', *лэччилни* 'спуститься (на время)', *локил* 'подойди-ка', Устьн. *кызил* 'слушай, послушай', *дугдилтэг* 'не переставая, непрерывно' и т.д.;

г) в некоторых русских заимствованиях: *вал* 'вал, волна', *вэс'эл* 'веселый', *с'мэл* 'смелый', *укёл* 'укол', *салдат* 'солдат', *чёлкэвэй* 'целковый', *ил* 'ил' и т.д., но: Укл. *россоо*, Н. *рбссоо* 'росол'; М. *чбднэк* 'челнок', *чоопан* 'коврига, каравай' (русск. обл. *челпан*); М.Н.Укл. *чууки* 'чулки', М. *ббббан* 'болван' Укл. *моркоо* 'морковь' и др.

В нуль-эловых говорах данного диалекта в конце закрытого слога в определенных категориях слов произносится *в*. Примеры: *ав-ав* 'бука', *дав* 'лесное пастбище', *чавкан*, *т'авкан* 'галка', *кавйас'ни* 'придираться', *н'авда* 'мокрица' и др. в изобразительных словах: *кавгини* 'кричать (о зайце); надоедливо просить', *кривгини* 'курлыкать (о журавлях)', *шл'у-вйоони* 'скользить, кататься', *н'авгини* 'мяукать'; в русских заимствованиях: *август*, *булавка*, *залавка*, *бдновка* 'обновка', *шл'увка* 'сливки', *ласков* 'ласковый', *лукав* 'лукавый', *здоров* 'здоровый', *выжив* 'виживший из ума' и др. [Сорвачева 1966 и др., с. 50—51].

Таким образом, диалектные данные показывают, что в нуль-эловых диалектах, ведущих свое происхождение от вымского диалекта, в период их самостоятельного развития появились некоторые отличительные черты. Так, в ижемском диалекте звуки *и* и *э* не удлиняются, то есть не имеют долгих эквивалентов, а в синдорском говоре вымского диалекта эти звуки также могут переходить в долгие. В остальных вымских говорах спорадически встречается *э̄*. *Э̄* (долгое) имеет место и в говорах верхневычегодского диалекта. Явление перехода *л* в *й* после гласного *э* свойственно ижемскому диалекту в целом и усть-куломскому говору верхневычегодского диалекта, в котором он встречается спорадически, ср.: *зээ* и *зэй* (< *зэл*) 'очень'. В усть-немском говоре звук *л* > *й* в позиции после гласных *ы* и *ё* перед *с* (*ёйс'ины* < *ёлс'ини* 'уняться', *кыйс'ис* < *кылс'ис* 'слух дошел'). Остальным верхневычегодским говорам и вымскому диалекту оно не свойственно. Удлинение конечных глухих согласных в односложных словах отмечено в ареале вымского и ижемского диалектов. Случаи сохранения *л* в конце слога имеют место в отдельных говорах верхневычегодского диалекта. Однако в нем не отмечаются случаи удлинения гласных перед звонкими и глухими согласными, что имеет место в вымском и ижемском диалектах и т.д.

Языковые данные показывают, что в названных выше коми-зырянских диалектах удлинение предыдущего гласного перед этимологическим *л* произошло за счет вокализации последнего, который, вероятно, по своему качеству был билабиальным. Известно, что *л* билабиальный имеет весьма слабый смык, поэтому он может выпадать в интервокальном положении, а также в других слабых для него позициях — в середине и в конце слова, вернее, — в конце слога (ср. также судьбу звука *л* в коми-пермяцких диалектах; см. с. 61, 70–79). Необходимо отметить также, что в возникновении этого звукового явления не последнюю роль сыграла характерная для тех говоров мелодика речи.

Стяжение гласных

Явление стяжения гласных в разной степени распространено в отдельных диалектах.

В коми-язьвинском наречии путем стяжения гласных, по мнению В.И. Лыткина, происходит устранение зияния, т.е. устранение стечения гласных. При этом обычно выпадает безударный гласный, например: *вуас* > *вас* 'придет', *луас* > *лас* 'будет', *ваон* > *ван* 'в воде', *көтиөн* > *кетин* 'в котах', *воём* > *вом* 'он пришел, оказывается', *төас'нө* > *тас'нө* (кз. *тыас'ны*) 'промокнуть (о льне)'.

При безударности обоих гласных обычно сохраняется гласный основы, находящийся ближе к ударному слогу, например: *кагаис* > *кагас* 'у ребенка', *мунөмаас* > *мунөмас* 'они ушли, оказывается', *Ван'аас* > *Ван'ас* 'Ваню', *н'ид'эл'аөн* > *н'ид'эл'ан* 'в неделю' и др. [Лыткин 1961, с. 31–32].

Аналогичное явление имеется в оньковском диалекте, составляющем некогда единый ареал с коми-язьвинскими говорами (см. карту 1), ср.: *лас* < *лоас* 'он будет, станет, придет', *лан* < *лоан* 'ты будешь', *шал* < *шлал* < *шуалны* (ни. *шуны*) 'он сказал, намеркнул', *сөн* < *сиён* 'потому, с того', *шён* < *шуён* 'говорят, передают' и др. Данное явление в оньковском диалекте, по-видимому, встречается реже, чем в коми-язьвинском. И в отличие от последнего, в оньковском диалекте при устранении стечения гласных обычно выпадает первая гласная, независимо от места ударения (примеры см. выше) [Баталова 1962, с. 51].

Однако В.И. Лыткин указывает, что "фонетические процессы, связанные с устранением зияния, не представляют собой явления, обнимающего все слои коми-язьвинского населения: примеры с зиянием, а также примеры с разными способами устранения зияния варьируются как среди говорящих, так и в разных формах слов. Можно лишь определенно сказать, что процессы устранения зияния прогрессируют. Об этом свидетельствуют данные А. Генеца (1889), который зафиксировал только следующие формы: *нөлпиан* 'девочка', *луас* 'будет', *йуалны* 'спросить'. С другой стороны, у него мы находим уже некоторые стяженные формы: *йор* 'весть' (кз. *йуёр*), *нотнө* (ср. кп. *нуётны*) 'вести, отнести' [Лыткин 1961, с. 32].

Отдельные случаи стяжения гласных имеют место и в ареале говоров нижнеиньвенского диалекта, соседнего с оньковским. Ср.: аз. *са* (< *сиа*) *төдд* 'он знает', *на* (< *ниа*) *мунөмас* 'они ушли, оказывается'; тук. *кытөн са* (< *сиа*) 'где он?', *на* (< *ниа*) 'они'; доег. *са оз төд* 'он не знает', ср. акс. *са адззём* 'он нашел'; крох. *н'а* (< *н'иа*) *вис'дны* 'они болят', *са орсө* 'он играет' и т.д. Следовательно, в говорах нижнеиньвенского диалекта стяжение гласных произошло в личных местоимениях 3 л. ед. и мн. числа *са* < *сиа*,

на < ниа или н'а < н'иа. Сокращенная форма этих местоимений зафиксирована нами также в соседнем с доеговским говором нижнеиньвенского диалекта с северо-запада — в хайдукском говоре кудымкарско-иньвенского диалекта, а также в лопанском говоре этого же диалекта, территориально примыкающего к хайдукскому, например: лоп. *са* 'он', *на* 'они' (см. карту 1, 1а).

Кроме стяжения соседних гласных, в некоторых говорах коми-пермяцкого языка имеют место случаи выпадения отдельных гласных в середине и отпадения их в конце слова, что, вероятно, связано с редукцией как безударных, так и ударных гласных.

Случаи стяжения гласных широко распространены в говоре с. Кобра верхнесысольского диалекта коми-зырянского языка (в сравнении с другими говорами этого диалекта): происходит выпадение звука *ы* из лично-притяжательных суф. 2- и 3-го л. ед. ч. *-ыд* и *-ыс* при присоединении их к суффиксу переходного падежа *-ти* (*öc'untis* < *öc'untыис* 'в окно-то', *ватис* < *ватиыс* 'по воде-то', *грэз'тис* < *грэз'туйыс* 'по грязи-то'; сравнительного падежа на *-с'а* (*дасс'ас* < *дасс'аыс* *унджык* 'больше десяти'; *дыржык* *н'эд'эл'ас'ад* < *н'эд'эл'ас'аыд* 'больше недели' и др.).

В других говорах данного диалекта сочетания гласных *иы* и *аы* произносятся полностью, ср.: *Вадöртиыт кымын көдж, кылтны кутан да* Гр. 'Когда плывешь по реке, столько излучин'; *Лымтиыс пыр кэлан* Кг. 'Все время бредешь по снегу'; *Став пазтиыс тöлыс вэтлö* Крв. 'По всем пазам ветер гуляет'; *Сыктылтиыс* Уж. 'по Сыsole';

с'öлаоз мал'инас'аыд чöскыд Гр. 'Поляника вкуснее малины'; *Вэк н'аргö-а, йöзс'аыс дыржак опас* Кг. 'Все ноет, а дольше других (букв. людей) проживет'. *Рушкус'аыд вылти он с'ой* Крв. 'Сверх желудка не съешь' [Жилина 1975, с. 27–28].

В ареале кобринского говора в форме винительного падежа личного местоимения 3-го л. ед. ч. происходит стяжение в сочетании *öö*: *йöвöс* < *йöвöös* (ср. русск. его) 'его', например: *Йöвöс лэптиныс с'мек вылö* 'Его подняли на смех' [Там же, с. 27–28].

Фонетическое явление стяжения гласных характерно говору с. Шошка присыктывкарского диалекта. "Стяжение происходит при стечении гласных *иы* и *аö* в определенных грамматических формах: в послелоге с лично-притяжательными суф. *-ыд*, *-ыс* и в глаголах второго прошедшего времени. Встречается стяжение также в показателе переходного падежа лично-притяжательного склонения. Примеры: *сарай боктис* (ср. скр. *сарай боктиыс*) 'мимо сарая'; *көдзыд дырйид* (ср. скр. *көдзыд дырйиыд*) 'в мороз-то'; *пал'тоыс дзик с'эртис* (ср. скр. *с'эртиыс*) 'пальто ему как раз'; *картис кос н'ин* (ср. скр. *картиыс*) 'в городе уже сухо' и др.

Важөн тыла вöд'утлöмас (-öмас' < -öмаös') 'Раньше занимались подсекой': *Турунсö ставсö л'угöмас* вöвйас 'Лошади всю траву вытоптали'. И др. Подобное стяжение гласных изредка можно встретить и в говоре с. Тентюково [Жилина, Бараксанов 1971, с. 27].

Ср. также данные из соседнего (с юга, см. карту 1) среднесысольского диалекта: *вэтлöмас* вм. *вэтлöмаös* 'они сходили', *бос'тöмас* вм. *бос'тöмаös* 'они взяли', *олöмас* вм. *олöмаös* 'они проживали', *кайöмас* вм. *кайöмаös* 'они поднялись' и др. (Колегова, Бараксанов 1980, с. 8).

Случаи стяжения гласных имеют место в отдельных говорах верхневычегодского диалекта при наличии определенных фонетических и морфологических условий. Так, в зловых и в взеловых говорах диалекта на стыке односложной основы и суффикса наблюдается единичные случаи устраниения зияния гласных "при быстрой речи", например: *тэс* (< *тэис*)

томджик Вочь.Руч. 'моложе тебя', мэс' (< мэс') дзол'аджик 'меньше меня', этша ван (< ван) Ан. 'небольшим количеством воды', сас (< саис) оэйэма Вочь. 'сажа загорелась' и др.

Устранение зияния путем стяжения гласных на стыке сложного слова с односложным вторым компонентом и суффикса наблюдается часто, так как сложные слова, имеющие одно ударение, воспринимаются как простые и подчиняются закономерностям двусложного и многосложного слова. Примеры: таводз (< тавоздз) Вочь.Крч. 'до нынешнего года', жов-пус' (< жовпуис') Ан. 'из осины', рушка (< рушкау) Руч. 'беременная' [Сорвачева и др. 1966, с. 38–39].

Во всех говорах рассматриваемого диалекта не допускается стечения трех гласных (посн'уан < посн'уазн Руч. 'мелко') на стыке двусложной основы и суффикса. В этих же условиях (позициях) невозможно стечение краткого гласного с долгим в нуль-эловых говорах. Так, в говорах Вишеры, Усть-Кулома, Мыелдина и Носима при прибавлении суффикса -оо (долгого $\bar{o}$) к двусложным основам, оканчивающимся на краткий гласный, в зависимости от качества конечного краткого гласного основы, наблюдаются следующие явления: а) сохраняется конечный краткий гласный основы, а долгое $\bar{o}$ переходит в краткое o ($u + oo > uo$, $\varepsilon + oo > \varepsilon o$): шёриони (< шёриоони) М. 'разделить пополам', с'эдлэони (< с'эдлэоони) М. 'седлать, оседлать'; б) конечный краткий гласный основы выпадает, а сохраняется долгое $\bar{o}$ ($u + oo > oo$): посн'оони (< посн'уоони) М. 'мельчать, измельчаться', пис'коони (< пис'киоони) Н. 'привить оспу'; в) конечный гласный основы a ассимилирует долгое $\bar{o}$ ($a + oo > aa$): оржаани (< оржаоони) Н. 'вбить деревянные шипы при долблении осиновой лодки для определения ее толщины'. [Сорвачева и др. 1966, с. 39].

Далее В.А. Сорвачева отмечает различие между говорами диалекта в употреблении стечений гласных на стыке двусложной основы и суффикса, на основании чего все говоры верхневыхгодского ареала делит на три основные группы: 1) говоры, в которых стечения однородных гласных сохраняются, или устраняются; сюда относятся эловые, вз-эловые и смешанные говоры; 2) говоры, в которых стечения однородных гласных сохраняются, а стечения разнородных гласных — сохраняются или ассимилируются; сюда относятся нуль-эловые говоры, в которых употребляются долгие гласные; 3) говоры, в которых стечения гласных чаще устраняются и редко сохраняются; сюда относятся нуль-эловые говоры Усть-Нема и Дона, в которых употребляются полудолгие гласные⁴ [там же, с. 46–54].

Стечение однородных гласных на стыке двусложной и многосложной основы и суффикса сохраняется регулярно и последовательно в говорах Вишеры, Усть-Кулома, Мыелдино и Носима. Примеры: кэркаас 'в его доме', мёдлаас 'в другом месте', бат'ээс 'моего отца', д'элээс 'мое дело', чериис 'рыба-то', вылиис М.Н.Укл. 'верх, верхняя часть', пыдиис М.Н.Укл. 'внутри, внутренняя часть', гижниис 'писать, написать', водниим М.Н.Укл. 'лечь мне'. В говорах Усть-Нема и Дона стечения однородных гласных обычно не допускаются. В эловых, вз-эловых и смешанных говорах употребление стечений однородных гласных носит факультативный характер.

При стечении разнородных гласных на стыке двусложной и многосложной основы и суффикса устойчивым является стечение узкого гласного

⁴ По-видимому, в составе говоров верхневыхгодского диалекта имеются смешанные говоры и подговоры, только этим можно объяснить столь приблизительное расчленение говоров по данному явлению.

звука с широким. Такие стечения гласных во всех рассматриваемых говорах чаще сохраняются и реже ассимилируются или устраняются Ср.: а) примеры из говоров Усть-Кулома и Мыелдина: *бѳриад* 'потом, после', *дѳриас* 'на краю', *шѳриа* 'пополам', *пыдиэдис* 'глубоко, по глубине' и др.; б) примеры из вз-зловых говоров: *вѳсн'иа* 'тонко', *кокн'иа* 'легко', *гѳл'изѳ* 'моя шея', *с'ѳрн'изн* 'разговором' и др. Менее устойчивыми являются стечения широкого гласного с узким. Такие стечения гласных обычно ассимилируются (широкий гласный уподобляет себе последующий узкий), а в остальных говорах — чаще устраняются путем стяжения гласных или вставки согласного ѳ.

В зловых, вз-зловых и смешанных говорах, а также в говорах Усть-Нема и Дона широко распространено устранение зияния при стечении гласных. Оно достигается двумя способами: 1) путем стяжения гласных и 2) путем вставки ѳ. Стяжение гласных в указанной позиции чаще наблюдается при стечении однородных гласных, а также широкого гласного с узким, огубленного с неогубленным. Стяжение гласных при стечении узкого гласного с широким наблюдается реже. При стяжении разнородных гласных сохраняется широкий, выпадает узкий ($a + \varepsilon > a$; $\varepsilon + a > a$; $a + u > a$; $u + a > a$; $y + a > a$; $y + \varepsilon > \varepsilon$), сохраняется лабиализованный, выпадает нелабиализованный ($y + u > y$, $o + \varepsilon > o$). Ср. примеры: а) при стечении однородных гласных: *кѳркад* < *кѳркаад* 'в твоём доме', *гажа* < *гажаа* 'весело', *ѳтла-лам* < *ѳтлаалам* 'соединим, объединим', *мамѳс* < *мамѳѳс* 'мою мать', *ба-т'ѳс* < *дат'ѳс* 'моего отца', *ѳт'ис* < *ѳт'иис* 'один из них', *вѳртид* < *вѳртиид* 'по лесу' и др.; б) при стечении широкого гласного звука с узким: *кѳр-кас* < *кѳркаис* 'из дому', *кагад* < *кагаид* 'твой ребенок', *быдлан* < *быдла-ин* 'везде', *унан* < *уназн* 'многие' и др.; в) при стечении узкого гласного звука с широким: *вѳкн'а* < *вѳкн'иа* 'узко', *шабѳдѳс* (< *шабѳдиѳс*) *мѳз* 'как лен', *ѳнѳдѳ* < *зниѳдѳ* 'до сих пор', *абѳс* < *абѳѳс* 'их нет' и др.; г) при стечении огубленного гласного звука с неогубленным: *рушкѳн* < *рушкѳѳн* 'в брюхе', *мышкѳс* < *мышкѳѳс* 'спина его', *кино* (< *киноѳ*) *вѳтлини* 'сходить в кино', *тавоѳдѳ* < *тавоѳѳдѳ* 'до нынешнего года', *бат'ушкѳй* < *ба-т'ушкѳѳй* 'мой батюшка' и др.

Стяжение гласных на стыке двусложной основы и суффикса более регулярно и последовательно проводится в говорах Усть-Нема и Дона.

В зловых, вз-зловых и смешанных говорах стяжение гласных наблюдается при быстрой речи, при отчетливом произношении стечения гласных сохраняются.

Последовательное стяжение гласных в зловых, вз-зловых и смешанных говорах ограничено преимущественно определенными морфологическими категориями. Так, в 3-м л. мн. ч. второго прошедшего времени обычно всегда произносится -ѳс' вм. -ѳѳс': *пѳрѳѳмас* < *пѳрѳѳмаѳс* 'вытащили', *вѳтлѳмас* < *вѳтлѳмаѳс* 'сходили' и др. В говорах Вочи, Керчомьи, Пожега, Сторожевска и Нѳбдина в определенно-притяжательных формах индивидуального обладания инфинитива всегда произносится -ниѳ, -нид, -ниѳс вместо -ниѳѳ, -ниѳид, -ниѳѳс, например: *удѳжавниѳ* < *удѳжавниѳѳ* 'работать мне', *пукавнид* < *пукавниѳид* 'сидеть тебе', *ѳвниѳс* < *ѳвниѳѳс* 'жить ему'.

В результате устранения зияния гласных путем стяжения суффиксы, начинающиеся гласным, существуют в двух вариантах — с сохранением гласного и с выпавшим гласным. Эти варианты свойственны различного рода основам. Двусложные и многосложные основы на согласный всегда принимают суффиксы первого рода, а двусложные и многосложные основы на широкий гласный — суффиксы второго рода, при этом если суффикс состоит из одного гласного — остается одна основа. Ср.: *пѳзан* + *ид*

'твой стол', *кэрка + д < кэрка + ид* 'твой дом', *пиан + эй* 'сыновья мои' и *кага + й < кага + эй* 'ребенок мой', *гёрд-эс* 'красные' и *мича-с* 'мича-эс' 'красивые', *бура* 'хорошо' — *мича* (*мича + а*) *гуж* 'пиши красиво' и др. Двусложные и многосложные основы на узкий гласный в одних случаях принимают суффиксы с сохранением гласного, в других — с выпавшим гласным. Ср.: *шондэ-эй* (< *шонди + эй*) 'солнышко мое', *шондиа* и *шонди-с* (< *шонди-ис*) 'солнечный' и 'из солнца, от солнца', *шонди-н* (< *шонди-ин*) 'в солнце'.

При быстром темпе речи стяжение гласных наблюдается и на стыке двух слов, произнесенных без паузы. Так, при столкновении двух слов, из которых одно оканчивается на гласный, а другое начинается с того же гласного, имеет место выпадение одного из гласных: *кэркайас кэм* (< *кэ эм*) Устьн. 'если есть избы', *вёли жес'кэн* (< *жэ эс'кэн*) Ст. 'было же'. При столкновении двух слов, из которых одно оканчивается на один гласный, а другое начинается с другого гласного, может выпасть узкий или нелабилизированный гласный (конечный гласный первого слова): *мачим* < *мэ ачим* 'я сам', *мас'ним* < *мэ ас'ним* 'мы сами', *мадзили* < *мэ аддзили* 'я видел', *мог* < *мэ ог* 'я не', *с'ор вит ур* < *с'о ур вит ур* 'тридцать копеек' и др. [Сорвачева и др. 1966, с. 39—43].

Аналогичное явление встречается в среднесысольском диалекте, ср.: *аб эд сэн* ам. *абы эд сэн* (с. Вотча) 'не там ведь', *тасыл* вм. *та асыл* (с. Пауыз) 'в это утро' [Колегова, Бараксанов 1980, с. 8].

Так, в говоре Карвуджем верхнесысольского диалекта послелог *с'итёр* 'кроме' образовался путем слияния суф. сравнительного падежа *-с'а* с послелогом *отар*, например: *чэл'ад с'итёр* (< *чэл'ад'с'а отар*) *страда дырйи* *н'экод абы* 'Во время страды (в деревне), кроме детей, никого нет; *н'ан с'итёр* (< *н'ан'с'а отар*) 'кроме хлеба' и др. [Жилина 1975, с. 28—29].

Следовательно, явление стяжения соседних гласных свойственно ареалу распространения коми-язьвинского наречия и оньковского диалекта, составлявших некогда территориальное единство. В соседнем с оньковским (с запада) — в нижнеиньвенском — встречаются лишь отдельные случаи стяжения гласных. Таким образом, данные диалекты представляют определенный ареал: изоглосса этого явления распространяется с северо-востока на юго-запад. Очевидно, центр возникновения данной инновации находится на территории расселения коми-язьвинцев (см. карту 1).

Стяжение гласных зафиксировано и в говорах с. Кобра (верхнесысольский диалект) и с. Шошка (присыктивкарский диалект), а также в отдельных говорах верхневычегодского диалекта, соседящего с юго-запада с присыктивкарским. Отсутствие данных с промежуточных территорий не позволяет делать какие-то выводы о наличии какого-либо ареала или изоглоссы. Вероятнее всего, данное явление находится в стадии развития.

К ВОПРОСУ ОБ АССИМИЛЯЦИИ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Изменения в диалектах и говорах коми-пермяцкого языка касаются также и системы гласных звуков. В потоке речи гласные звуки под влиянием соседних звуков подвергаются определенной "нивелировке" — уподоблению по ряду и подъему; происходит своего рода выравнивание по месту образования. Это явление встречается во всех коми-пермяцких диалектах; в одних говорах оно имеет более широкое распространение, в других встречается реже — находится в начальной стадии развития (карта 4). Нужно отметить, что на современном этапе во всех говорах параллельно употребляются те и другие фонетические варианты. Ср.: *от'эр* и *от'ир*

'люди', *öřöš* и *ырđш* 'квас', *таын* и *таун* 'сегодня' и др. Вероятно, не все встречающиеся случаи можно объяснить ассимиляцией, но на этом этапе развития данного явления трудно провести какую-либо строгую классификацию, поэтому все подобные случаи нами объединены в данном разделе.

В ареале говоров южного наречия довольно широкое распространение ассимиляция, или выравнивание гласных, имеет место в среднеиньвенском говоре. Ср. параллельное употребление слов с выравненным (см. первое слово) и невыравненным (см. второе слово) гласным: *önmöc's'us* и *ы́нмöc's'us* (< *önmöc's'us*) 'он уснул', *гын'а́йтöмас* и *гöн'а́йтöмас* 'ускакали', *од'öрвун* и *уд'э́рвун* 'позавчера', *окс'öноас* и *акс'öноас* 'в Аксеново', *туус'с'ан'ас* и *туы́с'с'ан'ас* 'с весны', *ибира́йти* и *убира́йти* 'я убрал', *гуубöй* и *гоубöй* 'голубой', *уз'ум* и *из'ум* 'изюм', *уктун* и *октун* (для рыбной ловли), *мусул'итö* и *мисул'итö* 'усердно работает' и т.д.

Чаще всего под ассимиляцию попадают безударные гласные в заударной или в предударной позициях. Ср.: а) примеры на ассимиляцию гласных в предударных слогах: *гын'а́йтöм* в.м. *гöн'а́йтöм* 'он ускакал', *мусул'итö* в.м. *мисул'итö* 'усердно работает', *öřöš* в.м. *ырđш* 'квас', *ышын* в.м. *öшын* 'окно' и др.; б) примеры на ассимиляцию гласных в заударных слогах: *таын* в.м. *таун* 'сегодня', *кöроой* в.м. *кöрöй* 'липовый', *туус'с'ан'ас* в.м. *туы́с'с'ан'ас* 'с весны' и др. Есть случаи, когда ассимилируется гласная, стоящая под ударением: *кэрэсдын* в.м. *кэрöсдын* 'у горки', *гуубöй* в.м. *гоубöй* 'голубой' и др.

Ср. это явление в других коми-пермяцких говорах: доег. *öдзöс* в.м. *ьдзöс* 'дверь', *ымöл* в.м. *умöл* 'плохой', *мöдвын* в.м. *мöдвун* 'послезавтра', *убид'итö* в.м. *обид'итö* 'обижает' и др.; акс. *мöдм кийны* в.м. *кыйны* 'хотели ткать', *тöжы* в.м. *тöжö* 'тöжё', *вис'тас* в.м. *выс'тас* 'подойт', *йивын* в.м. *йивын* 'на льду', *ижмита* в.м. *ьжмита* 'прижму', *ин'вадöрö* в.м. *ин'вадорö* 'к Иньве' и т.п.;

крох. *куртöнö* в.м. *куртöны* 'гребут', *кöдзöсоой* в.м. *кöдзöсоой* 'семенной' и др.;

фед. *öтэрыс* в.м. *öт'ирыс* 'народ-то', *н'эучит'ик* в.м. *н'эучöтик* 'не маленький', *готöойсö* в.м. *готöйсö* 'готовое-то' и др.;

мелюх. *ьд'д'өн* в.м. *öд'д'өн* 'очень', *мыкöд* в.м. *мукöд* 'другой, некто', *ымöл* в.м. *умöл* 'плохой', *ышынöт'ас* в.м. *öшынöт'ас* 'через окно' и др.;

вою. *этидз* в.м. *этадз* 'вот так', *попыт'э* в.м. *попут'э* 'попутно', *önmöc's'us* в.м. *онмöc's'us* 'он уснул' и др.;

ви. *кöрöнö* в.м. *кöрöны* 'просят', *угурцы* в.м. *огурцы*, *сус'эддз* в.м. *сос'эддз* 'соседи'. Впрочем, слова *угурцы* и *сус'эддз* в таком виде могли быть заимствованы из соседних русских говоров.

Ср. далее: от. *ышынöк* в.м. *öшынöк* 'окошечко'; бел. *ышыныс* и *öшыныс* 'окно-то', *öтэр* и *öт'ир* 'люди, народ'; косог. *бэл'эттэз* в.м. *бил'эттэз* 'билеты', *ыnmöc's'us* и *онмöc's'us* 'я уснул' и др.; кув.. *ышын* в.м. *öшын* 'окно', *бырвыс'уныс* в.м. *бурвыс'уныс* 'от хорошего-то' и др.; ваг. *джöджыс'ан'ас* в.м. *джöджус'ан'ас* 'с голбца', *штокотуритис* в.м. *штукотуритис* 'штукатурил он' и др.; ош. *этывö* в.м. *этавö* 'этому', *эты быра* в.м. *эта бура* 'так сильно' и др.; егор. *öшубас* в.м. *öшыбас* 'в Ошибе', *вудук* в.м. *вудык* 'клоп', *бьд'и* в.м. *буд'и* 'может быть' и др.; лоп. *öт'өр* в.м. *öт'ир* 'люди', *öт'ур* и *öт'ир* сборной 'народ всякий', *тырын* в.м. *турын* (> *турун*) 'трава' и др.

Имеющийся в нашем распоряжении языковой материал показывает, что в южных говорах ассимиляции подвержены все гласные, кроме звука *э* (примеры см. выше). Явление ассимиляции гласных не зафиксировано в азовском, тукачевском и тиминском говорах нижнеиньвенского диалекта (см. карту 1).

Случаи ассимиляции гласных замечены и во всех говорах северного наречия языка коми-пермяков. Ср. также: бк. *мында* в.м. *мунда* 'сколько', *таын* в.м. *таун* 'сегодня', *ужун* в.м. *ужын* 'ужин', *ошо* в.м. *ышо* (< *эшö*) 'еще'; коч. *кыдымкарас* в.м. *кудымкарас* 'в Кудымкаре', *талын* в.м. *та-лун* 'сегодня', *л'эмпү* в.м. *л'омпү* 'черемуха', *ыстаткисö* в.м. *остаткисö* 'остатки-то', *пöжымйа* в.м. *пöжумйа* 'сосновый (лес)', *абы* в.м. *абу* 'нет'; лев. *күккусин'он* в.м. *кыккусин'он* 'сложив вдвое', *мырыл* в.м. *мырöл* 'пень', *борондук* в.м. *бурундук* 'лестница в сенах', *н'обны* в.м. *н'эбны* 'покупать'; нк. *шнырок* в.м. *шнурок*, *омон* в.м. *омон* 'прямо'; пукс. *н'эот'ыр* (в.м. *от'ир*) 'не люди', *важон* в.м. *важын* 'давно', *ымöя'ик* в.м. *умö-л'ик* 'худенький', *шот'ом* в.м. *шут'ом* 'выпаш'; чур. *ышыннэс* в.м. *ошын-нэс* 'окна', *кар онмös'с'ис* в.м. *онмös'с'ис* 'захрапел он'; гаин. *кал'ачата-сö* в.м. *кал'эчитасö* 'искалечат', *мököдыс* в.м. *мукöдыс* 'другие, иные', *одззуну* в.м. *одззыну* 'в позапрошлом году' и др.; ис. *бырым* в.м. *бырöм* 'изношенный', *од'орлун* в.м. *уд'эрлун* 'позавчера', *быд'и* в.м. *буд'и* 'возможно', *мыс. ээт* в.м. *опэт* 'опять', *воыллöнö* в.м. *воыллöны* 'приходят' и др.

В верхнекамском наречии также наблюдается ассимиляция гласных аналогичного типа: *өрöшök* в.м. *ырöшök* 'квасок', *мүдзисö* в.м. *мыдзисö* 'устали', *кыным* в.м. *кынöм* 'живот', *гöжымбыт* в.м. *гöжумбыт* 'все лето', *абы* в.м. *абу* 'нет', *старышказзыс* в.м. *старушказзыс* 'старушки-то', *чумоданын* в.м. *чэמודанын* 'в чемодане', *öböс* в.м. *ыböс* 'дверь', *автобыс* в.м. *ав-тобз*, *умүтнöйас* в.м. *омүтнöйас* 'в Омутном', *шупöв'ик* в.м. *шыпöвник*, *элэт'ит* в.м. *апэт'ит* 'аппетит', *мужук* в.м. *мужик*, *пазан* в.м. *пызан* 'стол' и др.

В северных говорах, в том числе и в верхнекамском наречии, ассимиляции гласных могут подвергаться все гласные, кроме звука *а* (примеры см. выше).

Нивелировка гласных чаще всего наблюдается при быстром темпе речи, однако, выравненные гласные постепенно закрепляются и становятся нормой произношения, ср. еще раз: *ышын* < *ошын* 'окно', *от'эр* < *от'ир* 'народ, люди' и т.п. Указанная ассимиляция гласных представляет собою новое явление в коми-пермяцких диалектах, находящееся в стадии развития (см. карту 1).

Случаи подобного выравнивания гласных отмечены в говоре летских пермяков. Примеры: *татчы* и *таччы* (наряду с *татчö*) 'сюда', *абы* < *абу* 'нет', *кытчы* < *кытчö* 'куда', *гижонö* < *гижонöй* 'пишут', *уз'онö* в.м. *уз'оны* 'спят', *вэлдорас* в.м. *вэлдöрас* 'на поверхности' и др.

В антипинском и паршаковском говорах коми-язьвинского наречия В.И. Лыткиным отмечено явление прогрессивной ассимиляции ударного гласного предударным лабиализованным гласным. Оно заключается в том, что ударный звук *ө* под влиянием огубленного гласного *у*, *у* предшествующего слога переходит в звук *о*, т.е. лабиализуется. Примеры: *рүдзог* < *рүдзөг* 'рожд', *рүчос* < *рүчөс* 'пису', *рүчло* < *рүчлө* 'лисе', *турон* < *турөн* 'трава', *пуно* < *пунө* 'варить', *йуно* < *йунө* 'пить', *курог* < *курөг* 'курица', *рудол* < *рудөл* 'сероватый', *гутло* < *гутлө* 'мухе' и т.д. В других коми-язьвинских говорах аналогичная ассимиляция не зафиксирована [Лыткин 1961, с. 32–33] (см. карту 4).

Явление лабиализации отмечается и в ряде коми-зырянских диалектов. Так, в нуль-эловых говорах верхневьчегодского диалекта В.А. Сорвачева выделяет явление губной ассимиляции, которая шире проявляется в говорах с. Усть-Кулома, Мыелдяна и Вочи. Суть данной ассимиляции состоит в том, что суффиксальные гласные *и* и *э* второго слога под влиянием корневого сильно огубленного гласного предшествующего слога *у* и *о* огубляются и переходят в соответственно в *у* или *о*. Например:

1) после корневого гласного *у*: *лудук* < *лудик* Вочь.П.Укл. 'клоп', *улук* < *улик* Ан.Крч. 'оглобли к бороне', *туру* < *тури* Вочь.П.Руч. 'журавль', *с'уру* < *с'ури* Вочь. 'уток, намотанный на цевку', *букушчэмэн* < *букиштчэмэн* Устьн. 'нахмурившись, насупившись', *куйума* (< *куйума*) *кодзу* Устьн. 'пояс Ориона', *лучой* < *лучэй* Н. 'короед', *унмос'с'эма* < *унмэс'с'эма* Н. 'оказывается, он заснул';

2) после корневого *о*: *гожом* (< *гожэм*) Вочь.Дон. 'лето', *пожом* (< *пожэм*) Вочь.Дон. 'сосна', *коко* (< *кокэ*) П. 'ножка, ноженька', *л'ол'опан* (< *л'ол'эпан*) Н. 'речная ракушка', *которт* (< *котэрт*) Устьн. 'беги', *которон* (< *котэрэн*) Устьн. 'бегом', *кодколун* Ст., *котколун* Вочь. П. (< *кодкэлун*) 'на днях', *кокул* (< *кокил*) Вочь. 'ком, комок (в каше, тесте)', *кому кыл* < *коми кыл* Вочь 'коми язык' и др. То же самое наблюдается и в сложных словах, ср.: *йурйул* Вочь. *йурйув* Ан.Руч.Ст. *йурйу* Дон. (< *йурйыл*) 'верхний карниз (над окном, дверью); ворот рубахи; полярный (о звезде)'; *гурйул* Вочь., *гурйув* Руч. Ст. (< *гурйыл*) 'настежь', *тутуйу* (< *тутуйыл*) Устьн. 'побег хвойного дерева', *горон* < *горан* Нос. 'жмурки (игра)', *гördун* < *гördан* Дон. 'рыжуха (кличка коровы)' и др. По-видимому, данная ассимиляция (лабиализация соседнего, последующего звука под влиянием предыдущих огубленных гласных) является относительно новым явлением, о чем свидетельствует ее отражение и в русских заимствованиях. Ср. примеры: *мужук* Ан.Вочь. Дон.П.Руч.Укл. 'мужик', *шурун* М.Укл. 'шурин', *Шурук* Укл. 'Шурик', *булку* Вочь. 'булки', *чулку* Вочь. 'чулки', *ужун* Вочь.Дон.М.П.Руч. 'ужин', *ошубка* М.Н. 'ошибка', *купол* Н. 'купель', *öшурку* Вольд.М.Н.Укл. 'сгноенные мясные отходы (употреблявшиеся при стирке вместо мыла); ошурки (обл.)'; *костул* Устьн. 'костыль, костыли' [Сорвачева и др. 1966, с. 28–29].

В соседнем (с запада) присыктывкарском диалекте — в шошкинском говоре и реже в говорах Зеленца и Вильгорта, а также в единичных случаях и в других пунктах диалекта — имеет место ассимиляция гласных по огубленности, когда под влиянием гласного *о* предшествующего слога суффиксальные гласные *ы* и *ö* лабиализуются и переходят в *о*, *у*. Примеры: Ш. *комол* (ср. скр. *комёл*) 'круто скатанное тесто', Ш. *корог* (ср. скр. *корög*) 'ком грязи, земли', Ш. *понол* (скр. *понöл*) 'хвойная поросль, молодая елка', Ш. *дозмор* (скр. *дозмör*) 'глухарь', Ш. *с'ором* (скр. *с'орöм*) 'скирда', Ш. *колокон* (скр. *колöкö*) 'если угодно, возможно, быть может'; *омол* (ср. скр. *омöл*) 'худой', З. *омол'ччыны* (скр. *омöл'ччыны*) 'похудеть', З. *омол'тны* (скр. *омöл'тны*) 'порочить, принижать', З. *гогун* (скр. *гогын*) 'скобель' и др. Как и в нуль-эловых говорах верхневьчегодского диалекта, эта лабиализация соседнего гласного распространяется также и на сложные слова, ср.: *йурйув* (< *йурйыв*) 'ворот одежды', *гурйув* (< *горйыв*) 'настежь' и русские заимствования: Ш. *обус*, В.С. *обыс* 'обыск' З. *чолом* (наряду с *чолöм*) 'привет', З. *вострой* 'умный, понятливый (русс. *острый*)'; В. *наздоровйу* 'на здоровье'.

В говорах Шошки и Зеленца имеют место случаи употребления лабиализованных гласных вместо нелабиализованных в соседстве с губными со-

гласными. Например: Ш. *майбуртны* (ср. скр. *майбыртны*) 'считать кого-либо счастливым', Ш. *Лозум* (скр. *Лозым*) 'Лозым (название села)', Ш. *мушкыра* (скр. *мышкыра*) 'сутулый', Ш. *мушкырас'ны* (скр. *мышкырас'ны*) 'сутулиться, горбиться, нагибаться', Ш. *выйдом* (ср. нв. *выйдём*) 'толченое конопляное семя с сахаром', З. *мовкн'итны* (скр. *мөвкн'итны*) 'размахнуться', З. *мовкйавны* (скр. *мөвкйавны*) 'стлаться, колыхаться, растлаться' и др. [Жилина, Бараксанов 1971, с. 34–35].

Аналогичное явление имеет место в ижемском диалекте, где перед губным согласным лабиализуется предшествующий ему звук *ы*. Ср.: *мэnum* (< *мэным*) 'мне', *мэс'ум* (< *мэс'ым*) 'меня', *ачум* < *ачым* 'я сам', *ас'нум* (< *ас'ным*) 'мы сами', *кэрканум* (< *кэрканым*) 'наш дом', *мэдум* (< *мэдым*) 'чтобы', *йандзум* (< *йандзим*) 'стыд', *көбдум* (< *көбдым*) 'колобок', а также: *мис'унум* (< *мис'ыным*) 'нас, у нас' (Сахарова, Сельков 1976, с. 34–35).

Зачатки лабиальной ассимиляции отмечены и в печорском диалекте (в соседнем с верхневычегодским с востока), где гласный *о* предыдущего слога ассимилирует гласный *ö* (нелабиализованный) последующего слога, например: *гожом* (< *гожөм*) 'лето', *пожом* (< *пожөм*) 'сосна', *с'ором* (< *с'орөм*) 'скирда', *гормог* (< *гормөг*) 'перец', *омол* (< *омөл*) 'слабый', *понол* (< *понөл*) 'молодая ель, пихта' [Сахарова и др., 1976, с. 15].

Аналогичное явление лабиальной ассимиляции распространено и в ижемском диалекте, соседящем с верхневычегодским и печорским диалектами (с севера от последних, см. карту 1, 4). В этом диалекте гласные *о*, *у* предыдущего слога лабиализуют гласные *ы*, *и*, *э*, *а*, *ö* последующих слогов. Примеры: *йокуш* (< *йокыш*) 'окунь', *горуш* (< *горыш*) 'горло', *с'окур* (< *с'окыр*) 'мерин', *йугуд* (< *йугыд*) 'светлый', *вүрус* (< *вүрыс*) 'шов', *вугур* (< *вүгыр*) 'крючок удочки', *с'ин бугул* (< *с'ин бугыл*) 'глазное яблоко', *пупуш* (< *пупыш*) 'пупырышек, волдырь', *куруд* (< *курыд*) 'горький', *мукод* (< *мукөд*) *дырий* Сиз. 'иногда', *йуор* (< *йүөр*) (Мошьюга) 'весть, известие', *ул'л'оо* (< *ул'йөл*) 'молоко', *лудук* (< *лудик*) 'клоп', *сун'ус* (< *сун'ис*) Повоз. 'нитки', *куруча* (< *курича*) Повоз. 'курица', *чусу* (ср. уд. *чуси*, вым. *чусы*) 'серьги', *коло* (< *колө*) Сиз. 'надо, нужно', *тол'ко* (< *тол'кө*) 'только', *шондыс вошома* (< *вошөма*) (Мохча) 'солнце запряталось' и т.д. Выше были приведены примеры из ижемского диалекта на прогрессивную лабиализацию, но в речи ижемцев встречаются единичные случаи регрессивного уподобления гласными *у*, *о* гласных *ы*, *а*, *ö*, *э* последующего слога: *мушку* (< *мышку*) 'спина', *Букур* (Бакур) — название деревни Бакур, *отор* (< *өтор*) 'одна сторона', *модор* (< *мөдор*) 'другая сторона', *чумодан* < *чемодан*, *волооны* (< *вөлавны*) 'стесать' [Сахарова, Сельков, 1976, с. 34–35].

Таким образом, явление лабиализации имеет место в коми-язвинском наречии и представляет собой замкнутый ареал (см. карты 1, 4). Имеется оно и в говорах с. Шошки и реке Зеленца и Вильгорта присыктывкарского диалекта, в нуль-эловых говорах соседнего с предыдущим верхневычегодского диалекта, также в территориально примыкающем к нему с севера ижемском диалекте. Зачатки лабиальной ассимиляции отмечены и в печорском диалекте, граничащем с запада с ижемским. Здесь трудно судить о наличии какого-то "сплошного" ареала. По-видимому, анализируемое явление в названных коми-зырянских диалектах находится в стадии развития.

Губная ассимиляция или явление лабиализации гласных смежных слогов иногда может представлять собой также своего рода выравнивание гласных по ряду и подъему. Ср., например, данные из ижемского диалек-

та, в котором, как отмечается, имеются единичные случаи ассимиляции гласных последующего слога по линии подъема: *картафел* (<картофел'), *табарэтка* 'табуретка', *самакур* (<самокур) 'самогон', *мэстэ* 'место'. Здесь налицо прогрессивная ассимиляция смежных гласных.

Из верхневычегодского диалекта в этом плане представляют интерес явление перехода звука *э* в *а* (*э* > *а*) под влиянием звука *а* предыдущего или последующего слога. Примеры: Устьн. *араса* (ср. *арэс*) 'годовалый', М. *чарама* (ср. *чарэм*) 'настовый, с настом', Н. Устьн. *жугадала* (ср. *уджалэм*) 'работал он, оказывается', Н. *вынталама* (ср. *вынталэм*) 'осилил он (болезнь)', Н. *раммама* (ср. *раммэм*) 'присмирел он', Устьн. Руч. *эндама* (ср. *эндэм*) 'пришло в запустение', Устьн. *жугадала* (ср. *жугэда*) 'ломаю, ломаю', Устьн. *кунара зэр* (ср. *кунэр* 'облако') 'проходящий, короткий дождь'. Дер. Ст. Укл. *чукара* (ср. *чукэр* 'куча') 'собранный в одном месте' и др. [Сорвачева и др., 1966, с. 34–35].

Это же явление (*э* > *а*) имеет место и в ижемском диалекте, соседнем (с севера) с верхневычегодским. Отмечается, что изредка в формах глаголов II прошедшего времени наблюдается регрессивная ассимиляция гласного *э* предыдущего слога гласным *а* последующего слога (ассимиляция по подъему). Ср.: *пыж нырас пуктама* (<пуктэма) *л'эс* 'в носовую часть лодки положен багаж', *пэйас тшукйалама* (<тшукйалэма) 'знаки расставлены', *чой мунама* (<мунэма) 'сестра ушла', *гортас каама* (<каэма) 'ушел он домой', *н'арсэ гуама* (<гуэма) *да сундукэ пуктама* (<пуктэма) 'замшу он украл и положил в сундук', *би пэстама* (<пэстэма) 'костер он развел' и др. [Сахарова, Сельковс 1976, с. 36].

К этому же типу ассимиляции гласных соседних слогов следует отнести уподобление конечного звука *ы* гласному *ö* предыдущего слога в формах глаголов 3 л. мн. числа настоящего времени, например: *муноны* > *мунöнö* (*мун+öны* > *мун+öнö*) 'идут', *корöны* > *корöнö* 'просят', и т.д. Это явление получило широкое распространение в говорах лузско-летского диалекта, например: *мийан аз'амйас ноллöнö* 'у нас носят азямы' (Жилина 1956, с. 84); лет. *а вайöнö* 'а несут', *шуйöнö тай* 'вот говорят же', *öни томöн кулöнö* 'теперь рано умирают', *н'ида тыдалöнö* 'они виднеются', *дзевбöнö* 'хоронят', *чэл'ад'ыд төдбöнö* 'дети-то знают' и т.д. Это явление зафиксировано также и в нижневычегодском диалекте: *тадз öмöй корлöнö* (вм. *корлöны*) 'разве так просят', *кык вок лотöнö* 'два брата идут', *ювалöнö* (<ювалöны) 'спрашивают', *гус' вузалöнö* (<вузалöны) 'гуся продают' и др. [Образцы к. зыр. 1971, с. 18–26]. В остальных коми-зырянских диалектах эта ассимиляция не отмечается. Но она имеет довольно широкое распространение в оныковском диалекте коми-пермяцкого языка, в котором более ранняя форма окончания глаголов 3 лица мн. числа настоящего времени *-öны* встречается довольно редко, а новое окончание *-öнö* (<*-öны*) претерпевает в диалекте дальнейшие изменения в результате редукции конечной гласной *ы*: *-öнö* > *-өн*. Ср.: *локтöнö* < *локтöны* 'идут', *сулалöнö* < *сулалöны* 'стоят', *пышйöнö* *пышйöны* 'убегают', *соччöнö* (<*соччöны*) 'горят', но: *вэрмөн* (<*вэрмöнö*) 'смогут', *кутөн* (<*кутöнö*) 'ловят', *с'этөн* (<*с'этöнö*) 'дают' и др. Полные и усеченные формы указанного глагольного окончания сосуществуют, встречаются в речи одного и того же носителя диалекта. Фонетическое явление перехода *-öны* в *-öнö* (как результат прогрессивной ассимиляции смежных гласных) находится в стадии завершения.

В соседнем (с оныковским) нижнеиньвенском диалекте аналогичное явление также имеет место. Примеры: *баутöнö* (<*баутöны*) 'говорят, беседуют', *поёнö* (<*поöны*) 'боятся', *бөрйöнö* (<*бөрйöны*) 'выбирают'

и др., но *уджайоны* 'работают', *вэрдёны* 'кормят', *вайёны* 'несут' и т.д. Случаи выпадения конечного *о* из *-оно* довольно редки. В кудымкарско-иньвенском диалекте, граничащем (с юга) с нижнеиньвенским, данное явление также имеет место, но вариант *-оно* (<*-оны*) употребляется спорадически. Ср.: *баутёно* и *баутёны* 'говорят', *пырёно* и *пырёны* 'заходят', *с'ойёно* и *с'ойёны* 'кушают', *корёно* и *корёны* 'просят', но: *пэтоны* 'выходят', *гужёны* 'пишут' и др. Так, в белоевском и кувинском говорах *-оно* вместо *-оны* появляется в редких случаях, например: бел. *гортё корёно* 'домой приглашают', *гужны тшёктёны* 'писать заставляют' и др.; кув. *с'уэс жажён воёно* (<*воёны*) 'хлеба медленно поспевают', *гортё пё воктёно* (<*воктёны*) 'домой, говорят, едут' и т.д. Единичные случаи употребления *-оно* вместо *-оны* зафиксированы и в мысовском диалекте, например: *йтша с'этоно* (<*с'этоны*) 'мало дают', *гортё пэтоно* (<*пэтоны*) 'домой идут' и др. Случаи выпадения конечных гласных *о* и *ы* в других диалектах не замечены.

Таким образом, на территории распространения собственно пермяцкого языка рассматриваемое явление наиболее широкое развитие получило в районе распространения оньковского диалекта (в нем оно находится в стадии завершения), далее — оно более распространено в ареале нижнеиньвенского диалекта, а в соседнем среднеиньвенском говоре — менее выражено. На территории остальных южных говоров новый вариант *-оно* встречается спорадически, а в северных говорах случаи его употребления пока что единичны. Следовательно, своеобразным центром возникновения данного явления в языке коми-пермяков является ареал оньковского диалекта, и чем дальше от него к северу оно словно "затухает". Однако имеющийся в нашем распоряжении языковой материал показывает, что интересующее нас явление имеет тенденцию к дальнейшему развитию на всей коми-пермяцкой территории. Неравномерность его развития четко прослеживается (см. карту 1).

В верхнекамском наречии (в речи Кировских пермяков) это явление также представлено — оно является живым фонетическим процессом. Диалектный материал показывает, что в нем наряду с *-оны* нередко появляется формант *-оно*, например: *л'эчитёно эд* 'лечат ведь', *мед с'ылёно* 'пусть поют', *часто мыс'калёно* 'часто моют', *по д'эрэв'э вэплётёно* 'ходят по деревне', но: *попэрэзалёны*, *пырёны* бы *т'эркаё* 'идут на перерез, в дом заходят бы', *быкёб осужайтёны* 'все осуждают', *эз'э-эз'э баутёны* 'так и так говорят' и т.д.

Следовательно, наибольшее развитие это явление получило в лузско-летском диалекте коми-зырянского языка (см. выше), т.е. в языке летских пермяков. В остальных коми-зырянских диалектах оно не отмечается. Как уже отмечалось выше, исключение составляет жешартско-гамский говор нижневычегодского диалекта.

Вероятно, отсюда можно было бы предположить, что переход *-оны* > *-оно* — фонетическая черта, получившая свое развитие прежде всего в говорах, собственных пермякам. Заметим, что жешартско-гамский говор ныне является окраинным и на западе граничит с русским говором, оформившимся на территории, которую ранее населяли коми. И в этот район пролегали пути миграции южных коми с бассейна Камы. Возможно, изоглосса рассматриваемого явления, тянущаяся с бассейна Иньвы (с юго-востока) и Камы к северо-западу (на Летку, Лузу) и далее — на Вычегду, подтверждает наличие миграционных процессов с юга (см. карту 1).

Следует еще раз подчеркнуть, что видоизменение глагольного суффикса *-оны* > *-оно* — результат прогрессивной ассимиляции гласных.

Ареал наибольшей трансформации системы ударения коми языков находится на территории Коми-Пермяцкого автономного округа (карта 5).

По мнению коми лингвистов, принято считать, что в большинстве говоров коми языка ударение в значительной мере свободное [Лыткин, 1964, с. 95–105; он же, 1955, с. 11–12, 54–56], т.е. оно может падать на любой слог любого слова и не несет на себе ни фонематической, ни морфологической функции [Сорвачева, 1961, с. 464]. Однако следует отметить, что, как правило, ударение ставится на первом слоге. Это подтверждается и русскими заимствованиями, которые произносятся в разговорной речи с ударением на первом слоге.

Но подобная система ударения свойственна не всем коми-зырянским диалектам. Из коми диалектов прежде всего выделяется говор летских пермяков (коми-зырян), который по характеру ударения, как и по некоторым другим языковым особенностям, примыкает к коми-пермяцким диалектам. В нем, как и в коми-пермяцких говорах, развиваются процессы морфологизации ударения. Так, ударяемыми являются глагольные суф.: *-ал, -од, -уйт, -ит, -ас', -окт*. Примеры: *су́алнытö 'стоять-то', уджа́лны пö шуö 'сказал, мол, работать', вэло́дны 'учить', пас'ко́дны 'расширить, разбить', приму́тнытö 'принять-то', с'тэ́кл'итны 'застеклить', торгу́итны 'торговать', ко́мас'ны 'обуваться', кура́с'ны 'грести', вору́итны 'воровать' и др.⁵*

Суф. отглагольных существительных *-ыс' (-ис')*, *-ом, -ан* имеют тенденцию удерживать на себе ударение, например: *кока́н 'клюв', вис'а́н 'болезнь'*. Местом ударения в летском говоре могут различаться грамматические категории, например: *вис'а́н 'болезнь'* и *вис'а́н 'болеешь', тал'а́н 'подножка (ткац.)'* — *кокло́ тал'а́н 'на ногу наступаешь'* и др.

В говоре с. Слудка лузско-летского диалекта при наличии суф. сравнительной степени *-джыг* и уменьшительного суф. *-ик* ударение переносится на предшествующий слог: *мича́джыг 'красивее', ко́кн'ы́д'ик 'легонький', ыры́д'ик 'прохладненький'* и др. [ССКЗД, с. 464]. При наличии глагольной вопросительной частицы *ö* ударение также ставится на предшествующий ей слог, сравните: *н'о́ба́н-ö 'купишь ли?' вылы́н-ö 'высоко ли?' [Жилина, 1956]*.

В говоре с. Летка также есть случаи переноса ударения на предшествующий суффиксу *-джыг/-джык* слог, например: *ча́сто́джык 'чаще', водзы́нджык 'раньше', сочы́мс'а мэ ы́джы́джык 'я старше своей сестры', но: ма́ты́нджык 'ближе', рэ́гы́джык ко́ло́ зда́йтны уджа́сö 'быстрее надо работу сдать', о́ды́о́джык и э́м 'быстрее и получается (букв. есть)', а́бы э́тша́джыг 'не меньше' и др.*

Следует отметить, что, например, в летском говоре, как и в северных диалектах коми-пермяцкого языка, под ударением обычно находятся глагольные суффиксы в инфинитивных формах глагола (*зус'а́лны 'украсть', вис'та́лны 'сказать', пас'ко́дны 'расширить', ко́мас'ны 'обуваться'* и др.), а в личных (спрягаемых) формах глагола ударение часто стоит на первом слоге, т.е. наблюдаются частые колебания в постановке ударения. Примеры: *вэло́дны 'учить', но вэ́ло́да 'учу'; пас'ко́дны 'расширить, разбить', но па́с'ко́да 'расширю, разобью', ко́мас'ны 'обуваться', но ко́мас'а 'обуюсь', и т.п.* Случаи переноса ударения с первого слога имеют место и в других категориях слов: *н'э́отс'а́ма 'неодинаково', кыто́н? 'где?' и др.*

⁵ Материалы по летскому говору собраны нами в 1971 г.

В многосложных словах в речи летских пермяков наблюдается иногда наличие побочного ударения на нечетных слогах, например: *шбйччыштәмö* 'отдохнем немного', *дбкментйәсыс* 'документы-то', *мынтис'йсны* 'уплатили (долг)', *паспортйәсыс* 'паспорта-то', *кыкнанс'амаыс* 'так и так' и др. Эта черта свойственна прибалтийско-финским языкам.

В русских заимствованиях на Летке, как правило, сохраняется ударение оригинала: *наугад*, *с'эчас* 'сейчас', *команд'ирбвкаö* 'в командировку', *автббусыс* 'автобус-то', *пбжалуста* 'пожалуйста', *зап'равитны* 'заправить', *работыс слбжнбй* 'работа сложная', *кибскад* 'в киоске-то', *д'эрэвйәннбй* 'деревянный', *шэс' часблс'ан* 'с шести часов', *километра* 'километр' и др. Случаи переноса ударения единичны, ср.: *огурчийас* 'огурцы-то', *томнад н'учово* 'с молоду ничего', *цэл'икдмыс кбс'ак* 'целиком-то окно (букв. косяк)' и др.

Процессы морфологизации ударения происходят также в другом коми-зырянском диалекте — в верхнесысольском. Т.И. Жилина пишет, что данный "диалект отличается в отношении ударения и приближается к коми-пермяцкому языку" [Жилина, 1975, с. 56—58]. В диалекте (особенно последовательно в говоре с. Кобра) имеется тенденция ставить ударение на словообразовательные суффиксы имен существительных (-ан, -анка, -ас, -ыс', -бд, -бм, -бс, -бр, -ыр, -ыл', -ал', -ок), суффиксы числительных (-бд, -нан), глагольные суффиксы (-ал, -с'ал, -эс', -ыс', -ыл, -бд, -ыш (т), -бс' (т), -бкт, -блт, -олт, -н'ит, -айт, -уйт, -ылт, -брт, -бмт, -ырт, -орт).

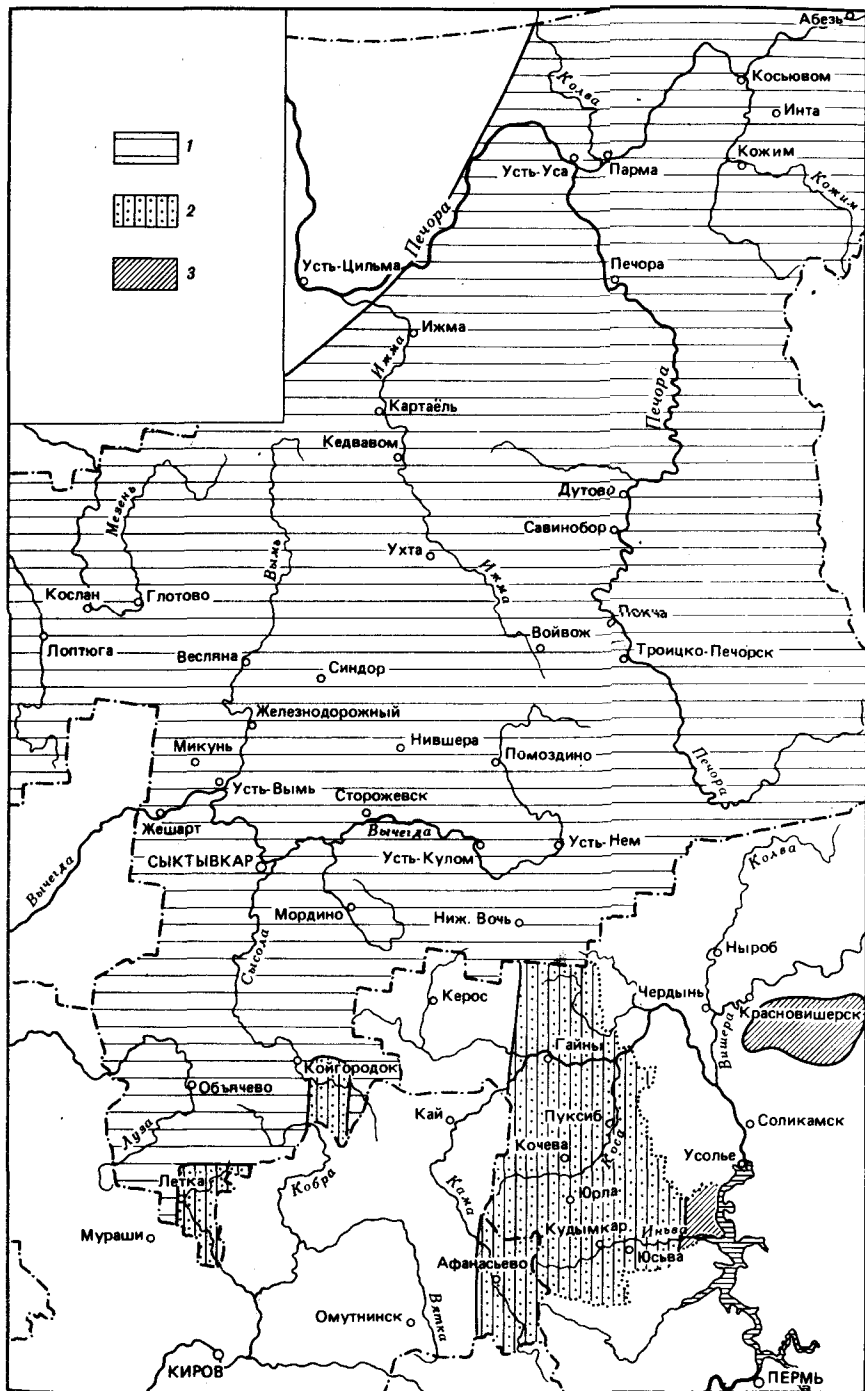
В прилагательных и наречиях с уменьшительно-ласкательным суф. -н'ик или с суф. сравнительной степени -джык (-жык) ударение ставится на предшествующий этим суффиксам слог — *жаббн'ик* 'тихонько', *ми-чән'ика* Уж. 'хорошенько, как следует', *ичббджык* Кб. Кг. 'меньше, меньший', *жаббнджык* Кг. 'тише, медленнее' и др.

Автор отмечает, что наиболее последовательный перенос ударения на указанные суффиксы наблюдается в основных формах (в им. п. существительного, в инфинитивной форме глагола и т.п.) [Жилина 1975, с. 56—58].

Как и в а-овых говорах коми-пермяцкого языка, в верхнесысольском диалекте ударение переносится на конечное -а открытого слога. Примеры: *бал'а* Кб. Уж. 'ягненок', *дбр'а* Кб. 'холст', *гымг'а* Кб. 'верша, морда', *кага* М. 'ребенок', *пин'а* Кб. Гр. 'борона', *пэрн'а* Кб. 'крестик, нательный крест', *шын'а* М. 'улыбка'. Это явление отражается и на русских заимствованиях с конечным открытым а: *бэрб'а* Кб. 'верба', *ват'а* Кб. 'вата', *каш'а* Гр. Кб. 'каша', *йэс'нича* М. 'яичница', *качул'а* Кб. 'качели', *коска* Кб. 'кость', *мошк'а* Уж. 'мошка', *блчин'а* Уж. 'овчина', *т'эл'эт'ин'а* Уж. 'телячья шкура' и др.

Заметим, что в коми-пермяцких а-овых говорах ударение на конечное а переносится в основном только в двусложных словах [Баталова, 1975, с. 86]. В верхнесысольском же мы видим перенос ударения на а (конечное), независимо от количества слогов. Кроме того, в данном диалекте в русских заимствованиях ударение переносится также и на конечное и открытого слога. Ср.: *санк'и* Кб. 'санки', *вэрв'и* Кб. 'дратва', *гармон'и* Кб. Кг. 'гармонь', *кон'чи* Кб. 'концы — короткие нитки, оставшиеся от основы (ткац.)', *чэчи* 'игрушка' (см. карты 1, 5).

Колебания в постановке словесного ударения имеют место и в печор-

ском диалекте. Ср. примеры из говора с. Усть-Ильч: *думыш'ис готр'ас'ны* 'задумал он жениться', *отнас'он взтлод'ло* 'один ходит', *пондас'о толк'уйтны* 'стали толковать', *йна корс'ис'ны* 'крепко искать', *найа паныдас'асны* 'они встретятся', *пукт'асны* 'положат', *ор'йас'исны* 'рвались', *туй'алны* 'выследить', *пыш'йасны* 'убегут', *мод'отс'ис* 'он отправился', *ставн'ым* 'мы все', *иск'олтны* 'катиться, покатиться' и др. Следовательно под ударением могут быть глагольные суффиксы *-ас*, *-од*, *-ис*, *-ал*, *-от*, *-олт*, *-амм*. Интересно отметить, что ударение может переходить и на словоизменительные суффиксы, ср.: *пондас'о* 'начнут', *пукт'асны* 'положат', *паныдас'асны* 'встретятся', *ставн'ым* 'мы все' [Сахарова и др., 1976, с. 20—21]. Вероятно, это связано с логическим ударением.

Имеются случаи удерживания ударения на отдельных суффиксах также в верхневычегодском диалекте (см. карту 1). Под ударением находится суф. *-ов* (в говоре Вольдино), *-оо* (в говоре Вишеры, Усть-Кулома, Мыелдина, Носима) и *-о* (в говоре Дона и Усть-Нема) — он перетягивает на себя ударение. Примеры: *вар'ов* Вольд., *вар'оо* Бог. М.Н. Нос. Укл., *вар'о* Дон. Устьн. 'разговорчивый, словоохотливый'; *пук'ов* Вольд., *пук'оо* Бог. Н.М. Нос. Укл., *пук'о* Дон. Устьн. 'сиди'; *вос'ков* Вольд., *вос'коо* Бог. М.Н. Нос. Укл., *вос'ко* Дон. Устьн. 'шаг'.

В сложных словах ударение падает или на оба компонента (*кыр'котш* 'крутой обрывистый берег', *с'инк'ым* 'брови', *к'уыр* 'горсть'), или на первый компонент (*п'ас'кэм* 'одежда', *ч'ун'кутш* 'кольцо, перстень').

В нуль-эловых говорах диалекта слова с долгими или полудолгими гласными в первом слоге имеют двойное ударение: основное и побочное. Основное ударение падает на долгий или полудолгий (гласный), побочное — на гласный первого слога слова. Ср.: *й'у'кыы* Н. 'ость ячменя', *нар'выы* Н. 'шпонка', *аск'ыы* Н. 'аскы Устьн. 'завтра', *Сыкт'ыыкар* М.Н.Укл., *Сыкт'ыкар* Дон. Устьн. 'Сыктывкар', *рыт'ыв* М. Н. Укл. *рыт'ы* Дон. Устьн. 'западный' и др.

Представляя интерес материалы по верхневымским и средневымским говорам, в которых, по данным В.А. Ляшева, "наблюдается спорадическое появление подобия фиксированного ударения" — перенос ударения с первого слога на другой, часто и на суффиксальный. При этом, выделяемый ударный слог "характеризуется особой экспрессией, напоминающей ударяемый слог в русском языке". Чаще под ударением оказывается гласный *а*. Примеры: *Прос'экай'чыны* *во'лылли* *й'э* *эм'ыл'ло* 'Приходил я в верховья Выми вырубать просеки', *Школа'ыс* *янас'* *строит'ома* 'Школу построили отдельно', *Отт'ом* *туй* *вылас'* *л'укал'ома* 'На узкой дороге столкнула (о столкновении машин)', *воасны* *ва'ас'ны* 'пришли на водопой', *куч'исны* *вэр'мас'ны* 'начали бороться', *йу'ас'ис* *да* *йу'ас'ис* 'спрашивал он да спрашивал' и др. (см. карту 1).

В.А. Ляшев отмечает, что множество примеров с ударением на *а* имеется и в текстах, записанных венгерским ученым Д. Фокошем-Фуксом, например: *Иван* *к'омас'ис*, *п'ас'тас'ис*, *кол'чужнэй* *плат'т'э'ас'ис* 'Иван обулся, оделся, снарядился в кольчужное платье', *Вос'о* *од'эжда'алис* 'Лошадь свою он снарядил' и др.

В вымском диалекте под ударением могут быть и другие гласные: *войу'йт'исны* 'воевали (они)', *вэрд* *п'о* *да* *йукт'од* 'накорми, мол, и напои', *в'ол'ос'т'о* *вои* 'в село я пришел' и др. Чаще всего вслед за *а* ударение переносится на звук *о* не первого слога. В большинстве русских заимствований, включая и ранние, в диалекте сохраняется ударение оригинала.

По мнению автора, на формирование системы ударения диалекта оказывают определенное влияние соседние русские говоры; кроме того,

широкие гласные, являясь сильными звуками, перетягивают на себя ударение. Это подтверждается и данными коми-язвинского наречия, и оньковского диалекта коми-пермяцкого языка [Ляшев, 1975, с. 82–88].

Следует отметить, что летский, верхнесысольский, верхневычегодский и печорский диалекты являются периферийными по отношению к коми-пермяцкому языку. Возникновение и развитие процессов морфологизации системы ударения следует объяснить не столько спонтанностью их возникновения, но и наличием былых контактов с основным коми-пермяцким регионом. Здесь следует учитывать процессы миграции определенных групп населения с территории обитания коми-пермяков за последнее тысячелетие (см. карту 1).

В предисловии к книге "Верхнесысольский диалект коми языка" (М., 1975) указывается, что "в языковом и этнографическом планах Койгородский район (территория распространения койгородского говора верхнесысольского диалекта. — Р.Б.) является как бы связующим звеном между коми-зырянскими и коми-пермяцкими [Жилина, 1975, с. 3]. А в разделе "К истории заселения Верхней Сысолы" его автор Л.Н. Жеребцов считает "вероятным прохождение именно здесь одного из древних путей переселения предков-коми из Камского бассейна в Вычегодский. Включение верховьев Сысолы и Камы в одну волость позволяет говорить о близком родстве обитавшего там населения и об отличии его от обитателей средней и нижней Сысолы" [Жеребцов, 1975, с. 6–7].

Этническая история верхнесысольцев показывает некоторую изолированность их от соседних (зырянских) районов и большую близость к Верхнекамью, что несомненно должно было найти отражение в языке верхнесысольского населения.

Бассейн реки Кобры был освоен верхнесысольцами относительно поздно и, вероятно, не без участия прилузских коми, в состав земель которых Кобра входила еще в XV в. Одновременно можно считать, что район Кобры был контактной зоной верхнесысольцев с прилузцами, что нашло отражение в диалектных особенностях кобринцев.

В документах отмечается некоторый прилив населения и из соседних волостей. Он способствовал сближению верхнесысольцев с соседями в этническом и культурно-бытовом отношении, что отразилось в их языке [Жеребцов 1975, с. 12–13].

Ученые пришли к выводу о том, что в формировании вымской культуры наряду с местными ванвиздинскими племенами (на Выми. — Р.Б.) приняло участие также пришлое верхнекамское население — носители родановской культуры [Савельева, 1971].

Сам процесс морфологизации ударения указанных выше говоров во многом напоминает те ступени, которые существуют на территории северного и верхнекамского (т.н. зюздинского) наречий коми-пермяков.

Центром возникновения данного явления (морфологизации — закрепления ударения на определенных суффиксах и слогах) в области акцентуации безусловно следует считать территорию распространения кудымкарско-иньвенского и нердвинского диалектов языка коми-пермяков (бассейн средней и верхней Иньвы, притока Камы) — там, где наиболее густое население. Эта территория издавна являлась центром экономической и политической жизни коми-пермяков (см. карты 1, 5).

В этих диалектах ударение морфологизировано, и оно имеет наряду с этим и фонологическое значение: часто от переноса места ударения меняется значение слова, например: *выйс'ан* 'ты стреляешь' и *выйс'ан* 'стрельба, стрельбище'.

На кудымкарско-иньвенском диалекте базируется литературная форма языка, за исключением употребления звуков *л* и *в*. В этом диалекте одни суффиксы всегда ударны, другие — безударны. Случаи колебания в постановке ударения единичны [см. Баталова 1975, с. 81]. Отдельные случаи колебания отмечены в кудымкарском, верх-иньвенском, самковском, отевском, косогорском, ошибском, мелехинском, егоровском и лопанском говорах (см. карту 5)⁶. Среди колебаний следует отметить перенос ударения на конечный *а* открытого слога, например, в кудымкарском: *дарга́* 'вид рыбы', *зи по́йа* 'осиное гнездо', *во́ра* 'вымя', *до́ра* 'холст', *во́рга* 'желоб', *бали́ча* 'женская коса', *ба́л'а* 'овца', *ба́рс'а* 'всякая всячина', *бы́д пы́рс'а* 'всегда', *ви́рву́жйа* 'марьян корень' и т.д. Сравните эти же слова с данными среднеиньвенского и нижнеиньвенского диалектов: *да́рга*, *зи по́йа*, *во́ра*, *до́ра*, *во́рга*, *ба́ли́ча*, *ба́л'а*, *ба́рс'а*, *бы́д пы́рс'а*, *ви́рву́жйа*. Это явление (перенос ударения на конечный *а*) характерно для ряда соседних с кудымкарским говоров: пешнигорского, егвинского, вагановского, егоровского, ошибского, белоевского и косогорского. Звук *а*, как наиболее звучный среди других гласных, перетягивает на себя ударение.

Перенос ударения на *а* главным образом в двухсложных словах не характерен для говоров Верх-Иньвенского, Верх-Юсьвинского, Деминского, Самковского сельсоветов того же Кудымкарского района. Он вовсе не встречается в диалектах, расположенных на территории Юсьвинского района (к юго-востоку от Кудымкара). Следовательно, это явление распространено на небольшой территории (см. карты 1а, 5).

Перетягивание ударения на *а* конечного звука основы или корня характерно для всех говоров кочевского диалекта северного наречия. Ср.: *ба́л'а* 'овца', *бо́ра* 'опять', *ба́рс'а* 'всякое', *Ва́н'а*, *Ко́л'а*, *Пе́т'а*, *Ка́т'а*, *ру́кл'а* 'рухлядь', *ос'та́* 'дыра', *а́йка* 'муж', *ко́йка* 'кровать', *д'э́н'га́л'о* *с'эт* 'отдай деньги', *гри́ваэ́ эм'ос* 'есть возвышенности', *пла́ка* 'плаха', *ку́имла́ис* 'из трех мест', *Ми́т'аас оло́ны* 'живут у Мити', *О́л'га́л'он* 'у Ольги', *и́н'ка́нас му́нис* 'с женой он уехал'.

В исследованных пунктах косинских говоров (в бассейне р. Косы) также встречается перенос ударения на корневой гласный *а* (чаще во втором открытом слоге), например: чаз. *до́ра* 'холст', *но́ша* 'ноша', *с'о́д* *п'атна́* 'черное пятно'; нк. *ба́л'а* 'овца', *Ва́с'ка́*, *На́д'а*, *о́нджа́* 'вот что'; лев. *ба́рс'а* 'всякое', *пе́рнаэ́з* 'крестики', *во́раы́с* 'вымя-то', *на́н'а* 'грудь', *ба́н'а* 'баня', *бу́квэ́*, *Ви́т'а*, *Га́л'а*, *Ли́на*, *Са́н'а*, *с'о́ла* 'рябчик', *ка́га* 'ребенок'; пукс. *ча́л'ад́* 'дети', *т'отка́* 'тетя', *Н'и́да*, *Ма́н'а* и др.

В чураковском говоре, имеющем большое сходство с пуксибским, перенос ударения на *а* не наблюдается. Он не характерен и для гаинских (самых северных) говоров.

Итак, перенос ударения на гласный *а* конечного слога основы или корня в коми-пермяцком языке характерен для кудымкарско-иньвенских говоров бассейна р. Велвы (притока р. Иньвы), а также говорам кочевского и косинского диалектов (за исключением чураковского), распространенных в бассейне р. Коса и ее притоков. Это один ареал. Другой ареал данного явления находится на территории верхнесысольского диалекта языка коми-зырян, некогда имевшего контакты с камскими пермяками. Поэтому весьма вероятно, что это явление могло быть "занесено" сюда переселенцами из бассейна р. Коса, притока Камы (см. карты 1, 5).

⁶ Говоры и подговоры коми-пермяцкого языка обозначены арабскими цифрами на карте 1а.

Следует подчеркнуть, что северное наречие коми-пермяцкого языка занимает 4/5 всей территории автономного округа, население его проживает в трех районах — в Кочевском, Косинском и Гаинском. До Октябрьской социалистической революции северные пермяки входили в состав Чердынского уезда. Из-за малопроездных, трудных дорог и суровых природных условий население этого края жило довольно изолированно и разбросанно на обширной территории лесов и болот. Плотность населения небольшая, она колеблется, постепенно понижаясь по мере продвижения на север в среднем от 4—6 до 1 чел. на 1 км².

Территория северного наречия коми-пермяков отделена от диалектов южного наречия полосой около 60 км, заселенной русскими и обрусевшими пермяками — это территория Юрлинского района. Но несмотря на территориальную разобщенность, кочевский диалект представляет собой как бы переходную ступень между северным и южным наречиями. Это, вероятно, вызвано еще и тем, что кочевцы с давних пор имеют более тесные контакты в силу географических и экономических условий с представителями южного наречия, чем население других диалектов северного наречия. В кочевском диалекте немало черт, сходных с южными диалектами.

Процессы морфологизации ударения в диалекте занимают преобладающее место. Многие словообразовательные суффиксы в диалекте в большинстве случаев находятся под ударением. К ним относятся: *-от, -ал, -ыл (л), -ыш (т), -олт, -ост, -ом, -ан, -ит, -ис, -ас, -ин, -ос, -ок (-ёк)*. Из глагольных суффиксов в большинстве случаев ударны *-от* и *-ал*. В исследованных пунктах суф. *-ос* и *-ок (-ёк)* всегда ударны. Случаев отсутствия или колебания ударения нами не замечено. Суффикс собирательных числительных *-нан* также всегда ударный: *кыкнан кинас* 'обеими руками', *кумнанс* 'всех троих' и др.

Всегда ударны также суффиксы порядковых числительных *-одз* и *-от*, суффиксы действительных причастий *-ис, -ом*. Например. *зитодз* и *витот* 'пятый', *н'ол'одз* и *н'ол'от* 'четвертый'; *бос'тас'ис* 'покупатель', *кором* 'просьба' и др.

При наличии уменьшительных суф. *-ик* и *-жык (-джык)* ударение в слове переносится на предшествующий им слог: *гажжык* 'веселее', *йугыджык* 'светлее', *н'эбиджык* 'мягче', *топытджык* 'плотнее', *донажык* 'дороже', *учит'ик*, *учол'ик* 'маленький', *жагон'ик* 'медленно'.

Случаи колебания в постановке ударения имеются почти во всех говорах, но чаще всего это наблюдается в большекочинском говоре. В нем ударение на первом слоге встречается чаще, чем в других говорах. Очевидно, здесь сказывается его периферийное (и несколько изолированное) положение.

В кочевском диалекте в настоящее время процессы морфологизации ударения (закрепления его на определенном слоге или суффиксе) занимают ведущее место в перестройке системы ударения (Подробнее см. об этом: Баталова, 1975, с. 96—103).

Характерной чертой ударения всех косинских говоров, расположенных севернее кочевского диалекта, как и для кочевского, является развитие процессов морфологизации, но морфологизация ударения в них идет неравномерно. Чем севернее расположен диалект, тем менее выражен этот процесс (см. карту 5).

В диалекте чаще всего под ударением оказываются словообразовательные суф. *-ал* (*солалны* 'солить', *вис'таллис с'о* 'все он высказывал', *бос'талис* 'брали они', *уджалоны* 'работают', *чэччалышт* 'подпрыгивает', но:

вўзалам 'продаем', ўджалыш 'поработай' и др.) и -от (влотны 'учить', султоти 'поставил я', влоччы 'учись', куротис 'пригоркло', но: вашот 'выгони', лос'ота 'готовлю и т.д.). Реже под ударением бывают суф. -ышт, -ис', -ас', -ыл (л), -айт (-зйт).

Всегда ударны: 1) уменьшительно-ласкательный суф. -ок (-ёк): бара-нók 'барашек', чэпók 'цепочка', кагабók 'ребеночек', пэл'ók 'ушко' и др.; 2) уменьшительный суф. -тор: кэркуртór эм 'домик имеется', колантór 'необходимое' и др.; 3) уменьшительно-ласкательный суф. -ын'ик (а): томь'ин'ик 'молоденький', с'одь'ин'ик 'черненький', рамын'ика 'ласково'; 4) словообразовательный суф. -ос: шьд'ос 'крупа', кон'ос 'кадушка', ыб'ос 'дверь', быд'ос 'все, всё'; суф. отглагольных существительных -ис: картóшка гарй'ис 'тот, кто копает картошку', орс'ис 'игрок', ытшкис'ис-с'эз 'косари', тат'ис-с'эз 'здешние' и др.; 6) суф. -ан: пыз'ан 'стол', куран 'грабли', пик'ан 'снять' и др.; 7) суф. -ом: кын'ом 'живот', кытш'ом 'какой' и др.; 8) при суф. сравнительной степени -жык в чазевском, нижнекосинском и левичанском говорах ударение ставится на предшествующий ему слог: кóдзыд'жык 'холоднее', гажад'жык 'веселее', умóл'жык 'хуже' и др. В чураковском, пуксибском говорах в аналогичных случаях ударение колеблется. То же самое происходит с ударением в словах с суф. -ик: н'эб'ит'ик 'мяконецкий', лап'ит'ик 'низенький', ымóл'ик 'худенький'.

Ударными являются приставки н'э и мэд, например: н'эважын 'недавно', н'эылын 'близко', мэдбура 'лучше всех', мэдйон 'самый крепкий', мэдтом 'самый молодой' и др.

Языковые данные показывают, что в косинских говорах, кроме чазевского, примыкающего к говорам кочевского диалекта, степень морфологизации ударения находится на более низкой ступени развития, чем в кочевских.

В говорах, расположенных на территории Гаинского района, ударение в большинстве случаев ставится на первом слоге. Процессы морфологизации ударения выражены гораздо слабее по сравнению с кочевским и косинским диалектами (см. карты 1а, 5).

В гаинских говорах всегда ударны суф. -ок, -нан, -ан (пик'ан 'снять', с'ой'ан 'еда', кыч'ан 'щенок' и др.). Отклонения в постановке ударения на суф. -ан встречаются в самых северных диалектах — в мысовском и верхлупынском. Суффиксы порядковых числительных -одз и -от также находятся под ударением: куим'одзас 'в третьем', мук'одчид 'в другой раз', н'ол'одз 'четвертый', куим'от 'третий', вит'от 'пятый' и др.

Суф. -ис' находится под ударением в даниловском и исаевском говорах (лос'от'ис 'наладчик', уджал'ис-с'эз 'рабочие', куч'ис'ин 'ты взялся', кас'т'ис-ныт'о 'поминать-то' и др.). Причастия на -ис' от соответствующих отглагольных существительных отличаются тем, что последние имеют ударный суффикс.

Глагольный суф. -ыш (т) с уменьшительным значением находится под ударением в даниловском говоре.

Суффикс действительных деепричастий -ик находится под ударением в васькинском говоре: мис'кас'икас 'во время мытья', турун кер'икас 'во время заготовки сена', турун вай'кó 'во время доставки сена'.

В мысовском диалекте (в соседнем с гаинским диалектом) под ударением находится суф.) -ол со значением неполноты качества: уч'от'ол 'маловат', жар'ол 'жарковато', пас'кыт'ол 'широковат' и др.

При наличии суффикса сравнительной степени -жык ударение переносится на слог, предшествующий ему: б'орын'жык 'позже', бура'жык 'лучше', мат'жык 'поблизости', аб'ужык 'меньше', ыл'ожык 'подальше'. Отклоне-

ния от этого правила имеют место в мысовском и верх-лупыинском диалектах (в самом северном и соседнем с мысовским), в которых процессы морфологизации ударения находятся в стадии начального развития. Ср.: *уна́джык* 'побольше', но *зэ́ражык* 'дождливее'.

Изредка ударение падает на суф. *-от, -ал, -ас, -ыл (л), -ост, -ос, -ас, -он, -ит*. Отглагольные суф. *-от, -ал, -ас, -ыл (л), -ит* чаще всего под ударением находятся тогда, когда за ними следуют суф. инфинитивной формы глагола *-ны, -ыны*, например: *котра́с'ны* 'бегать', *бо́балны* 'баловаться', *го́с'т'у́тны* 'быть в гостях', *го́рдо́тны* 'краснеть', *кы́скы́лпо́мась* 'увозили' и др.

В русских заимствованиях у большинства из них сохраняется ударение оригинала. Больше всего отклонений в постановке ударения в заимствованных словах: наблюдается в мысовском и верх-лупыинском диалектах (см. карты 1, 5).

Ударение верхнекамского наречия ближе всего к системе ударения мысовского и верх-лупыинского диалектов северного наречия: в большинстве случаев ударение ставится на первый слог: *вунóди* 'я забыл', *кы́скала* 'таскаю', *эно́лтис* 'он забыл', *чо́рос* 'носок', *го́рдо́д* 'красный' и др.

Под ударением могут быть словообразовательные суф.: *-от, -ал, -ас, -ис, -ит (д), -уйт*. Примеры: *гол'отны* 'бренчать', *олса́лны* 'стелить', *кл'эка́с'ны* 'избивать', *чапкы́с'ны* 'отказаться', *фат'у́тны* 'хватать', *морз'уйтны* 'брезговать' и др.

Всегда ударными являются суф.: 1) *-ок*: *мыро́кэсылó* 'на пеньки', *о́рошóк* 'квасок', *пиз'ók* 'немного муки', *шоны́до́к* 'немного тепленького' и др.; 2) *-ан*: *пóзán* и *пазán* 'стол', *кычан* 'щенок', *ола́н* 'жизнь', *йуа́н* 'питье', *курта́н* 'сгребание' и т.д.

Сравнительный суф. прилагательных и наречий *-джык* перетягивает ударение на предшествующий слог: *до́на* > *до́на́джык* 'дорогой — дороже', *чо́жка* > *чо́жка́джык* 'быстро — быстрее', *по́рыс* > *по́рыс'джык* 'старый — старше' и др.

Подобное явление наблюдается и в глаголах инфинитивной формы; как правило, ударение падает на слог, предшествующий суф. *-ны, -ыны*: *сула́лны* 'стоять', но *су́лала* 'стою'; *велóдны* 'учить', но *вэ́ло́да* 'учу'; *мурта́с'ны* 'насыщаться', *та́жйа́с'ны* 'мучаться' и др. Во всех заимствованных словах сохраняется ударение оригинала. Это объясняется и наличием двуязычной среды.

Оньковский и нижнеиньвенский диалекты южного наречия характеризуются специфической системой ударения, когда место ударения в слове зависит от качества корневого гласного. Эта система ударения близка к коми-язьвинской. Такой тип ударения В.И. Лыткин в своих работах называет качественно-вокальным [Лыткин, 1952, 1961, 1965].

Как показывает языковой материал, и в этих диалектах качественно-вокальная система ударения подвергается определенным изменениям. Поскольку корневые гласные верхнего подъема *и, ы, у* в неодносложных словах не имеют на себе ударения, то ударными часто оказываются одни и те же словоизменительные или словообразовательные суффиксы. Частое употребление под ударением одних и тех же суффиксов — и плюс к этому логическое (смысловое) ударение — может привести к закреплению ударения на этих суффиксах, что мы и имеем в иньвенских говорах. Это обстоятельство приводит к морфологизации ударения. Об этом прежде всего говорят примеры с корневыми гласными неверхнего подъема, обычно удерживающими на себе ударение, например: *бос'та́лны* 'брать', *оро́тны* 'разорвать', *кэра́с'ны* 'рубить', *пэ́ткóт* 'выносит', *гору́ччóм* 'высказал он' и др.

О развитии процесса морфологизации ударения в данном диалекте свидетельствуют факты переноса ударения при наличии суф. сравнительной степени прилагательных *-жык* (*-джык*) и *-чок* с уменьшительно-ласкательным значением на предшествующий им слог: *кõдзыт* — *кõдзыджык* 'холодно — холоднее', *мáтын* — *мáтынжык* 'близко — ближе', *н'эдыр* — *н'эдырчок* 'не долго — не долго', *шõныт* — *шõныччок* 'тепло — тепленький' и др. Под ударением находится суф. *-ын'чок* с уменьшительно-ласкательным значением: *шочын'чок* 'реденький', *рамын'чок* 'ласковый, добренький', *кõсын'чок* 'худенький' и т.д.

Явление морфологизации ударения в оньковском диалекте — это новый процесс, не имеющий пока широкого распространения, но находящийся в стадии развития (см. карты 1, 5).

Говоры нижеиньвенского диалекта, за исключением крохалевского и доеговского, по ударению имеют много общего с оньковским диалектом, т.е. в них в основном сохранилась качественно-вокальная система ударения, но случаи отклонения встречаются значительно чаще, чем в оньковском. Под ударением находятся суф.: а) *-рк* (*курõжõк* 'курочка', *с'ойанõк* 'немного пищи'); б) *-ан* (*йуáн* 'питье', *с'ойáн* 'еда'); в) *-õt* (*куимõt* 'третий', *кватõt* 'шестой', *взõtны* 'учить', *с'õдõtны* 'почернеть'); г) *-э* (*в'э*), *-ау* (*с'этаõ* 'раздает', *пõжáуны* 'испечь'); г) *-õдз* (*куимõдз* 'третий', *мõдõдз* 'второй'), е) *-ис* (*уджаис* 'работящий', *гõрис* 'пахарь') и др.

Приведем примеры на отклонения от качественно-вокальной системы ударения: *шуйõны* вм. *шубны* 'говорят', *мунны* вм. *муннй* 'идти', *мыдз*; *гõдз* вм. *мыдзгõдз* 'доуспали', *миáн* вм. *миáн* 'наш', *мыйвõ* вм. *мыйвõ* 'зачем' и т.д.

В крохалевском и доеговском говорах морфологизация ударения занимает значительное место.

Некоторые следы качественно-вокального типа ударения обнаруживаются в соседнем с крохалевским — в федоровском говоре кудымкарско-иньвенского диалекта, например: *пондис* *вуднй* 'зачесалось', *муннй* *на старое место* 'идти на старое место', *пони* *кувнй* 'я стал умирать', *тэ кывзы* 'ты слушай'.

Явление морфологизации ударения имеет место и в коми-язьвинском наречии, в котором суффиксы совместных числительных (*-нан*, *-ан*), равно как и порядковых числительных (*-õt*), являются всегда ударными — даже в том случае, если гласный корня относится к гласным, удерживающим ударение, например: *э* и *и* из закрытого *ê*, *у* из закрытого *õ*, при этом *э*, по законам фонетики коми-язьвинского диалекта, не могущий стоять в безударном положении, переходит в другой звук — *ө* или *ў*: *этик* 'один', *өтнám* или *ўтнám* (иногда также *этнám*) 'я один', *өтнát* 'ты один', *куимэт* 'третий', *н'ул'õt* 'четвертый' и т.д. [Лыткин, 1961, с. 59—60].

Следовательно, морфологизированное ударение характерно не только для кудымкарско-иньвенского диалекта (и литературного языка) коми-пермяков; возникнув и развившись здесь в качестве ядра (центра), оно распространяется вширь: живые процессы морфологизации действуют на всей территории распространения северного и верхнекамского наречий, также в языке летских "пермяков" [см. также: Баталова, 1975, с. 90—115], верхнесысольских говорах и в некоторых других диалектах коми-зырянского языка. Изоглосса распространения данного явления (со средней и верхней Иньвы) тянется на юг, наступая на позиции качественно-вокального ударения и далеко на север, охватив всю территорию северного и верхнекамского наречий коми-пермяков, а также лет-

ских пермяков и верхнесыльцев на нынешней территории Коми АССР (см. карту 5).

Поскольку этапы развития морфологизации ударения совершенно идентичны, то легко можно объяснить его происхождение условиями, заложенными в самой системе общепермского ударения. Это подтвержда-ют и данные удмуртского языка [Кельмаков, 1969, с. 110—116].

Перестройка системы ударения в языке коми-пермяков не приостановилась с завершением процесса морфологизации. На основе морфологизации ударения развивается новое явление, доселе неизвестное для пермских языков — процесс фонологизации ударения. Известно, что коми-пермяцкое ударение, как и в русском языке, не связано с каким-то слогом слова и может быть в слове на любом по порядку слоге (на 1-м, 2-м, 3-м и т.д.). Эта особенность — несвязанность ударения с определенным слогом — в языке используется для различения слов или форм, состоящих из одинаковых фонем, сравните: *вэвт'ос* 'покрышка, покрывало' и *вэвт'ос* 'моего покрывала, моей крыши' (форма вин. п.), *рэк'тас* 'очищенное, вырубленное место' и *рэк'тас* 'он освободит, опростает что-то (например, ведро)' и т.д. Как видно из приведенных примеров, достаточно одного различия в месте ударения для противопоставления подобных пар слов и форм. Поэтому коми-пермяцкое ударение в силу своей разноместности оказывается фонологическим средством [см. также: Гвоздев 1949, с. 98—168]. Местом ударения в коми-пермяцком языке (в литературном и его диалектах) различаются не только значения слов и их оттенки, но и грамматические категории [см. подробнее об этом: Баталова 1975, с. 115—123].

Фонологическая роль ударения не во всех диалектах языка коми-пермяков одинакова. Это зависит от степени морфологизации ударения, т.е. закрепления его на том или ином словообразовательном суффиксе. Поскольку в диалектах северного и верхнекамского наречий, а также в рассмотренных диалектах коми-зырянского языка процесс морфологизации ударения находится на разных ступенях развития (чем дальше к северу, т.е. от "центра", тем слабее он выражен), то и фонематическая роль ударения в диалектах этих наречий менее выражена по сравнению с южными диалектами. Приведем примеры из окраинных диалектов. Так, в мысовском и верх-лупьинском диалектах северного наречия и в говорах верхнекамского наречия местом ударения различаются отглагольные имена существительные на -ан и глагольные формы 2-го лица ед. числа настоящего—будущего времени (*йу'ан* 'питье' — *йу'ан* 'пьешь', *о'лан* 'жизнь' — *о'лан* 'живешь', *кур'тан* 'сгребание' — *кур'тан* 'сгребаешь' и др.); порядковые числительные на -от от соответствующих количественных числительных в переходном падеже (*ку'им'от* 'третий' — *ку'им'от* 'через три', *н'ол'от* 'четвертый' — *н'ол'от* 'через четыре' и др.).

В связи с развитием процесса морфологизации ударения в некоторых коми-зырянских диалектах начинают действовать процессы фонологизации ударения. Ср.: лет. и вс. *вис'ан* 'болезнь' и *вис'ан* 'болеешь', *уджал'ом* 'работа' и *уджал'ом* 'он работал', *кос'ас'ом* 'драка' и *кос'ас'ом* 'он дрался' и др.

Определенные условия для грамматикализации и лексикализации ударения создаются и в некоторых диалектах близкородственного удмуртского языка [Кельмаков, 1969, с. 110—116].

Аффрикаты и особенности их употребления

В коми языках употребительны аффрикаты *ч, дз, дж, тш*; из них *дж* и *тш* — твердые, *дз* и *ч* — мягкие.

В ряде диалектов и говоров наблюдаются определенные колебания в употреблении и произношении аффрикат. Наиболее заметные и существенные отклонения характерны для ижемского диалекта коми-зырянского языка. На более мягкое произношение ижемских аффрикат, по сравнению с другими коми диалектами, в ряде работ указал В.И. Лыткин [Лыткин 1930₂, с. 65—66; Он же, 1949, с. 143]. Он обратил внимание и на краткость фрикативного момента *ч* и *дз* (*т.с'* и *д.з'*). На это указывали также Ю. Вихман и Т. Уотила [Вихман 1916; Уотила, 1938].

В ижемском ареале в произношении аффрикат *ч, дз, тш, дж* нет единства (см. карту 1).

Аффриката *ч*

Звук *ч* произносится как *ц'* (*ц* мягкий) или *ч* в одном и том же слове. Цоканье чаще наблюдается у пожилых женщин: *миц'а* 'красивый', *ц'аз* 'щепа', *ц'ан* 'жеребенок', *ц'арла* 'серп', *пац* 'печь', *ц'ац'а* 'игрушка' и др. Мягкое *ц'* в диалекте может замещаться и более твердым *ц*, например: *воцкыны* 'ударить'. В одних и тех же словах *ц'* может употребляться параллельно с *ч*: *ц'эпрооны* и *чэпрооны* 'щипать, ушпыкивать', *ц'эран* и *чэран* 'паук', *лöц* и *лöч* 'паутина'. По описанию М.А. Сахаровой и Н.Н. Селькова, звук *ц* образуется из *т* и *с*, произносимых не совсем интенсивно и мгновенно [Сахарова, Сельков, 1976, с. 25].

На основе анализа имеющихся публикаций по данному региону, авторы приходят к выводу, что ранее явление цоканья среди носителей ижемского диалекта, по-видимому, было распространено значительно шире. Так, М.А. Кастрен в работе *Elementa grammaticae Syriänae* (H-ki, 1844) на месте *ч* других диалектов при написании ижемских слов употреблял *ц'* (в его написании — *-cj*): *ц'ой* 'сестра', *ц'ом* 'чум, шалаш', *ц'орыд* 'твердый, жесткий, черствый', *ц'ун* 'палец', *ц'ал* 'мизинец', *руц* 'лиса', *пэткэц'ы* 'покажись', *тэнц'ыд* 'твой', *миц'а* 'красивый', *з'икэц'э* 'стучит' и т.д. Через *ц* (*с*) он передает только слова: *царство*, *быдцэн* 'даже, все', *птицай-ас* 'птицы'.

М. Истомин в своей работе "Об этимологических формах ижемско-зырянского языка..." на месте *ч* других коми диалектов последовательно употреблял *ц'* (*ць*). Примеры (приводятся в его написании): *роць* 'русский', *руць* 'лиса', *ацьыд* 'ты сам', *вицькоын* 'в церкви', *миця* 'красивый', *гажедцьыны* 'веселиться', *цюнь* 'палец', *цяг* 'щепа', *куця* 'стану' и др. [Истомин, 1857].

А.М. Михайлов в книге "Практическое руководство к изучению ижемско-зырянского языка" также пишет, что звук *ц* произносится всегда мягко и только в словах *царь* и *церковь* *ц* выговаривается твердо. Ср. примеры: *роць* 'русский', *рöць* 'угол', *цёрыд* 'скупой, жестокий; твердый', *вицько* 'церковь', *цёй* 'сестра', *цюкцийес* 'глухари', *велöдцьыны* 'учиться', *миця* 'красивый', *тысяця* 'тысяча', *воцькыны* 'починить', *веськедцьыны* 'поправиться' и др. [Михайлов, 1873, с. 8].

Большой интерес представляют данные П.С. Кузнецова по севернорусским говорам, близлежащим к этому региону. Так, в статье "О го-

ворах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы" он пишет, что "переднеязычные аффрикаты представлены фонемой, артикуляция которой вне зависимости от оппозиционных условий колеблется от *ц* до *ч* с различными промежуточными образованиями, больше склоняясь в сторону *ц*. Колебания возможны у одного и того же лица. Основному слою говора свойственно палатализированное произношение этой аффрикаты. Палатализованное *ц* может утрачивать фрикативный элемент и на его месте образуется своеобразный согласный типа *т*, который, по-видимому, произносится при дорсальном (как вообще при палатализованных согласных) положении спинки языка, примыкающей на широкой поверхности к переднему нёбу, причем отрыв производится сразу, кончик же языка нейтрален, опущен вниз, а не прижат к зубам. Примеры: *с'т'итали* (=считали — Окуповка), *ц'етыре т'еса* (=четыре часа — Матокурье), *н'ит'ево*, *на гран'ит'е*, *пт'ит'ка*. И далее он отмечает, что "несмотря на наличие влияния литературного языка, цоканье держится довольно упорно" [Кузнецов, 1949, с. 29–30].

Д.Т. Лисенкова, исследовавшая консонантизм русского говора с. Трусово Усть-Цилемского района Коми АССР (сопредельного с Ижемским районом), отмечает, что отличительной чертой этого говора является цоканье, т.е. неразличение аффрикат *ц* и *ч* и совпадение их в одном звуке — в мягкой свистящей аффрикате *ц'* (*цулки*, *на пец'и*, *ц'ужой*, *н'эц'ем*, *по бережоц'ку*, *л'ец'ит*, *ц'ерез рец'ку* и др.) [Лисенкова, 1964, с. 22.; Кузнецов, 1960, с. 76].

Явление мягкого цоканья в ижемском диалекте объясняется глубоким влиянием севернорусского говора, точнее, вхождением в этнический состав ижемцев носителей севернорусского (новгородского) говора. В севернорусских говорах, по мнению многих ученых, цоканье возникло под влиянием финно-угорских языков [см. также: Сахарова, Сельков, 1976, с. 28].

В диалекте обычно перед зубно-дорсальными согласными *т*, *д*, *с*, *з*, *н*, *л* аффриката *ч* теряет фрикативный элемент и произносится как *т'*: *тэт'ны* (вм. *тэчны*) 'класть', *скат' локтэ* (вм. *скач*) 'едет вскачь', *колэ вот'ны* (вм. *вочны*) 'надо ремонтировать', *пэрэт'тэг* (вм. *пэрэчтэг*) 'без перца', *көт'тэ* (вм. *көчтэ*) 'зайца-то' и др. Но звук *т'* на месте *ч* изредка встречается и в иных фонетических условиях (в начале и в конце слова): *көрт пат'* (вм. *пач*) 'железная печка', *зат'* (вм. *зач*) 'штаны' и др. Это явление встречается и в речи коми-ижемцев, проживающих на Кольском п-ове (с. Ловозеро, д. Краснощелье): *т'агыс* (вм. *чагыс*) 'щепа', *т'ал'т'ун'* (вм. *чал' чун'*) 'мизинец', *көт'* (вм. *көч*) 'заяц', *т'эран'* (вм. *чэран'*) 'паук' и др. В этом говоре *т'* может произноситься также на месте *ц* в русских заимствованиях: *т'эл* 'цепь', *пэрэт'* 'перец', *купэт'* 'купец'. Такое произношение характерно для одного и того же носителя говора кольских ижемцев в одном и том же слове.

М.А. Сахарова и Н.Н. Сельков указывают, что в речи кольских ижемцев звук *ч* произносится как коми литературное *ч* (это наиболее употребительный вариант) или *т'с'* (акустически близкое мягкому *ц'* и *т'*), ср.: *чаг* и *т'аг* 'щепа', *чун'* и *т'ун'* 'палец', *чага* и *т'аг'а* 'игрушка', *пач* и *пат'* 'печь' и др. [Сахарова и Сельков, 1960, с. 132–133].

Случаи употребления палатального *т'* вместо *ч* имеются и в говорах обских (ижемских) коми, проживающих в Ямало-Ненецком автономном округе (в селах Мужи и Шурышкары и др.) с XVI в., например: *рут' < руч* 'лиса', *гат' < гач* 'штаны' и др. [Жилина, Колегова, 1960].

Аналогичное явление имеется в ареале удорского говора (соседнего с

ижемским с запада; см. карту 1), где аффриката *ч* перед зубными согласными *д, т, л, н*, с переходит в палатальный *т'*, например: *мыт'т'ом* 'некрасивый' (ср. *мича* 'красивый'), *кирпит'тор* 'обломки кирпича' (ср. *кирпич*) и др. [ССКЗД, с. 457].

В ранних русских заимствованиях в ижемском диалекте на месте *ч* чаще произносится звук *ц'*, например: *гац'* 'штаны', *ц'эл'ад* (вм. *чэл'ад*) 'ребенок', *кл'уц* (вм. *кл'уч*) *ва* 'ключевая вода', *кирпиц'* 'кирпич', *пац'* 'печь'. В заимствованиях из русского языка более позднего периода на месте *ч* независимо от фонетических условий обычно произносится аффриката *тш* или более мягкое *тш'*. Примеры: *полутшитны* 'получить', *пэтшат'* 'печать', *потшот* 'почет', *патшка* 'пачка', *зататша* 'задача', *утшител'* 'учитель', *отшэрэд'* 'очередь', *л'отшик* 'летчик', *мэд'итшка* 'меди́чка' и т.д.

В говоре кольских ижемцев, живущих среди русских (и саамов), русское *ч* обычно передается через аналогичное мягкое *ч*: *чеснок*, *чулки*, *чад'итны* 'чадить', *челядь*, *тысяча*, *ключ* и т.д. Однако в ряде заимствований *ч* передается через *тш* или *т'ш'* (более мягкое *тш'*). Примеры: *четверг* и *тшетверг*, *чашка* и *тшашка*, *чесь* и *тшесь* 'честь' и др. В русской речи кольских коми (ижемцев) русское *ч* замещается звуками *тш* или *тш'*, ср.: *втшера* 'вчера', *медитшка* 'меди́чка', *вратш* 'врач', *тшас* 'час' и др. Иногда русское *ч* передается через *т'* (*крит'ите* 'кричите', *хлопот'итны* (вм. *хлопочитны*) 'хлопотать' и, наоборот, — *ч* выступает вместо *т'*: *често* < *тесто*, *вереча* < *веретья* 'веретье, веретейка (гряда, гривка)' [Сахарова, Сельков, 1960, с. 133].

Явление замены русского *ч* в заимствованиях из русского языка звуком *тш* или его вариантом *тш'* наблюдается и в удорском диалекте, ср.: *тшин* 'чин', *тшесь* 'честь', *р'об'отшей* 'рабочий', *тшисло* 'число', но *получитан* 'получишь' [ССКЗД, с. 457; Сорвачева, 1950, с. 233–272].

В бассейне Верхней Вашки (на Удоре) — в верхневашском говоре в начале слова иногда встречается *тш* на месте *ч* других диалектов: *тш'ож-ны* 'копить', *тшуж* 'солод', *тш'ож* 'утка; в течение', *тшуж'ом* 'лицо', *тшэж-й'ов* 'молозиво', *тшуж'йыны* 'лягнуть, пнуть', *тшигыр ныра* 'курносый' и др. Звук *тш* на месте *ч* в коми словах встречается также и в летском говоре: *тшужны* 'родиться', *тшыш'ян* 'платок', *тшыш'кыны* 'подмести', *тшуж'йыны* 'пнуть' и др. В.И. Лыткин считает, что в ряде коми слов сохранилось начальное исконное *тш* в удорском и летском диалектах, а в остальных оно перешло в *ч* в результате смягчения: *ч* > *ч'* (орф. *тш* > *ч*) [Лыткин, 1957, с. 116–118].

Д.Т. Лисенкова также отмечает наличие твердого *ч* и в недавно усвоенных словах в русском говоре с. Трусово Усть-Цилемского района (в соседнем с ижемским диалектом; см. карту 1). Примеры (приводятся в транскрипции автора): *выкл'учат'ел'*, *участок*, *начал'н'ук*, *учит'ел'*, *чар-вон'ц'и*, *получает* и др. При этом она отмечает, что отдельные слова из приведенных выше примеров одни и те же информаторы произносят то с *ц'*, то с *ч* (твердым): *врац'и* и *врачы*, *ц'ай* и *чай* и т.д. Д.Т. Лисенкова указывает также, что аффриката *ч* средним и старшим поколениями этого русского говора усваивается в твердом произношении, и что она (*ч*) однотипна с десновой аффрикатой *тш* в коми языке [Лисенкова, 1964, с. 27].

П.С. Кузнецов отмечает, что твердое *ч* в некоторых севернорусских говорах появляется или на основе тенденции различения *ц* и *ч*, или как результат отвердения шипящих, т.е. не в связи с цоканьем. Явление отвердения *ч* отражает процессы совсем недавнего времени [Кузнецов, 1960, с. 76, 90–91].

Говоря о цоканье, П.С. Кузнецов считает, что исторически оно возникло под индонезийским влиянием. В древности как *ц* и *ч*, так и единая заменяющая их аффриката, были мягкими согласными. В дальнейшем они в разное время отвердевают. Поэтому твердое цоканье представляет результат позднейшего развития [Кузнецов, 1960, с. 88].

Таким образом, колебания в употреблении и произношении звука *ч* свойственны речи ижемских коми (в том числе, кольских и обских), а также речи носителей удорского и верхневашского говоров, имевших контакты с соседними ижемцами (см. карту 1). Рассматриваемое явление представляет определенный ареал. Центр инновации находится в бассейне р. Ижмы.

Аффриката *дз*

Аффриката *дз* в ижемском диалекте произносится мягче, чем в других коми диалектах. Звук *дз* является звонким соответствием *ц*, произносится с малой интенсивностью и мгновенно. Примеры: *дз'одз'эг* 'гусь', *кудз* 'как', *к'одз'ыд* 'холод', *кы:дз* 'береза', *дз'одз'уу* 'ящерица', *дз'эбны* 'спрятать', *дз'ол'а* 'маленький' и др. В речи отдельных информантов (главным образом, пожилых женщин) зарегистрировано произношение твердого *дз* и его не слитное произношение (*дз* = *д+з*), например: *куд+з* 'как'. М.А. Сахарова и Н.Н. Сельков отмечают, что такой звук акустически производит впечатление своеобразного звонкого *ц* и каким-либо фонетическим положением не обусловлен, например: *водзэ* 'вперед', *к'одзты* 'холодно', *сидз* 'так', *жэбиндзык* 'скудный', *пэлидз* 'рябина', *дзон* 'целый', *видзны* 'хранить' и др. [Сахарова, Сельков, 1976, с. 31].

Аффриката *дз* (мягкая) перед *д, з, л, н, с, т* теряет фрикативный элемент и произносится как *д'*: *кимод'нас* < *кимодзнас* 'основанием ладони', *вид'ны* < *видзны* 'беречь', *лэд'лы* < *лэдзлы* 'позволь, пусти, отпусти', *мыд'тэ* < *мыдзтэ* 'твою усталость' и т.п. [там же, с. 31]. В говоре обских коми-ижмцев также встречаются случаи употребления *д'* вместо *дз*, сравните: *вид'ным* (вм. *видзным*) 'наша пожня', *л'од* (вм. *л'одз*) 'овод', *лэд'ны* (вм. *лэдзны*) 'отпустить, освободить', *сод'тыр* (вм. *содзтыр*) 'полная пригоршня', *вид'ны* вм. *видзны* 'держать', *мыд'тэдз* (вм. *мыдзтэдз*) 'до устали', *ад'д'ылим* (вм. *адздылим*) 'мы видели' [Жилина, Колегова, 1960, с. 156].

В говоре кольских коми (ижмцев) аффриката *дз* произносится как коми литературное *дз* или *д'з* (акустически более мягкое *дз* с кратким фрикативным элементом) и *д'*, который на слух почти не отличается от *д'* других говоров. Все три варианта *дз, д'з* и *д'* могут употребляться в одном и том же слове, независимо от фонетических условий, часто у одного и того же лица. Но следует заметить, что перед зубными *д, з, л, н, с, т* чаще выступает вариант *д'*. Примеры: *дз'орны* 'трястись, дрожать', *н'одзлас'ны* 'потягиваться', но: *вэн'дзыс'ны* и *вэн'д'ыс'ны* 'спорить', *из мыдз* 'не устал он' и *из мыд* 'я не устал', *дзэбны* и *д'эбны* 'спрятать', *гырдзда* и *гырд'д'а* 'покоть', *л'одз* и *л'од* 'овод', *вид'с'о* (вм. *видзс'о*) 'луг-то', *к'од'ны* (вм. *к'одзны*) 'сеять' и др. (Сахарова, Сельков, 1960, с. 31).

В шошецком и онежском говорах вымского диалекта аффриката *дз* также теряет фрикативный элемент: *вод'на* (<*водз на*) 'рано еще', *оз лэд' да* (<*оз лэдз да*) 'не отпускает да', *куд'тэ* (<*кудз тэ*) 'как ты', *сит' тай* (<*сид' тай* < *сидз тай*) 'так и есть' и др. [Ляшев, 1975, с. 61].

Это явление характерно и для говора с. Нившера верхневыхгодского диалекта, примыкающего с юга к ижемскому диалекту (см. карту 1).

Ср.: *лэдз* 'пусти', но *лэд'ни* 'пускать, пустить', *лэд'лини* 'пустить, отпустить (на время)', *асыводз* 'утро', но *асывод'нас* 'утром', *кыд'нэ* (<*кыдз нэ*) 'как же', *н'удз* 'зеленый' и *н'уд'виж* 'светлозеленый' и др. [Сорвачева и др., 1966, с. 66].

В отдельных случаях в речи кольских ижемцев вместо *дз* других диалектов произносится шепелявое *з'*: *виз'лыны* (вм. *видзлыны*) 'посмотреть', *виз'лыс'ан* (вм. *видзлыс'ан*) 'зеркало' и др. [Сахарова, Сельков и др., 1960, с. 66].

В переходном половницком и княжпогостском говорах (в бассейне Выми) аффриката *дз* в сочетании с переднеязычными согласными теряет взрывной элемент: *виз'тö* < *видзтö* 'пуг-то', *кöз'дöдны* < *кöдздöдны* 'похолодать', *лэз'лыны* < *лэдзлыны* 'отпустить (на время)'. В веслянском говоре этого же (вымского) диалекта данное явление также встречается в виде тенденции, а в говоре с. Синдор сосуществуют оба варианта *дз* > *з'*, *дз* > *д'*: *виз'* (<*видз*) *н'имйасыс* 'названия лугов', *кöд'лис* 'сеял было он', *вод'дöра* < *водз дöра* 'передник', *кут'тэ* (<*куд'тэ* < *кудзтэ*) *тоон воин?* 'как ты сегодня пришел?' и др. [Ляшев, 1975, с. 61]. Отмечается, что процессы деаффрикатизации в той или иной степени коснулись всех говоров диалекта.

В шошецко-онежских говорах аффрикаты теряют смычной элемент: *вод'на* (вм. *водз на*) 'рано еще', *кут'* (<*куд'*) *тэ адздзан* 'как ты видишь?', *кага кид'ны* 'нянчиться', *оз лэд'* 'не отпускает', *сит' тай* (<*сид'* < *сидз*) 'так и есть'. Это явление охватывает также верхневымские населенные пункты (Турья, Кони): *гижöма сид'* да 'написано же так', *калит'тö* 'крючок-то', *öнöд' на олöны* 'до сих пор живут', *лэд'ны н'экычö* 'выпускать некуда' [Ляшев, 1975, с. 61].

Это явление довольно широко распространено в печорском диалекте, где вместо *дз* перед зубными согласными *д*, *т*, *н*, *л* произносится фрикативный *з'*, ср.: *кöдзыд* 'холод, холодный' — *кöз'дöдны* 'холодать, похолодать', *рöмидз* 'жвачка' — *рöмиз'тан* 'жвачный', *мудз* 'усталость' — *муз'тöдз* 'до устали', *лэдза* 'пускаю, пушу' — *лэз'лыны* 'пустить, отпустить (на время)' и др. [Сахарова и др., 1976, с. 17].

Ср. также примеры из верхневыхгодского: *видз* 'береги' — *виз'ни* 'сберечь, хранить', *водзас* 'впереди' — *воз'лан'* 'вперед, впредь', *кöдзид* 'холодный' — *кöз'дэдни* 'похолодать', *сидз* 'так' — *сиз'над*, *сиз'тэ* 'таким образом'. Необходимо подчеркнуть, что переход аффрикат *дз*, *дж*, *ч*, *тш* во фрикативные *з'*, *ж*, *с'*, *ш* перед *д*, *т*, *л*, *н* последовательно распространено в говоре с. Усть-Нем, Мыелдино и Вочь (в юго-восточной части верхневыхгодского диалекта), примыкающего с юго-запада к печорскому диалекту. Отмечается, что это характерно в основном для речи старшего поколения. Примеры: *водзас* 'впереди' — *воз'лан'* 'вперед', *джуджид* 'высокий, глубокий' — *джудздэни* 'делать выше, глубже', *лэчид* 'острый' — *лэс'тас'ни* 'оттачивать', *вöча* 'делаю, сделаю' — *вös'ни* М. Устьн. 'делать, сделать', *ан'китш* 'горох' — *ан'кишнас* 'горохом', *потш* 'жердь' — *пошни* М. 'городить, загородить' и др. [Сорвачева и др., 1966, с. 64].

В остальных говорах употребление фрикативных *з'*, *ж*, *с'*, *ш* на месте аффрикат *дз*, *дж*, *ч*, *тш* наблюдается ограниченно [там же, с. 64].

Таким образом, в печорском и в соседнем с ним верхневыхгодском диалектах, в отличие от ижемского, аффриката *дз* сохраняет фрикативный элемент, а утрачивается взрывной.

В печорском же диалекте вместо аффрикаты *дз* после согласного *д*, как и в среднесольском диалекте, произносится фрикативный *з'*. При этом характерно раздельное произношение *д* и *з'*, например: *адзыны*

(вм. *ад+дзыны*) 'видеть, найти', *бёрдз'ыны* (вм. *бёрд+дзыны*) 'заплакать', *ёдз'отс'ыны* (вм. *ёдз+дзотс'ыны*) 'разбежаться, ускорить движение', *гёрдз'алны* 'завязать узел', *лудз'ыны* (вм. *луд+дзыны*) 'зачесаться', *гырдз'а* (вм. *гырд+дза*) 'локоть' и др. [Сахарова и др., 1976, с. 32].

Следовательно, колебания в употреблении и произношении звука *дз* свойственны речи носителей вымского, ижемского, печорского диалектов, а также отдельным говорам верхневычегодского диалекта. Данное звуковое явление занимает компактную территорию; оно, несомненно, на Верхнюю Вычегду было "занесено" переселенцами с Выми и Ижмы (см. карту 1).

Аффриката *дж*

Аффриката *дж* в ижемском диалекте (и в его периферийных говорах — кольском и обском) независимо от фонетических позиций может произноситься мягче, но наряду с *дж'* употребляется и *дж* (твердая аффриката), например: *дж'адж* и *джадж* 'полка', *дж'идж* и *джидж* 'птичка', *ыдж'ыд* и *ыджыд* 'большой', *пудж'ни* и *пуджны* 'загнуть' [Сахарова, Сельков, 1976, с. 32]. Ср. примеры из речи кольских коми: *джын* 'половина', *джадж* и *дж'адж* 'полка', *джидж* и *дж'идж* 'птица' и др. [Они же, 1960, с. 133]. Звук *дж* перед *д* произносится как *ж*: *йэждоо* (вм. *йэдждоо*) 'беловатый', *джуждаа* (вм. *джудждаа*) 'высоко', *ыждэдны* (вм. *ыджэдэны*) 'увеличивать', *ыждооны* (вм. *ыдждооны*) 'капризничать', *уждыны* (вм. *удждыны*) 'занимать' и др. [Сахарова, Сельков, 1960, с. 133].

Единичные случаи деаффрикатизации зарегистрированы и в вымском диалекте, ср.: *йэждоо* < *йэдждоо* 'беловатый', *ыжда*, *ышта* < *ыджда* 'величиной с', *уждис'ё* < *удждис'ё* 'занимает', *вужны* < *вуджны* 'перейти', *вужрас'ны* < *вуджрас'ны* 'мелькать тенью' и др. [Ляшев, 1975, с. 59].

В печорском диалекте вместо аффрикаты *дж* перед согласным *д* (и плюс перед *т*), в отличие от других диалектов, также произносится фрикативный *ж*: *йэджыд* 'белый' — *йэждыны* 'белиться, побелеть', *йэждол* < *йэдждол* 'беловатый', *джуджыд* 'высокий' — *джужта* 'высота', *удж* 'работа' — *уждыны* (вм. *удждыны*) 'занять, взять взаймы', *джодж* 'пол' — *джож* *д'ора* 'половик', *йиджны* 'проникать' — *йижтыны* (вм. *йиджтыны*) 'пропускать, протекать' и др. [Сахарова и др., 1976, с. 17].

Ср. также данные по верхневычегодскому диалекту, где *дж/ж*: *йэджид* 'белый' — *йэждэдни* 'белить, побелить', *йиджис* 'впиталось, просочилось' — *йижтини* 'пропускать, протекать' и др. [Сорвачева и др., 1966, с. 63—66].

В удорском диалекте, выходцы которого принимали участие в формировании ижемского диалекта (наряду с выходцами Выми), в отличие от ижемского, печорского, верхневычегодского диалектов, *дж* перед *д* переходит в *д*: *ыджыд* 'большой' — *ыдда* 'величина', *ыддавыны* (< *ыдждавыны*) 'журить, бранить', *ыддыны* (< *ыдждыны*) 'увеличиваться', *йэджыд* 'белый' — *йэддыны* (< *йэдждыны*) 'побелеть' [Сорвачева, 1950, с. 24—25]. Следовательно, в этом говоре аффриката *дж* теряет фрикативный элемент, а сохраняет взрывной.

Итак, колебания в употреблении и произношении аффрикаты *дж* свойственны речи жителей Ижмы, Печоры, Удоры; имеют место также в верхневычегодском диалекте; единичные случаи зафиксированы в некоторых говорах вымского диалекта. Заметим, что оба последних диалекта являются сопредельными с названными выше диалектами — верхневычегодский — с ижемским и с печорским (с юга), а вымский — с удорским (с севера) и с ижемским — на северо-востоке. Таким образом, вырисовывается определенный ареал (см. карту 1).

На территории ижемского диалекта аффриката *тш* также может произноситься несколько мягче, но наряду с *тш'*, выступает также и вариант *тш*, например: *потш'* и *потш* 'жердь', *тш'ак* и *тшак* 'гриб', *тш'ын* и *тшын* 'дым', *этш'а* и *этша* 'мало', *тш'ыз* и *тшыз* 'голодный', *тш'отш* и *тшотш* 'тоже' и др. [Сахарова, Сельков, 1976, с. 32]. Ср. также примеры из речи кольских коми, в которых чаще произносится *тш* и реже *т'ш* (более мягкое *тш*): *кытшыл* 'круг, изгиб, кривизна', *лотшак* 'жук', *тотшкыс'ны* 'стукнуться', *тшыгэм* 'тесный', *витшкыны* 'ругаться', *тшапыд* 'сырой', *латш* 'носки' и др. [Они же, 1960, с. 133].

В верхневыхегодском диалекте аффриката *тш* перед *д*, *т*, *л*, *н* переходит в *ш*, т.е. утрачивает взрывной элемент: *ан'китш* 'горох' — *ан'кишнас* (вм. *ан'китшнас*) 'горохом', *потш* 'жердь' — *пошни* 'городить, загородить' и др. [Сорвачева и др., 1966, с. 64].

Заметим, что аффриката *тш* в отдельных диалектах употребляется иногда на месте *ч*, а в русских заимствованиях — на месте *щ*.

* * *

Выше мы рассмотрели употребление аффрикат *ч*, *дз*, *дж* и *тш* в ижемском диалекте (и в его периферийных говорах — в речи кольских и обских коми-ижмцев) в сравнении с имеющимися данными печорского, удорского, вымского и верхневыхегодского диалектов, составляющих определенный ареал, на территории которого наблюдаются процессы трансформации таких аффрикат, как *ч*, *дз*, *дж* и *тш* (см. об этом выше, а также карту 1).

Ижемский диалект дает обильный своеобразный языковой материал, и он интересен еще и тем, что консолидация и окончательное формирование его находится в процессе развития и нивелировки. Как известно, массовое заселение бассейна р. Ижмы (притока р. Печоры), с которым связано формирование ижемского диалекта коми-зырянского языка, происходило относительно поздно. В формировании этнографической группы коми-ижмцев, начавшей складываться со второй половины XVI в., приняли участие вымские и удорские коми, северные великоруссы (в основном новгородцы) и ненцы. По утверждению коми лингвистов, базой для ижемского диалекта послужил вымский нуль-зловый диалект, который в основных чертах сложился в XIV–XVII вв. К концу XVIII в. ижемские коми выработали те диалектные особенности, которыми отличаются от других коми диалектов [Сахарова, Сельков, 1976, с. 4–5].

Н.Н. Чебоксаров полагает, что антропологический тип ижмцев сложился в результате метисизации переселившихся на Печору вымичей, удорцев, а также новгородцев, имевших физический тип, близкий к беломорскому" [Чебоксаров, 1946, с. 51].

К сожалению, в нашем распоряжении пока что нет монографических исследований ни по вымскому, ни по удорскому диалектам⁷. Имеющиеся сведения слишком скудны, чтобы показать, какое развитие получили в ижемском диалекте те или иные унаследованные черты из названных выше диалектов.

⁷ К сожалению, работа по среднесыольскому диалекту вышла в свет после завершения данной работы, поэтому ее данные не могли быть использованы автором в полной мере. Отсутствует монографическое исследование по лузско-летскому диалекту коми-зырянского языка.

В присыктивкарском диалекте, в большинстве его говоров, аффрикаты *дз*, *ч*, *дж*, *тш* употребляются в своем основном варианте. Отдельные отклонения характерны для говоров сс. Шошки, Вильгорта, Зеленца и Тентюкова.

Так, в говоре с. Шошка суф. сравнительной степени *-жык* выступает в варианте *-джык* (*дж* вм. *ж*) в словах, основа которых оканчивается на согласные *д* и *дз*, при этом предшествующий взрывной согласный ассимилируется и переходит в *дж*, сравните примеры: *донажык* (<*дона+жык*) 'дороже', *куз'жык* (<*куз'+жык*) 'длиннее', *буржык* (<*бур+жык*) 'лучше', *зил'жык* (<*зил'+жык*) 'умнее', но: *дубыджык* (<*дубыд+джык*) 'недостаточно соленый', *ыджыдджык* (<*ыджыд+джык*) 'больше', *дзэскыдджык* (<*дзэскыд+джык*) 'теснее', *водзджык* (<*водз+джык* < *водз+жык*) 'раньше', (*сылон*) *кыдзджык* (<*кыдз+джык* < *кыдз+жык*) ' (у него) больше березы (о дровах)' и др. [Жилина, Бараксанов, 1971, с. 34–35]. Здесь происходит процесс аффрикатизации (см. об этом также на с. 122–126).

В названных выше говорах аффрикаты *дж*, *дз*, *тш*, *ч* в середине слова перед согласными производятся с ослаблением взрывного момента или даже с полной его потерей. Таким образом, их произношение приближается или совпадает с произношением соответствующих фрикативных согласных *ж*, *з*, *ш*, *с*. Однако при медленном темпе речи восстанавливается основной вариант перечисленных аффрикат. Примеры: *йэджыд* 'белый', В.Ш. *йэжыны* (вм. *йэджыны*) 'белеть, побелеть', Ш. *йэждоват* (вм. *йэдждоват*) 'беловатый', *ыджыд* 'большой' — В.Ш. *ыжда* (вм. *ыджда*), З. *ыжта* (вм. *ыджта*) 'величина', Ш.З. *ыжыны* (вм. *ыджыны*) 'увеличиваться'; *көдзыд* 'холод, холодно, холодный' — Ш. *көз'дөдас* 'похолодает', *водзө* 'вперед' — Ш. *воз'ладор* 'перед, передняя часть', Ш. *коз'лавыны* (наряду с *кодзлавыны*) 'сверкать'; *этш* 'мера, предел' — В.Ш. *зшсө оз төд* 'он зазнался', скр. В.Т.З. *тшытшлыны* — Ш. *тшышлыны* 'кромсать, искромсать'; *лэчыд* 'острый' — Ш.З. *лэс'тан* 'точный брусок для оттачивания кос во время косыбы'; *закал в хлебе*, *лэс'таңавны* 'точить, отточить (бруском или лопаткой)', *лэч* 'силоком, ловушка' — *лэс'туй* 'охотничье угодье с силками и ловушками' [Жилина, Бараксанов, 1971, с. 36–37].

Фонетическое явление утраты взрывного элемента аффрикатами, характерное для ижемского, печорского и верхневьегодского диалектов, и зафиксированное в отдельных (в названных выше) говорах присыктивкарского диалекта, очевидно, не является в последнем продуктом конвергентного развития, а оно привнесено на данную территорию переселенцами с Верхней Вычегды. Следует сказать, что в свою очередь "жители Присыктивкарья принимали активное участие в заселении Верхней Вычегды, которое наиболее интенсивно происходило в XVII–XVIII вв." [Жилина, Бараксанов, 1971, с. 6–15] (см. карту 1).

Представляет определенный интерес появление мягкой аффрикаты *дз* в лузско-летском диалекте на месте фрикативного *з'* других коми диалектов независимо от комбинаторных условий. Примеры: *төлдзыны* (ср. скр. *товз'ыны*) 'мчаться, нестись подобно ветру', *лэбдзыны* (ср. скр. *лэбз'ыны*) 'лететь, полететь', *лолдзыны* (ср. скр. *ловз'ыны*) 'оживиться, оживать, ожить', *шырдзыны* (ср. скр. *шырз'ыны*) 'обрывать, отделять, обвивать', *полдзыны* (ср. скр. *повз'ыны*) 'пугаться, испугаться', *дзэл* (ср. скр. *з'эл*) 'карман' [ССКЗД, с. 457]. Это явление противоположно тому явлению, которое имеется в ижемском, печорском и верхневьегодском диалектах — утрате взрывного элемента аффрикатами *дз*, *дж*, *тш*. Данное явление (*дз* < *з'*) следует отнести к процессу аффрикатизации.

В отличие от коми-зырянского языка, коми-пермяцкие диалекты по

употреблению аффрикат *дз*, *дж*, *тш* характеризуются наличием незначительных отклонений. В отдельных диалектах и говорах встречаются единичные случаи деаффрикатизации, не обусловленные какими-то фонетическими условиями, например: ис. *этшөм* (вм. *этштшөм*) *рожаыс* 'вот такое лицо', *сэшшөм* (вм. *сэтштшөм*) *олан* 'такая жизнь'; лев. *эшөмөс* (вм. *этштшөмөс*) *куума* 'вот такие три', *сэшшөмыс эм* (вм. *сэтштшөмыс*) 'такой-то имеется, есть', *раз'ны* (вм. *радзны*) 'сломать, разрушить'; мыс. *пышын* (вм. *пытшын*) 'опышни'; пел. *вужны* (вм. *вуджны*) 'перейти через чего-л.', *н'ишнас* (вм. *н'итшнас*) 'со мхом'; нердв. *ышкисö* (вм. *ытшкисö*) 'накосили', *ышкыны* (вм. *ытшкыны*) 'косить'; ср.-и. *ышкис'ан кад* (вм. *ытшкис'ан*) 'пора сенокоса', *н'иш* (вм. *н'итш*) *кос'ны* 'сдирать, брать мох' и др. Необходимо отметить, что произношение фрикативных *ж* и *ш* вместо аффрикат *дж* и *тш* носит спорадический характер, а иногда они характерны лишь для речи отдельных носителей говора старшего поколения.

В отличие от северного и южного ареалов коми-пермяцкого языка, в ареале верхнекамского наречия случаи деаффрикатизации встречаются чаще, но они также позиционно не обусловлены. Ср.: *жожын* (вм. *джоджын*, ср. куд. и кз. *джоджын*) 'на полу', *жож* (вм. *джодж*) 'пол', *зз ужал* (вм. *уджал*, ср. куд. и кз. *уджав* и *уджал*) 'не работал он', *з'уртö* (вм. *дзуртö*, ср. куд. *дзуртö*) 'скрипит', *эшшөмыс* (вм. *этштшөмыс*, ср. куд. *этштшөмыс*) 'такой-то', *ыжыт* (вм. *ыджыт*, ср. куд. *ыджыт*) 'большой', *сиз* (вм. *сидз*) 'так', *эз'ту* (вм. *эдз-ту*) 'так-то', *эз'и* (вм. *эdzi*) 'вот так', *гöрз'ышта* (вм. *гöрдзышта*) 'свяжу немного', *эшшөмыс абу* (вм. *этштшөмыс*) 'такого-то нет', *жагас'ом* (вм. *джагас'ом*, ср. кп. *джагас'ом*) 'повесился, оказывается', *этыз* (вм. *этыдз*, ср. куд. *этадз*) 'вот так' и др.

Явление деаффрикатизации, свойственное отдельным говорам и диалектам коми языков, является результатом ослабления затвора при произношении аффрикат [Серебренников, 1974, с. 131–139].

Звуки л и в, различия в их употреблении

Коми диалекты имеют значительные различия по употреблению звуков *л* и *в*, поскольку во многих диалектах и говорах звук *л* претерпел большие изменения: в одних диалектах он исчез, вернее, во всех позициях совпал со звуком *в*; в других — лишь в конце слога перешел в звук *в*, в третьих — старое *л* сохранилось в первичном, неизменном виде (подробнее об этом см. ниже).

В доказательство о первичности эловых диалектов В.И. Лыткин приводит следующие данные: 1) древнепермские памятники письменности, в основном распространенные на Вычегде, на территории современных взовых (вернее — взэловых. — Р.Б.) говоров и написанные на эловом говоре, например: *узал* (Тр. 5) 'делай'; *ноллом* (Сош. 3) 'носимый, носящийся'; *ложжи* (Лл. 16) 'воскрес он' и др. [Лыткин, 1952, с. 24–26]; 2) другие родственные языки, в которых сохранилось финно-угорское *л*, ср.: коми лит. *тöв* 'зима'; удм. *тол*, мар. *тэл*, ф. *talve*-, венг. *tél* 'зима'; 3) с территории иньвенских взовых диалектов названия рек в официальных документах на русском языке переданы со звуком *л*, например: *Исыл*, *Велва*, *Косыл*, *Оныл* и др. (ср. современное — *Исыв*, *Вевва*, *Косыв*, *Оныв* и др.); 4) древние заимствования из коми в хантыйский и мансийский языки [Редзи, 1970]. На основе этих фактов В.И. Лыткин заключает, что "было время, когда *в*-диалектов в коми языке не было" [Лыткин, 1957, с. 119–121].

По мнению венгерского ученого Д. Фокоша-Фукса, вз-эловые, нуль-эловые и бзз-эловые диалекты появились около XVII в.; в начале XVIII в. они уже имелись на территории распространения языка коми [Фокош-Фукс, 1953, с. 211–289]. Очевидно, до этого вся территория коми-зырян и коми-пермяков принадлежала эловым диалектам. О наличии же в диалектах начала XVIII в. на месте звука *л* свидетельствуют памятники письменности того времени — работы Страленберга [1710 и 1722], Г.Ф. Миллера (40-е годы XVIII в.), Палласа [1787], Лепехина [1771].

Вполне понятно, что переход звука *л* в *в* и *в* > *ø* (нуль звука), а также совпадение звука *в* с *л*, (т.е. потеря звуком *в* своей фонематичности) происходили — а в некоторых диалектах и сейчас продолжаются — с известной постепенностью, при этом данный звуковой процесс в одном диалекте протекал раньше, в другом — позже.

Причины перехода звука *л* в *в* (совпадение *л* с *в*) в научной литературе пока что не нашли удовлетворительного объяснения.

По мнению В.И. Лыткина, общепермское начальное *в* сохранилось без изменения во всех диалектах пермских языков. Вместе с тем он отмечает, что "начальное *в* коми языка троякого происхождения" [Лыткин, 1957, с. 111].

Коми лингвисты появление звука *в* на месте *л* (*в* < *л*) относят к явлению чередования согласных звуков [см. ССКЗД, с. 457]. Все коми-зырянские диалекты и говоры по употреблению звуков *л*–*в* делятся на три типа: 1) эловые, 2) вз-эловые и 3) нуль-эловые. А коми-пермяцкие диалекты и говоры по этому же признаку подразделяются на эловые, безэловые и безвзэловые.

1. Э л о в ы е г о в о р ы коми языка в целом характеризуются сохранением звука *л* в первоначальном виде во всех позициях, например: *лун* 'день', *вёл* 'лошадь', *вёлтöг* 'без лошади', *вёлön* 'лошадью', *кылны* 'слышать', *кылö* 'слышит' и др. Эти говоры распространены: 1) в бассейне р. Сысолы (притока р. Вычегды), начиная с верховьев до с. Иб (включительно); 2) в верховье речки Кобры (притока р. Вятки); 3) в бассейне р. Лузы (притока р. Юг), за исключением Объячевского и Читаевского сельсоветов; 4) в верховье р. Летки (притока р. Вятки); 5) в некоторых верхневыхегодских сельсоветах (Керчомском, Вочевском, Дзольском, Пожегодском); 6) на Печоре, начиная с верховьев до п. Медвежской включительно.

Сюда же относится территория расселения кировских пермяков (северо-восточная часть Кировской обл. — Афанасьевский р-н), коми-язьвинцев (среднее и верхнее течение р. Язьвы, левого притока Вишеры — Красновишерский р-н Пермской обл.), северных пермяков (бассейн р. Коса, правого притока р. Камы) и отчасти бассейн Камы — Кочевский, Косинский и Гаинский р-ны Коми-Пермяцкого автономного округа, а также бассейн р. Нердвы (Ленинский сельсовет Кудымкарского р-на округа). Заметим, что коми-пермяки, проживающие в бассейне р. Нердва, относятся к южным пермякам.

2. В з - э л о в ы е г о в о р ы характеризуются переходом звука *л* в *в* в середине слова перед согласным и в конце слова: *вёлön* 'лошадью', *вёв* 'лошадь', *вёвтö* 'твою лошадь'; *кылö* 'слышит', *кывны* 'слышать', *кывзö* 'слушает', *оз кыв* 'не слышит'. Вз-эловые говоры занимают территории с коми-зырянским населением: 1) Вычегды, начиная с с. Кужбы и ниже, а также притоков Локчима и Пожега; 2) нижнесысольских сельсоветов (ниже с. Иб), Вильгортского и Шошкинского сельсоветов, г. Сыктывкара с прилегающими к нему населенными пунктами; 3) Удоры, рас-

положенной по верхнему течению р. Мезень и ее притока Вашки; 4) Объячевского и Читаевского сельсоветов на р. Лузе; 5) Извайльского сельсовета, находящегося в верховьях р. Ижмы.

3. Нуль-эловые говоры характеризуются заменой звука *л* в конце слова и в середине перед согласным удлинением предыдущего гласного или же выпадением звука *л* в указанных позициях. Примеры: *вёлён* 'лошадью, на лошади'; *вёо* или *вё* (вм. *вёл*) 'лошадь'; *вёоным* или *вёным* (вм. *вёлным*) 'наша лошадь'; *кыла* 'слышу', *кыыны* или *кыны* (вм. *кылны*) 'слышать'.

Нуль-эловые говоры с удлинением предыдущего гласного (*вёо* < *вёл* *вёоным* < *вёлным* 'наша лошадь') занимают: 1) среднее течение р. Печоры, с Устья Ижмы до д. Бызовой включительно; 2) бассейн р. Ижмы, притока р. Печоры, за исключением Извайльского сельсовета, находящегося в верховьях этой реки; 3) бассейн р. Усы, притока р. Печоры; 4) бассейн р. Вымь притока р. Вычегды, за исключением населенных пунктов, находящихся недалеко от устья этой реки; 5) бассейн р. Вишеры (приток Вычегды) с притоком Нившерой; некоторые сельсоветы Верхней Вычегды (Усть-Куломский, Мыелдинский, Носимский).

Выпадение звука *л* в рассматриваемых позициях в середине слова перед согласным и в конце слова характерно для говора с. Дон и Усть-Нем (на верхней Вычегде) [ССКЗД, с. 457–458].

В нуль-эловых говорах (с удлинением предыдущего гласного) встречаются следующие отступления.

1) Звук *л* в положении после гласного *э* заменяется звуком *й* в ижемском и вымском диалектах (кроме д. Синдор), например: *зэй* < *зэл* 'очень', *пэй* < *пэл* 'большой палец', *кэй* < *кэл* 'невестка', *кэймыны* < *кэлмыны* 'молить, молиться'. В говоре Усть-Куломского сельсовета в одних словах *л* после *э* переходит в *й* (*зэй*, *пэй*), в других — на месте *э+л* > *ээ* (*кээ* < *кэл*) 'невестка', *кээмыны* < *кэлмыны* 'молиться'. В говорах — мыелдинском, вишерском, синдорском — *э+л* также переходит в *ээ*, т.е. происходит удлинение предшествующего звуку *л* гласного *э*, например: *зээ* < *зэл* 'очень', *пээ* < *пэл* 'большой палец', *т'ээ* < *т'эл* < *кэл* 'невестка', *кээмини*, *т'ээмыны* 'молить, молиться'.

2) Звук *л* в позиции после гласного *и* также заменяется через *й*, т.е. *и+л* > *ий* в вымском и ижемском диалектах, например: *пий* < *пил* 'облако', *пийдыны* < *пилдыны* 'стать облачным'.

3) В верхне-вымском говоре и ижемском диалекте *л* после звука *а* переходит в *й*, например: *майтас* < *малтас* 'смазка, мазь', *майтны* < *малтны* 'смазать, намазывать' [ССКЗД, с. 458]. Гласный *а*, например, в ижемском диалекте удлинняется "за счет звука" *л*: *а+л* > *аа* главным образом в звукоподражательных словах: *аагыны* < *алгыны* 'кричать, орать', *н'аагыны* < *н'алгыны* 'мяукать', *таагыны* < *талгыны* 'тявкать', *лаагыны* < *л'алгыны* 'выть, плакать (о ребенке)' [Сахарова, Сельков, 1976, с. 20].

Глагольный суф. -*ав*- (*-йав*-) в конце слова и в середине слова перед согласным в богородском, мыелдинском и усть-куломском говорах верхневычегодского диалекта, а также в вымском и ижемском диалектах переходит в -*оо*- и -*йо*- в результате утраты (ассимиляции его предыдущим гласным) *в* < *л*. Примеры: вым. иж. *пукооны* (< *пукавны*), вв. (Бог. Мыелд. Устьн.) *пукоони* 'сидеть'; вым. иж. *тыйёоны* вв. (Бог. Мыелд. Устьн.) *тыйёони* (< *тыйавны*) 'ловить неводом, неводить'. В говорах Дона и Усть-Нема глагольный суф. -*ав*- (*-йав*-) в указанной позиции переходит в -*о*- (*-йо*-). Например: вв. (Дон. Устьн.) *пукони* 'сидеть', *тийони* 'ловить неводом'. Это явление характерно также и верхневымским

говорам, ср.: *йуоны* (<*йуавны* < *йуалны*) 'спросить', *муоны* (<*муавны*) 'засыпать землей', *бионы* (<*биавны* < *биалны*) 'зажигать, зажечь, засветить' и др.

Звук *л* выпадает в позиции перед двумя согласными в середине слова и перед согласными в конце слова. Примеры: *сут* < *султ* 'встань', *сутса* < *султса* 'стоячий, стоя' (ср. *суутис* < *султис* 'он встал'), *кытчэс* < *кылтчэс* 'вниз по течению' (ср. *кыыти* < *кылти* 'я плыл') и др.

В нуль-зловых говорах звук *л* сохраняется перед *л*, например, в глагольных суф. *-олл-* (скр. *-авл-*), *-йолл-* (скр. *-йавл-*), *-лылл-* (скр. *-лывл-*), *-ыл-* (скр. *-ыв-*). Ср.: вым. иж. *пыроллыны*, вв. (Бог.) *пыроллины* 'зайти на время'; вым. *кос'оллыны*, вв. (Бог.) *кос'оллины* 'разорвать на части'; вым. иж. *пуктылны*, вв. (Бог.) *пуктилны* 'положить на время'. В говорах Мыелдино, Усть-Нема, Дона и Усть-Кулома сочетание *лл* (двойное *лл*) также сохраняется: *ылла* 'двор, улица', *улла* 'вниз', *ыллан* 'вверх, вверху'.

Кроме указанных выше трех типов говоров по употреблению звуков *л* и *в*, коми-зырянские исследователи различают также еще четвертый тип — так называемый смешанный тип, где *л* в конце слова и в позиции перед согласным в середине слова спорадически переходит в звук *в*. Такого типа смешанные говоры распространены в верховье Вычегды — в Вольдино, Помоздино и Бадьельске (*вёл* 'лошадь', *вёлтэ* 'твою лошадь', *йёвви* 'масленица', *йёв пуйэ* 'в молоко', *ныл* 'дочь, девушка', *нывйас* 'девушки', *олни* 'жить', *овмэс* 'хозяйство', *султас* 'встанет', *сувтамэн* 'до изнеможения, до устали' и т.д. [Сорвачева и др., 1966, с. 51—54], а также — на Средней Сысолье — в ее нижних населенных пунктах — в говорах Пажги и Лозыма (ср. примеры: *пув* 'брусника', *зэв* 'очень', *н'ёв* 'стрела', но: *тёл* 'ветер', *йёл* 'молоко', *кёлтым* 'бредень', *сулалны* 'стоять' и т.д. [ССКЗД, с. 458—459]).

Говоря о классификации диалектов коми-зырянского языка, следует отметить, что они по употреблению звуков *в* и *л* не представляют единства, внутри них можно было бы выделить не только отдельные говоры, но и подговоры. На рассмотрении этого явления несколько подробнее мы остановимся ниже.

Классификация коми-пермяцких диалектов и наречий по функционированию звуков *в* и *л* несколько отличается от коми-зырянской. Выше мы уже отмечали, что к группе зловых диалектов относятся следующие коми-пермяцкие наречия — верхнекамское, коми-язвинское, северное и нердвинский диалект южного наречия. В языке коми-пермяков нет вз-зловых, нуль-зловых и смешанных типов диалектов. Но, кроме зловых, различаются взовые (на территории нижеиньвенского и кудымкарско-иньвенского диалектов) и беззвовые. К последнему относится один диалект — оньковский. Этих двух типов диалектов, характерных для коми-пермяцкого языка, нет в коми-зырянском.

Отметим, что к взовым диалектам относятся говоры, в которых звук *л* (твердый) во всех позициях заменяется звуком *в* или переходит в *ф* звука (*кыв* < *кыл* 'язык', *вым* < *лым* 'снег', *тёва* < *тёла* 'ветрено', *коё* < *колё* 'надо' и др.). К беззвовым относится оньковский диалект, в котором звук *в* утратил свою фонематичность (ср.: *лон* и *вон* 'там', *лёт* и *вёт* 'сон' и т.п.) в результате дальнейшего расширения позиций звука *л* (твердого) (см. карту 6).

Остановимся на рассмотрении некоторых специфических особенностей отдельных диалектов.

Зловые диалекты занимают в основном южную часть Коми АССР,

включая территорию среднесыольского, лузско-летского (кроме Объячевского и Читаевского сельсоветов), верхнесыольского, южную оконечность верхневичегодского (говоры д. Вочь, Дзоль — от них, очевидно, идет полоса к северо-востоку — в сторону Керчомы и Пожега; см. карту 6) и печорского диалектов, а также верхнекамского, коми-язвинского и северного наречий языка коми-пермяков — к югу от границ Коми АССР. Заметим, что спорадические контакты до недавнего времени имели место лишь между жителями окраинного (южного) дзольского говора верхнесыольского диалекта Коми АССР и самого северного (коми-пермяцкого) верх-лупьинского говора, основная часть населения которого ныне проживает в Гайнах. Прямые контакты, например, между летскими и кировскими пермяками ныне отсутствуют, нет их и у верхневичегодцев и печорян с красновишерскими пермяками, поскольку довольно значительная (по ширине) полоса территории между указанными выше диалектами была заселена русскими. Однако языковые материалы свидетельствуют о функционировании диалектов, сохраняющих до настоящего времени сходство в употреблении звуков *в* и *л*.

Следует оговориться, что звуки *в* и *л* начала слова довольно прочно сохраняют свои позиции, за исключением взовых и безвзовых диалектов (см. об этом ниже).

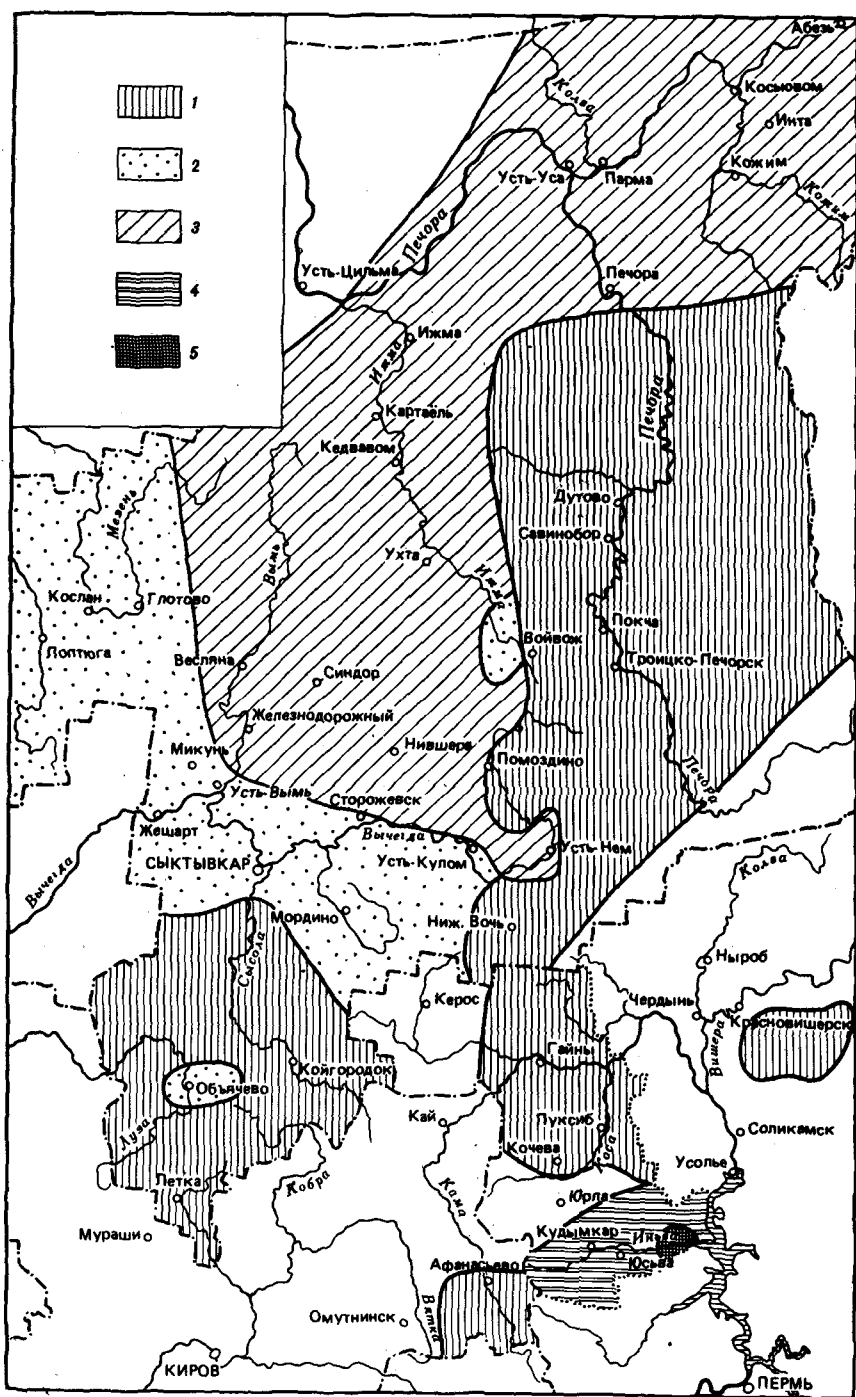
В среднесыольских говорах, за исключением окраинных — пажгинского и лозымского, звук *л* сохраняет свои позиции в середине и в конце слова: *вэлт* 'крыша', *ултӧс* 'подкладка', *н'алда* 'мокрица', *асылбыд* 'все утро', *тулйалны* 'прибивать', *ул 'сук'*, *кодзул* 'звезда', *дзал* 'дранка' и др. Звук *л* появляется также и в русских заимствованиях: *трэлога* 'тревога', *слобода* 'свобода', *обшилка* 'обшивка', *ножолка* и *ножовка*, но: *лукав* 'лукавый', *ӧтава* 'отава', *ӧбновка* 'обновка', *дарӧвӧй* 'даровой', *здоров* и т.п.

Звук *в* в исконных словах в середине и конце слова встречается в основном в изобразительных словах, ср.: *чиврас'ны* 'кривляться', *шувгыны* 'шуметь, бушевать', *с'ув-с'ав пышйыны* 'разбежаться в разные стороны', *увкӧдлыны* 'аукать' и др. Со звуком *в* употребляются и суф. *-ов*, *-оват*, *-улов*, например: *ул'ов*, *ул'оват* 'сыроватый', *варов* 'общительный', *лӧзоват* (но: *лӧзол*) 'синеватый', *дубоват* (но: *дубол*) 'пресноватый'; *томулов* 'молодежь', *мужикулов* 'мужчины, мужики' и др. [Колегова, Бараксанов, 1980, с. 14–15].

В диалекте имеет место явление выпадения звука *л* в позиции перед гласным *и*, ср.: *мунаисны* (вм. *муналисны*) 'они уехали', *вузаимӧ* (вм. *вузалимӧ*) 'мы продали', *соччыис* (вм. *соччылис*) 'горел он', *пыктыис* (вм. *пыктылис*) 'опухал он'; *уджаиг* (вм. *уджалиг*) кости 'во время работы', *гуаигӧн* (вм. *гуалигӧн*) 'при похоронах' и др. Эта особенность характерна южным говорам диалекта (от Межадора до Палауза), но наибольшее распространение получила в говорах с. Вотча и Чухлом [Колегова, Бараксанов, 1980, с. 16; см. карту 6].

По лузско-летскому диалекту приведем данные из летского говора: *кинкӧ лактис* 'кто-то пришел', *жугалӧма* 'разбился, оказывается', *вис'талис* 'он сказал', *эз вӧл* 'не был он', *тӧлыс талан* 'ветер сюда', *ыргӧ тӧлыс* 'ветер дует, шумит'; *дожэн йоны* 'должен быть', *лактис тачӧ* 'пришел сюда', *лунтыр уждалнытӧ* 'целый день работать-то', *сэк колмас асылӧн* 'тогда нужно утром', *вӧласны кык ныл* 'были две дочери', *ас вылад* 'ты на себе' и др.

Карта 6. Диалекты коми языков по чередованию звуков *л* и *в*: 1 — зловые; 2 — вэ-зловые; 3 — нуль-зловые; 4 — взовые; 5 — нуль-взовые.

В русских заимствованиях звук *в* сохраняется; *вэд* 'ведь', *автобусыс* 'автоу-то', *дос'видан'н'о* 'до свидания', *пöлöвина* 'половина', *роч слово* 'русское слово', *плас* 'пласт', *навэрнö* 'наверно', *н'эважнö* 'неважно', *завал'инка* 'завалинка', *лавкаас* 'в лавке' и др.

Звук *в* изредка встречается в отдельных исконных словах на конце слова: *пув* 'брусника', *зэв йона* 'очень сильно', *став пызйис* 'все вытряхнул он' и т.д. Звук *в*, как и во всех диалектах, употребляется в начале слова: *вöли* 'он был', *вэтлан* 'сходишь', *вэрма* 'могу' и т.п.

Отметим, что в летском говоре наряду со звуком *l* (среднеевропейского типа), который считается характерным для коми-зырянского языка, нами зафиксирован *л* (твердый) русского типа, причем, последний имеет более широкое распространение (примеры см. выше). В других диалектах и даже в соседнем — верхнесысольском исследователями коми-зырянских диалектов данное явление не фиксируется. Необходимо подчеркнуть, что аналогичное явление имеет место в самом северном диалекте коми-пермяцкого языка — в верх-лупьинском [см. об этом подробнее: Баталова 1975, с. 44—45]. Ср.: *ачым пö шула* 'сам, мол, скажу', *гортас вöли* 'был он дома', *сылöн эта* 'это его', но: *лок-лок* 'иди-иди сюда', *локыл* 'приходи, похаживай', *лунын* 'днем', *шыллус-шыллус* 'ворчал-ворчал он', *сулччис* 'он остановился' и др. В употреблении звука *l* в диалекте никакой закономерности установить не удалось, он употребляется как вариант фонемы *л*. Звук *l* встречается не только в исконных словах, но и в русских заимствованиях: *колта* (вм. *коета*) 'кофта', *сöйс'эм* (вм. *совсем*), *картолкатö под'и он бос* 'картошку, наверно, не возьмешь'.

О распространении аналогичного явления в других диалектах коми-зырянского языка говорить не приходится, поскольку в имеющихся исследованиях оно не зафиксировано. Нет этого явления и в верхнекамском наречии, в котором фонема *л* представлена одним звуком *л* (твердым). Ср.: *пöс'отны* 'приготовить', *чэзйалны* 'ломать', *колö* 'надо', *түйлис* 'подобрал' 'подобрал с дороги', *эг воллы* 'я не приходил', *пэсолказз* 'дровишки', *горлын* 'на печке' и т.д. Отметим здесь же, что в русских заимствованиях этого наречия звук *в* сохраняет свои позиции, исключения единичны, например: *с'акöй из'д'овка* 'всякие издевательства', *пэрвöй* 'первый', *пуговказз* 'пуговки', *д'эрэвианнöй дөрöм* 'деревянная рубашка' и др., но: *гарччö ровнo* 'ровно мешает' и *ролно* 'ровно', *рожосво* и *рожосло* 'рождество', *н'ан'öвöй* 'хлебный', *вурунöвöй* 'шерстяной' и др.

В коми-язьвинском наречии в русских заимствованиях в конце слова звук *в* сохраняется: *сөвсем* 'совсем', *литовка* 'литовка (коса)', *шэвлас'нө* 'шевелиться', но: *шол* 'шов'. Заимствованный суффикс относительных прилагательных *-өөй-* (русск. *-овый*) также сохраняет звук *в* в своем составе, ср.: *күзөөвй* 'еловый', *йэрөөвй* 'огородный', *с'уйөөвй* 'глиняный', *н'ималөөвй* 'заячий'.

В названном наречии этимологическое *л* сохраняет свои позиции. Например: *лакнө* 'лакать', *лөм* 'снег', *лул* 'дух, душа', *нөл* 'девушка', *вэл* 'лошадь', *ул* 'сук', *көл* 'язык' [Лыткин, 1961, с. 37, 57].

Возвращаясь к вопросу об употреблении звука *l* — варианта *л* (твердого) в летском говоре коми-зырянского языка и в верх-лупьинском диалекте северного наречия языка коми-пермяков, следует его объяснить смешанным характером населения, говорящего на этих говорах. Это подтверждается и существованием этнографических связей летских пермяков с лузско-летскими зырянами, а верх-лупьинцев — с дзольскими и вочскими зырянами, носителями верхневычегодского диалекта.

В верхнесысольском диалекте, в соседнем с лузско-летским и средне-

сысольским диалектами, звук *л* (этимологическое) сохраняется в конце слова и в середине слова перед согласными: *асыл* 'утро', *асылнас* 'утром', *вёл* 'лошадь', *вёлшён* 'лошадёнка', *пазалны* Кб.Кг.Уж. 'разбиться', *полны* 'бояться' и др.

Однако в диалекте имеются определенные группы слов, в которых на месте звука *л* произносится *в*. Так, всегда произносится *в* в следующих словах: *варов* Гр.Юг.Уж. 'разговорчивый', *став* Кб. Кг.Крв.Уж. 'весь, вся, все', *ставным* 'мы все', *лов* 'душа, жизнь, единица, штука, голова', *ловз'одны* 'оживить, т'овт' Гр.Кг.Уж. 'улит большой (кулик)', *увгыны* 'шуметь, излишне много говорить'.

Звук *в* в большинстве русских заимствований сохраняется: *л'эв* Уж. 'лев', *ласков* 'ласковый', *ров* КбУж. 'ров', *сплав* Кб.Кг.Крв.Уж. 'сплав', *сустав* 'сустав', *залавка* Кб. 'залавка, постовец', *призывн'ик* Кб.Кг.Крв.Уж. 'призывник', *ровн'айтны* Кб. 'ровнять' и др., но: *подкол* Кб.Кг.Крв.Уж. 'подкова', *кузол* Уж., *кузёл* КбКг. 'кузов', *олчина* Кб.Крв.Уж. 'овчина' Кб. 'овчина', *солс'эм* Кб.Кг.Крв.Уж. 'совсем', *солхоз* Кб. 'совхоз'. Вместе с тем встречается произношение звука *в* на месте русского *л*, например: *вэшавка* М. 'вешалка', *жовна* Гр., *жовна* Кб.Уж. 'желна, большой черный дятел', *кавган* Кг.Уж. 'калган (бот.)', *ковкоз* Гр.Крв., *колхоз* Кг. 'колхоз', набивка Кг., *набэлка* Гр.Крв.Уж., *набэлки* Кб. 'набилки (часть ткацкого станка)'.

В говорах верхнесысольского диалекта одни изобразительные слова произносятся со звуком *л*, другие — со звуком *в*, ср.: *дзил'зыны* Уж. 'бесшумно плыть', *дзёлк'айлыны* Гр.Кб.Уж. 'блестеть', *дзульгышны* Кг. 'подтопить немного, протопить', *дёлвидзны* Кг.Уж. 'издали виднеться', *мёлкн'итны* Кг.Уж. 'промелькнуть, пронестись', *н'ул-н'алмунны* Уж. 'быстро прогореть', *чалзыны* Кг., *чилзыны* Уж. 'визжать, пронзительно кричать', *шэлгыс'ны* Гр. 'упасть, раскинув руки'.

Жэвгыны Уж. 'ругаться', *л'увзыны* Кг. 'выть (о волке)', *равзыны* Кг.Крв.Уж. 'кричать, орать', *чивкн'итны* Кб. 'хлестнуть', *шл'ивгыны* Кг.Уж. 'лить (о дожде)', *уввидзны* Уж. 'быть широко раскрытым, распахнутым', *шувгыны* Гр.Кб.Уж. 'шуметь, бушевать, свистеть' и др. [Жилина 1975, с. 36—38].

Как уже было отмечено выше, зловые говоры на территории Вычегды распространены в Керчемском, Вочевском, Дзолеевском и Пожегодском сельсоветах (см. карту 6) верхневыхегодского диалекта: Как и в других зловых диалектах, в рассматриваемых говорах звук *л* употребляется во всех позициях, ср.: *пул* 'брусника', *пул'ис* 'брусника-то', *полпу* 'ольха', *отултны* 'объединить' и др.

В зловых говорах верхневыхегодского диалекта звук *в* выступает в конце слова (*дав* 'лесное пастбище', *дзав* 'бранка', *н'авда* 'мокрица' и др.; *ов* 'фамилия', *овна* 'отчество (у женщин)', *лов'а* Вольд.П. 'живой', *улов* 'группа, коллектив', *томулов* 'молодые, молодежь' и др.), в изобразительных словах (*т'ивкн'итны* 'пронестись, пролететь', *кувгину* 'продолжительно, с шумом лить (о дожде)', *жавгину* 'лпать', *т'увгину* 'бросить, швырнуть', *н'авзину* 'мяукать', *кравзину* 'каркать (о вороне)', *т'ивгину* 'щебетать (о птицах)', *шувгину* 'шуметь, бушевать'.

В говорах Пожега и Керчомьи суффикс прилагательных со значением неполноты качества *-ов* всегда употребляется с согласным *в*: *гёрдов* 'красноватый', *лёрдов* 'синеватый', *йёрдов* 'беловатый', *ул'ов* 'сыроватый' и др.

Появление звука *в* на месте *л* в конце слова (и слога), а также случаи выравнивания в пользу *в* в упомянутом суф. *-ов* свидетельствуют не

только о наличии тенденции перехода звука *л* в *в*, но и о влиянии соседних вз-эловых и смешанных, а также нуль-эловых говоров (см. карту 6). Последние подтверждают случаи выпадения звука *л* в конце слова, например: *асыбыд* (вм. *асылбыд*) 'все утро', *рытыбыд* (вм. *рытылбыд*) 'весь вечер', *улан* (вм. *уллан*) 'книзу, вниз', *сутчини* (вм. *султчини*) 'биться (о сердце)', *н'оротчини* (вм. *н'оролтчини*) 'прислониться, наклониться', *ут* (вм. *улт*) 'подложка, подкладка (под штабеля)'. Согласный *в* выпадает также в следующих русских заимствованиях: *шѡк* < *шѡвк* 'шелк', *атобус* < *автобус*, *затрѡк* < *завтрак*. Весьма возможно, что слова *атобус* и *затрѡк* в таком звуковом оформлении были заимствованы из русской речи. В таком же виде они употребительны и в печорском диалекте.

В большинстве русских заимствований звук *в* сохраняется: *лукав* 'лукавый', *стае* 'все', *здоров* 'здоровый', *ласков* 'ласковый', *бров* 'паз, выемка', *выжив* 'выживший из ума', *пѡяв* 'незначительное количество' и др.

В соседнем, печорском диалекте этимологическое *л* также сохранилось во всех позициях, например: *лыа* 'песок', *лѡч*. У.-Ил. 'голубика', *лайкол* 'ложбина', *малтны* 'мазать', *полѡа* 'живой', *дал* 'лиственный лес', *вос'кол* 'шаг' и др. Звук *л* появляется также на месте звука *в* в русских заимствованиях: *колта* < *ковта* 'кофта', *слобода* 'свобода', *трѡлога* 'тревога', *солс'эм* 'совсем'. В большинстве русских заимствований звук *в* сохраняется, ср.: *здоров* 'здоровый', *ласков* 'ласковый', *лукав* 'лукавый', *морков* 'морковь', *ов* 'фамилия', *ѡвич* 'отчество', *ѡвичалны* 'величать по отчеству' [Сахарова и др., 1976, с. 11].

В исконных словах звук *в* в позиции конца слова и в середине слова перед согласными употребляется в некоторых изобразительных словах (*н'авзыны* 'мяукать', *кравзыны* 'каркать (о вороне)', *лѡвгыны* 'кричать (о зайце)', *зывгыны* 'продолжительно болеть, недомогать', *кривгыны* 'курлыкать (о журавлях)', *увгыны* 'шуметь', *т'увкн'итны* 'пронестись, пролететь', *шувгыны* 'шуметь, бушевать', *рувгыны* 'плестись, тащиться', а также в составе суф. -*ѡват*- (русс. -*оват*) и -*улов*- (< *ул+ѡв*), например: *вижоват* 'желтоват', *гѡрдоват* 'красноватый', *дубоват* 'пресноватый', *мужикулов* 'мужики, мужчины', *чл'ад'улов* 'дети, детвора', *пѡрыс'улов* 'пожилые' [Сахарова и др., 1976, с. 11].

Таким образом, во всех эловых диалектах и говорах, несмотря на сохранение позиции звука *л* в середине слова перед согласным и в конце слова, имеют место случаи перехода *л* > *в* в отдельных группах слов, например, в изобразительных словах, а также выравнивание по аналогии в пользу звука *в* в следующих суф.: -*ѡв* < *ол* (в пожегодском и керчомьинском говорах верхневыхегодского диалекта), -*оват* и -*улов* (в печорском диалекте), -*ѡвѡй* (в верхнекамском наречии), -*ѡвѡй* (в коми-язьвинском).

В собственно коми-пермяцких эловых диалектах звук *л* твердый встречается во всех позициях: в начале, середине и конце слова. Ср. примеры из: а) кочевского диалекта: бк. *лок* 'иди', *кулан* 'умрешь', *оз адззыл* 'не увидит'; коч. *лудык* 'клоп', *кэлѡа* 'сноха', *пырал* 'заходи'; б) косинского диалекта: нк. *локтим* 'мы пришли', *начкылны* 'зарезать', *чэллал* 'ломай'; лев. эз *ло* 'не стало', *с'ѡлѡм* 'сердце', эз *вѡл* 'не было'; пукс. *ог лыс'ты* 'не смею', *палжын* 'полдник' и др.; чур. *ѡни лос'ис* 'сейчас случилось', *олны* 'жить', *ѡл* 'молоко' и т.п.; в) гаинского: ис. *оз тыдал* 'не видно', *лун* 'день', *тулда* 'оцепенею'; гаин. *лун-лун* 'день-деньской', *пыраллы* 'заходи (порой)', *он пол* 'не боишься'; г) мысовского: *лок* 'иди', *эн ноллы* 'не носи', *жарѡл* 'жарковато' и др.; д) верх-лупынь-

ского: *локлы* 'приходи', *вылти полö* 'очень боится', *мыйла* 'зачем' и др. и е) нердвинского: *лым* 'снег', *олны* 'жить', *пöл* 'доска' и т.д.

Как уже отмечалось выше, в верх-лупинском диалекте наряду с л (твердым) выступает *l* (среднеевропейского типа) как результат смешения с коми-зырянским (дзольским) говором.

Звук *в* в эловых коми-пермяцких говорах в основном свойствен началу слова: бк. *вочöччин* 'ты принарядился', *вöис* 'он утонул', коч. *вэрма* 'могу', *вэжöс* 'желтые'; нк. *важын* 'давно', *вэгла* 'схожу'; лев. *видзöт* 'смотри', *вöл'ис* 'потом'; пукс. *вöрöт* 'по лесу', *вэлт* 'покрышка'; чур. *вöрйзз* 'леса', *водны* 'лечь, прилечь'; гаин. *вэсöти* 'я полол', *вöлли* 'бывало'; ис. *виж* 'желтый', *ва* 'вода'; мыс. *воклöн* 'у брата', *вöл* 'конь'; вл. *вала* 'за водой', *вок* 'брат' и т.д.

Звук *в* в рассматриваемых говорах встречается и в середине слова в следующих случаях: 1) в начале второго компонента сложного слова: бк. *с'инва* (< *с'ин+ва*) 'слеза'; коч. *таву* (< *та+ву*, ср. лит. *таво* 'этот год, нынешний год'), *лысва* (< *лыс+ва*) 'роса'; пел. *Онолва*, *Кöсва* (топон.); нк. *вог'ва* (< *вог'+ва*) 'дождевая вода'; лев. *вол'выл* (< *вол'+выл*) 'вышенное место'; гаин. *с'орва* (< *с'ор+ва*) 'отбросы пива'; вл. *гöгöр-воам* (< *гöгöр+воам*) 'понимаем' и др. Однако в подобных сложных словах (второй компонент которых начинается со звука *в*) в ряде диалектов под влиянием закономерности — отсутствия звука *в* в середине слова в этой позиции на месте *в* появляется *л*. Ср.: бк. *кунлатöгйас* (вм. *кун-ватöгйас*) 'без щелока'; коч. *тало* (вм. *таво*) *эз л'эсүйт* 'в этом году он не охотился'; ср. также пукс.гаин.ис.мыс. — *тало* (вм. *таво*) 'в этом году'. Вероятно, это является признаком перехода сложного слова в простое.

2) Звук *в* в отдельных говорах изредка встречается в качестве вставочного звука в интервокальной позиции: бк. *сувалö сидз* 'стойте так' (< *сувал-лö* < *сувлö* < *сулалö*); коч. *сувалыш* (< *сувалыш* < *сулалыш*, ср. современное: *суалны*); ис. *йувантор* (< *йуан+тор*) 'что-нибудь попить'; *йуванö-вöй* (< *йуанöвöй*) 'питьевой'; мыс. *йувала* (< *йуала*) 'спрошу', вл. *кыччö нö ловисö* (< *лоисö*); 'куда же делись'; *шувис* (< *шуйс*) 'сказалон', *йувö* (< *йуö*) 'пьет'; нердв. *йувалö* (< *йуалö*) 'спрашивает', *сувалö* (< *суалö* < *сулалö*) 'стоит', *караул'итны* (< *караул'итны*) 'караулить', *ловалны-тö* (< *лоалнытö* < *лолалнытö*) 'дышать-то' и др.

3) Звук *в* в составе заимствованного суффикса относительных прилагательных *-öвöй* (-овöй, -вöй, -завöй < русск. -овый). Примеры: бк. *дöрöвöй* 'из холста', *этавöй* 'из этого'; коч. *л'онöвöй* 'из льна', *дöрöвöйсö* 'из холста-то', но: *арöвöлöй* 'из осенних', *важöлöй* 'из старья, из старого'; лев. *нылкавöй* 'ныл' 'старая дева'; пукс. *кукан'овöй* 'телятина', *ос'авöй* 'яровой', *мыжыкөвöй* 'из мужского рода, мужчина'; гаин. *ру-дзöгдöвöй* 'ржаной'; ис. *мэ дөмөвöй* 'я мужа в дом брала'; мыс. *просавöй* 'из просы', *мүөвöй* 'земляной, из земли'; вл. *пуэвэй* 'деревянный', *көр-тэвэй* 'железный'. Приведенные примеры показывают, что лишь в кочевском говоре наряду с *-öвöй* употребляется вариант *-öлöй* (< *-öвöй*).

4) Звук *в* в русских заимствованиях в большинстве случаев сохраняется: бк. *зөв'итны* 'звонить', *автöбүсас* 'на автобусе'; коч. *славно*, *лавка*, *завод*, *кл'эвэр* 'клевер', *д'эвэт* 'девять'; нк. *совэс* 'совесть', *домовод'н'ича* 'домохозяйка'; лев. *көнөвал* 'коновал', *равкн'итö* 'рявкает'; пукс. *д'ивö* 'удивительно', *тöварыш* 'товарищ'; чур. *йэзвал'иднос* 'инвалидность', *бэн-з'иновоз* 'бензовоз'; гаин. *завидно*, *квас*; ис. *өвад* 'овод', *н'эвэста* 'невеста'; мыс. *навэрно* 'наверно', *суставйас* 'суставы'; вл. *пэдöрöвöдэ* 'до Федорово', *нэрэвиччыны* 'повременить' и т.д.; нердв. *общество* 'общество', *өдва* 'едва', *годов д'эс'аток* 'годов десять' и др. Однако немало рус-

ских заимствований, в которых звук *в* заменяется звуком *л*: коч. *сõлс'эм* 'совсем', *е'ш'алка* (< *с'ин'авка*) 'синявка'; *гõtõл* 'готов'; лев. *н'эслобõдильи* 'не освободили', *сто разол* 'сто раз', *кэдролн'ик* 'кедровник'; пукс. *каналаас* (< *канаваас*) 'в канаве', *д'эрэлн'а* 'деревня'; чур. гаин. *д'эрэлн'асõ* 'деревню-то; ис. *волс'э* (< *вовс'э*) *оз кол* 'вовсе не нужно', *трэложитõ* 'тревожит'; вл. *картолка* (< *картовка*) 'картофель', *ком'ата* (< русск. диал. *комната*) 'комната', *колта* (< *ковта*) 'кофта' и др.; нердв. *л'итров* *п'ат'тõрõ* 'объем литров пять'.

Представляют интерес случаи замены звука *в* в начале слова звуком *л* в исконных словах: бк. *лаас* < *ваас* 'в воду', *лудõ* < *вудõ* 'чешется'; коч. *готов* *лõззыны* (< *вõзйыны*) 'готов навязать', *ас' лõззõ* 'пусть навязывается', *ыбõс луг* (< *вуг*) 'ручка двери'; пел. *таччõ лоллис* (< *воллис*) 'сюда приходил'; пукс. *лундамõ н'и ужежнем*; чур. *лошиччõм н'элна* (< *вошиччõм*) 'немного помялось и запачкалось'; ис. *лазгõм* (< *вазгõм*) *задас* 'ударил он по заду' и др.; ср. также нердв. *кычõ лоштис'ан* (< *воштис'ан*) 'куда денешься', *уд'эрлу* (< *уд'эрву*) 'в позапрошлом году', *тало* (< *таво*) 'в этом году'; онк. *лаж* и *важ* 'старый', *лис'ны* и *вис'ны* 'болеть'; вк. *розосло* и *рожэсло* 'рождество', *ролно* и *ровно* 'ровно'; ср. также печ. *колта* (< *ковта*) 'кофта', *слобода* 'свобода', *трэлога* 'тревога', *сõлс'эм* и *совсэм* 'совсем'; вс. *подкол* 'подкова', *кузол* 'кузов', *õлча* 'овчина', *солхоз* и *совхоз* и др. Следовательно, видимо, имеется какая-то тенденция к дальнейшему сужению позиций согласного *в*, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры.

Необходимо отметить, что звук *л* изредка встречается и как вставочный звук, например: бк. *пуламõ ужын* (вм. *пуамõ*) 'сварим ужин'; коч. *пулõма* (вм. *пуõма*) 'сварил, оказывается, он'; вл. *ачым пэ шула* (вм. *шуа*) 'говорит, сам скажу' и т.д.

Вз-эловые говоры характерны только для коми-зырянского языка. К ним относятся нижневычегодский, присыктывкарский, удорский диалекты, а также вз-эловые говоры верхневычегодского диалекта, Объячевский и Читаевский сельсоветы на р. Лузе, извайльский говор на верхней Ижме. Как известно, вз-эловые говоры характеризуются тем, что звук *л* в конце слога (в абсолютном 'конце слова и в середине слова перед согласными) регулярно заменяется звуком *в*. Ср. примеры из нижневычегодского диалекта: *вõлõн* 'на лошади, лошадей', но: *вõв* 'лошадь', *вõвлõ* 'лошади' (дат. 'п.), *вõвтõ* 'твою лошадь', *нылõн* 'девушкой, дочкой', но: *ныв* 'девушка, дочка', *нывсõ* 'девушку, дочку'.

Имеются единичные случаи употребления звука *л* в позиции перед согласным, например: *ылла* 'двор, улица, природа', *вылла* (< *сы вылла*) 'так высоко', *толны* 'образоваться снежному сугробу', *пилйэс* дора Гам. 'с зубчатыми краями', *чõлнõс* Сл. 'круглый, округлый', *пõлн'ас'ны* 'наклониться, накрениться' вместо ожидаемых: *ывла*, *вывла*, *товны*, *пивйэс*, *чõвнõс*, *пõвн'ас'ны*.

В исконных коми словах *в* в положении между гласными не встречается, а в русских заимствованиях в обычно сохраняется: *д'эван* 'диван', *д'эвэр* 'деверь', *д'эвэс'н'ик* 'девичник', *дõва* 'вдова', *нõвина* 'новина', *самõвар* 'самовар', *тõргõвеч* 'торговец' и др.

Звук *л* в положении конца слога в русских заимствованиях в большинстве случаев сохраняется. Примеры: *вагзал* 'вокзал', *вилки* 'вилка', *гõлбõч*, *гõлбэч* 'подпол, подполье', *колхоз* 'колхоз', *подол*, *салдат* 'солдат', *столб*, *тõлк* 'толк', *чõлнõк* 'челнок', но: *завстук* Меж. 'галстук', *гõвчитны* Меж. 'пустословить', *кавган* 'калган', *кõвдун* Меж. 'колдун', *расол* Гам. Меж. 'рассол', *шõвк* 'шелк' и т.д. [Сорвачева 1978, с. 23–25].

Присыктивкарский диалект также относится к вз-зловому типу говоров. Ср. *тѡв* 'зима', *пув* 'брусника', *кыв* 'язык', *ловѡа* 'живой', *эновтны* 'бросить, отставить', *войколѡн* 'с ночевкой' и др. Однако в отдельных словах вместо ожидаемого *в* выступает *л*. Например: *бобул* 'бабочка', *нылка* 'девочка', *элтны* 'натягивать, натянуть', В. *кэлны* 'брести' и др. И наоборот, звук *в* на месте *л* появляется в позиции между гласными: Т. *бушковыс* (вм. *бушколыс*) 'буря-то', скр. *варова* (вм. ожидаемого *варола*) 'оживленно', В. *йумовѡн* 'внакладку', Т. *шы н'и тѡва* 'тихо', Ш. *кодзувыс* 'звезда-то', *кодзувѡс* 'звездная', Ш. *пановыс* 'отруби-то' и др. [Жилина, Бараксанов 1971, с. 28]. Случаи появления звука *в* на месте *л* в интервокальной позиции говорят о расширении позиций звука *в* в говорах присыктивкарского диалекта.

В вильгортском и шошкинском говорах присыктивкарского диалекта в отличие от других говоров, в позиции перед губными согласными *б*, *в*, *м*, *п* часто произносится губно-губное *w* (более слабый вариант звука *в*) в середине слова и на стыке слов. Примеры: В. *сыѡбѡрд* 'объятие', *Давпѡн* 'Давпѡн (название деревни)', Ш. *тѡѡбыд* 'всю зиму, в течение всей зимы', Ш. *оѡмѡс* 'хозяйство', *коѡмѡс* (наряду с *ковз'ас*) 'придется', В.Ш. *уѡбѡд* 'хворост', Ш. *зѡѡ пѡрыда* 'очень быстро', В. *зѡѡ бур* 'очень хороший', *зѡѡ пѡрыс* 'очень старый' и т.п. В отдельных случаях аналогичное явление наблюдается в говоре Сыктивкара и Тентюкова, ср.: Т. *уѡбѡд* 'хворост', скр. *тѡѡбыд* 'всю зиму'.

Отмечено, что в некоторых словах звук *в* выпадает в позиции перед губными согласными: *лопу* (< *ловпу*) 'ольха', скр. В.Ш.Т. *жѡпу*, З. *жѡвпу* 'калина', с'ѡмѡс (~~с~~ с'ѡвмѡс) 'сердцевина, мякиш хлеба', *асыбыд* (< *асывбыд*) 'все утро, в течение утра'; В.Т.З. *тѡбыд* (< *тѡѡбыд*) 'всю зиму', В.Ш.З. *ут* (< *ует*) 'лежень, брус (подкладываемый под бревна, под штабеля)' и др. Имеются единичные случаи выпадения звука *в* в позиции между гласными, ср.: В.Ш. *пооднѡй*, З. *поводнѡй* 'довольно большой, порядочный', Т. *нообран'эц*, Ш. *нообран'эц*, В. *нобран'эц* 'новобранец' [Жилина, Бараксанов 1971, с. 28–29].

Примеры на выпадение звука *в* в позиции перед губными согласными, а также в интервокальном положении свидетельствуют о дальнейшем ослаблении позиций звука *в*. Эти новые звуковые явления, появившиеся в говорах присыктивкарского диалекта, во многом напоминают ступени видоизменения, трансформации звука *в*, имеющего место в коми-пермяцких диалектах (см. об этом ниже).

Вз-зловые говоры распространены также на части территории верхне-вычегодского диалекта — по р. Вычегде, начиная с с. Кужба и ниже, а также по притоку Локчим. Регулярную и последовательную замену звука *л* в конце слова и в середине слова перед согласным звуком *в*, которую обычно коми исследователи называют чередованием *л/в* [Сорвачева и др., 1966, с. 48, а также: Вихман, 1844; Уотила, 1938], можно проследить на следующих примерах: *вѡлэн* 'на лошади', но: *вѡѡ* 'лошадь', *вѡѡли* 'лошади', *вѡѡтэ* 'твою лошадь', *нылэн* 'девушкой, дочерью', но: *ныѡѡ* 'девушка, дочь', *ныѡѡсэ* 'девушку, дочку', *ныѡѡлэн* 'у девушки, у дочери', *колэ* 'надо', но: *оз ков* 'не надо', *ковни* 'требоваться, быть нужным', *лолид* 'душа твоя, дух твой', но: *ловтэ* 'душу твою, дух твой' и др. Представляется естественным переход звука *л* в *в* в позиции перед вставочным звуком *й*: *пѡѡ* — *пѡѡѡй* 'мой большой палец', *кѡѡѡ* 'веровочка, шнурок' — *кѡѡѡйэн* 'веревочкой, шнурком', *пѡѡѡ* 'доска' — *пѡѡѡйэн* 'доской' и др. вместо *пѡлэн*, *кѡлэн*, *пѡлэн* и др.

В единичных случаях в конце слова наблюдается выпадение звука *в*,
Б–З. Зак. 449

например: *пу с'омӧс* Руч. (вм. *с'ӧвмӧс*) 'сердцевина дерева', *ушыш* (вм. *уепыш*), *улпыш* 'посконь'.

В вз-эловых говорах верхневычегодского диалекта нередко звук *л* в русских заимствованиях передается через *в*: *чувки* 'чулки', *ковкоз* 'колхоз', *чӧвнэк* 'челнок', *ыв* Руч. 'ил' и др. [Сорвачева и др., 1966, с. 48]. Последнее свидетельствует о наличии тенденции к расширению позиций звука *в* в рассматриваемых говорах, а случаи выпадения *в* в позиции перед согласным — результат ослабления звука *в*: *в* > *р* звука.

По удорскому диалекту в нашем распоряжении имеются краткие данные по верхневашскому говору. Как и в других вз-эловых диалектах, в этом говоре звук *л* употребляется только в позиции перед гласными, а перед согласными звуками в середине слова и в конце слов *л* > *в*, например: *вӧлыс* — *вӧл* 'лошадь-то — лошадь', *нылыд* — *ныл* 'твоя дочь — дочь, девушка', *сулавны* — *сувтны* 'стоять — встать', а также: *либны* 'подняться', *с'ивны* 'петь', *тшэжйӧв* 'молозиво' и др. Звук *в* в изобразительных словах появляется также в положении между гласными (*шу-ва-шавакывны* 'шелестеть').

В большинстве русских заимствований звук *л* сохраняется, ср.: *стӧлб* 'столб', *вилка*, *Павэл* 'Павел', *Микӧл* 'Микол, Николай', но: *тӧвка* 'толковый', *шӧвк* 'шелк' и др. [Сорвачева и др., 1966, с. 48].

В обячевском. вз-эловом говоре лузско-летского диалекта звук *л* также встречается в начале и в середине слова в позиции перед гласными звуками: *лун*. 'день', *мӧсьяссӧ лыс'ти* 'коров-то я подоила', *аспаным* 'наш', *солалам* 'посолим', *мэ бӧрда бат'ӧлӧ* 'я умоляю отца' и т.д., а в позиции конца слога и в середине слова перед согласным звук *л* > *в*: *турунавны* (вм. *туруналны*) 'заготавливать сено', *повдзи* (вм. *полдзи*) 'я испугался', *дод'д'ас сувтӧм* (вм. *султӧм*) 'встал в санях', *йур вывс'эн'да кок увтэдз* 'с головы до ног', *зз аддзыв* (вм. *аддзыл*) 'не увидел он', *йӧз ордӧ зз взтыв* (вм. *взтыл*) 'к людям не ходил он', *пув* (вм. *пул*) *корс'ны* 'бруснику искать' и др.

В русских заимствованиях звуки *л* и *в* сохраняются: *давай с'ойны* 'давай кушать', *пэрвӧй*, 'первый', *н'эвэстатӧ* 'невесту-то', *дӧвэч* 'вдовец', *лутштшӧ* 'лучше' и др. [Образцы к.-зыр., 1971, с. 156—158].

По извайльскому говору, представляющему небольшой изолированный островок, расположенный в верховьях Ижмы, в нашем распоряжении нет языковых данных. То же самое следует сказать о читаевском говоре, территориально входящем в состав лузско-летского диалекта. Остальные вз-эловые диалекты и говоры представляют собой компактную территорию, занимающую западную часть территории Коми АССР: от Мезени на севере до среднего течения Лузы на юге (см. карты 1, 6).

Нуль-эловые говоры также характерны только для коми-зырянского языка. К этой группе относятся вымский и ижемский диалекты и нуль-эловые говоры верхневычегодского диалекта, распространенные по р. Вишере и притоку ее Нившере, а также в Усть-Куломском, Мыелдинском, Носимском, Усть-Немском и Донском сельсоветах. Последние представляют диалектный остров в соседстве со смешанными и эловыми говорами того же верхневычегодского диалекта и с печорским диалектом (см. карту 6).

В нуль-эловых диалектах этимологическое *л* в конце слога заменяется удлинением предшествующего гласного (см. об этом на с. 60—61).

Взовый тип диалектов свойствен только коми-пермяцкому языку. К данному типу относятся два крупных диалекта южного наречия — нижнеиньвенский и кудымкарско-ньвенский (со своими говорами и

подговорами), расположенные в бассейне р. Иньвы с ее притоками. Взовые диалекты характеризуются отсутствием фонемы *л* (твердого). Примеры: *вун* < *лун* 'день', *выс* < *лыс* 'древесная игла', *ов* < *ол* 'живи', *сыв* < *сыл* 'талый', *ковны* < *колны* 'понадобиться, быть пригодным', *вэтыны* < *вэтлыны* 'ходить, сходить' и т.д. Как уже отмечалось выше, появление *в* на месте *л* — явление вторичное, более позднее. "Переход *л* в *в* (а не в другой какой-нибудь звук) объясняется тем, что эти два коми звука близки на слух. При произношении звука *л*, имеющегося в коми-пермяцких диалектах, кончик языка прижимается к верхним зубам очень слабо, гораздо слабее, чем при произношении русского литературного *л*, вследствие этого получается звук, несколько напоминающий губно-губное *w*, а этот последний звук акустически весьма близок к коми-пермяцкому *в*" [Коми-перм., 1962, с. 82–83]. Однако, как уже было отмечено нами выше, причины перехода звука *л* в *в* (совпадение *л* с *в*) в научной литературе пока что не нашли удовлетворительного освещения. Ясно одно, что одной из основных причин является утрата звуком *л* своей фонематичности.

Несомненно, переход *л* в *в* в современных взовых диалектах вызван в языке комплексом взаимосвязанных причин. Это фонетическое явление — результат длительных изменений, происшедших в фонетической системе наречия; по-видимому, изменились закономерности следования звуков речи в слоге. Немалую роль здесь могла сыграть и инерция органов речи, которая может вызвать ослабление и выпадение звуков, а иногда и сближение и совпадение с каким-либо близким звуком.

Весьма слабая артикуляция наблюдается при произношении коми-пермяцкого звука *в*, особенно в позициях — в середине слова перед согласными и в конце слова, где *в* напоминает звук *й* (у неслоговое), и в интервокальном положении. Последнее представляет наиболее слабую позицию звука *в* во всех взовых диалектах. В положении между гласными в говорах южного наречия звук *в* по своему качеству неодинаков, ср.: акс. *коо*, крох. *ково* и *коо* 'надо'; фед. *с'ыво*, вю. *с'ыво*, куд. *с'ыб* 'поет'; кув. *кыво* и *кыб*, бел. *кыб* 'слышит' и т.п. В позиции перед согласными и на конце слова в одних взовых говорах он в большинстве случаев⁸ сохраняется (в таких случаях мы его обозначаем буквами *в* и *в°*), в других напоминает *й* (или *й°*), а в третьих — он выпадает, в четвертых — наблюдается незначительное удлинение предыдущего гласного. На конце слова звук *в* в подавляющем большинстве случаев переходит в *й* или *й°*. Звуки *в*, *й*, *й°* — варианты фонемы *в* (примеры см. ниже).

Наиболее сильны позиции звука *в* во всех диалектах в начале слова и в середине слова после согласных [подробнее см.: Баталова, 1975, с. 26–29]. Примеры: *вөр* 'лес', *вон* 'брат', *вётны* 'догонять', *пыртвыны* 'заносить', *кинвон* 'чей?', *мортвон* 'у человека' и др.

По нашему мнению, в коми-пермяцких диалектах на пути исчезновения (т.е. выпадения) звука *в* имеется не одна промежуточная стадия (*в* > *w* > *ф* нуль звука), а больше, причем в разных позициях происходит по-разному, ср.: ср.-и. *ковис* > *ков* *ис* > *коис* 'понадобился', *пыравны* > *пырав* *ны* > *пырауны* и *пырау* *ны* 'заходить', *сузда* > *сууда* > *суу* *да* > *суда* 'высотой с', *къв* > *къв°* > *көу* > *көу°* 'опояска' и т.д. Появление того или иного варианта в середине слова перед согласным и на конце сло-

⁸Здесь и далее слова — *изредка, редко, в большинстве случаев, часто* — мы употребляем при характеристике новейших явлений, находящихся в процессе развития или когда отмечаем функционирование устаревших (архаических) языковых фактов.

ва иногда зависит и от качества предыдущего гласного, например: *поу°* и *по°* 'бойся'; *то°в* и *тоу°*, *то°* 'зима, ветер'; *ты°в*, *тыу°* и *ты°* 'перо (гусиное)'; *изна°в*, *изнау°* и *изнау°* 'закрой, прикрой' и т.д.

В некоторых говорах встречаются случаи незначительного удлинения предшествующих гласных, чаще — *у*, *ы* и *о*. Например, в ареале аксеновского говора нижеиньвенского диалекта: *о°з ку°* < *о°з ку°в* 'не умру', *о°з о°* < *о°з о°в* 'не живет, не проживает' и др. Небольшое удлинение предыдущего гласного в результате выпадения предыдущего *в* мы обозначаем знаком (°) здесь и далее с правой стороны.

Ослабление качества *е* в слабых позициях более отчетливо выступает в срединных южных говорах (например, в среднеиньвенском, в собственном кудымкарском) и менее выражено — в окраинных; ср., например, данные кувинского и отевского говоров: кув. *во°внас* — от. *воу°нас* 'лошадью'; кув. *то°вз°о* — от. *тоу°з°о* 'выветривается', кув. *со°в* — от. *со°в°* 'соль'; кув. *с°эта°в* — от. *с°эту°* 'раздай'. Ср. также примеры на употребление звука *е* в его слабых позициях в разных взовых говорах (см. карты 1, 6).

1. Звук в середине слова перед согласными. На территории азовского говора нижеиньвенского диалекта на месте *е* в рассматриваемой позиции встречаются следующие его варианты: *е°*, *й°*, *у°* и (нуль звука): *асы°у° нас* (ср. крох. *асы°внас*) 'утром', *д°эрэ°в°н°а* 'деревня', *мо°да ку°уны°* (ср. кув. *ку°вны°*) 'хочу умереть', *о°з ву°н°о°в° т°* 'не забуду', *чэ°з°у°а°о°* (< *чэ°з°у°а°в° о°* < *чэ°з°у°а°л°о°*) *кы°в° с°о°* 'ломает свой язык'; в тиминском — звук *е* также переходит в *е°*, *й°*, *у°*, $\emptyset$: *кы°ска°в° ны°* 'таскать, возить', *ба°в° да°* 'балда', *мы°й сы°ис°* (< *сы°в°ис°*) *то°у°кы°с* 'что за толк от него', *пони°с уд°жа°у° ны°* 'начал он работать', *ку°у° ны° ко°о°* (< *ку°вны° ко°в°о°* < *ко°л°о°*) 'умирать надо' и др.; ср. также в соседнем доеговском говоре (*во°тсавны°* 'добавить, подбросить дрова в печь', *начкы°вны°* 'зарезать', *бо°с°та°вви°* 'я брал (не раз)', *ко°рта°в ны°* 'связать', *с°эту°ны°* 'раздавать', *вэ°уд°о°р°* 'поверхность, верхняя часть' и др.), в следующем — в аксеновском *но°в° й°о°н°* 'носят', *во°в° е° о°* 'приходит' или *во°в°о°* < *во°в° е° о°* (лит. *вовл°о°*), *су°ав°о°* < *су°ав° е° о°* (лит. *су°лавл°о°*), *кэ°ра°уны°* 'рубить', *м°э°у° на°* 'немного', *кы° з°о°т°э°* 'слушайте', *й°о° со°* < *й°о°у° с°о°* < *й°о°у°с°о°* < *й°о°в°с°о°* 'молоко-то', *ко° тас°о°* (< *ковтас°о°*) *пас°та°ис°* 'кофту она надела' и др.

Примеры из аксеновского говора свидетельствуют о наличии в говоре процессов стяжения двойных согласных в один и удлинения предшествующего гласного в результате выпадения последующего *у°* (< *у°* < *е°*).

В ареале крохалевского говора нижеиньвенского диалекта звук *е* в позиции перед согласным сохраняется: *то°внас°* 'зимой', *ос° тай° кы°в°с°ы°* 'не слышно что-то', *из° пав°к°о°т°вы°* 'не задевал он' и др. В отдельных словах замечены варианты — *е°*, *й°*, а также удлинение предшествующего гласного: *во°у°с°о° до°д°д°аи°* 'лошадь я запряг', *ко° ко°зы°с° вои° н°и°* 'колкиз уже был'. В соседнем, федоровском говоре основной вариант фонемы *е* также сохраняется: *во°в°йа°* 'живой', *кы°в°зы°* 'слушай', но: *он° пин°о°в° т° эд° тэ°* 'ты ведь не ешь', *го°в° ка°* 'телочка' и др.

В мелюхинском ареале среднеиньвенского диалекта чаще всего употребляется вариант *е°* и редко — *й°*, ср.: *дзу°вска° с°ин°* 'смелый', *гав°д°ита°с°о°* 'пошумят', *ов° ны°* 'жить', *кы°в° с°ис°* 'было слышно, известно', *кэ°ра°уны°* 'рубить' и др.

В верх-юсвинском кусте в этой позиции *е* сохраняется в большинстве случаев: *пы°к°о°та°в° ны°* 'ставить подпорку', *чэ°чч°о°вта°* 'спрыгну', *ма°ва°вны°* (ср. ср.-и. *маавны°*) 'гладить (по головке)', *вэ°вд°о°рас° тэч°* 'складывай на верх', но: *пы°к°о°та°в° ны° ко°ис°* 'надо было подпереть', *кы°в° зы°* 'слушай'

и др. В соседнем с верх-юсьвинским — в верх-иньвенском говоре кудымкарско-иньвенского диалекта — звук *в* > *в°*, *ў*, *ў°* *ѵ* (нуль звука): *угов° с'ис* 'с угла', *ув° тас* 'внизу', *мэдаўны* 'нанять', *тоў° нас* 'зимой', *у'тас* 'внизу, под низом' и др.; ср. также примеры из самковского говора — *ўуктав° ны* 'напоить', *н'эв° на* 'немного', *пондасѵ с'эрав° ны* 'начнут смеяться', *оўнытѵс* 'жить-то', *оз-кыў° зѵ* 'не слушают', *тарѵ° тны* 'покатить', *патрул'л'эз сутѵтисѵ* (< *сувтѵтисѵ*) 'патрулей поставили' и др.

В деминском ареале (к западу от Кудымкара) основной вариант звука *в* сохраняется в большинстве случаев: *правда*, *ковны* 'понадобиться', *вовз'ис эд* 'ожил ведь', но: *асыв° нас* 'утром', *чопан* (< *човпан*) 'каравай хлеба'.

В кудымкарском говоре присутствуют все варианты звука *в* — *в°*, *ў*, *ў°*, *ѵ* (*с'ывтѵн* 'с песнями', *гэр'аввис* 'причитала она (не раз)', *игнав° тѵм* 'не закрытый', *гунав° в° ын* 'на гумне', *спраука* 'справка', *пудоука* 'пудовка', *виноў° нѵй* 'виновный', *куў° ны* 'умирать', *зыпка утас* (< *увтас*) 'под люлькой', *са'дат* 'солдат', *во° з'ѵтѵмас* 'оживили'. В ареале соседнего — отевского говора выступают варианты — *в°*, *ў*, *ў°*: *прав° да* 'правда', *цэркоўнѵй* 'церковный', *ныўка* (< *нывка*) 'девушка', *д'эрэў° н'а* 'деревня', *потоокыс сув° да* 'высотой с потолок' и др. Если же в слове стоят рядом два *вв*, то они оба сохраняются, ср.: *войнававс* 'на войне', *ѵктывавис* 'собирал он (порой)', *асывевзнас воввис* 'утрами он приходил' и др. [ср.: Кузнецов, 1951, с. 188—190].

На территории белоевского говора звук *в* сохраняет основной вариант в большинстве случаев, вариант *ў* выступает нечасто: *уджавны* 'работать', *жовгис* 'он стукнул', *нывкаок* 'девочка', но: *мэдаўны* 'нанять', *коўкозас* 'в колхозе' и др.

В косогорском (окраинном) говоре кудымкарско-иньвенского диалекта звук *в* иногда имеет вариант *в°*, ср.: *тѵв° быт* 'всю зиму', *н'эвна* 'мало', *с'ѵвз'ыны* 'плюнуть', *вов° з'ис* 'он воскрес', *овѵѵ* 'бывает', *повтора* и *пов° тора* 'полтора' и др.

В кувинском ареале (также в окраинном и соседнем с косогорским — с юго-востока) звук *в* сохраняет свои качества: *тѵвнас* 'зимой', *повз'ин* 'ты испугался', *сувтис совс'эм* 'совсем остановился' и др.

А в ошибском кусте (к северо-западу от Кудымкара) звук *в* имеет вариант *в°*: *тѵвнас* 'зимой', *ыждав° ны* 'командовать', *ос кывс'ы* 'не слышно', *окав° ны* 'целовать', *чужжавны* 'пинать', *взв° пти* 'покрыл я' и др. В этом говоре в позиции после звука *о* *в* изредка переходит в более слабый вариант *ў*, ср.: *окоўсѵ* 'укол-то', *поўкул'а* *бос° ны* 'полмешка взять', но: *овтѵн* 'живя', *сов° со* 'соль-то' и др. В пограничном (окраинном) его-ровском говоре звук *в* имеет варианты — *в°* и *ў* (*кинов° на* 'чья?', *эн чав° зы* 'не шуми', *ныўкѵт* 'с дочерью', *н'эўна* 'мало' и др.; в мелехинском говоре явление аналогичное: *н'ивкѵм* 'лапоть', *туѵѵ овны* 'можно жить', *кывзы* 'слушай', но: *тѵв° нас* 'зимой', *ков° козс'ис* 'из колхоза'. В окраинном хайдуцком говоре основной вариант звука *в* сохраняется: *пѵныс дѵвкис* 'собака лаяла', *кывны* 'слышать', *вовз'ѵ* 'оживает', *адз-зывны* 'увидеть' и др.

Следовательно, звук *в* в позиции перед согласными сохраняется только в кувинском и хайдуцком говорах. Звук *в* и его наиболее сильный вариант *в°* выступает в окраинных говорах — в азовском, крохалевском, федоровском, мелюхинском, верх-юсьвинском, деминском, косогорском, лопанском (см. карту 1). В остальных иньвенских говорах употребляются наиболее слабые варианты звука *в* > *ў*, *ў°* и *ѵ* звука.

Во всех взовых говорах звук *в* перед согласными после гласного у

почти всегда выпадает, т.е. переходит в нуль звука. Ср., например, в крохалевском говоре: *тракторыс утын* (< *уэтын*) 'под трактором-то', *понис сутны н'я* (< *суэтын*) 'начал он вставать уже на ноги'; ср.-и. *чукизз* (< *чуўкизз* < *чувкизз*) 'чулки', *утас* (< *уэтас*) 'низкое место', *утис* (< *уэтис*) 'он лаял', *чусвуйтō* (< *чувствуйтō*) 'чувствует', *чун*, *судышка* (< *судышка*) 'высотой с палец'; ср. также в косогорском: *эта судышка* (< *судышка*) *токо* 'вот такой высоты только'; кув. *ышын утын* (< *уэтын*) 'под окном'; бел. *снар'ад утас* (< *уэтас*) *шэди'я* 'попал под снаряд' и др.

Необходимо отметить, что почти во всех взовых говорах, если рядом стоят два *в* (*вв*), то они оба сохраняют свое первоначальное качество, ср.: фед. *оз воввы* 'не приходит', *уджаввис тракторвын* 'работал (не раз) на тракторе', *с'ако оввō* 'всяко бывает'; бел. *вонис вузаввōм* 'мой брат продал (когда-то)', *мэ вис'тавва* 'я часто говорю' и др.

2. Звук *в* на конце слова. В данной позиции *в* имеет различные варианты, причем количество вариантов различно по говорам. Так, в азовском говоре нижеиньвенского диалекта в конце слова *в* в большинстве случаев переходит в *в°* и реже в *ў*. Примеры: *кывав°* 'позови', *кыв сō мычав°* 'покажи свой язык', *кыв эн чэгйов°* 'не ломай свой язык', *пōў* (< *пōв*) 'доска', *п'ат' домоў* (русск. *домов*) 'пять домов' и др. В соседнем тиминском говоре конечный *в* реализуется в вариантах — *ў* и *ф* звука. Примеры: *из оў* (< *ов*) 'не проживал он', *сиō и поў* (< *лов*) 'то и бойся', *эн и уджаў* 'ты и не работай', *оз ку* (< *куў* < < *кув°*) 'не умрет', *кык тō* (< *тōў* < *тōў* < *тōв°* < *тōв*) 'две зимы'.

В сопредельном тукачевском говоре звук *в* в конце слова трансформируется в — *в°*, *ў*, *ў°*: *эн ыжмав°* 'не балуй', *оз ул'сав°* 'не отсыреет', *пошоў* 'пошел', *из куў* 'не умер', *эз вōс'аў* 'не повезло' и др.

В доеговском говоре — в центральном говоре нижеиньвенского диалекта на конце слова звук *в* почти всегда переходит в *ў*, например: *оз коў* 'не нужно', *учōтōў* 'маловат', *вундаў* 'режь' и др.

В соседнем — аксеновском говоре конечный звук *в* переходит в *в°*, *ў*, *ў°* или в результате выпадения происходит незначительное удлинение предшествующего гласного с дополнительной лабиализацией, например: *пэтав° жō* 'выходи же', *йōв°* 'молоко', *эз вōў* 'не было', *вис'таў* 'скажи', *из уджа°* (< *уджав*) 'не работал он', *оз кы°* (< *кыв*) 'не слышит', *уна оз ко°* (< *ков*) 'много не нужно' и др.

В крохалевском говоре позиции звука *в* на конце слова также не устойчивы, ср.: *пōднав* 'закрой', *ныв* 'дочь', но: *штобы дукуйт из вōў* 'чтобы духу твоего не было (здесь)', *гортын из о°* (< *ов*) 'дома он не жил'. Однако в большинстве случаев в этом говоре встречается основной вариант *в*.

В среднеиньвенском говоре на конце слова звук *в* > *в°*, *ў*: *пукс'ы да пукаў* 'садись да сиди', *эн горав°* 'не шуми', *ныв°* 'дочь', *эн кис'кав°* 'не поливай', *эз адззыў* (< *адззыв*) 'я не видел', *поў* (< *пов*) 'бойся' и др. А в мелюхинском говоре в этой же позиции звук *в* чаще сохраняет свое качество: *уджав* 'работай', *с'ōкытōв* 'трудновато', но: *вōв°* 'лошадь', *куштыв°* (топон.) и др. В соседнем с ним, в верх-юсвинском говоре звук *в* на конце слова также сохраняется, чаще в своем основном варианте и реже — в слабом варианте *в°*. Примеры: *чōв-чōв* 'молчи', *эс вōс'ав* 'не подошло', *вэптав* 'поднимай', *ōв* 'да', но: *курав°* 'собери', *эн адззыв°* 'не видел ты', *эн подна°* 'не закрывай' и др. В верх-иньвенском говоре в этой позиции *в* > *ў*; *тōў* 'зима', *вот и пышнаў* 'вот и опышный', *йōў* и *йōв°* 'молоко' и др. В самковском ареале конечный *в* чаще всего перехо-

дит в свой вариант e° : как *ныв*[°] 'две дочери', эз и *бырав*[°] 'и не исчезало', *оз тай тыдав*[°] 'и не видно'; основной вариант *e* встречается реже (*но́кйа йёв* 'сметана', *савдатас д'ээ́т годов* 'в армии девять лет'), очень редко встречается наиболее слабый вариант y° : *готоу*[°] 'готов'.

В кудымкарском ареале конечный *e* переходит в e° , y° , y° : *эс тырмыв*[°] 'не хватало', *эз вэс'кау* 'я не поправился', *воу*[°] 'лошадь'; в отевском — звук *e* на конце слова переходит в y° и нуль звука: *йурё оз уджау* 'голова моя не работает', *ныу дыно мунё* 'едет к дочери своей', *оз ко*[°] *вэрдны* 'не нужно кормить', *годо*[°] *вос'эм* 'годов восемь' и др.

В косогорском говоре *e* на конце слова в огромном большинстве случаев сохраняется в основном варианте: *жагвыв* 'медленно', *эз вёв* 'не было', *пэ́тав* 'выходи, сходи', но: *лукав*[°] 'сиди'; то же самое наблюдается в кувинском говоре: *пырав*, *пырав* 'заходи, заходи', *таун вэдзав*[°] 'сегодня отпусти', *мис'а ов*[°] *да ов* 'говорю, живи да живи'.

В ошибском говоре конечный *e* чаще всего выступает в варианте e° : *чёв* 'молчи', *оз зэрав* 'дождя нет', но: *гортын ов*[°] 'живи дома', *отгув*[°] *с'э́твём* 'давал отгул' и др.

В егоровском говоре на конце слова *e* реализуется в вариантах e° , y° , y° , а после звука *y* иногда переходит в нуль звука ($\emptyset$): *оз и ов* 'и не бывает', *чёв* 'молчи', *эз зэрав* 'дождей не было', *эн ко́мав*[°] 'не обувай', *эз адззыу* 'не видел я', *пас'тау* 'надень', *ос куу*[°] 'не умрет', *он ку*[°] 'не умрешь' и др.

В лопанском ареале *e* выступает в данной позиции в основном своем варианте или $e > e^{\circ}$: *асыв* 'утро', *сыв*[°] 'талый', *пырав*[°] 'заходи'.

В мелехинском и хайдукском (в соседних) говорах конечный *e* сохраняется в основном варианте: мелех. *эн кэрав* 'не руби', *мича ныв* 'красивая девушка', *оз жо́ уджав* 'тоже не работает'; хайд. *оз ков* 'не нужно', *мэ эз вёв* 'я не был', *эн с'ыв* 'не пой', *кыскав* 'таскай'.

Таким образом, в этой позиции основной вариант фонемы *e* также употребляется в кувинском, мелехинском и хайдукском говорах. Вариант e° появляется в азовском, крохалевском, самковском, косогорском, ошибском, лопанском говорах, т.е. в окраинных говорах обоих взовых иньвенских диалектов — нижнеиньвенского и кудымкарско-иньвенского (см. карту 1, 1а).

3. Звук *e* между гласными. Данная позиция звука *e* является наиболее уязвимой. Так, в азовском говоре в интервокальном положении звук *e* выступает в своем основном варианте (*e*), в ослабленном варианте (e°) или выпадает ($\emptyset$), например: *кывы́т э́ки* 'твой язык болит', *Ивачис'* 'из Ивача', *вэв'а́ис* 'привык', *ро́з'о́ам* 'врозь живем', *уджаисё* 'работали они', *курччаас* 'искусает', *таун* 'сегодня' и др. — вместо *о́ам*, *уджависё*, *курчча́вас*, *тау́н* и др. Ср. также примеры из тиминского говора (соседнего с предыдущим): *шко́в'а́ас* 'в школе-то', *та́в'о* 'в этом году', *мис'ка́в'о* 'моет', *сэ́ччин бо́баё* (вм. *бо́баё*) 'там играйте', *с'э́твисё ныё* (< *ныё*) 'давали им', *поё* (< *повё*) *дак* 'боится так' и др. В близлежащем тукачевском говоре звук *e* также в этой позиции имеет варианты *e* и $\emptyset$ звука, например: *чу́в'а́ис* 'прошло', *да́вай, н'э́ права мэ* 'давай, не права я', *кыва́ эд* 'слышу ведь', *угёв'ын* 'в углу', *вё́ит* (вм. *вё́вит*) 'вы были', *ту́йс'с'а* (вм. *ту́вйс'с'а*) 'весенний', *из вё́о* (вм. *вё́вё*) 'не были они', *сыё* (вм. *сы́вё*) 'ему', *ко́ас* (вм. *ковас*) 'промежуток' и т.д.

В соседнем доеговском говоре в интервокальном положении звук *e* в большинстве случаев выпадает или переходит в нуль ($\emptyset$) звука: *коё* (вм. *ковё*) 'надо, сйкаё' (вм. *сйка́вё*) 'остывает' и т.п.; в территориально примыкающем в аксеновском говоре также в большинстве случаев

в этой позиции выпадает (*таун* < *тавун* 'сегодня', *куан* < *куван* 'умрешь', *ошаас* < *ошавас* 'повисит', но: *кув а-кав°а* 'ляв-ляв', *эзвы кинов°о* 'сходи в кино', *йивые* 'на льду', *дак кыва* 'так слышу'. Отметим, что в речи аксеновцев *в* и его аллофон *в°* сохраняются лишь в отдельных случаях: а) в изобразительных словах (*кув°а-кав°а*); б) во внешнеместных падежах (*вв* > *в*: *йивын* < *йиввын* 'на льду', *кинов°о* < *киновв°о* 'в кино'); в) в глаголах многократного вида (*пöшс°ывын* < *пöшс°ыввыны* < *пöжс°ыввыны* 'делать теплые ванны'); г) в некоторых русских заимствованиях (*давай*, *кл°учовина* 'ключевина', *отава*).

В крохалевском (окраинном говоре) звук *в* между гласными в большинстве случаев сохраняется: *вайавис* 'он привозил', *жива* 'жила', *кы-вöтис* 'сплавил он', *ог эзтвывы* (< *эзтвывывы*) 'не хожу', но: *вартвыис* 'избивал он', *л°ис мычаис* (< *мычаис*) 'лист показал он' и др.

В средненевенском говоре звук *в* в рассматриваемой позиции чаще всего выпадает, случаи сохранения единичны: *уджаöны* < *уджавöны* 'работают', *оз уз°выы* (< *уз°выывы*) 'не спит', *мз шогаа* (< *шогава*) 'я болею', *тао* (< *таво*) 'в этом году', но: *кок йывас* 'на ногах он', *мз вэваи* 'я привык', *чавöйöс* 'сивые'. В последних двух примерах *в*, по-видимому, сохраняется во избежание стечений трех гласных, различных по ряду и подъему. Если же звук *в* окружают одинаковые гласные, то в таком случае стечение трех гласных является привычным, ср.: *маав* (< *маваа* < *маваава*) 'глажу, поглаживаю'.

В федоровском и мелюхинском говорах звук *в* между гласными чаще всего выпадает, случаи сохранения основного варианта и *в°* редки. Ср.: *фед. адззыö* (< *адззывö*) 'видится', *р°адом оам* (< *оам*) 'рядом живем', *коö* (< *ковö*) 'нужно' и др., но: *мортовöй бол°эз* 'болезнь от колдовства', *вöс°ав°ö* 'подходит', мел. *пас°каöм* (< *пас°кавöм*) 'расширился', *татара оöмас* (< *овöмас*) 'татары жили', *вис°таа* (< *вис°тава*) 'скажу', *уис* (< *увис*) 'снизу', но: *йовöк* 'молочко', *унаваö* 'во многие места', *адззыв°у* и 'я видел' и др. Почти аналогичное наблюдается в верхюсвинском и верхиньвенском говорах. Примеры: *вю. этыдз вöи* (< *вöви*) 'так было', *л°омсö чэзваöмас* 'черемуху заломали', *миö оимö* (< *овимö*) 'мы жили', *гус°аис* < *гус°авис* 'он украл', *ныис* (< *нывис*) 'у них', но: *вэштыны ковö* 'сдвинуть надо', *ээт сывö* 'отдай ему', *кымöр суваö* 'туча стоит'; *ви. ныöн* (< *нывöн*) 'у них', *выын* (< *вывын*) 'высоко', *пымаисö* (< *пымависö*) 'вспотели', *вöм* (< *вöвöм*) 'он был', *с°этавöны* 'раздают', *вайвывö* 'приносит', *розавöйöн* 'розовым', *выв°ын бол°н°ицаас* 'вверху, в больнице', *то чисто уждав°ö* 'вот все работают' и др. Ср. также примеры из самковского говора: *ныö* (< *нывö*) *корö* 'дочь моя просит', *коми коасын* (< *ковасын*) 'среди коми', *ракöн шогаи* (< *шогави*) 'я оком болел', но: *авöйöс* 'алые', *с°эравамö* 'смеемся', *уджав°ö* 'работает', *дов°ыт* 'легко' и др.

В кудымкарском говоре звук *в* между гласными часто выпадает, однако *звук в* встречается в своем основном варианте и в ослабленном — *в°*, причем последний выступает чаще, чем *в* (основной вариант). Примеры: *вис°таа* (< *вис°тава*) 'скажу', *сыö* (< *сывö*) *йурвас* 'ему на голову', *таун* (< *тавун*) 'сегодня', *зз вэдзвыы* (< *вэдзвывыы*) 'не отпускал он', *вооснöй* (< *вовоснöй* < *волостнöй*) 'волостной', *вöм* (< *вöвöм*) 'был он', но: *мамöвö* 'моей матери', *öвинас* 'в овине', *с°ывис* 'пел он', *пу-кав°ас* 'посидит он' и др.

В отличие от кудымкарского, в соседнем деминском говоре звук *в* в интервокальном положении в большинстве случаев сохраняется: *öтик овö* 'один живет', *пыр ови* 'всегда я жил', *ывö вэвöччис* 'много (букв.

далеко) 'учился', *зонёвö көвö* 'моему сыну нужно', но: *тыдаö* (< *тыда-вö*) 'виднеется', *сыён* (< *сывён*) *вон вöи* 'у него брат был', *уджаис* (< *уджавис*) 'он работал' и др.

В отевском и белоевском говорах звук *в* в этой позиции в большинстве случаев выпадает, в остальных случаях он сохраняется и изредка выступает его вариант *в°*, например: от. *пондыас* (< *пондывас*) 'попробует (начать)', *быдöс соччыёмас* (< *соччывёмас*) 'оказывается, все были погорельцами', но: *суваö заводыс* (< *сувавö*) 'завод-то стоит', *таван'ыц* 'по эту сторону' и др.; бел. *зэыт* (< *зэвыт*) *вöи* (< *вöви*) 'туго было', *сывис* (< *сывис*) *дзимл'аисö* (< *дзимл'ависö*) 'у него убирали', но: *взвöччи* 'я учился', *пвот' ов°оны* 'рядом живут' и т.д. То же самое наблюдается и в косогорском говоре: *оам* (< *овам*) 'живем', *уджаан* (< *уджаван*) 'ты работаешь', *коис* (< *ковис*) 'нужно было', *тао* (< *таво*) 'в этом году', но: *взвöччö* 'учится', *мый сывö* 'что ему', *мэ взваи* (< *взвави*); ср. ср.-и.: *взам* 'я привык', *ов* и *н'эвна* 'побыл я не долго' и т.д. А в кувинском говоре, наоборот, звук *в* между гласными, как и в деминском говоре, в большинстве случаев сохраняется, ср.: *шковаын* 'в школе', *пововиккэз* 'половики', *воннэз вöвёмас* 'братья были, оказывается', *бöбавö пö бöбаö* (< *бöбавö*) 'говорят, балуется', но: *чапкаа* (< *чапкава*) 'выброшу', *мис'каи* (< *мис'кави*) 'я вымыл', *пэтаöма* (< *пэтавöма*) 'взошло (о всходах семян)' и т.п.

В ошибском говоре примерно в 40% случаев *в* > *ø* звука, а в остальных случаях сохраняется либо выступает в слабом варианте *в°*, ср.: *ныыс* (< *нывыс*) 'его дочь', *кыскаан* (< *кыскаван*) 'таскаешь', *пукс'ыём* (< *пукс'ывём*) 'садился он, оказывается', но: *зонкавö* 'мальчику', *кой-кавас* 'на кровати', *вöс'авö* 'подходит', *унавас'ан* 'из многих мест', *кас'ты-вас* 'вспомнит', *адззывём* 'увидел он' и др.

В егоровском (окраинном) говоре звук *в* в указанной выше позиции чаще всего выпадает (*вöм* (< *вöвём*) 'было', *чуаём* (< *чувавём*) 'прошло', *поучитви* (< *повучитви*) 'я получал', *уö* (< *увö*) *вот'аö* (< *вот'авö*) 'вниз капает' и др.), в остальных случаях сохраняется или переходит в *в°*: *шонавö* 'нагревается', *д'эн'гавö уджаёны* (< *уджавёны*) 'на деньги работают', *ыв°ынöс* 'далеко', *пырав°а* 'зайду' и др. Аналогичное состояние звука *в* между гласными и в лопанском говоре: *тыдаö* (< *тыда-вö*) 'виднеется', *туыс'сан* (< *тувыс'сан*) 'с весны', *кынмаис* (< *кын-маис*) 'простудился он', но: *ывис'ан* 'издалека', *взвöччи* 'я учился', *д'эвэт* 'девять', *кал'чава* 'запру', *ов°ис* 'он жил' и др.

В мелехинском и хайдукском говорах звук *в* в позиции между гласными в большинстве случаев (примерно в 60% случаев) выпадает, в остальных случаях выступает в основном варианте (*в*): мелех. *зэыт вöи* (< *зэвыт вöви*) 'трудно было', *н'одджаис* (< *н'оджавис*) 'осматривал он', *вон сывён* (< *сывён*) 'его брат', *шкоа* (< *шкова*) 'школа', но: *ывын* 'далеко', *с'эравö* 'смеется', *вэччывö часто* 'приходит часто' и др.; хайд. *сэтön тово* 'тут вот что', *сы дынын* и *овö* 'у него и живет', но: *коö* (< *ковö*) 'надо', *мис'каис* (< *мис'кавис*) 'он вымыл', *оан* (< *ован*) 'жизнь', *тууп* (< *тувуп*) 'тулуп', *мэ вöимö* (< *вöвимö*) 'мы были' и т.п.

Приведенные выше материалы по довольно густой сетке говоров показывают, что в интервьюальном положении звук *в* и его вариант *в°* чаще всего сохраняются в азовском, крохалевском, деминском, кувинском и ошибском говорах. Названные говоры южного наречия относятся к числу периферийных. Эта особенность (периферийность) была отмечена и А.С. Гантман-Кривошековой. Она пишет, что *в* чаще всего в середине слова между гласными употребляется в говорах, распространенных

по соседству с л-диалектами коми-пермяцкого языка или с русским говором, например, на территории бывших Егвинского и Верх-Иньвенского ведомств Строгановской вотчины. Верх-иньвенцы и егвинцы говорят: *мавава* 'глажу (по голове)', *стововой* 'столовая', *керава* 'рублю' [Гантман 1962, с. 213]. Наши наблюдения показывают, что теперь и на этой территории в интервокальном положении звук *в* выпадает (примеры см. выше).

Как показывает диалектный материал взовых говоров, процессы изменения звука *в* в разных позициях находятся на разных ступенях развития. В одних говорах они близки к завершению, в других только развиваются. Такая пестрая картина звукового изменения свидетельствует о действии живого процесса. Центром возникновения трансформации звука *в* следует считать район средней Иньвы, поскольку в среднеиньвенском говоре во всех позициях звук *в* претерпел наибольшие изменения (примеры см. выше, а также карту 1, 1а).

Выпадение звука *в* в интервокальной позиции явилось одной из причин появления стечений гласных в коми-пермяцком языке (в взовых диалектах). Ср.: южн. *поа* 'боюсь', *воаö* 'дышит' *мааа* 'глажу (по голове)', *тöис* 'луна' и др. — с сев. соответственно — *пола*, *полалö*, *малала*, *тöлис* и др. Появление новой закономерности — стечений двух и более гласных звуков исключает возможность употребления вставочных звуков в положении между гласными (например *в* и *й*) [см. Баталова, 1975, с. 16, 43–44, 51–53].

Но почти во всех взовых говорах выявляются отдельные слова, в которых звук *в* встречается как вставной звук. Приведем примеры из некоторых говоров: тук. *раö'ивос* (вм. *рад'иос*) 'радио-то', *йуваны* (вм. *йуны*) 'пить'; кув. *чайтö йувö* (вм. *йуö*) 'чай-то пьет'; ош. *каравул'ути* (вм. *караул'ути*) 'я караулил', *пүвис* (вм. *пүис*) 'сварил он'; лоп. *йүвисö* (вм. *йуисö*) 'пили они', *чöскыт йуваныс* (вм. *йуаныс*) 'вкусный напиток' и др.

Выпадение звука *в* между гласными в иньвенских диалектах южного наречия отразилось и на структуре некоторых суффиксов, содержащих звук *в*, ср.: лит. *косялö* (*кос'талтö*) — иньв. *кос'аö* (*кос'таö*) 'рвет', лит. *ветльйелы* (*вет'тыелты*) — иньв. *вэтыы* (*вэт'выты*) 'ходи, навещай', лит. *казьтйвлöма* (*казьт'тывлöм'та*) — иньв. *кас'тйöма* (*кас'т'тыöм'та*) 'он вспоминал, оказывается', лит. *кöзовй* (*кöз'товй*) — иньв. *кöзоой* (*кöз'тоой*) 'еловый' и т.д.

В русских заимствованиях взовых говоров звук *л* также отсутствует — он заменяется звуком *в*, который претерпевает в разных позициях те же изменения, что и в исконных словах. Ср.: доег. *коўкоз* 'колхоз', *свабын'ик* 'слабенький', *своо* 'слово' и др.; куд. *поу* 'пол', *шкоа* 'школа', *квас* 'класс' и др.; бел. *сваа* 'слава', *кав'ат* 'халат', *заод* 'завод', *кузоу* 'кузов' и т.д.

4. Звук *в* в начале слова. В взовых говорах языка коми-пермяков на месте этимологического *л* в начале слова также употребляется звук *в*, как и в других позициях. Примеры: *вун* < *лун* 'день', *выс* < *лыс* 'хвоя', *вок* < *лок* 'иди, подойди', *вэтыны* < *лэбтыны* 'поднять' и т.п. При этом позиция начала слова для звука *в* в этих диалектах в настоящее время является единственной более или менее сильной позицией.

Следует предполагать, что замена велярного *л*, имевшего слабую артикуляцию, звуком *в* в начале слова могла произойти вслед за ослаблением позиций звука *л* в положении между гласными и перехода его в

е (и далее $\geq e^\circ$, $\emptyset$). Заметим, что переход *л* в *е* в начале произошел в позициях конца слова и в середине слова перед согласными. Последнее подтверждается современным состоянием вз-эловых диалектов коми-зырянского языка.

Вероятно, можно было бы предположить также, что взовые диалекты в своем развитии могли пройти стадию развития вз-эловых диалектов, а со временем в них произошло дальнейшее сужение позиций звука *л* (твердого) в связи с расширением позиций звука *е* (за счет *л*). Несомненно, разительные перемены могли произойти только с веллярным *л*, характерным для языка пермяков вообще.

Необходимо отметить также, что в взовых и в других коми диалектах губно-губной звук *е* (*у*) в начале слова произносится с довольно слабой смычкой, что, по-видимому, и явилось одной из важных причин сужения столь широких позиций после перехода *л* $\geq e$: появления различных позиционных вариантов ($e \geq e^\circ$ $\check{y} \geq \check{y}^\circ$), вплоть до выпадения в интервокальном положении, т.е. перехода в нуль звука ($\emptyset$).

Необходимо подчеркнуть, что последствия утраты звука *л* в взовых диалектах — замена его звуком *е* и трансформация звука *е* привели к изменениям не только в фонологической системе этих диалектов, но и создали условия (т.е. явились одним из условий) для перестройки падежной системы и структуры некоторых суффиксов [Баталова, 1975, с. 48—49, 136—138].

Подводя итоги сказанному выше, еще раз отметим, что взовые диалекты охватывают территорию двух соседних диалектов коми-пермяцкого языка — нижнеиньвенского и кудымкарско-иньвенского и составляют компактный ареал (см. карты 1, 6).

В оньковском диалекте, как и в других эловых диалектах, звук *л* встречается во всех позициях: *лõдз* 'овод', *колõ* 'надо', *кинлõ* 'кому', *мылкыд* 'ум, сознание', *кыл* 'язык', *визыл* 'быстрый' и т.п. Звук *л* появляется также и на месте исконного *е* в начале второго компонента в следующих сложных словах: *Нытлаõ* 'в Нытву' (ср.: *Нытва* < *Ныт+ва*); второй компонент *ва* означает 'река, вода', *Пожлаõ* 'в Пожву', *Кулаõ* 'в Куву', *с'инла* 'слеза (дословно: глазная вода)', *н'элажын* (лит. *неважын*) 'недавно', *вот'ла* (лит. *вот'ва*) 'дождевая вода', *с'орла* (лит. *сёрва*) 'отходы пива', *кунла* (лит. *кунва*) 'щелок', но: *Йус'ва* 'река и село Юсва', *Ин'ва* 'р. Иньва'. Заметим, что слова — *с'инла*, *н'элажын*, *вот'ла*, *кунла* — могут употребляться и со звуком *е*: *с'инва*, *н'элажын*, *вот'ва*, *кунва*. Особой закономерности в употреблении звука *л* на месте *е* в начале второго компонента сложного слова в данном диалекте нет. Здесь проявляется тенденция к замене звука *е* фонемой *л* везде и всюду, как это происходит в иньвенских диалектах, в которых, наоборот, фонема *е* вытеснила *л* (см. с. 70—72).

Очевидно, в оньковском диалекте действует фонетический процесс: противоположного характера: звук *е* вытесняется фонемой *л*. Об этом свидетельствуют и русские заимствования, в которых под влиянием фонетической системы диалекта *е* передается через *л*, ср.: *тыкла* 'тыква', *лот* 'вот', *прал* 'прав', *толариш* 'товарищ', *пралда* 'правда' и др. Но в большинстве случаев в русских заимствованиях звук *е* сохраняется под влиянием местного русского говора⁹.

Заметим, что звук *е* в речи оньковцев встречается еще в силу тради-

⁹ Носители оньковского диалекта двуязычны. Местный говор выполняет функции домашнего языка в среде пожилого населения.

ции в исконных словах, главным образом в начале слова и реже в середине. Примеры: *важ* 'старый', *важын* 'давно', *вис'ны* 'болеть', *вѳт* 'сон' и др. Но в этих же словах оныковцы могут произнести звук *л* вместо *в*: *лаж*, *лажын*, *лис'ны*, *лѳт*. При этом приведенные слова по своему значению не противопоставляются. Ср. также: *лон* и *вон* 'тут это', *лѳштыны* и *воштыны* 'девать, потерять', *лѳмдзалны* и *вѳмдзавны* 'сглазить' и т.п.

Таким образом, выявляется новый тип диалектов — безвзовый, поскольку отличительной чертой оныковского диалекта является отсутствие фонемы *в*. Этим он отличается от всех остальных диалектов коми-пермяцкого и коми-зырянского языков (см. карту 1).

Заметим, что в диалекте имеются случаи колебания в употреблении звука *л*. Изредка на месте *л* в речи носителей диалекта появляется звук *в*: *вѳтвам* (вм. *вѳтлам*) 'сходим', *мис'кавны* (вм. *мис'калны*) 'мыть', *вок* (вм. *лок*) 'иди', *повиккэс пѳ мис'калны лок* (вм. *поликкэс*) 'приходи, мол, половики стирать' и др.

Очевидно, следует допустить, что какое-то влияние на речь оныковцев оказывают и носители соседнего нижнеиньвенского беззлого диалекта. Но весьма возможно, что смешение *л* с *в* — вполне закономерное явление на стадии исчезновения последнего (*в*), уже утратившего свою фонематичность. Чередование *л* с *в* оныковскому диалекту несвойственно.

Смешение *л* с *в*, по-видимому, было характерно и для исчезнувшего приусольского диалекта, занимавшего территорию между Онями и Чердынью (см. карту 1). Это подтверждают данные усольского русско-пермяцкого словаря 1848 г. [Баталова, 1966, с. 110—122]. Примеры: *куйлы* и *куйвы* 'я пролежал', *пиняви* и *пиняли* 'я боронил', *кыл* и *кыв* 'язык' и др. По мнению Б.А. Серебренникова, данное фонетическое явление можно отнести к так называемой вибрации, когда на определенной территории (в зоне вибрации) сосуществуют старые и новые явления [Серебренников, 1974, с. 96].

Подводя итоги сказанному выше, отметим, что ареалом распространения беззлого коми-пермяцкого диалекта является территория Оныковского сельсовета Юсьвинского района Коми-Пермяцкого автономного округа, расположенного в бассейне рек Исыла и Онь, притоков р. Иньвы, впадающей в Каму (см. карту 6).

ГЛАВА II

ХАРАКТЕРИСТИКА ИЗОГЛОСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ МОРФОЛОГИИ ЯЗЫКОВ КОМИ

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Показателем множественного числа в большинстве коми-зырянских диалектов является суф. *-йас*, коми-пермяцкого — суф. *-эз* (< *-йэз*). В диалектах того и другого языка встречаются варианты этих суффиксов, как результат происшедших в них определенных фонетических изменений (карта 7).

-йэс, -эс

В верхневашском говоре удорского диалекта коми-зырян. суф. мн. числа употребляется в двух вариантах — *-эс* (после гласной основы) и *-йэс* (после согласных), например: *улӧс* 'стул' — *улӧсйэс* 'стулья', *пӧл'а* 'поле' — *пӧл'аэс* 'поля', *колхозн'ик* — *колхозн'икйэс* 'колхозники', *школа* — *школаэс* 'школы' и др. Если основа существительного оканчивается на мягкий согласный, то *й* суф. мн. числа ассимилируется предыдущим мягким согласным: *кыдз* — *кыдздзэс* 'береза — березы', *кӧч* — *кӧччэс* 'заяц — зайцы', *чан* — *чан'н'эс* 'жеребенок — жеребята' и др. [Сорвачева, 1950, с. 41—42].

-йӧс, -ӧс

В говоре с. Глотова этого же диалекта показателем множественного числа является *-йӧс* (*-ӧс*), например: *морт* — *мортйӧс* 'человек — люди' [Сорвачева, 1961, с. 468]. Ср. также примеры: *Тан Бурганас бура олис'с'ӧс вӧлӧмаӧс...* *Сэн олӧма Глӧт и животнӧйӧддӧ глӧтайтлӧма*. 'Здесь в Бургане зажиточные были... Там жил Глот и животных глотал' [Образцы к.-зыр., 1971, с. 237]. Суф. *-йӧс*, как и *-йэз*, употребляется в словах с основой на твердый согласный, а *-ӧс* (как и *-эс*) — в словах с основой на гласный и мягкий согласный (примеры см. выше). Интересно отметить одновременное функционирование двух звуковых процессов: ассимиляцию *й* предыдущим мягким согласным (ср.: *кӧччэс* < *кӧч'йэс* 'зайцы', *олис'с'ӧс* < *олис'+йӧс* 'жители') и исчезновение *й* в позиции между гласными на стыке двух морфем (*пашн'аэстӧ* вм. ожидаемого *пашн'а'+йэст'тӧ* 'пашни-то', *вӧразныс* вм. *вӧра'+йэст'ныс* 'вымени (у них)') [Образцы к.-зыр., 1971, с. 237]. Это, несомненно, результат действия ассимилятивных процессов (по мягкости) и ослабления позиций *й* после мягких согласных и в интервокальном положении. Аналогичные процессы на том или ином уровне своего развития действуют также в ареале летского, верхнесысольского и верхневыхегодского диалектов коми-зырянского языка, а также в верхнекамском наречии и в некоторых говорах северного наречия коми-пермяцкого языка. Здесь четко прослеживается определенная изоглосса, которая тянется с самого севера (с Мысов и Врех-Лупы) Коми-Пермяцкого автономного округа в северо-западном направлении — в бассейн Летки, а оттуда — к северу-востоку: на верхнюю Сысолу и верхнюю Вычегду (см. карты 1, 7).

В ареале верхнесысольского диалекта коми-зырянского языка показатель мн. числа также имеет два варианта *-йас* и *-ас*: первый употребляется в словах с основой на гласный и твердый согласный звуки, а второй — в словах с основой на мягкий согласный. Примеры: *мёс* — *мёсйас* 'корова — коровы', *пу* — *пуйас* 'дерево — деревья'. Начальный звук *й* суф. мн. числа в этом диалекте (за исключением говора с. Кобра) уподобляется предшествующему мягкому, в результате чего возникают геминаты: *кукан* 'теленки' — *кукан'н'ас* 'телята', *пэл'ухо* — *пэл'д'ас* 'уши'. Ср. также: *бэд'д'ас* Уж., *бэд'йас* Кб. 'палки'; *чэл'ад'д'ас* Кг. Уж., *чэл'ад'йас* Кб. 'дети'; *киз'з'ас* Гр.Кг.Уж., *куз'йас* Кб. 'пуговицы'; *кылтыс'с'ас* Гр.Кг.Уж., *кылтыс'йас* Кб. 'сплавщики, плотогоны'; *коччас* Гр.Кг.Уж., *кочйас* Кб. 'зайцы' и т.д. [Жилина, 1975, с. 41, 59].

В соседнем (ссевера) верхневычегодском диалекте показателем мн. числа является *-йас*, например: *н'им* 'имя' — *н'имйас* 'имена', *чышйан* 'платок' — *чышйанйас* 'платки', далее ср.: *кэркайас* 'избы', *пыжйас* 'подки', *чоййас* 'сестры' и др. Но в нуль-эловых говорах диалекта — пожегодском, вочевском, а также отчасти в керчомском, усть-немском, усть-куломском и нившерском говорах, *й* из суф. мн. числа ассимилируется мягким согласным основы слова *д', з', л', н', с'; т', дз, ч*, например: *пин'н'ас* < *пин+йас* 'зубы', *дод'д'ас* < *дод'+йас* 'сани', *киз'з'ас* < *киз'+йас* 'пуговицы', *пэл'л'ас* < *пэл'+йас* 'уши', *бат'т'ас* < *бат'+йас* 'отцы', *пас'с'ас* < *пас'+йас* 'шубы', *кыдзэзас* < *кыдз+йас* 'березы', *паччас* < *пач+йас* 'печи'. В других говорах верхневычегодского диалекта конечными гласными основы *й* суф. мн. числа не ассимилируется, ср.: *пан'йас* 'ложки', *дод'йас* 'сани', *ручйас* 'лисицы', *уджалис'йас* 'рабочие' и т.д. [Сорвачева и др. 1966, с. 73–74]. Следовательно, в отличие от верхнесысольского диалекта, в указанных выше говорах рассматриваемого диалекта вариант *-ас* употребляется лишь после основ, оканчивающихся на мягкий согласный.

В лузско-летском диалекте (в говоре с. Слудка) показателем мн. числа является суф. *-йас* [Жилина, 1956, с. 81–82]. Как и в соседних с ним — в верхнесысольском и верхневычегодском диалектах — в говорах лузско-летского диалекта действует процесс ассимиляции *й* из суф. мн. числа предшествующими мягкими согласными основы слова. Примеры: *коч* 'заяц' — *коччас* (< *коч+йас*) 'зайцы', *кас'* 'кошка' — *кас'с'ас* (< *кас'+йас*) 'кошки' и др. [Лыткин, 1961, с. 42]. В летском говоре этого диалекта суф. мн. числа *-йас* имеет варианты *-йэз, -эз*, встречающиеся после основ, оканчивающихся на гласный и мягкий согласный звуки. Ср.: *лудыййас* 'клопы', *с'инкудойас* 'брови', *зэрйасыд эмёс'* 'дожди есть', *абьёс'* *стёканйэзыс* 'нет стаканов', *мурашинскйёзз* 'мурашинские', *бёб кул'п'эзыс* 'шалуны-то', *д'ит'азз эмёс'* 'дети есть', *кэркузэзыс тыдалёно* 'дома виднеются; но: *мэстайасыс* 'места-то', *кытён гёрайасыс* 'где горы-то' и т.д.¹⁰

К югу от лузско-летского диалекта, на северо-востоке Кировской области живут носители верхнекамского наречия — кировские пермяки (так наз. зюздинцы), несомненно, имевшие в недавнем историческом прошлом контакты с жителями лузско-летского бассейна, что прослеживается в ряде общих языковых черт (см. карты 1, 7).

¹⁰ Говор с. Летка исследован нами в 1971 г.

В верхнекамском наречии суф. мн. числа является *-йэз (-йэс)* с вариантами *-эз (-эс)*, *-йас (-ас)*, например: *гыжйэс* 'ногти', *мырйэс* 'пни', *абы татён русскёйэзэс*, *быкёб пэрм'аккэз* 'здесь нет русских, все пермяки', *гагок-кэз* 'червячки', *шал'л'эз* 'шали', *чун'йас* 'пальцы', *пэрмйакйас* 'пермяки', но: *пан'н'ас* 'ложки', *час'с'ас* 'части', ср. также: *бал'азз* 'овцы', *бусурманаэз* 'бесермяне', *г'ипказэс* 'цыплат-то' и т. п. Варианты *-эз, -эс (<эз)* употребляются после гласной основы и основ на мягкий согласный звук (примеры см. выше). Следует отметить, что варианты *-йэз (-йэс)* и *-йас (-ас)* спорадически встречаются в речи одного и того же носителя, т. е. они не имеют какого-то своего ареала употребления. Исходя из этого и из наличия звуковых изменений, видимо, можно предполагать, что они представляют разные ступени (этапы) видоизменения показателя множественного числа имен существительных *-йэз < *йас* (ср. кл. *н'эн < н'ан* 'хлеб', *кыс'эн < кыс'ан* 'откуда' и т. п.) А возможно, это и результат сосуществования двух суф. — *-йэз* и *-йас*, происшедших некогда, по мнению ряда лингвистов, из самостоятельного слова *йёз* 'люди'. Такого мнения придерживаются И. Буденц, В. И. Лыткин и К. Редзи [см. И. Буденц, 1884, с. 302; Лыткин, 1931, с. 108; Редзи 1968, с. 374]. К их мнению присоединяется и К. Е. Майтинская [Майтинская 1979, с. 82–86]. Т. Утила, вслед за Ю. Вихманом, считает, что в основе коми суф. *-jas* и удмуртского *-jos* лежит слово, общее с хантыйским *jah* 'люди' [Т. Утила, 1933, с. 182–183]. Имеются и другие точки зрения. Например, П. Алвре считает суф. *-jas* (как и *-jan*) составным: *-jas < ja+s*, где *-ja* — суффикс с собирательным значением, а *-s* — детерминативный суффикс [Алвре, 1965, с. 17–20]. С последним в основном сходится мнение Б. А. Серебренникова [см.: Серебренников, 1966, с. 261–263, 273; Он же: 1963, с. 85–86; Он же: 1966, с. 193; Он же: 1974, с. 159].

Показатели *-йэс* и *-эс* являются глухими вариантами суф. — *-йэз, -эз*. Это положение можно подтвердить данными нердвинского диалекта южного наречия коми-пермяцкого языка, например: *чуманнэс* (вм. *чуман-нэз*) *кэрёны* 'делают берестянки', *кажнóй рыт вэчэrrэс* (вм. *вэчэrrэз*) 'каждый вечер вечеринки', *мóссэс вайóтны* (вм. *мóссэз*) 'коров приводят', *оджжык эд куклаэс вуран* (вм. *куклаэз*) 'раньше ведь куклы (бывало) шьешь', но: *нал'иммэз мэшóккэзён вaicö* 'налимов приносили мешками', *татын колхоззэзэз* 'здесь колхозы', *л'эчканнэзён эд мианóс на шуóны да* 'они ведь нас лэкающими называют, да' [Баталова, 1975, с. 125].

В южном наречии и в кочевском диалекте северного наречия коми-пермяцкого языка показателем мн. числа является суф. *-эз (< *йэз < *йёз)*. В косинских и гаинских говорах северного наречия этого языка изредка выступают варианты суф. мн. числа *-йэз, -йас*. Примеры: кос. *н'урйэс матын* 'болота близки'; пукс. *мóсйэз* 'коровы', *нумэрйэзэс* 'в огородах'; мыс. *номйэс уна* 'комаров много', *пэсйэз* 'дрова'; вл. *пан'йэз* 'ложки', *часййэз* 'часы' и т. д. Более часто *й* встречается в суффиксах множественного числа в пуксибском, мысовском и верх-лупыньском диалектах, занимающих несколько изолированное положение (в силу географических условий) от соседних говоров (см. карты 1, 1а, 7).

В верх-лупыньском диалекте вариант *-йэз* появляется и в словах с основой на гласный и на мягкий согласный, например: *кййэз* 'руки', *кн'и-гайэз* 'книги', *пан'йэз* 'ложки', *вис'талис'йэз* 'рассказчики'.

В самом южном (окраинном) — оньковском диалекте, развивающемся также в изолированном состоянии, изредка встречаются слова с *й* в составе суффикса мн. числа -эз (< -йэз). Примеры: *номйэс* 'комары-то', *шырйэз* 'мыши' и др.

Данные приведенных выше диалектов свидетельствуют о незавершенности процесса трансформации суффикса мн. числа: -йэз (> -эз), но вместе с тем дают основание утверждать, что процессы исчезновения *й* между гласными и после согласных в составе суффикса мн. числа близки к завершению.

-йэз

В коми-язьвинском наречии пермяков мн. число образуется посредством суф. -йэз, например: *кан'йэз* 'кошки', *кэркуйэз* 'избы', *шырйэз* 'мыши', *урйэз* 'белки' и т.д. Говоря об этом суффиксе, В.И. Лыткин отмечает, что он общепермского происхождения. Этот суффикс сохранился во всех диалектах пермских языков: кз. -йас, в удорском -йэс, в коми-пермяцком -йэз и в диалектах удмуртского языка -йос. Примеры: кя. *туйэз*, кп. *туйэз*, кз. *туййас*, уд. *туййэс*, удм. *с'урэсйос* 'дороги'. [Лыткин, 1961, с. 42]. Далее В.И. Лыткин отмечает, что явление уподобления *й* предшествующим твердым согласным, наблюдаемое в форме мн. числа в коми-пермяцких диалектах, нельзя считать обычным для пермских языков и предполагает, что это явление не фонетического, а морфологического (аналогического) характера, т.е. формы с ассимиляцией *й* предшествующим твердым согласным появились под влиянием форм мн. числа, возникших ранее в результате ассимиляции *й* предыдущим мягким согласным, ср: *кан'н'эз* < *кан'йэз* 'кошки', *пас'с'эз* < *пас'йэз* 'шубы', *пэл'л'эз* < *пэл'йэз* 'уши', *шыррэз* < *шырйэз* 'мыши', *мёссэз* < *мёсйэз* 'коровы', *морттэз* < *мортйэз* 'люди' и др. [Лыткин, 1961, с. 42–43]. Следует отметить, что звук *й* во многих диалектах коми языков относится к числу слабоартикулируемых звуков. Наиболее слабой для *й* является интервокальная позиция, особенно перед гласными переднего ряда *и*, *э*, а также после мягких согласных (парных): в первом случае он выпадает (Ø), а во втором — подвергается процессу прогрессивной ассимиляции, ср. *ваис* < *вайис* 'он принес', *ракаэз* < *ракайэз* 'вороны', *корос'с'эз* < *корос'йэз* 'веники' и др. Вероятно, эти причины и явились одним из важных условий трансформации суф. мн. числа -йас/-йэз в рассмотренных выше диалектах и говорах (см. карту 7).

-э

Вслед за исчезновением *й* из суф. мн. числа в диалектах коми-пермяцкого языка происходит ослабление позиции звука *з* в этом суффиксе, что приводит к дальнейшей трансформации суф. -эс (< -йэз) : -эз (эс) > -э [см. об этом подробнее: Баталова, 1975, с. 49–50, 66–70]. Это явление имеет место в говорах кудымкарско-иньвенского диалекта, расположенных на территории бывшего Белоевского района (ныне он входит в состав Кудымкарского района). Звук *з* из суф. мн. числа -эз выпадает в середине слова, перед падежными и лично-притяжательными окончаниями — в позиции между гласными. Ср. некоторые примеры: косог. *шан'гаэзён* 'шаньгами', *кок-кезё* 'ноги мои', *но: участоккзын* (вм. *участоккзын*) *уджаумё* 'на участках мы работали', *воггэс* (вм. *воггэзэс*) 'в логах', *видззыс* (вм. *видз-ззыс*) 'луга-то' и др.; кув. *воннэзё* 'братья мои', *пововиккзис* 'из половинок', *но: кытшёмёс пэл'поннэё* (вм. *пэл'поннэё*) 'какие мои плечи', *вэшиизнат* (вм. *вэшиизнат*) 'с вещами ты'; ваг. *киннэзёс* 'кого', *кэ-*

6–3. Зак. 449

вйаэзё 'снохи мои (жёны братьев мужа)', но: стариккэнас (вм. стариккэнас) 'со стариками своими', н'ан'эзёс (вм. н'ан'эзёс) 'свои хлеба я', вуджжэнас (вм. вуджжэнас) 'с корнями'; мелех. заводдзё 'на заводы', ол'л'эзын 'в сырых местах', но: пин'н'эыс (вм. пин'н'эыс) абу 'зубов нет', сэшшөммэыс (вм. сэшшөммэыс) 'такие-то' и др. Это явление характерно также для ошибского и егвинского куста. Аналогичные случаи замечены в мелюхинском говоре на территории Юсьвинского района, например: боккэс (< боккэзас) 'по бокам', саккэён (вм. саккэён) 'сачками', уна годдзё (< годдзё) 'в течение многих лет' и др.

Употребление сокращенной формы суф. мн. числа -э (< -эз) в середине слова характерно и для диалектов северного наречия, за исключением нижнекосинского, левчанского, мысовского и верх-лупьинского — окраинных говоров — в них звук з в суф. мн. числа сохраняется. А в остальных говорах данного наречия он часто выпадает. Примеры: бк. чэл'ад'д'эён (вм. чэл'ад'д'эён) 'с детьми', ныллэё или ныллэзё 'мои дочери', зоннэыт (вм. зоннэыт) 'сыновья твои'; коч. кукан'н'эыс (вм. кукан'н'эыс) 'телята-то', татис'с'эыс (вм. татис'с'эыс) 'здешние-то', зыр'аннэлан' (вм. зыр'аннэлан') 'к зырянам'; гаин. крол'иккэныс (вм. крол'иккэныс) 'кролики их', мөддэыс (вм. мөддэыс) 'другие-то', номмэыт (вм. номмэыт) 'комары-то'; ис. сойэнас (вм. сойэнас) 'со своими сестрами он', коккэё (вм. коккэё) 'ноги мои'; пукс. машинаэ-нас (вм. машинаэнас) 'со своими машинами он', чураккэыс (вм. чураккэыс) 'из Чураков', важ годдэнас (вм. важ годдэнас) 'в старые годы' и т.д. Нужно отметить, что в пуксибском говоре з выпадает непоследовательно, а в чураковском случаи выпадения звука з из суф. мн. числа единичны, например: сойузпэчат'т'эын (вм. сойузпэчат'т'эын) 'в союз-печати', коккэёс (вм. коккэёс) 'ног моих', но: ачыс олё йёззэын 'сам живет в лудях', видзэыс (вм. видзэыс) тырёмёс 'луга заросшие', эмёс пан'н'эыт 'ложки у вас имеются' и др.

Из северных говоров особо выделяется пелымский на территории кочевского диалекта (см. карты 1, 7), в нем показателем суф. мн. числа является -э. Звук з вовсе выпал. Очевидно, он в составе суффикса утратил свою смысловую роль. Примеры: кэркуоккэыс (вм. кэркуоккэыс) 'домики эти', эна годдэё 'в эти годы', вёллэён (вм. вёллэён) 'с' лошадыми', с'уэ (вм. с'уэз) -куз'ас 'по яровым', таррэыс (вм. таррэыс) 'тетерева', годол сороккэ эмёс'н'и (вм. сороккэз) 'уже лет сорок прошло', лос'с'э (вм. лос'с'эз) 'с'ёрын 'за лосями', кёз уллэ вылас (вм. уллэз вылас) 'на ветках ели', рассэ (вм. рассэз) ыджытёс 'рощи большие', вөррэ (вм. вөррэз) эмёс 'леса есть', рал'н'иккэён (вм. рал'никкэён) гөрим 'ральниками мы пахали', вужжэ (вм. вужжэз) гёран 'корни вспашешь', улйа пин'аз (вм. пин'азз) вёлисё 'сучковатые бороны были', уллэ (вм. уллэз) ёктан 'сучья соберешь', гриваз (вм. гривазз) эмёс 'гривы имеются', валаз (вм. валазз) керан 'вешала сделаешь' и т.д. Языковые данные показывают, что процесс выпадения звука з из суф. мн. числа в данном говоре завершился. В остальных, рассматриваемых выше говорах, развитие данного фонетического явления находится на различных уровнях развития.

Так называемым "центром" возникновения этого довольно интересного и "живого" явления, по-видимому, следует считать говоры белоевского куста, там, где полный вариант суф. мн. числа -эз встречается довольно редко. Можно было бы предположить, что отсюда оно распространилось на северные диалекты. Но поскольку контакты между белоевцами и, например, кочевцами (самыми южными из северных диалектов) "затруднены" из-за наличия между ними русского Юрлинского района,

то, вероятно, лучше предположить почти одновременное возникновение конвергентных изменений, т.е. потенциально возможных изменений звуков [см. Серебренников, 1974, с. 53] на территории распространения различных диалектов, обособленных географическими и историческими условиями.

Причем, следует признать относительную неравномерность развития одного и того же явления на довольно обширной территории, если не допустить наличие другого „центра” — пельимского — в возникновении совершенно аналогичного фонетического явления. Наблюдения над языком обычно подтверждают общепризнанное положение, что то или иное, допустим, фонетическое явление, возникнув в определенном центре, постепенно распространяется „волнообразно” вширь и развивается вглубь [Серебренников 1957].

Аналогичное явление — выпадение *з* из суф. мн. числа имеет место в языке коми-зырянцев, например: *əjʏvut* (вм. *əjʏvʊzʏt*) 'твои овцы, овцы-то', *vunʏvʊs* (вм. *vunʏvʊzʏs*) 'его братья, братья-то', *vunʏvʊtkət* (вм. *vunʏvʊzʏtkət*) 'с твоими братьями, с братьями-то' [Лыткин, 1961, с. 47—48]. Говоря об указанных формах, В.И. Лыткин называет их „стяженными”. Следует сказать, что в этих примерах нет еще полного стяжения в собственном смысле слова. Вернее будет сказать — здесь имеет место лишь выпадение звука *з* в позиции между гласными. Это первоначальный этап развития данного явления. Правда, В.И. Лыткин свою мысль излагает как гипотезу. Он пишет так: „Это стяжение выражается в выпадении звука *з* большей частью в тех формах, которые употребляются не в значении притяжательности, а в значении определенности, и таким образом происходит дифференциация двух грамматических категорий — притяжательности и определенности: *əjʏvʊzʏt* 'твои овцы', *əjʏvʏt* 'овцы-то'. Однако нельзя говорить еще о четком разграничении этих двух близких по значению грамматических категорий; мы здесь имеем дело лишь с тенденцией установить различие в употреблении этих форм; притом такое различие в грамматическом выражении возможно только во мн. числе, где суф. *-ʏvʊz* может употребляться в полном и усеченном виде (*əjʏvʊzʏt*—*əjʏvʏt*)”. Далее он указывает, что аналогичная усеченная форма встречается также в коми-пермяцких диалектах, но эти формы в своей работе не анализирует, а ограничивается лишь констатацией самого факта [Лыткин, 1961, с. 47].

Более поздние исследования — сбор диалектного материала с территории бывшего Белоевского района, а также кочевского, косинско-камского, мысовского и верх-лупьинского диалектов северного наречия — дали богатый новый материал по этому интересному вопросу. Поскольку на этих территориях данное явление выступает как „живой” процесс и одновременно обнаружен говор (пельимский) с окончательным „результатом”, то теперь можно прийти к нескольким иным выводам. А именно — что с ослаблением позиций интервокального *з* началась в языке дальнейшая трансформация суф. мн. числа (кп. *-əz*, кя. *-ʏvʊz*). Вслед за выпадением конечного согласного *з* суф. мн. числа на стыке морфем оказались два гласных, что в дальнейшем привело к их стяжению в один гласный: сначала выпал начальный гласный лично-притяжательных суф. 2- и 3-го лица ед. числа (кп. *-ʏt* > *-t*, *-ʏs* > *-s*; кя. *-ʏt* > *-t*, *-ʏs* > *-s* и получилось следующее: кп. *-əzʏt* > *-əʏt* > *-ət*, *-əzʏs* > *-əʏs* > *-əs*; кя. *-ʏvʊzʏt* > *-ʏvʏt* > *-ʏt*; *-ʏvʊzʏs* > *-ʏvʏs* > *-ʏvʏs*). Об этом говорит В.И. Лыткин: „В определенно-притяжательном склонении притяжательные суф. *-ʏt* и *-ʏs* (2- и 3-е лицо индивидуального владельца) в соединении с суф. мн. числа *-ʏvʊz* могут

давать стяженные формы, например: *ажъѡит* (вм. *ажъѡзит*) 'твои овцы, овцы-то' [Лыткин 1961, с. 47–48].

Сравнение языковых данных, полученных с обширного ареала распространения рассматриваемого явления, показывает, что никаких "сдвигов" в значении стяженных суффиксов или усеченных форм не произошло, кроме некоторого "укорочения" самих слов: выпадению подверглись звуки, которые не несли особой смысловой нагрузки.

Исходя из изложенного выше, следует сказать, что "новое" изменение суф. мн. числа было вызвано выпадением интервокального *з* в составе этого суффикса. Но вслед за этим изменением в силу действия языковой аналогии *з* выпал из суф. мн. числа *-эз* и в позиции перед согласными звуками — в 1-, 2- и 3-м лицах коллективного обладателя, т.е. перед лично-притяжательными суф. *-ным*, *-нит*, *-ныс*. Ср.: *воннэзным* > *воннэным* 'братья наши', *воннэзныт* > *воннэныт* 'братья ваши', *воннэзныс* > *воннэныс* 'братья их'. Итак, показателем множественности остался *э*, как мы это и видим в пельымском говоре (примеры см. выше).

Суф. *-э* как показатель множественности характерен для определенного-притяжательного склонения существительных мн. числа 2- и 3-го лица при индивидуальном обладателе не только для южных диалектов, но и для литературного языка коми-пермяков. Он входит в состав суф. *-эт*, *-эс*, которые возникли в результате процесса стяжения суф. мн. числа *-эз* и лично-притяжательных суф. *-ыт* и *-ыс*: *-эт* < *-эз+ыт* и *-эс* < *-эз+ыс*. Процесс слияния и стяжения указанных выше суффиксов наблюдается не во всех падежах, а лишь в следующих десяти падежных формах. Приведем примеры из оньковского и нардвинского диалектов (они совпадают) южного наречия.

Падежи	2-е л. ед. ч	3-е л. ед. ч
1. Им.	<i>кн'уга-э-т</i>	<i>кн'уга-э-с</i>
2. Род.	<i>кн'уга-э-т-лөн</i>	<i>кн'уга-э-с-лөн</i>
3. Притяж.	<i>кн'уга-э-т-лис'</i>	<i>кн'уга-э-с-лис'</i>
4. Дат.направ.	<i>кн'уга-э-т-лө</i>	<i>кн'уга-э-с-лө</i>
5. Вин.	<i>кн'уга-э-т-ө</i>	<i>кн'уга-э-с-ө</i>
6. Соед.	<i>кн'уга-э-т-көт</i>	<i>кн'уга-э-с-көт</i>
7. Лишит.	<i>кн'уга-э-т-төг</i>	<i>кн'уга-э-с-төг</i>
8. Сравн.	<i>кн'уга-э-т-с'а</i>	<i>кн'уга-э-с-с'а</i>
9. Отдал.	<i>кн'уга-э-т-с'ан'</i>	<i>кн'уга-э-с-с'ан'</i>
10. Вн. местн.-достиг.	<i>кн'уга-э-т-ли</i>	<i>кн'уга-э-с-ли</i>
Вместо ожидаемых форм:		
1. Им.	<i>кн'уга-эз-ыт</i>	<i>кн'уга-эз-ыс</i>
2. Род.	<i>кн'уга-эз-ыт-лөн</i>	<i>кн'уга-эз-ыс-лөн</i>
3. Прит.	<i>кн'уга-эз-ыт-лис'</i>	<i>кн'уга-эз-ыс-лис'</i>
4. Дат.направ.	<i>кн'уга-эз-ыт-лө</i>	<i>кн'уга-эз-ыс-лө</i>
5. Вин.	<i>кн'уга-эз- (ы) т-ө</i>	<i>кн'уга-эз- (ы) с-ө</i>
6. Соед.	<i>кн'уга-эз-ыт-көт</i>	<i>кн'уга-эз-ыс-көт</i>
7. Лишит.	<i>кн'уга-эз-ыт-төг</i>	<i>кн'уга-эз-ыс-төг</i>
8. Сравн.	<i>кн'уга-эз-ыт-с'а</i>	<i>кн'уга-эз-ыс-с'а</i>
9. Отдал.	<i>кн'уга-эз-ыт-с'ан'</i>	<i>кн'уга-эз-ыс-с'ан'</i>
10. Вн.-местн.-достиг.	<i>кн'уга-эз-ыт-ли</i>	<i>кн'уга-эз-ыс-ли</i>

Суф. *-эт* и *-эс* сочетают в себе значение мн. числа *-эз* и лично-притяжательных суф. *-ыт* и *-ыс*. Данные языка показывают, что стяженные формы возникли из промежуточных форм *-эыт* (< *-эзыт*) и *-эыс* (< *-эзыс*) в ре-

зультате выпадения интервокального *з* из суф. мн. числа, что мы наблюдали на примерах говоров белоевского куста южного наречия, ряда северных говоров и коми-язвинского наречия. Таким образом, формы типа — *зоннэйт* бк. 'сыновья твои', *татис'с'эйс* 'здешние'; лев. *моддэйс* 'другие' и т.д. — являются промежуточными.

На следующем этапе их дальнейшего развития происходило стяжение гласных, как это мы видим уже в большинстве диалектов южного наречия — гласный *ы* после выпадения *з* со временем также выпал из состава лично-притяжательных суф. 2- и 3-го л. ед. ч. *-ыт* и *-ыс* (*-ээйт* < *-эз+ыт* > *-эйт* < *-эт* и *-ээйс* < *-эз+ыс* > *-эйс*), после чего звуки *т* и *с* стали носителями (снова) значений лично-притяжательных суф. *-ыт* и *-ыс*.

Например, в северных говорах — в большекочинском, кочевском, пуксисбском, чураковском, гаинском, исаевском и др. — во всех тех, где наблюдается выпадение звука *з* из суф. мн. числа в позиции между гласными, одновременно встречаются стяженные формы, например, ср.: бк. *ошыннэс* 'эти окна'; нк. *курёггэс* 'курицы'; пукс. *сапоггэс* *сылёндс* 'сапоги его', *ос'авёйэс* *абу воёмёс* 'яровые не поспели', *гырис'ёс* *ыбйэс* (вм. *ыбйэзис*) 'поля большие'; чур. *бараккэт* (< *бараккэйт*) *дынёт* 'около бараксов', *с'н'имоккэт* *с'ортёт* 'по снимкам'; гаин. *дзодзоггэс* *абу* 'гусей нет', *шут'оммэс* (вм. *шут'оммэзис*) *турунаёс* 'выпаши богаты травой'; ис. *чачэс* (вм. *чачэзис*) *мында* 'сколько игрушек-то', *зоннэс* *из вёлё* 'сыновей не было' и др.

Очевидно, в процессе трансформации суф. мн. числа фонетическое явление выпадения звука *з* и стяжение (выпадение гласного *ы*) в какой-то степени перекрещиваются. Это подтверждается наличием стяженных форм в диалектах, где процесс выпадения *з* из суф. *-эз* еще не завершился.

Из северных диалектов несколько особо стоят мысовский, верх-лупынский, нижнекосинский и левичанский говоры. В них промежуточные формы при сборе диалектного материала не зафиксированы, а стяженные формы отмечены наряду с полными, ср. примеры из окраинных диалектов — мысовского и верх-лупынского: мыс. *мёсйэс* (вм. *мёсйэзис*) 'коровы-то', *лёдззэс* (вм. *лёдззэзис*) 'оводы', *тэнат* *кусёккэт* (вм. *кусёккэйт*) 'твои куски-то', *зыр'аннэс* (вм. *зыр'аннэзис*) *родн'аззэмёс* 'зыряне родственники есть'; вл. *вокйэт* (вм. *вокйэйт*) *кён* 'где твои братья', *томйэс* (вм. *томйэзис*) 'молодежь-то', *пёрис'с'эс* (вм. *пёрис'с'эзис*) 'старика, старые-то', но: *номйэскёт* (вм. *номйэзискёт*) 'с комарами-то' и др. В этих говорах, например, *з* между гласными в суф. мн. числа сохраняется, ср.: вл. *комизэзис* *уна* 'коми много'; мыс. *соччэзэйт* *эмёс* 'сестры у тебя есть'; чур. *чэл'ад'оккэзис* *вита* 'детей пятеро' и др.

Рассмотрение лично-притяжательных форм 2- и 3-го л. ед. числа показывает еще раз, что показателем мн. числа по сути дела является *э* (примеры см. выше). Подтверждением этому являются также лично-притяжательные формы 1-го л. ед. числа и 1-, 2- и 3-го л. мн. числа. Приведем примеры из белоевского ареала: *воннэ* (вм. *воннэзэ*) *абудс* 'братьев у меня нет', *вёввэным* (вм. *вёввэзным*) *кыка* *вёисё* 'лошадей у нас было две', *пёрис'с'эныскёт* (вм. *пёрис'с'эзныскёт*) *оз* *лёс'алё* 'со стариками они не ладят', *локтис* *друг* *мёссэзныткёт* (вм. *мёссэзныткёт*) 'пришел одновременно с вашими коровами'. Подобные формы являются чисто диалектными.

Следует отметить, что на территории распространения южного наречия (за исключением белоевского куста) промежуточные формы типа *кёззэйс* 'его ели', *н'инкёммэйт* 'лапти твои' нехарактерны, вместо них встречаются лишь стяженные формы *-т* и *-с*: *кёззэс* и *н'инкёммэт*. Следовательно, в определенно-притяжательном склонении мн. числа, в формах 2- и 3-го

лица ед. числа на этой территории в настоящее время мы застаем уже стяженные формы, т.е. процесс слияния суф. мн. числа с лично-притяжательным 2- и 3-го л. индивидуального обладателя завершился. В говорах белоевского куста и в большинстве говоров северного наречия это фонетическое явление слияния указанных суффиксов находится на уровне стяжения в один суффикс. Интересно отметить то, что, если в говорах, расположенных на территории Юсьвинского и Кудымкарского районов (в пределах старых границ) произошло лишь слияние суф. мн. числа -эз с лично-притяжательным суф. -ыт и -ыс, то в говорах белоевского куста это фоно-морфологическое явление распространилось на все суф. 3-го лица как форм индивидуального, так и форм коллективного обладателя, ср.:

	бел.	куд.	
1 л. ед. ч.	мам-э-ō	мам-э-зō	'мои мамы'
2 л. ед. ч.	мам-э-ыт	мам-э-т, мам-эз-ыт	'твои мамы'
3 л. ед. ч.	мам-э-ыс	мам-э-с, мам-эз-ыс	'его мамы'
1 л. мн. ч.	мам-э-ным	мам-эз-ным	'наши мамы'
2 л. мн. ч.	мам-э-ныт	мам-эз-ныт	'ваши мамы'
3 л. мн. ч.	мам-э-ныс	мам-эз-ныс	'их мамы'

Таким образом, усеченных форм в говорах белоевского куста значительно больше (ср. примеры выше). Следует отметить, что в говорах северного наречия это фоно-морфологическое явление находится на более ранней стадии развития, оно протекает аналогично с белоевскими говорами; в коми-язьвинском — аналогично с нижеиньвенским (с иньвенскими), оньковским и нердвинским диалектами.

Происшедшие фонетические процессы существенно изменили фонетический облик показателя мн. числа имени существительного, произошло своего рода "укорочение" суффиксов. В них остались те звуки или тот звуковой комплекс, который является носителем основного значения суффикса. Изменение фонетического облика тех или иных суффиксов приводит к фоно-морфологическим изменениям, так как на определенном этапе развития того или иного фонетического явления к ним на "помощь" приходят процессы аналогии, упрощения, стяжения и т.д. и т.п.

Следует также указать, что подобного рода "живые" процессы, "показывающие" исследователю пути изменения той или иной морфемы, имеют большое значение для понимания "механизма" изменения тех или иных грамматических форм, что имеет весьма большое значение для исследования и выявления новых, потенциально возможных изменений в силу постоянного постепенного и поступательного развития языка как основного орудия общения его носителей. И чем шире территория распространения нового явления, тем больше на ней прослеживаются промежуточные его формы, находящиеся на разной стадии развития — на том или ином этапе своего существования.

ОСОБЕННОСТИ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ

В большинстве диалектов коми-зырянского языка функционирует 16 падежей. Только в трех южных диалектах — в среднесысольском, верхнесысольском и лузско-летском, близлежащих к территории Коми-Пермяцкого автономного округа, имеется сравнительный падеж на -с'а, который характерен для всех коми-пермяцких диалектов [Коми-перм., 1961, с. 195—196] (см. об этом также ниже).

Следовательно, в коми-пермяцком, в том числе и в верхнекамском наречии, и в трех диалектах коми-зырянского языка насчитывается 17 падежей. Данное явление составляет обширный ареал (см. карту 8).

Но в связи с развитием и изменением не только языковой системы в целом, а также и отдельных его категорий, в отдельных языках имеют место процессы различного порядка, причем они могут быть и противоположного характера: в одних языках в тот или иной период его развития наблюдается, например, увеличение количества падежей, в других — наоборот — уменьшение. Эти изменения зависят от состояния и наличия тех или иных внутрисистемных тенденций в конкретном языке.

Коми-зырянский и коми-пермяцкий языки, как известно, считаются близкородственными, но за период довольно длительного, самостоятельного развития в них действуют в тех или иных ареалах, на лексическом, фонетическом, грамматическом или синтаксическом уровнях различные тенденции. Диалектные данные указывают и на неравномерность развития и распространения аналогичных явлений.

Так, в диалектах коми-пермяцкого языка, в отличие от коми-зырянского, наблюдается значительно большее количество падежных форм. Это связано с развитием системы внешнеместных и приблизительно-местных падежей за счет перехода отдельных послеложных форм в падежные суффиксы.

выв-/выл-

В диалектах южного наречия серийные послелоги с основой на *выв-*, *выл-* трансформировались в падежные форманты внешнеместных падежей: *вывын* > *выын* > *-вын*; *вывö* > *выö* > *-вö*; *вывис'* > *выис'* > *-вис'*; *вывöт'* > *выöт'* > *-вöт'*; *вывöдз* > *выöдз* > *-вöдз*. Приведем примеры из разных говоров: аз. *пызанвö* (вм. *пызан вывö*) *пуктис* 'положил он на стол'; *тöд-вис'* (вм. *тöд вывис'*) *н'экодыр оз ус'* 'никогда не забудется'; тук. *грабл'ивын* (вм. *грабл'и вывын*) *вунтыр* 'целый день на граблях'; доег. *автобусыс посвöт'* (вм. *пос вывöт'*) *н'и мунис* 'автобус уже проехал мост (букв. по мосту)'; ср.-и. *подасö Исыввöдз* (вм. *Исыв вывöдз*) *кол'ваисö* 'скот сопровождали до Исыла'. Окончания *-вын*, *-вö*, *-вис'*, *-вöт'*, *-вöдз* являются падежными суффиксами новой серии местных падежей — внешнеместных, ср. их с местными:

1. местн.	<i>пызанын</i>	'в столе'
2. вступ.	<i>пызанö</i>	'в стол'
3. исх.	<i>пызанис'</i>	'из стола'
4. перех.	<i>пызанöт'</i>	'через стол, сквозь стол'
5. пред.	<i>пызанöдз</i>	'до стола'

1. внешнеместный (вн.-м.)	<i>пызанвын</i>	'на поверхности стола'
2. вн.-м. вступ.	<i>пызанвö</i>	'на поверхность стола'
3. вн.-м. исх.	<i>пызанвис'</i>	'с поверхности стола'
4. вн.-м. перех.	<i>пызанвöт'</i>	'по поверхности стола'
5. вн.-м. пред.	<i>пызанвöдз</i>	'до поверхности стола'

Выше мы оперировали данными взовых диалектов — нижеиньвенского и кудымкарско-иньвенского, но к южному наречию территориально примыкают также зловые диалекты — оньковский и нердвинский. В этих диалектах, как и в взовых, серийные послелоги с основой на *выл-* (*вылын*, *вылö*, *вылис'*, *вылöт'*, *вылöдз*) также перешли в падежные окончания: *-лын*, *-лö*, *-лис'*, *-лöt'*, *-лöдз*. Следовательно, на всей территории южно-

го наречия действовал единый процесс — процесс возникновения новых падежных форм (ср. данные таблицы склонения на с. 94. Примеры приведены на гласную и согласную основы).

Ср. также форманты следующих четырех падежей:

1. Притяж.	<i>кыр-лис'</i>	'у дятла'	<i>пу-лис'</i>	'у дерева'
2. Вн.-м. исх.	<i>кыр-лис'</i>	'с дятла'	<i>пу-лис'</i>	'с дерева'
			<i>пу-ллис'</i>	
3. Дат.-направ.	<i>кыр-лõ</i>	'дятлу'	<i>пу-лõ</i>	'дереву'
4. Вн.-м. вступ.	<i>кыр-лõ</i>	'на дятла'	<i>пу-лõ</i>	'на дерево'
			<i>пу-плõ</i>	

Сравнительные данные о падежных окончаниях притяжательного и внешнеместно-исходного, с одной стороны, и дательно-направительного и внешнеместно-вступительного, с другой стороны, свидетельствуют, что одновременно с процессом увеличения числа падежей в онковском диалекте действует противоположная тенденция — уменьшение количества падежных окончаний в результате упрощения геминат.

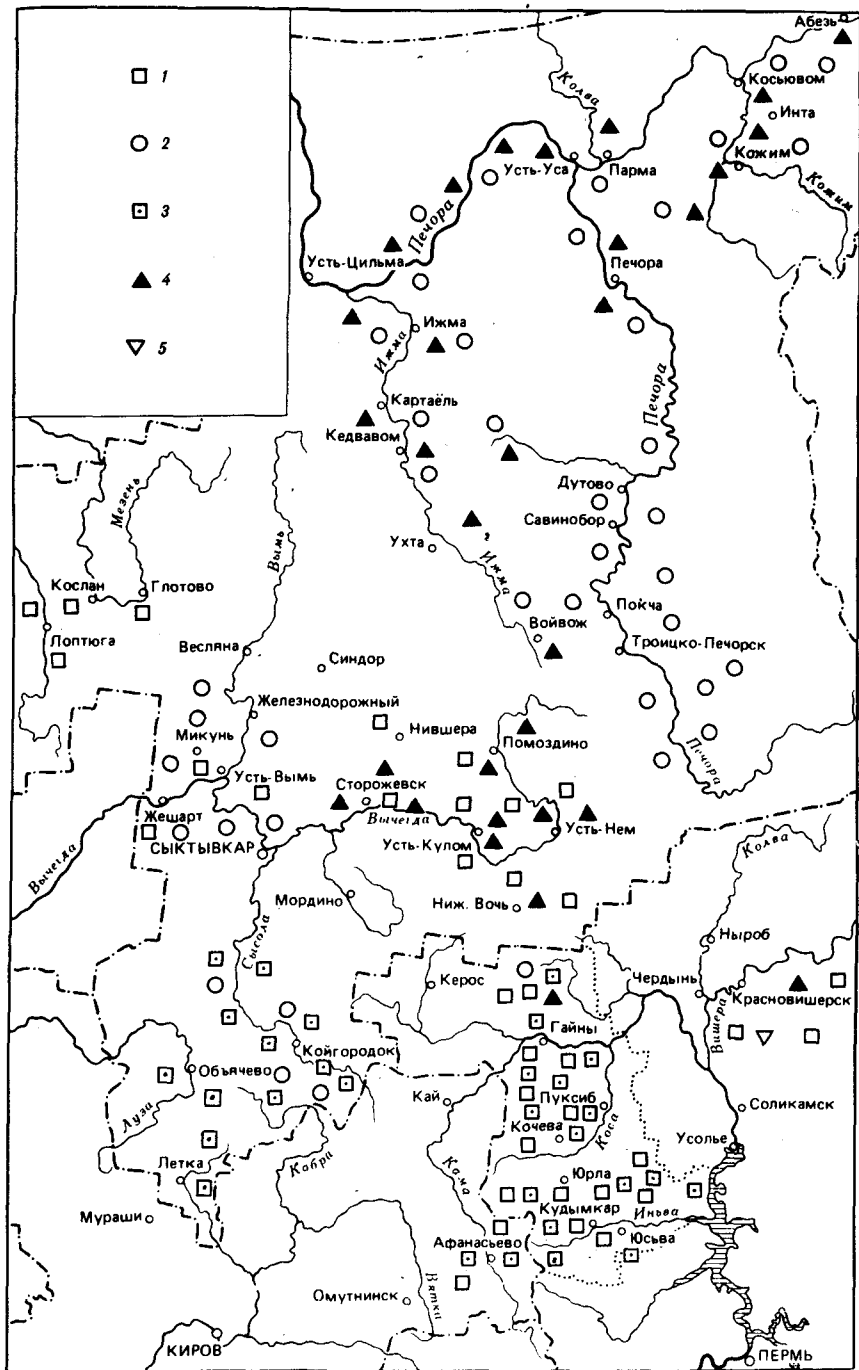
Заметим, что в тиминском (окраинном) говоре нижнеиньвенского диалекта внешнеместная система падежей находится в стадии формирования: очевиден факт более замедленного перехода послелогов в падежные суффиксы. Послелогии с основой на *выв-* встречаются, например, в следующих формах: *ыб выис'* (вм. *вывис'*) 'с поля', *ыб выс'ан'* (вм. *ыб вывис'ан'*) 'с поля', *ыб выõt'* (вм. *ыб вывõt'*) 'по полю', но: *турн'ик-вын бэргайны* 'вертятся на турнике', *шэйс'атд'эв'автõйвõ муни* 'мне шестьдесят девятый (букв. я на 69-й пошла)'. Таким образом, в данном говоре встречаются два оформившихся падежа: внешнеместный и внешнеместный вступительный соответственно с окончаниями *-вын* и *-вõ* у имен с основой на согласный и *-вын'и* *-ввõ* наряду с *-вын* и *-вõ* у имен с основой на гласный¹¹.

Проанализированный диалектный материал показывает, что в южном наречии (за исключением тиминского — периферийного говора) образовалась система внешнеместных падежей [см. также: Гантман, 1958] состоящая из пяти новых падежных форм: внешнеместный (на чем? на ком?), внешнеместный вступительный (на что? на кого?), внешнеместный исходный (с чего? с кого?), внешнеместный переходный (по чему? по кому?), внешнеместный предельный (до поверхности чего-кого?) (примеры см. выше).

Процесс образования внешнеместных падежей происходит и в северных диалектах, но нужно отметить, что переход послелогов с основой на *выл-* (*вылын*, *вылõ*, *вылис'*, *вылõt*, *вылõдз*) в падежеобразные (а затем и в падежные) суффиксы в северных говорах протекает неравномерно: в одних он близок к завершению, в других — только начинается, тогда как в южных диалектах данный процесс в основном завершен (см. об этом выше).

Приведем отдельные примеры по некоторым исследованным нами пунктам: бк. *траклыас* (< *тракт вылас*) *пэтõма* 'вышел он на тракт',

¹¹ Различение гласной и согласной основ существительных характерно лишь для внешнеместных падежей. У существительных с основой на гласный начальный согласный падежного суффикса обычно удваивается (*валлын* < *ва валын* 'на воде', ср. *вõрлын* < *вõр вылын* 'над лесом').

а) нердвинский диалект

1. Внешнем. (вн.-м.)	<i>вѳрлын</i>	<i>валлын</i>	'на лесе, на воде'
2. Вн.-м. вступ.	<i>вѳрлѳ</i>	<i>валлѳ</i>	'на поверхность леса, воды'
3. Вн.-м. исх.	<i>вѳрлис'</i>	<i>валлис'</i>	'с поверхности леса, воды'
4. Вн.-м. перех.	<i>вѳрлѳт'</i>	<i>валлѳт'</i>	'по поверхности леса, воды'
5. Вн.-м. пред.	<i>вѳрлѳдз</i>	<i>валлѳдз</i>	'до поверхности леса, воды'

б) оньковский диалект

1. Внешнем.	<i>вѳрлын</i>	<i>валлын</i> и <i>валын</i>	'то же'
2. Вн.-м. вступ.	<i>вѳрлѳ</i>	<i>валлѳ</i> и <i>валѳ</i>	'то же'
3. Вн.-м. исх.	<i>вѳрлис'</i>	<i>валлис'</i> и <i>валис'</i>	'то же'
4. Вн.-м. перех.	<i>вѳрлѳт'</i>	<i>валлѳт'</i> и <i>валѳт'</i>	'то же'
5. Вн.-м. пред.	<i>вѳрлѳдз</i>	<i>валлѳдз</i> и <i>валѳдз</i>	'то же'

* При сравнении падежных окончаний в указанных выше диалектах в оньковском наблюдается тенденция к унификации окончаний внешнеместных падежей у существительных с основной на гласный по аналогии с существительными с основой на согласный. Оньковцы произносят *валлын* и *валын* 'на воде', *валлѳ* и *валѳ* 'на поверхности воды' и т.п. В результате упрощения геминат происходит совпадение падежных окончаний существительных с гласной и согласной основой в дательном, направлении и внешнеместно-вступительном, в притяжательном и внешнеместно-исходном падежах.

коклас (< *кок вылас*) *сулалѳ* 'стоит на ноге', *с'эн'табын* (< *с'эн'табр вылын*) *л'и мый л'и* 'в сентябре что ли', *мѳд годлас* (< *год вылас*) 'на втором году', *сыллис'ан* (< *сы вылис'ан*) *тонгис'ис* 'с него он упал', *нуѳтисѳ ѳайлѳ* (< *ѳай вылѳ*) 'увели на мясо' и др., но: *наз'ом вылас* 'на навозе', *туѳ вылын уджали н'и* 'уже на дороге я работал';

коч. *Камаллис'* (< *Кама вылис'*) *оз ѳуѳ* 'с Камы не пьют', *водѳм запан'аллас* (< *запан'а вылас*) 'лег он на западню', *пукты пидзѳслам* (< *пидзѳс вылам*; 'положи на мои колени', *плат'т'олѳ да колталѳ* (< *плат'т'о вылѳ да колта вылѳ*) *вайѳм* 'на платье и на кофту привез он', *ыблын* (< *ыб вылын*) *уджыс уна* 'на поле работы много', но: *март вылас* 'в марте', *град вылис'* чзг 'с грядки выбери (букв. ломай)'; *шзбрас вылѳ* 'на покрывало', *коккз вылам тыр н'ат'ис* 'на моих ногах полно грязи', *вопрѳссз вылѳ гижлатѳ* 'пишете на вопросы'. Последние два примера показывают, что, по-видимому, изредка встречающиеся полные формы послелогов (см. примеры выше) уже не являются послелогоми в полном смысле слова. Это подтверждается случаями выпадения звука *з* из состава суф. мн. числа -зз в словах *коккз вылам* (вм. *коккзз вылам*) и *вопрѳссз вылѳ* (вм. *вопрѳссзз вылѳ*), так как случаи выпадения *з* из этого суффикса в данном диалекте имеют место лишь в середине слова, но не встречаются в конечной позиции, ср.: *туруннзз ѳктыны* 'травы собирать', *таггзз* 'хмели', *тызз* 'озера' и т.д.

Далее ср. примеры по процессу перехода послелогов с основой на *выл-* из пельмского говора того же кочевского диалекта: *с'о тѳдлын* (вм. *тѳд вылын*) 'все на уме', *с'ѳд ѳшынлас* (< *ѳшын вылас*) 'на грязном окне', *рублѳ* (< *руб вылѳ*) 'на рубль' но: *кѳз уллз вылас* 'на ветках ели', *горт ыб вылѳ* 'на близлежащее поле' и др.;

юкс. *горлѳ* (< *гор вылѳ*) *каѳ* 'иди на печку', *ѳшынлыс'ис* (< *ѳшын вылис'ис*) *бос'ти* 'я снял с окна', *машиналат* (< *машина вылат*) *зг шед* 'на машину я не попал', но: *кин гор вылын* 'на чьей печи', *зг мун укол вылѳ* 'я не пошел на укол' и др.;

чаз. *работайлѳ* (< *работа вылѳ*) 'на работу', *пидзѳслын* (< *пидзѳс вылын*) *хужзз* 'на коленях хуже', *ыбззлас* (< *ыбззз-вылас*) *оз кайлы* 'на

поля не ходит', но: *дод' вылѵ* 'на сани', *пос вылын* 'в сенях, на мостках', *лѵг пѵ миан вылѵ* 'говорят, сердит на нас'.

Необходимо отметить, что в юксеевском и чазевском говорах (в самых северных говорах) кочевского диалекта случаи сохранения полных форм послелогов с основой на *выл-* встречаются значительно чаще, чем в предыдущих.

Ср. также данные говоров косинско-камского диалекта, соседящего с кочевским с севера:

нк. *кѵзылын* (< *кѵз вылын*) 'на ели', *вѵрлѵ* (< *вѵр вылѵ*) *ус'ис* 'упал он на лес', но: *самол'ѵтыс вылѵ* 'на самолет-то', *туй вылис'* 'с дороги' и др.; лев. *кайнытѵ ыббэслѵ* (< *ыббэс вылѵ*) *гл'ина дак умѵл'* 'идти на поле плохо, так как место глинистое', *ваи дѵмассэзлѵ* (< *дѵмассэз вылѵ*) 'принесла я на заплатки', *войнаылас* (< *война вылас*) врачом *уджалѵма* 'на войне он врачом работал', *вѵллѵ* (< *вѵл вылѵ*) *пукс'ыны* 'садиться на лошадь', *койкаылын куйлѵ* (< *койка вылын*) 'на кровати лежит', но: *д'ут'ган вылын* 'на качелях', *Кама вылѵ* 'на Каму', *ныр вылас чэпок* 'на носу цепочка' и др.;

пукс. *мэжаллис'* (< *мэжа вылис'*) *да вайа жѵ* 'с межи да принесу же', *йѵрлас* (< *йѵр вылас*) 'на изгороди', *пэнс'иалын* (< *пэнс'иа вылын*) 'на пенсии', *ѵшымѵслас* (< *ѵшымѵс вылас*) *пукти* 'положил я на колодец', но: *мэ вылѵ и дзар эз кэр* 'на меня он и не посмотрел', *руб вылѵ* 'на рубль', *ол' вылас* 'на сыром месте', *стройка вылс'ан* (< *вылис'ан*) 'со стройки';

чур. *сулали пронтлас* (< *пронт вылас*) 'я стоял на фронте', *эз сылѵ* (< *сы вылѵ*) *и видзѵт* 'на него и не посмотрел', *бол'нѵйыслын* (< *бол'нѵйыс вылын*) *тол'ко гѵрѵтлѵ* 'кричит только на больного', но: *туй вылас* 'на дороге', *почта вылын уджалис* 'на почте он работал', *мырыл вылѵ* 'на пень' и т.д.;

гаин. *шут'омылат* (< *шут'ом вылат*) 'на целине-то', *сиа туйылын* (< *туй вылын*) 'на той дороге', *сылын* (< *сы вылын*) *унажык* 'на нем больше', *скородаылс'ис* (< *скорода вылс'ис*) 'со сковороды', но: *трактор вылас* 'на тракторе' и др.;

ис. *кэрку сылѵ* (< *сы вылѵ*) *бос'тис* 'на это он дом купил', *онмѵс'с'ис гармон'илас* (< *гармон'и вылас*) 'услул он на гармони', *мзылѵ* (< *мэ вылѵ*) *видзѵтѵ* 'на меня смотрит', *пызанылын* (< *пызан вылын*) *гиж* 'пиши на столе', но: *токѵ пиз' вылѵ* 'только на муку';

мыс. *гѵлбэчлыс'ис* (< *гѵлбэч вылис'ис*) 'с голбца', *вон запан'аллын* (< *запан'а вылын*) 'вон на западне', *горылын* (< *гор вылын*) 'на печке', *Лупйаылас* (< *Лупйа вылас*) 'на Лупье', но: *пѵлат' вылын* 'на полати', *вѵл вылис'* *ус'ис* 'упал он с лошади' и др.;

вл. *пызанылын* (< *пызан вылын*) 'на столе', *горылын* (< *гор вылын*) 'на печке', но: *гѵра вылын* 'на горе', *западн'а вылѵ* 'на западню', *война вылын ус'ис* 'на войне погиб он'.

Диалектный материал северного наречия показывает, что процесс перехода послелогов с основой на *выл-* в падежные форманты интенсивно развивается в кочевском, большекочинском и пелымском говорах кочевского диалекта. В них случаи употребления соответствующих послелогов сравнительно редки. В юксеевском и чазевском говорах, являющихся переходными между кочевским и косинско-камскими диалектами, они встречаются значительно чаще (см. примеры выше). Далее, к северу, — в нижнекосинском, левичанском, пуксибском и чураковском говорах эти послелогии встречаются примерно в 50% случаев. Приблизительно такая же картина наблюдается и в мысовском диалекте. Но в гаинском,

васькинском и исаевском кустах (на территории Гаинского района), находящихся восточнее Гайн (в районе Пятигор), процесс перехода послелогов с основой на *выл-* в падежные формы близок к завершению: случаи появления полных форм послелогов с данной основой в этих говорах очень редки, скорее всего они являются исключениями. Однако нужно отметить, что унификация суффиксов продолжается. Ср. в качестве примера, в каком виде встречаются усеченные формы послелогов с основой на *выл-* в гаинском и васькинском говорах: гаин. *-ылат* < *вылат*, *-ылö* < < *вылö*, *ылын* < *вылын*; васьк. *-лыат* < *вылат*, *-лын* < *вылын*, *-ылын* < < *вылын*, *-ылыс'ис* < *вылыс'ис*, ср. также исаевские и мысовские усеченные формы: ис. *-(ы) лам* < *вылам*, *-ылö* < *вылö*, *-лын* < *вылын*, *-лö* < *вылö*, *-лас* < *вылат*, мыс. *-лыс'ис* < *вылыс'ис*, *-(л) лын* < *вылын*, *-ылын* < *вылын*, *-ылас* < *вылас*¹² и др. Таким образом, данные говоров қосинско-камского диалекта показывают, насколько неравномерно развиваются процесс сокращения (усечения) послелогов и переход их в падежные окончания.

В верх-лупьинском диалекте, в самом северном и пограничном с коми-зырянским языком, переход серийных послелогов с основой на *выл-* лишь начинается, ср.: *пызанылын* < *пызан вылын* 'на столе', *горылын* < < *гор вылын* 'на печи', *кöзылö* < *кöз вылö* 'на ель' и др.

В верхнекамском наречии, как и в остальных диалектах коми-пермяцкого языка, послелог с основой на *выл-* также переходят в падежные формы, но, в отличие от южных диалектов в данном наречии это явление находится в стадии развития. Так, послелог *вылын* выступает в следующих вариантах: *-ылын* и *-лын* < *вылын*, *-лас* и *-ылас* < *вылас*, *ылат* < *вылат*. Примеры: *мэнам ижизэн'н'олын* (< *ижизэн'н'о вылын*) 'на моем иждивении', *Л'эманылын* (< *Л'эман вылын*) 'на Лемане', *Виз'айылас* (< *Виз'ай вылас*) 30 километров 'До Визия 30 километров', *шонтыс'ны горлын* (< *гор вылын*) 'погреться на печи'.

Послелог *вылö* выступает в форме *-ылö* < *вылö*, *-лö* < *вылö*. Примеры: *эта кн'игаылö* (< *кн'ига вылö*) 'на эту книгу', *горлö* (< *гор вылö*) *кайа* 'на печку поднимаюсь', *киноылö* (< *кино вылö*) *ог мун* 'я в кино не пойду'. Следует отметить, что формант *-ылö* более употребителен.

Послелог *вылыс'* выступает в форме *-ылыс'* или *-лыс'*. Примеры: *д'иванылыс* (< *д'иван вылыс'*) *ус'ис* 'он упал с дивана', *горлыс'* (< *гор вылыс'*) *оз лэччы* 'с печки не спускается'.

Послелог *вылöдз* употребляется в форме *-ылöдз* и *-лöдз*. Примеры: *Л'эманылöдз* (< *Л'эман вылöдз*) *тас'ан* 'ылынкод' 'до Лемана отсюда далеко', *Камалöдз* (< *Кама вылöдз*) *абу ылын* 'до Камы недалеко'. Изредка встречается еще полная форма послелога *вылын*, ср.: *өтик бок вылын куйла* 'лежу на одном боку', *өс'ин вылын пукалö* 'на окне сидит'. Следует подчеркнуть, что процесс трансформации послелогов с основой на *выл-* в падежные окончания в верхнекамском наречии находится примерно на том же уровне, что и мысовском диалекте северного наречия.

Интересно отметить, что в отличие от южных коми-пермяцких диалектов, где сокращение послелогов с основой на *выв-* начинается с выпадения интервокального *в* (*вывын* > *выын* > *-вын*, *вывыс'* > *-выис'* > *вис'*, *вывöт'* > *выöт'* > *-вöт'*, *вывöдз* > *-выöдз* > *вöдз*), в северном и верхнекамском наречиях имеет место выпадение начального звука *в*, а затем уже сокращение количества слогов, ср.: *вылын* > *-ылын* > *-лын*, *вылыс'* >

¹² Формы типа *-лам*, *-лас*, *-лыс'ис*, *-ылас* являются контаминацией усеченной формы послелога и лично-притяжательного суффикса.

-ылис' > лис', вылө > -ылө > -лө, вылөт' > -ылөт' > -лөт', вылөдз > -ылөдз > -лөдз.

Как уже указывалось выше, процесс разрушения серийных послелогов с основой на *выл-* действует на том или ином уровне развития во всех диалектах коми-пермяцкого языка¹³. Причины трансформации этой серии, видимо, не только чисто фонетические.

Образование серии внешнеместных падежей в диалектах южного наречия ранее объясняли просто: в послелогах типа *вылын, вылө, вылис', вылөт', вылөдз* после перехода *л* в *в*, последний (звук *в*) между гласными легко выпал (*вылын* > *вывын* > *выын* > *вын*, *вылө* > *вывө* > *выө* > *вө* и т.п.). А усеченные формы послелогов (*-вын, -вө* и др.) затем превратились в падежные окончания [Гантман 1958; Серебренников, 1964, с. 82—83]. В.И. Лыткин об этом явлении писал, что в северных говорах коми-пермяцкого языка, как и в других говорах языка коми, послелог *выл-* употребляется в первичном виде, в южных же иньвенских говорах он превратился в падежный суффикс [Коми-перм., 1962, с. 27]. Появление внешнеместных падежей в соседних с ними (оньковском и нердвинском) эловых диалектах объясняли влиянием взовых диалектов. Но более детальное исследование северного наречия показало, что и в диалектах этого наречия, где нет названных выше причин, имеют место аналогичные процессы, находящиеся, правда, на более поздних (и разных) ступенях развития по сравнению с южными диалектами. По-видимому, здесь их не следует объяснять только фонетическими причинами (это прежде всего касается северных диалектов), так как, очевидно, это явление связано с перестройкой системы локативных падежей. Появление внешнеместных падежей на данном этапе позволяет коми-пермяцкому языку "экономнее" выразить направление действия по поверхности предмета, например:

внешнем.	<i>туйлын</i>	'на дороге'
вн.-м.-вступ.	<i>туйлө</i>	'на поверхность дороги'
вн.-м.-исх.	<i>туйлис'</i>	'с поверхности дороги'
вн.-м.-перех.	<i>туйлөт'</i>	'по поверхности дороги'
вн.-м.-пред.	<i>туйлөдз</i>	'до поверхности дороги'

Ср. с литературными формами местных падежей:

местн.	<i>туйын</i>	'в дороге'
вступ.	<i>туйö</i>	'в дорогу'
исх.	<i>туйис'</i>	'из (с) дороги'
перех.	<i>туйöт</i>	'по дороге'
пред.	<i>туйöдз</i>	'до дороги'

На примерах видна разница в лексическом значении этих слов, склоняемых по разным группам падежей.

Нечто подобное наблюдается и в венгерском языке, где также имеются "новые" внешнеместные падежи [Майтинская, 1955, с. 133; Она же: 1979, с. 94 и др.; см. также: Гантман, 1962, с. 216—217].

В коми-пермяцком языке вне серии внешнеместных падежей находится внешнеместный предельный со значением предела в пространстве на *-ви*, выражающий предел по вертикали [Майтинская, 1979, с. 106—107]. Он об-

¹³ Данное явление не отмечено в работе В.И. Лыткина "Коми-язвинский диалект" (М., 1961, с. 42—48, 77—79).

разовался путем перехода послелога *-ви* в падежную форму¹⁴, например: *моросви* 'по грудь, до груди', *косви* 'по пояс, до пояса', *пидзёсви* 'по колено, до колена' и др. Присоединяясь к личным местоимениям, падежный суф. *-ви* придает значение сравнительности: бел. *Мианвё ныви н'э уджавны*. 'Нам не работать как они (могут)'. *Сыви н'э йэштыны*. 'Не успеть до этого места'. Данный падеж в какой-то степени напоминает венгерский терминатив (предельный падеж), стоящий также вне серии постранственных падежей, хотя последний по своему значению ближе к общекоми предельному на *-ёдз* [Майтинская, 1955, с. 133—140]. Этой падежной формы нет в коми-зырянских диалектах. Значит, ареалом распространения данного падежа является территория коми-пермяцкого языка (см. карту 1).

дын-/орд-

В коми-пермяцком языке, кроме группы внешнеместных падежей, происходит и формирование системы приблизительно-местных падежей. Она образуется в результате разрушения серийных послелогов с основой на *дын-* (*дынын* > *-дын*, *дынё* > *-дё*, *дынис'* > *-дис'* *дынёт'* > *-дёт'*, *дынёдз* > *-дёдз*) и *орд-* (*ордын* > *дын*, *ордё* > *дё*, *ордис'* > *дис'*, *ордёт'* > *-дёт'*, *ордёдз* > *-дёдз*) в оньковском и в некоторых соседних с оньковским нижнеиньвенских говорах. Соответствующие падежные форманты широко употребляются с личными местоимениями. Это падежные формы приблизительно-местных падежей. См. примеры из оньковского диалекта: *миандис'* (< *миан дынис'*) *мунис* 'от нас ушел он', *тиандё* (< *тиан дынё*) *кажис* 'к вам зашел он', *вёрдёдз* (< *вёр дынёдз*) *котёртисё* 'до леса они бежали'; крох. *тиандё* (< *тиан дынё*) *пыраисё* 'к вам они заходили', *миан-дын* (< *миан дынын*) *уджаё* 'у нас он работает' и др.

Вот парадигма склонения этих новых "падежных" форм:

1. прикл.-местн. *миандын* < *миан дынын* (*ордын*) 'у нас, около нас'
2. прикл.-вступ. *миандё* < *миан дынё* (*ордё*) 'к нам'
3. прикл.-исх. *миандис'* < *миан дынис'* (*ордис'*) 'от нас'
4. прикл.-перех. *миандёт'* < *миан дынёт'* (*ордёт'*) 'около нас'
5. прикл.-пред. *миандёдз* < *миан дынёдз* (*ордёдз*) 'до нас, к нам'

Ср. также примеры из аксеновского говора: *миандын из уз* 'у нас он не спал', *миандё вок уз'ныт* 'к нам приходи спать-то', *миандёдз пэтав жо* 'к нам приходи же' и др.

Новые падежные форманты, употребляющиеся пока что при личных местоимениях, имеют тенденцию присоединяться к существительным: *вёрдын* < *вёр дынын* 'около леса', *вёрдё* < *вёр дынё* 'к лесу' и т.д.

Подобное явление отмечено В.И. Лыткиным и Т.И. Тепляшиной в глазовском диалекте удмуртского языка, где употребляется особая падежная форма с элементом *-нь-* вместо послеложной конструкции литературного языка: *адямине* (л. *адями дине*) 'к человеку', *моньям* (л. *мон доры, мон диням*) 'ко мне' и т.д. [Лыткин, Тепляшина, 1959].

Приблизительно такая же серия падежей, состоящая из трех падежных формантов (но разного происхождения) имеется, например, в венгерском языке. К.Е. Майтинская их называет "боковыми" падежами [Майтинская 1955, с. 139]. Из них адессив ("околонаходящийся" падеж), имеющий "значение места, при котором или у которого что-либо нахо-

¹⁴ Употребляясь в качестве послелога, *ви* может принимать отдельные падежные форманты, ср.: южн. *виён, виёт', виёдз* (*кос виён, виёт', виёдз* 'до пояса, по поясу').

разовался путем перехода послелога *-ви* в падежную форму¹⁴, например: *моросви* 'по грудь, до груди', *косви* 'по пояс, до пояса', *пидзёсви* 'по колено, до колена' и др. Присоединяясь к личным местоимениям, падежный суф. *-ви* придает значение сравнительности: бел. *Мианвё ныви н'э уджавны*. 'Нам не работать как они (могут)'. *Сыви н'э йэштыны*. 'Не успеть до этого места'. Данный падеж в какой-то степени напоминает венгерский терминатив (предельный падеж), стоящий также вне серии постранственных падежей, хотя последний по своему значению ближе к общекоми предельному на *-ёдз* [Майтинская, 1955, с. 133–140]. Этой падежной формы нет в коми-зырянских диалектах. Значит, ареалом распространения данного падежа является территория коми-пермяцкого языка (см. карту 1).

дын-//орд-

В коми-пермяцком языке, кроме группы внешнеместных падежей, происходит и формирование системы приблизительно-местных падежей. Она образуется в результате разрушения серийных послелогов с основой на *дын-* (*дынын* > *дын*, *дынё* > *ддё*, *дынис'* > *-дис'* *дынёт'* > *-дот'*, *дынёдз* > *ддёдз*) и *орд-* (*ордын* > *дын*, *ордё* > *ддё*, *ордис'* > *дис'*, *ордот'* > *-дот'*, *ордёдз* > *ддёдз*) в оньковском и в некоторых соседних с оньковским нижнеиньвенских говорах. Соответствующие падежные форманты широко употребляются с личными местоимениями. Это падежные формы приблизительно-местных падежей. См. примеры из оньковского диалекта: *миандис'* (< *миан дынис'*) *мунис* 'от нас ушел он', *тиандё* (< *тиан дынё*) *кэжис* 'к вам зашел он', *вёрдёдз* (< *вёр дынёдз*) *котёртисё* 'до леса они бежали'; крох. *тиандё* (< *тиан дынё*) *пыраисё* 'к вам они заходили', *миандын* (< *миан дынын*) *уджаё* 'у нас он работает' и др.

Вот парадигма склонения этих новых "падежных" форм:

1. прикл.-местн. *миандын* < *миан дынын* (*ордын*) 'у нас, около нас'
2. прикл.-вступ. *миандё* < *миан дынё* (*ордё*) 'к нам'
3. прикл.-исх. *миандис'* < *миан дынис'* (*ордис'*) 'от нас'
4. прикл.-перех. *миандот'* < *миан дынёт'* (*ордот'*) 'около нас'
5. прикл.-пред. *миандёдз* < *миан дынёдз* (*ордёдз*) 'до нас, к нам'

Ср. также примеры из аксеновского говора: *миандын из уз* 'у нас он не спал', *миандё вок уз'ныт* 'к нам приходи спать-то', *миандёдз пэлав жё* 'к нам приходи же' и др.

Новые падежные форманты, употребляющиеся пока что при личных местоимениях, имеют тенденцию присоединяться к существительным: *вёрдын* < *вёр дынын* 'около леса', *вёрдё* < *вёр дынё* 'к лесу' и т.д.

Подобное явление отмечено В.И. Лыткиным и Т.И. Тепляшиной в глазовском диалекте удмуртского языка, где употребляется особая падежная форма с элементом *-нь-* вместо послеложной конструкции литературного языка: *адямине* (л. *адями дине*) 'к человеку', *моньям* (л. *мон доры, мон диням*) 'ко мне' и т.д. [Лыткин, Тепляшина, 1959].

Приблизительно такая же серия падежей, состоящая из трех падежных формантов (но разного происхождения) имеется, например, в венгерском языке. К.Е. Майтинская их называет "боковыми" падежами [Майтинская 1955, с. 139]. Из них адессив ("околонаходящийся" падеж), имеющий "значение места, при котором или у которого что-либо нахо-

¹⁴ Употребляясь в качестве послелога, *ви* может принимать отдельные падежные форманты, ср.: южн. *виён, виёт', виёдз* (*кос виён, виёт', виёдз* 'до пояса, по поясу').

наречия функционируют 28 падежных форм, в кудымкарско-иньвенском и нердвинском — 24, в говорах северного наречия — 19, в верхнекамском — 18, в коми-язьвинском — 16, а в коми-пермяцком литературном языке — 17 падежей.

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

-дö

В коми-зырянских диалектах в неопределенном склонении прямое дополнение существительных обычно имеет нулевую форму [ССКЗД, с. 465], сходную с именительным падежом. Однако в некоторых диалектах имеются и отклонения от этого "правила". Так, в удорском говоре прямое дополнение мн. числа существительных выражается суф. -дö. Примеры: *Ойзэдö н'и тани уз'и* 'Уже несколько ночей я здесь переночевал'. *Ошйзэдö вавны мунины* 'Ушли бить медведей' (Там же).

-öс, -тö// -сö

В присыктивкарском диалекте наряду с нулевой формой существительные в винительном падеже имеют суф. -öс (-эс), -тö и -сö. Формы с суф. -öс могут иметь как существительные, обозначающие одушевленные предметы, так и существительные, обозначающие неодушевленные предметы. Примеры: В. *Вый йувö да олö* 'Как сыр в масле катается (букв. Масло пьет да живет)', Т. *Мырйöс кө пас'тöдан, и сийö мича* 'Если пень разоденешь и тот будет красив', В. *Винасö кис'тасны да көдзыд вадс моз йуасны* 'Вино нальют и выпьют, словно пьют холодную воду [Жилина, Бараксанов, 1971, с. 64—65]'.

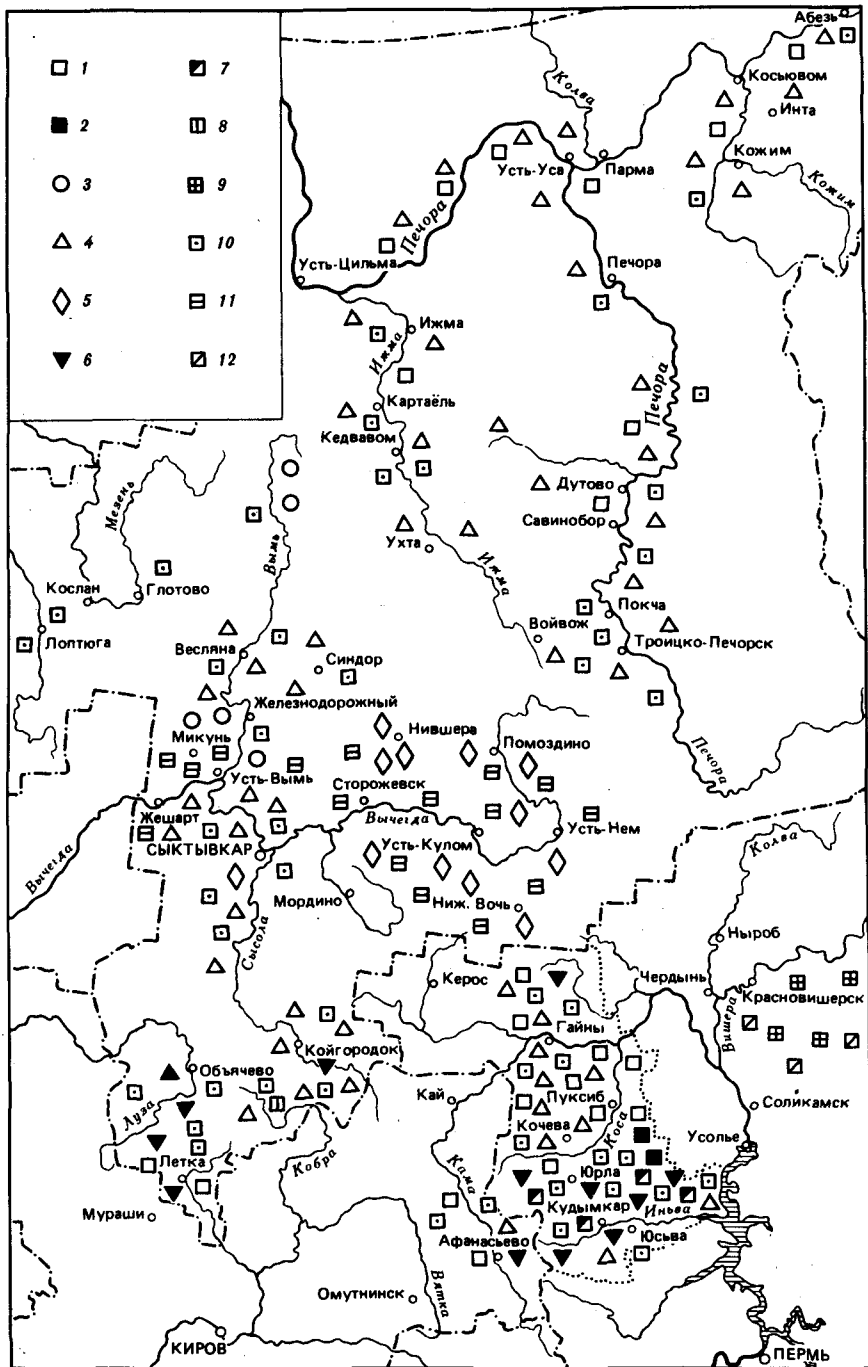
В коми-пермяцком языке в целом (в том числе и в верхнекамском и коми-язьвинском наречиях) винительный падеж наряду с нулевой формой принимает также окончание -öс (-сö или -тö), последние употребляются, как и в присыктивкарском диалекте, с существительными, обозначающими одушевленные и неодушевленные предметы. Примеры: кп. *Кэрку тшупöны* 'Строят дом', *Зонкаöс чарötöm* 'Мальчика убило молнией', *Вöрсö гожумбыт н'и кыötöны* 'Все лето уже сплавляют лес', *Ватö вайö* 'Воду он носит'; кя. *Вийинис ошöс* 'Они убили медведя'; вк. *Жөн'иксö адздзи и вэрöс сайö мун* 'Жениха нашла я и замуж вышла'.

На фоне других коми-пермяцких диалектов в верхнекамских говорах формант -öс выступает значительно чаще: он появляется на месте окончаний винительного падежа -сö и -ö. Ср. примеры: *Кыкöс* (куд. *кыкö*) *токо бос'тис* 'Двух только он взял'; *Можэт талун öтнасöс озö жö кол'ö* (ср. куд. *öтнасö*) 'Может быть, сегодня одного не оставят же'; *Сушка с'ои н'и öтикöс* (ср. куд. *öтикö*) 'Одну сушку я съел уже' и т.д.

Формант -öс в приведенных примерах выполняет выделительную функцию. В этом же значении часто выступает и -сö: *Н'инкöммэзсö* (вм. *н'инкöммэз*) *ачыс кыйалис* 'Лапти он сам плел'; *Заплатасö* (вм. *заплата*) *ылынгом пукти* 'Заплату далековато положила я'; *Зöрйзсö* (вм. *зöрйзз*) *йэтша көдзалöны* 'Овса мало сеют' и др. Следует подчеркнуть, что форма определенного винительного падежа -öс в литературном языке употребляется довольно редко.

Карта 9. Особенности падежных форм и территория их распространения:

формы вин.п.: 1 — -лö, 2 — -сö, 3 — -лы; дат.п.: 4 — -лы, 5 — -ли, 6 — -лö, 7 — -вö, 8 — -лö, 9 — -лэ; местн.п.: 10 — -ын, 11 — -ин, 12 — -өн.

В нердвинском диалекте южного наречия коми-пермяцкого языка в винительном падеже некоторые личные местоимения имеют окончание *-ös* вместо *-ö*. Это, по-видимому, следы бывшего разграничения винительного выделительного на *-ös* от винительного невыделительного [Бубрих, 1949, с. 29–30]. Примеры: *Бос'тис мэнос* (вм. *мэно*) *да* 'Взял меня да'; *А мэ ниос* (вм. *нио*) *л'убитли од'д'он* 'А я их очень любил'; *Мио ниос* (вм. *нио*) *ог вөрз'отö* 'Мы их не тронем'.

Наши примеры, по-видимому, подтверждают правильность вывода Б.А. Серебренникова о том, что форма винительного падежа определенного притяжательного склонения ряда 3-го л. вообще превратилась в форму определенного, винительного падежа имен существительных совершенно независимо от того, относятся они к определенно-притяжательному склонению или не относятся [Серебренников, 1964, с. 35–46; Нечаев, 1962, с. 160–180].

Формант *-ös* в верхнекамском наречии обозначает как определенные, так и неопределенные предметы, но чаще всего употребляется с одушевленными предметами. Ср.: *Мэным колö мөсös, порс'ös, с'ин'и, кон'ушна* 'Мне нужна корова, свинья, сени, конюшня'. По сравнению с другими диалектами, становление категории одушевленности в этом наречии (в речи кировских пермяков) протекает более быстрыми темпами. И показателем этой категории является окончание винительного падежа *-ös*, употребляемое главным образом с именами существительными, обозначающими одушевленные предметы (см. карту 9).

-лö// -вö, -лы// -лö

Винительный падеж почти во всех северных диалектах (кроме мысовского и верх-лупьинского), а также в верхнекамском наречии наряду с нулевой формой и с названными выше суффиксами имеет суф. *-лö*, аналогичный по форме падежному суффиксу дательного падежа. Примеры: бк. *Кыччö и мээдöтö килö* (вм. *кисö*) 'И зачем отнимает руку'; коч. *Колö пэл'лö чис'г'итны* 'Нужно ухо почистить'; лев. *Да коккэзлö* (вм. *коккэз*) *эн тал* 'Да ноги мои не топчи'; пукс. *Жилазлö* (вм. *жилазз*) *көстö* 'Судорога тянет'; чур. *Картошказлö* (вм. *картошказз*) *ышö пуам* 'Еще картошку сварим'; ис. *Мый от'ирлö* (вм. *от'ирös*) *вийны* 'Зачем людей убивать'. Он эд чапкы öта-мöдлö (вм. *öта-мöдös*) 'Ведь друг друга не оставишь в беде'; вк. *Этати н'э должно быт' коклö вис'ны* 'Здесь, в этом месте, нога не должна была бы болеть'; *Мэ с'эрали Натал'ыслö* (вм. *Натал'сö*) 'Я высмеяла Наталью'. Следует отметить, что в верхнекамском диалекте суф. *-лö* винительного падежа встречается сравнительно редко и является реликтовой формой. Он редко употребляется и в диалектах северного наречия.

В южном наречии языка коми-пермяков только в егоровском и лопанском говорах, находящихся территориально поблизости к кочевскому диалекту северного наречия, в винительном падеже встречается суф. *-вö* (< *-лö*). Примеры: *Мэн'чим кос'т'умвö* (вм. *кос'т'ум* или *кос'т'умös*) *пачкайтис* 'Мой костюм он запачкал'; *Праз'никнас мэ другвö* (вм. *другös*) *адздыи* 'Во время праздника я своего друга видел' [Подробнее см.: Баталова, 1975 с. 141–146].

Условия употребления (или замещения) суф. *-лö* (*-вö*) вместо *-ös* и *-сö* или нулевой флексии установить не удастся.

Аналогичное явление имеет место и в некоторых коми-зырянских диалектах. Так, в вымском и лузско-летском в винительном падеже

также может выступать суф. *-лы, -лӧ* (ср. кп. исаевское также *-лӧ* и *-лы*, встречается он и у обских коми [Ляшев, 1975, с. 91; Фролова, 1952, с. 7; Жилина, Колегова, 1960, с. 161]). Приведем для сравнения примеры из лузско-летского диалекта, близлежащего к северным коми-пермяцким диалектам: *Ас'с'ым нэмлӧ* (вм. *нэм*) *оли н'ин* 'Я свой век уже прожил', *Кулӧ* (вм. *ку*) *дойди дойдз* 'Руки я ушиб до раны', но: *Тавой вӧтӧн мамымӧс адздыли* 'Сегодня во сне я мать свою видела' и др.

Большинство исследователей считают, что *-лы (-лӧ)* является окончанием дательного падежа. Б.А. Серебренников высказывает мысль, что падеж на *-лы* представляет своеобразную эмфатическую частицу, когда говорящий хочет особо выделить субъект и объект действия [Серебренников, 1964, с. 43—45].

В.И. Лыткин считает, что употребление *-лӧ (-лы)* в функции винительного падежа — это результат сохранения функции былого объектного падежа на *-лы (-лӧ)*, который некогда выполнял функции современных дательного и винительного падежей [Совр. к. яз., с. 141]. После выделения и оформления винительного падежа как самостоятельного (нулевое окончание в неопределенной форме и *-ӧс (-тӧ, -сӧ)* в определенной форме) старые формы на *-лы (-лӧ)* сохранились на некоторой территории и продолжают употребляться наряду с формами винительного (нового) падежа, например: бк. *Посӧдз мис'с'ӧт* 'Вымой сени' и *Вот горшилӧ* (вм. *горшӧс*) *игналис* 'Вот горло заболело (букв. горло закрыло)'; *Оз с'эт кука'сӧ, мӧссӧ лэчӧта* 'Не даст теленка, корову отберу' и *Н'ан'лӧ моз паритасӧ* 'Словно хлеб выпарят'; гайн. *Тэ улӧа мианӧс позоритӧны* 'Из-за тебя нас позорят' и *Туйлӧ* (вм. *туй*) *кыдзкӧ каз'али* 'Как-то дорогу я заметила'; ис. *Д'икӧй хмэл'сӧ* йу 'Пей дикий хмель' и *Мз рӧд иналӧ* (вм. *родина*) *защищал* 'Я родину защищал' и др. Необходимо отметить, что форма на *-лӧ* в значении винительного падежа прямого объекта во всех указанных говорах занимает небольшое место, поскольку она является пережиточной формой бывшего объектного падежа на *-лӧ* (см. карту 9), а, как известно, пережиточные падежи всегда имеют более узкую сферу применения, чем установившиеся падежные формы.

Итак, формант винительного падежа *-лӧ* распространен на территории северного наречия коми-пермяцкого языка (кроме окраинных, самых северных — мысовского и верх-лупьинского диалектов), а также верхнекамского наречия. С верхней Камы изоглосса тянется к лузско-летскому диалекту коми-зырянского языка — к самому южному, имевшему в недавнем прошлом контакты с кировскими пермяками. Наличие форманта *-вӧ (< -лӧ)* в этом же значении в егоровском и лопанском — в окраинных говорах кудымкарско-иньвенского диалекта, свидетельствует о былых тесных контактах между носителями этих говоров и кочевского диалекта северного наречия до появления русских поселенцев на промежуточной территории — ныне Юрлинского района (карта 9, см. также карту 1).

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

-лы// -лӧ; -лӧ; -вӧ// -ӧ

В коми-зырянском языке дательный падеж имеет суф. *-лы* и *-лӧ*. Последний встречается в лузско-летском и в соседнем с ним — верхнесысольском диалектах, территориально сопредельных с кировскими и северными пермяками. В остальных коми-зырянских говорах всюду выступает *-лы*, лишь в верхневычегодском *-ли* [Сорвачева и др., 1966, с. 74].

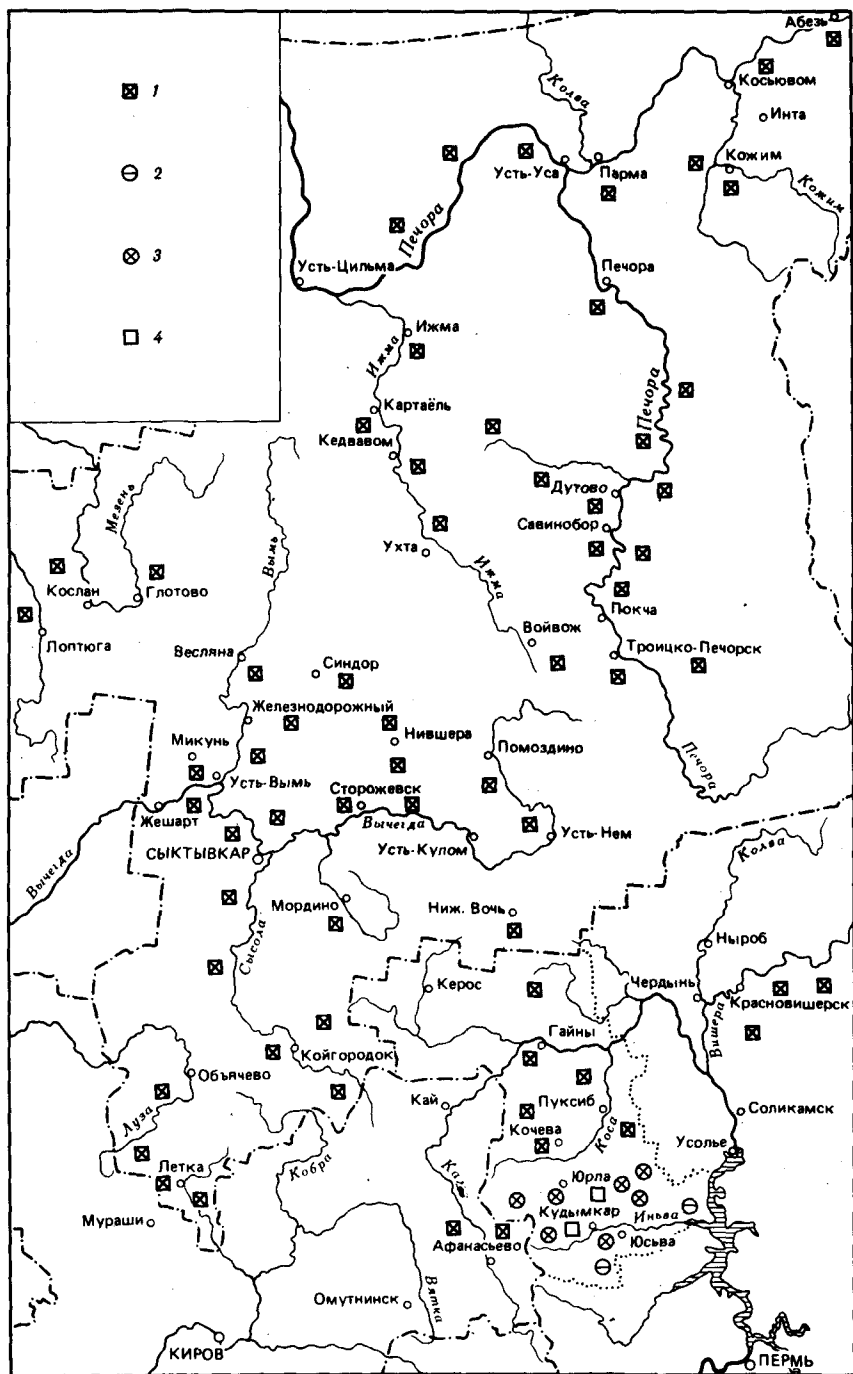
В коми-пермяцких диалектах почти повсеместно употребляется суф. дательного падежа -*вö* / -*лö*, лишь в верх-лупьинском диалекте и в говорах верхнекамского наречия в качестве варианта -*лö* появляется -*лы*. Ср. примеры: инов. *Мамвö* (< *мамлö*) *коз'наа* 'Маме подарю'; коч. *Вэралö нöбöта* 'Вере отнесу'; лев. *Кинлö колö* 'Кому нужно'; гаин. *Мианлö оз вэшты* 'Нам не платит'; ис. *Подалö кол'а* 'Скоту оставляю'; вл. *Вис'тал мон'ылö* 'Скажи своей снохе', *Сандралö кол'и* 'Александре я оставил'; вк. *Мый ниалö вöчны* 'Что им делать', *Н'эт'инлö лоис уджалны* 'Некому стало работать', но: *Кинлы. гижан* 'Кому пишешь', *С'ороно эталы бэргöч-чис* 'Все равно этому попало' и др. Вариант суф. дательного падежа -*лы* как в верх-лупьинском, так и в верхнекамском наречии менее употребителен. Очевидно, -*лы* для этих диалектов является архаичной формой (см. карту 9).

В коми-язьвинском наречии в дательном падеже выступает формант -*ле*, *шөрле*, 'мышонку', *чирлө* 'топору, за топором', *өжлө* 'овце' и др. [Лыткин 1961, с. 44—47].

В южных диалектах коми-пермяцкого языка происходит процесс совпадения некоторых падежных форм на фонетическом уровне. Вероятно, наличие фонетической закономерности выпадения интервокального в привело к совпадению падежных окончаний притяжательного и исходного падежей, а также родительного и творительного, если основа слова оканчивается на гласный. Ср.: ни. *Аннаис'* (< *Аннавис'*) *бос'ти* 'У Анны я взял', *Кагаис'* (< *кагавис'*) *мый коран* 'Что у ребенка просишь'; *Зоныс Ман'аён* (вм. *Ман'авён*) 'Сын Мани', и *Кат'аён шүёмас'* 'Катей называли'. Ср. примеры на имена с основой на согласный: *Сойвис' ваис* 'У сестры принес он'; *Кинвис' с'этин?* 'Чье отдал ты?'; *Мон'вён айыс* 'Отец снохи'; *Д'эдвён чырыс* 'Топор дедушки'.

Совпадают также окончания дательного и вступительного падежей: *Н'инаö* (вм. *Н'инавö*) *с'этис* 'Нине он отдал'; *Кат'аö* (вм. *Кат'авö*) *ваисö* 'Кате привезли'; *Д'эрэв'аö воктин* 'Ты приехал в деревню'; *Ваö ус'кöч-чис* 'В воду он бросился'. Ср. также с именами на согласную основу: *Бабвö коз'наис* 'Бабушке он подарил'; *Сойвö ваис* 'Сестре он принес'; *Вөрö мунис* 'В лес он пошел'; *Гортö бэртисö* 'Домой возвратились'. Таким образом, для взовых диалектов, как и для эловых, необходимо различать у имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений две основы — гласную и согласную, причем разные основы слова выступают лишь в родительном, дательном, творительном, исходном и вступительном падежах. Гласная и согласная основы слова последовательно различаются также в системе внешнеместных падежей (см. об этом выше, на с. 92) [Баталова, 1975, с. 131, 148—149].

В большинстве южных говоров нет раздельных дательного и достигательного падежей, эти значения выражаются окончаниями -*вö* (-*ö*). Это так называемый дательно-направительный падеж. Примеры: акс. *Н'ан'вö* (л. *няньла*) *мунис* 'Он за хлебом ушел'; доег. *Мöсвö* (л. *мöслö*) *с'эта* 'Корове отдам', *Турунысвö* (л. *турунысла*) *прос мунны* 'За сеном свободен ехать'; крох. *Ваö* (*вавö*, ср. л. *вала*) *вэччис* 'За водой пошел он'. *Турунвö* (л. *турунла*) *мунисö* 'За сеном уехали'; ср.-и. *Вэтвы мöс-сэтвö* (л. *мöссэтла*) 'Сходи за коровами', *Ыстöм упэт' мамысвö* (л. *мамыслö*) 'Послал он опять своей матери'; ви. *Мунисö йагöдысвö* (л. *ягöдысла*) 'Пошли они за ягодами', *Вонысвö* (л. *воныслö*) *с'этис* 'Своему

брату он отдал'; бел. *Вайсё* (л. *вайсла*) *вэчас* 'За водой пойдет'; косог. *Мыйё* (л. *мыйла*) *нб мис'каван?* 'Зачем же моешь?'; кув. *Н'ан'вё* (л. *няньла*) *вэчис* 'Пошел он за хлебом'; егор. *Зонысё* (л. *зоныслё*) *с'эчис* 'Сыну своему он отдал', *Ниа с'ойё* (л. *сёйла*) *воктоны* 'Они за белой глиной едут'; лоп. *Турунё* (л. *турунла*) *мунис* 'За сеном он пошел', *Мамё* (л. *мамлё*) *с'эчис* 'Матери своей отдал он' и т. д.

Аналогичные явления имеют место в нердвинском и оньковском диалектах. В отличие от литературного языка, в них окончанием достигательного падежа является *-лө*: *Йэл'дöглө* (л. *ельдöгла*) *муним вöлөн* 'За груздями мы поехали на лошади'; *Вэтлим йöллө* (л. *йöвла*) *Рыбаковө* 'Сходили за молоком к Рыбаковым'. Здесь произошло совпадение суф. *-ла* и *-лө*, вернее дательного и достигательного — в дательно-направительном с окончанием *-лө* (ср. *-и, -вө*) (см. карту 9).

ДОСТИГАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

-ла// -ла; -ва

Достигательный падеж с формантом *-ла* употребляется во всех говорах северного наречия. Ср. с примерами, приведенными выше: бк. *локчис д'эн'гала* (ср. л. *деньгала*, ю. *д'эн'гавө* и *д'эн'гаө*) 'он пришел за деньгами'; коч. *мунны пэсла* (л. *пэсла*, ю. *пэсвө*) 'идти за дровами'; лев. *вэтчис чөд-ла* (л. *черникала*, ю. *чэрн'икаө* или *чэрн'икавө*) 'сходил он за черникой'; пукс. *н'ан'ла* (л. *няньла*, ю. *н'ан'вө*) *мунисө* 'за хлебом уехали'; гаин. *лук-ла* (л. *лукла*, ю. *вуквө*) *пэчис* 'вышел он за луком'; ис. *мал'инала* (ю. *мал'инавө* или *мал'инаө*) *вэтли* 'за малиной я сходил'; мыс. *муна кагала* (ю. *кагавө* или *кагаө*) 'иду за ребенком'; вл. *муна вала* (ю. *ваө* или *ва-вө*) 'иду за водой', *мунисө пикан'ла* (ю. *пикан'вө*) 'пошли они за снытью'.

Заметим, что фонетический вариант *-ла* употребляется в верх-лупьинском диалекте и во всех коми-зырянских диалектах [ССКЗД, с. 446].

Таким образом, формант *-ла* распространен на всей территории северного наречия коми-пермяцкого языка; *-ла* является характерной чертой всех коми-зырянских диалектов и самого северного верх-лупьинского диалекта языка коми-пермяков, имевшего контакты до недавнего времени с носителями соседнего верхнесыольского диалекта коми-зырян; к форманту *-ва* (<*-ла*) ведет изоглосса к югу от северного наречия языка пермяков (карта 10, см. также карту 1).

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

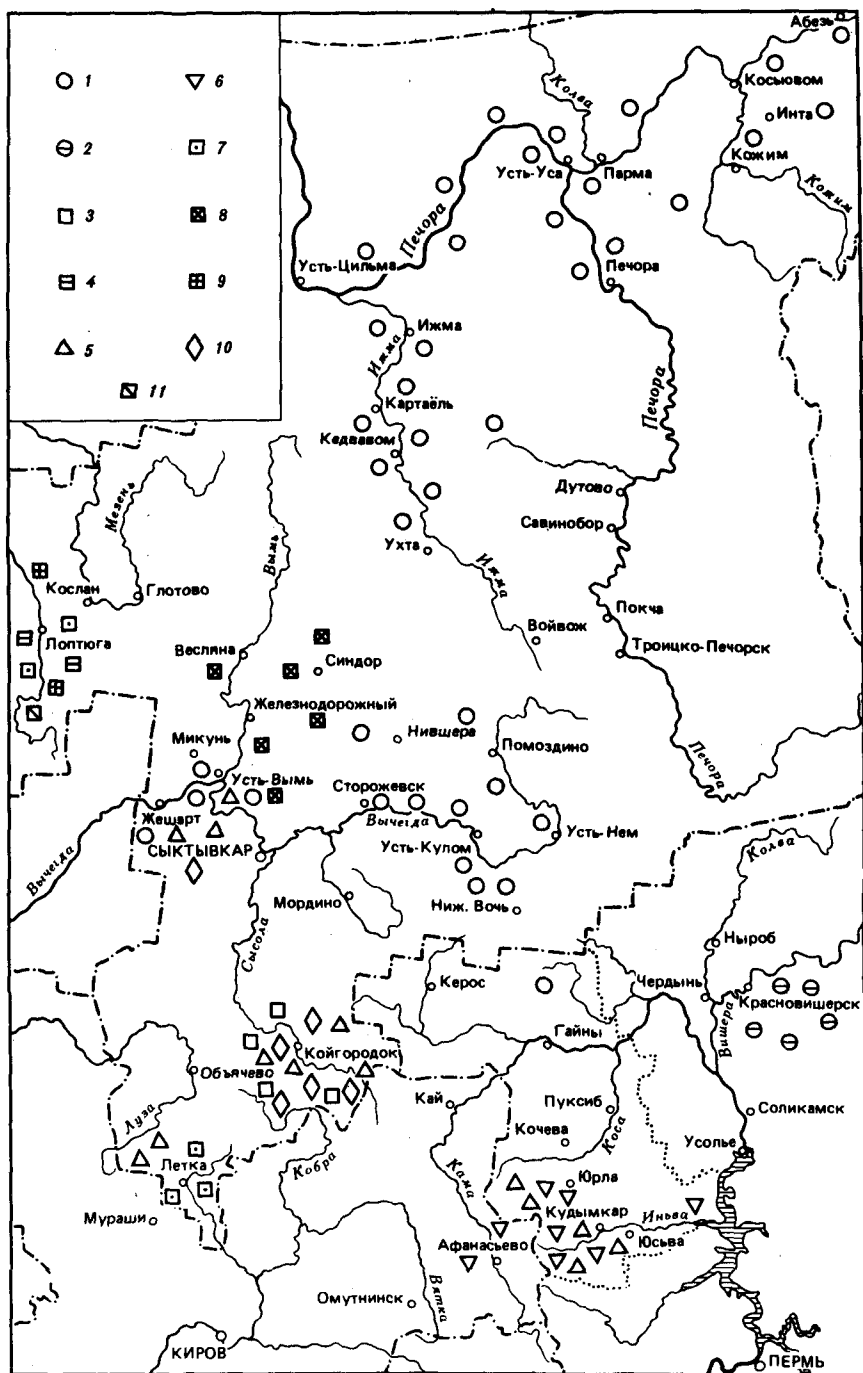
-өн//эн; -насөн; -ныни; -өн

В большинстве диалектов обоих коми языков суф. творительного падежа является *-өн*, ср.: скр. *вöлөн*, кп. ни. *вöөн* (< *вöвөн*) 'на лошади'; скр. *пэсөн* 'дровами'; кп. *турунөн* 'сеном' и др.

В верхневычегодском и ижемском на месте *-өн* употребляется вариант *-эн* (<*-өн*), а в говорах нижневычегодского диалекта в зависимости от фонетических условий выступает то *-өн*, то *-эн*. Примеры: вв. *возн-джын'эн* 'полтора года' [Сорвачева и др. 1966, с. 75]; иж. *сылэн бабыс рөбитэ чом рөбэт'н'ичаын* 'его бабушка работает работницей чума'; нв.

Карта 11. Особенности падежных форм и территория их распространения:

формы твор.п.: 1 — *-эн*, 2 — *-өн*, 3 — *-насөн*, 4 — *-ныни*; отдал.п.: 5 — *-с'эн*, 6 — *-с'ин'*, 7 — *-ыс'эдз*, 8 — *-ыс'өдз*, 9 — *-ис'төм*, 11 — *-ис'эдз*; прил.п.: 10 — *-лен'*.

Аскиломыс' асыводзэн мунас 'послезавтра утром поедет'. Сийа туйлсээн 'той весной' и др. [Сахарова, Сельков, 1976, с. 44—47].

В коми-пермяцком языке только в окраинном верх-лупьинском диалекте в качестве варианта суф. -ён изредка появляется -эн, независимо от качества звуков предшествующего слога, ср.: *мортён лыд'д'ёны* 'человеком считают', но: *кыкэн мунасё* 'вдвоем пойдут'.

В верхнеисольском диалекте коми-зырянского языка наряду с -ён в творительном падеже часто употребляется "двойной" суф. -насён (<нас+ён), например: *сол'насён* (скр. *солён*) 'солью', *тракторнасён* (скр. *тракторён*) 'трактором', *коминасён* (скр. *комиён*) 'по-коми' и др. А в верхневашском говоре удорского диалекта в качестве суф. творительного падежа иногда выступает -ныни. Суф. -ныни содержит обобщительно-комитативное значение подобно словообразовательному суф. -нан собирательных (или совместных) числительных (*кыкнан* 'оба, в составе двух', *куимнан* 'трое, в составе трех'), напр.: *Пуыс вужныныис пёри* 'Дерево свалилось вместе с корнями', *Вёлыс вошёма дойдныныис* 'Пошадь пропала вместе с санями'.

В коми-язьвинском наречии показателем суф. творительного падежа является -ён, например, *шерён* 'мышью', *бийён* 'огнем', *Йэ'р'ёрийнесвил'* *по'ён* 'Огород изгородили новыми жердями'.

Итак, формант -эн употребителен в ижемском и в соседнем с ним верхневычегодском диалектах, а также в некоторых говорах нижневычегодского диалекта, граничащего с предыдущими с юга-запада. В верхнеисольском наряду с -ён функционирует его вариант -насён (<нас+сён), а в верхневашском говоре удорского диалекта — вариант -ныни (<ныт+ни). Формант -ён, характерен только для коми-язьвинского наречия (карта 11). Следовательно, суф. -насён, -ныни, -ён занимают самостоятельные ареалы и представляют собой инновации от "основного" показателя -ён; формант -эн также восходит к общекоми -ён.

МЕСТНЫЙ ПАДЕЖ

-ын/-ин, -ён, -ён

Показателем местного падежа в диалектах коми языков является -ын и лишь в верхневычегодском диалекте коми-зырянского языка вместо -ын выступает -ин, а в нижневычегодском употребительны оба варианта. Примеры: кз. *вёрын* 'в лесу', *карын* 'в городе', кп. *городын* 'в городе'; вв. *Рытнас Варлам Гриша локтис мэ дорэ, а мэнам вурдйас джоджин* (скр. *джоджын*) *куйлэни*. 'Вечером ко мне пришел Григорий Варламович, а мои выдры лежат на полу' [Сорвачева и др. 1966, с. 224]; нв. *гортын* 'дома', *муын* в земле; *пин'ин* 'в зубе', *пэл'ин* 'в ухе' [Сорвачева 1978, с. 37].

В коми-язьвинском наречии, как и в творительном падеже, окончанием местного падежа является -ён (*кёкён* 'в ноге, ногой'). В.И. Лыткин об этом пишет следующее: "Творительный и местный падежи коми-язьвинского диалекта имеют одинаковые окончания -ён, тем не менее мы их считаем двумя падежами, ориентируясь при разрешении этого вопроса на другие диалекты пермских языков, в которых эти падежи вполне дифференцированы, и на определенно-личное склонение, в котором эти падежи в коми-язьвинском диалекте также различаются [Лыткин 1961, с. 44—45]. Ср.:

падеж.	кя.	кп.	кз.	
твор.	<i>чирён</i>	<i>чэрён</i>	<i>чэрён</i>	'топором'
местн.	<i>чирён</i>	<i>чэрын</i>	<i>чэрын, чэрин</i>	'в тополе'

В связи с этим следует сказать, что в древности местный и творительный падежи не были разграничены друг от друга ни по своей функции, ни по *своему* суффиксу (-*өн*, -*ын*). По-видимому, в коми-язьвинском имеет место сохранение более древнего состояния — проявление обще-местного падежа с суф. -*н*. Следы этой недифференцированности мы видим и в древнепермском языке, например: др.-п. *кылон* 'словом', *но н'ималанын* 'славою'...; ср. также удм. *ымын* 'ртом', *кылын* 'словом', которые по значению являются формами творительного падежа, а оформлены суффиксом местного падежа (ср. окончание удм. твор. п. -*эн*) [Совр. к. яз. 1955, с. 143—146].

Как уже отмечалось выше, в современном коми-пермяцком языке эти два падежа являются вполне самостоятельными, поскольку оформлены разными суффиксами [Коми-перм. 1962, с. 187—190, 194—195]. Сохранение застывших формантов древнего местного падежа (когда творительный еще не выделился из местного) чаще всего встречается в наречиях, как: *татён* 'здесь', *кытён* 'где', *важён* и *важын* 'давно', *торйён* и *торйын* 'в отдельности, раздельно' и т.д.; суф. -*өн* в них соответствует суффиксу современного творительного падежа (ср. *зиён* 'осой', *виён* 'маслом' и др.). Приведем также примеры из разных говоров: коч. *татён* *вёли* 'здесь он был', *сэтён оло* 'там он живет', *орччён* 'рядом'; ис. *этатён* 'вот здесь', *эстён* 'тут', *тулысён* 'весной'; вл. *гожумён* шоныт 'летом тепло', *торйён оло* 'отдельно живет'; онык. *тёлён* 'зимой'; ни. *арён* 'осенью', *орччён* 'рядом', *эстён* 'здесь' и т.д.

Это реликты более древнего языкового состояния: предполагается существование общеместного падежа с суф. -*н*, который в зависимости от контекста мог выражать значение места, времени, орудия действия, состояния [Коми-перм. яз. 1962, с. 193]. По этому вопросу имеются различные мнения у разных ученых. Б.А. Серебренников пишет, что гипотеза о происхождении пермского местного и творительного падежей из одного источника, т.е. от древнего локатива с окончанием -*ла*, в настоящее время является наиболее распространенной [Серебренников, 1963, с. 12].

Таким образом, формант -*ин* (< -*ын*) характерен для ареала верхне-вычегодского диалекта, он проявляется также в качестве варианта суф. -*ын* на территории соседнего нижневычегодского диалекта. Формант -*өн*, являясь реликтовой формой, встречается лишь в наречных формах во всех коми диалектах. И только в коми-язьвинском ареале суф. местного падежа является -*өн*, который совпадает с формой творительного падежа (см. карты 9 и 11).

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

-*лан* // -*лэн*'; -*ван* // -*ан*'; -*лаз* + *дорэ*

Приблизительный падеж имеет суф. -*лан*' во всех коми-зырянских диалектах, кроме верхнесысольского -*лэн*', а также в северном, верхнекамском и коми-язьвинском наречиях, в оныковском и нердвинском диалектах коми-пермяцкого языка и -*ван*' (*ан*') — в нижнеиньвенском и кудымкарско-иньвенском диалектах южного наречия языка коми-пермяков. Ср.: скр. *шорлан*' 'к ручью'; вс. *скётыд жарнад пыр локтёныс гортлэн'ыд* (*горт+лэн'+ыд*) Кг. 'скот в жару всегда идет по направлению к дому'; нердв. *клублан*' 'к клубу, по направлению к клубу'; ни. *квубван*' 'к клубу', *ваван*' или *ваан*' 'к воде'; ки. *городван*' 'к городу', *киван*' 'к руке';

кя. *Сулдэрлан* 'к Соликамску', *кэркулан* 'к дому' и т.д. Заметим, что в говоре д. Малый Кожмудор нижневыхегодского диалекта зафиксировано двоякое произношение окончания приблизительного падежа: *-лан'* и *-лэн'*: *милан'*, *милэн'* 'в нашу сторону, к нам', *вөрлан'*, *вөрлэн'* 'в сторону леса', к лесу' [Сорвачева 1978, с. 37].

В ижемском диалекте в значении приблизительного падежа, кроме формы на *-лан'*, используется в говоре с. Ловозеро (на Кольском п-ове) также форма *-лаз* с послелогом *дорэ*: *школалаз дорэ* (ср. к.л. *школалан'*) *муни* 'ушел он в направлении школы', *пошталаз дорэ* (ср. кп. *почталан'*) *мунэ* 'идет он в направлении почты' [Сахарова, Сельков 1976, с. 45]. Это свойственно лишь данному говору ижемского диалекта. Отмечается, что в вымском и ижемском диалектах приблизительный падеж употребляется весьма ограниченно. Так, в вымском говоре вместо имени в приблизительном падеже других говоров иногда употребляется послеложное сочетание в форме вступительного падежа, например: *мэ вылѣ из и бэргѣчыл* (ср. скр. *мэлан'ѣ эз и бэргѣдзчыя*) 'в мою сторону и не обернулся' [ССКЗД, с. 465].

Следовательно, формант приблизительного падежа *-лан'* имеет самое широкое распространение. Его вариант *-лэн'* (<*-лан'*) является характерной чертой верхнесысольского диалекта и представляет самостоятельный ареал; суф. *-лэн'* зафиксирован и в говоре д. Малый Кожмудор нижневыхегодского диалекта в качестве варианта *-лан'*. Формант *-ван'* (>*-ан'*), являясь фонетическим вариантом суф. *-лан'*, характерен только для взо-вых диалектов коми-пермяцкого языка, тем самым также представляет самостоятельный ареал в бассейне р. Иньвы, притока р. Камы. В говоре с. Ловозеро ижемского диалекта (на Кольском п-ове) наряду с *-лан'* используется суф. *-лаз* + послелог *дорэ* для передачи значения приблизительного падежа. Данное явление, по имеющимся данным, носит "островной" характер и является результатом самостоятельного развития (см. карту 11).

ОТДАЛИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

-с'ан'//с'эн'//с'ин'

В большинстве коми-зырянских диалектов суф. отдалительного падежа является *-с'ан'*. Вариант *-с'эн'* (<*-с'ан'*) употребителен в верхнесысольском, лузском и в жешартско-гамском, коквицком, в слудском говорах нижневыхегодского диалекта; остальным говорам последнего диалекта характерен суффикс *-с'ан'* [ССКЗД, с. 466]; [Сорвачева 1978, с. 37]. Примеры: вв. *Мийанѳс катэдлис кѳкйамис-ѳкмис арс'ан тыла рэктини* 'Он (отец) нас брал с собой с восьми-девяти лет на пожоги'; скр. *К. Мийан вѳли гортс'ан'джык* (*горт+с'ан'+дж. 1к*) *вѳралѳны* 'У нас обычно охотились из дому (т.е. не используя лесную избу)'; вс. *Вѳрс'эн' талѳ* (<*тыдалѳ*) *воѳ Мишкаыс* Крв. 'Мишка, видно, из лесу идет'; нв. *вадорс'ан* и *вадорс'эн'* 'от берега', *карс'ан'* и *карс'эн'* 'от города'. Следовательно, в нижневыхегодском диалекте употребляются два варианта окончания отдалительного падежа *-с'ан'* и *-с'эн'*. Фонетический вариант *-с'эн'* свойствен жешартско-гамскому говору, а также говору с. Слудки, а *-с'ан'* характерен говорам Палевицы и Часово. В коквицком говоре и в говоре с. Большая Слудка встречаются оба варианта, но с преобладанием *-с'эн'*. В нижневыхегодском же диалекте в отдалительном падеже зафиксированы также окончания *-ыс'эн'* (= *-ис'эн'*), *-ыс'ан'* (= *-ис'ан'*), употребляющиеся чаще

всего со словами, обозначающими время и место (т.е. с наречными формами). Примеры: *арыс'эн*, *арыс'эн* (ср. л. *арсянь*) 'с осени'; *нэмыс'эн* и *нэмс'ан* (ср. л. *нэмсянь*) 'испокон веков'; *вэкыс'эн* и *вэкыс'ан* (ср. кп. *вэксянь*) 'издавна' и т.д. [Сорвачева 1978, с. 37].

В вымском, летском и удорском диалектах отдалительный падеж, кроме *-сан*, имеет второй суф. *-ыс'өдз* вым., *-ыс'эдз* лет., *-ис'эдз* уд. По своему составу этот суффикс является сложным, состоящим из суф. *-ыс'//-ис'* исходного падежа и *-өдз//эдз* предельного падежа [см. также: Майтинская 1979, с. 117]. Этот суффикс придает значение большей степени отдаленности от того предмета, от которого движется другой предмет. Примеры: вым. *Мэ Вэс'л'аныс'өдз* (л. *Веслянасянь*) *д'ти лун'он локти* 'Я пришел из деревни Весляна за один день'; лет. *Мэ талун йу дорыс'эдз* (л. *дорсянь*) *вас'ө вадзи* 'Сегодня я воду принесла из реки'; уд. *Кур'яас тыв'с'ө ч'өвтис в'өмис' эдзис* 'В залив закинул он невод от устья' [ССКЗД, с. 467].

Говоря о показателе отдалительного падежа *-ис'эдз*, бытующем в верхневашском говоре, В.А. Сорвачева указывает, что он означает ограничение движения, но в отличие от показателя предельного падежа *-эдз*, показывающего ограничение движения с конца, показывает ограничение движения с начала, напр.: *Ватш'өтинис'эдз н'и толун локс'а* 'Сегодня уже иду от деревни Усть-Вачерская'.

В верхневашском же говоре некоторые слова с временным значением принимают показатель *-ис'т'өм* (*ис'т'-т'өм*), как: *асулис'т'өм* 'с утра', *пон'иис'т'өм* 'с малых лет', *пэрвэис'т'өм* 'с первого раза'. Ср. в контексте: *Асулис'т'өм к'ө м'өдан* — *суан* 'С утра пойдешь — застанешь', *Пон'иис'т'өм йил'өм'ө вэлапин'ө йукын овны* 'С малых лет дети привыкли вместе жить', *Пэрвэис'т'өм бурас олины* 'С самого начала хорошо жили' [Сорвачева, 1950, с. 58].

В коми-язьвинском, как и в коми-пермяцком литературном языке и в большинстве коми-зырянских диалектов, суф. отдалительного падежа является *-сан*: *вөлт'өрс'ан* 'от тела', *аймамс'ан* 'от родителей, из-за родителей'.

В коми-пермяцком языке формант *-сан* отдалительного падежа имеет распространение в нижнеиньвенском диалекте, в говорах Средней Иньвы, а также в косинско-камском диалекте (кроме чураковского говора), мысовском и верх-лупьинском северного наречия. Примеры: ни. *гортс'ан* 'из дому, от дому', *д'эрэвн'ас'ан* 'от деревни'; ср. -и. *морозс'ан* 'от мороза', *шондис'ан* 'от солнца'; гаин. *вот сыс'ан тол'ко* 'вот из-за этого только'; ис. *тас'ан муник'ө* 'уезжая отсюда'; мыс. *т'өлс'ан* 'от ветра'; вл. *тас'ан* 'отсюда', *сыс'ан* и *сыс'ин* 'поэтому', *Лупс'ан'ис* (< *Луп+сан'+ис*) 'из Лупы, от Лупы', *б'өрс'ан'ис* 'сзади, после', *армиас'ан'ис* (< *армиа+тс'ан'ис*) 'из армии' и т.д.

Кроме форманта *-сан*, в разных диалектах и говорах употребляются его фонетические варианты *-сэн* и *-син*.

В северном наречии вариант *-син* встречается изредка в говорах кочевского диалекта: в большекочинском, петуховском и юксеевском, а также в чураковском говоре косинско-камского диалекта. Ср. примеры: бк. *сыллис'ан* и *тонгис* 'с него он и упал', *корс'ин'д'эн'гас'ө с'эт'алас'ө* 'С какого времени деньги дадут' (ср. коч. *ыбс'ан* *лок'тас* 'С поля он придет'); лев. *Пу вылс'ан ус'л'өм* 'С дерева когда-то он падал'; чур. *Они кыс'ан лос'ис* 'А теперь откуда стало (получилось)', но: *эс'син* 'с этого места', *эс'чин* 'вот там'; гаин. *вот сыс'ан тол'ко* 'Вот только поэтому (из-за этого)', ис. *тас'ан муник'ө* 'Уезжая отсюда'; мыс. *т'өвс'ан'* 'от ветра' и т.д.

В большинстве говоров кудымкарско-иньвенского диалекта у отдалительного падежа выявляются окончания *-с'ин'*, *-с'эн'*, *-с'ан'* (ср. лит. *-сянь*): в верх-иньвенском *-с'ин'* (*гортс'ин'* 'из дому', *траквис'ин'* 'с тракта'; *грипс'ин'* *вис'ö* 'От гриппа болеет'; *Сыс'ан'* и *бос'ти* 'Поэтому я и взял'); в деминском *-с'ин'/-с'эн'* (*Сыбöрс'ин'* *воктис* 'Потом он пришел', *Опт'экас'ин'* и *нуöтис* 'из аптеки он и увел', *По т'эл'эпону татис'эн'* *баутомас'* 'По телефону отсюда переговорили'); в белоевском *-с'ин'* (*Сиа аймамс'ин'* 'Это из-за родителей', *Пэрэмс'ин'* *воктöны* 'Из Перми едут'). В кувинском и косогорском говорах отдалительный падеж имеет окончания *-с'ин'*, *-с'эн'*, *-с'ан'*. Примеры: кув. *кыс'эн'* *воктан* 'Откуда идешь', *Жарс'ин'ис* *воис* 'От жары случилось', *Сиа вампас'ин'* 'Это от лампы' (все три варианта окончания одинаково употребительны); косог. *йуринас'ин'* 'от Юрино', *пэрэмс'ин'* 'от Перми', *армиас'эн'* 'из армии', *тас'эн'* 'отсюда', *горвыс'ан'* 'с печи' (окончание *-с'ин'* более употребительно).

В самковском говоре окончанием отдалительного падежа является *-с'эн'* и изредка *-с'ин'*, например: *А сыбöрс'ан'* *сиазд дыр оз вэс'кав* 'А потом ведь он долго не поправится'; *А нывкаыс мэнам нучокöс'эн'* 'А девочка от внука моего'; *Сыбöрс'ин'* *гортин пони овны* 'потом дома я стал жить'. В отевском говоре употребителен *-с'ин'* (вариант *-с'ан'* встречается очень редко): *Кыс'ин'* *тэ?* 'Откуда ты?' *тöнс'ин'* *уджаö* 'со вчерашнего дня работает'; *Тас'ин'* *йорс трицэт* 'Отсюда верст тридцать'; *пэрэмс'ан'* *воввисö* 'Из Перми приезжали они'.

В хайдукском говоре выступает окончание *-с'ин'* (*Воктисö йöгвас'ин'* 'Пришли они из Егвы', *Кайдуks'ин'ис* *перекод эм* 'От Хайдука переход есть').

В верх-юсьвинском говоре (тоже кудымкарско-иньвенского диалекта) формантом отдалительного падежа является *-с'ан'*: *Совкозс'ан'* *н'и* 'уже от совхоза', *Ок тöд мыйс'ан'* 'Не знаю отчего, почему', но: *Валкöt öд'д'өн* *вывис'ин'* *моз* 'Придави сильнее сверху'. Вариант *-с'ин'* в этом говоре встречается редко.

Суф. *-с'ин'* является характерной чертой оньковского диалекта, ср.: *Вöрс'ин'* *пэтус* 'Из лесу он вышел', *Вас'ин'* *шэдö* 'Из воды попадается', *Айс'ин'* *быдöс сидз* 'Все из-за отца так' и др.

В нердвинском диалекте в отдалительном падеже также употребителен суф. *-с'ин'* и редко *-с'эн'*, ср.: *Сыбöрс'ин'* *ог и думайт* 'Потом и не думаю' *Юр вис'ö* *брагас'ин'* 'Голова болит от браги', *Тэс'ин'* *тол'ко лэчча* 'Только из-за тебя приеду', *Кыс'эн'тэ?* 'Откуда ты?' и др.

В верхнекамском наречии, как и в кувинском и косогорском говорах кудымкарско-иньвенского диалекта южного наречия, существуют три варианта окончания отдалительного падежа: *-с'ан'*, *-с'эн'*, *-с'ин'*, которые одинаково употребительны: *Кычко зородс'ан'* *ус'и* 'Как-то с зарода я упал', *Пэрвöй мыжыкс'ан'* 'От первого мужа', *Мэ ог тöд мыйс'эн'* 'Я не знаю, отчего (почему)', *бан'ас'эн'* *шоньиджык* 'После бани теплей', *кэркас'ин'* *пэтан* 'Из дому выйдешь', *Ыллас'ин'* *пыран* 'С улицы заходишь' и др.

Весьма возможно, что вариант *-с'эн'* в говорах является переходной ступенью между *-с'ан'* и *-с'ин'*.

Заметим, что в верх-лупыинском диалекте наряду с суф. *-с'ан'* употребляется и его вариант *-с'ан'ис*. Элемент *-ис* (притяжательно-указательный суффикс) является коаффиксом. В южных говорах встречается аналогичный сложный суф. *-с'ан'ас*, а например, в косогорском и кувинском *-с'ин'ис* (*-с'ин'+ис*). Все это варианты одного суффикса, ср.: вл. *гортс'ан'ис* (< *горст+с'ан'+ис*) в том же значении; косог. *йурвас'ин'ис* (< *йур-*

ва+с'ин'+ус) 'из (от) Юрлы'; кув. *Бэвойовс'ин'ус* (< *Бэвойов+с'ин'+ус*) 'из Блоево' и др.; ср. также в отевском (*мартс'ин'ус* 'с марта, от марта'), хайдукском (*Кайдукс'ин'ус* 'из Хайдука') и др. Сложный суф. -с'ан'ус (-с'эн'ус, -с'ин'ус), -с'ан'ас указывает на то, что действие исходит от какого-то предмета, но и одновременно изнутри его (примеры см. выше).

Итак, основным показателем отдалительного падежа является формант -с'ан'. Его вариант -с'эн' (<-с'ан') характерен для верхнесыольского и лузского диалектов; в качестве варианта суф. -с'ан' выступает и в нижневичегодском коми-зырянского языка (см. карты 1, 11), а также в ряде говоров кудымкарско-иньвенского диалекта (в самковском, кувинском, косогорском и др.) коми-пермяцкого языка. Вариант -с'ин' (<-с'эн'<-с'ан') является характерной чертой оньковского и нердвинского диалектов, а также большинства говоров кудымкарско-иньвенского диалекта (верхиньвенского, деминского, самковского, кувинского, косогорского, отевского, хайдукского и др.); изредка выступает в кочевском диалекте (в большекочинском, петуховском и юксеевском говорах) и в чураковском говоре косинско-камского диалекта языка коми-пермяков. Следовательно, изоглосса данного явления (-с'ин'<-с'эн'<-с'ан') тянется с юга (от Онеи) к северу.

Сложные суф. -ыс'ан'//-ус'ан' и -ыс'эн'//-ус'эн' наряду с -с'ан'//-с'эн' выступают в говорах с. Коквицы и Большая Слудка нижневичегодского диалекта коми-зырян; суф. -с'ан'ус (<-с'ан'+ус) в верх-лупьинском диалекте (на севере), а суф. -с'ин'ус (<-с'ин'+ус) в косогорском и кувинском (являющихся соседними) кудымкарско-иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка.

Суф. -ыс'одз (<-ыс'+одз) и его варианты -ыс'эдз (<-ыс'+одз) и -ус'эдз (<-ыс'+одз) соответственно употребляются в вымском, летском и удорском диалектах наряду с суф. -с'ан'. Таким образом, изоглосса данного явления тянется с юга (с р. Летка) к северо-западу, до верхней Вашки (см. карту 11).

ИСХОДНЫЙ ПАДЕЖ

-ыс'//-ус'

В большинстве коми-зырянских диалектов формантом исходного падежа является -ыс', только в верхневичегодском и удорском диалектах, как и в коми-пермяцком языке и в коми-язьвинском наречии, употребляется -ус', а в нижневичегодском употребительны оба варианта: -ыс' и -ус'. Заметим, что в последнем падежные окончания с гласными *о* и *ы* подвергаются фонетической модификации — палатализации, если основа слова оканчивается на мягкий согласный или переднерядный гласный. Исключением является коквицкий говор, где функционируют передние гласные *э*, *и* (падежные окончания с огласовкой *э* и *и* употребляются и в часовском говоре) [Сорвачева 1978, с. 36—37; см. также: ССКЗД, с. 446—467].

В верхнекамском наречии (в речи кировских пермяков) и в верх-лупьинском диалекте северного наречия наряду с суф. исходного падежа -ус' встречается -ыс', но -ус' более распространен, например: вк. *мага-з'инис* 'из магазина', *кн'игаис* 'из книги', но: *гортыс* 'из дому'; вл. *татис' мысис* 'отсюда из Мысово', *ниа Лупис* 'они из Лупьи', но: *эз Моск-ваыс* 'не из Москвы'.

Диалектные данные показывают, что формант исходного падежа -ыс'

является характерной чертой большинства коми-зырянских диалектов, в качестве варианта он выступает в нижневычегодском диалекте, а также в верхнекамском наречии и верх-лупинском диалекте северного наречия языка коми-пермяков.

Суф. *-ис'* (< *-ыс'*) употребляется во всех остальных коми-пермяцких диалектах, в том числе и в коми-язьвинском и верхнекамском наречиях, т.е. является общепермяцкой чертой (см. карту 8).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

-с'а

Характерную особенность коми-пермяцкого языка представляет собой сравнительный падеж на *-с'а* во всех его диалектах. Имеется он и в языке кировских пермяков, не отмечен лишь в коми-язьвинском наречии [Коми-перм. яз. 1962, с. 189; см. также: Лыткин 1961, с. 44–47].

Данная падежная форма имеется в лузско-летском, верхнесысольском и среднесысольском диалектах коми-зырян, например: вс.сс. *Ош кӧинс'а йонжык* 'Медведь сильнее волка'; вс. *Кагас'а этиажык с'ойӧ* 'Есть меньше ребенка'; лет. *Мэ тэс'с'а пӧрыс'жык* 'Я старше тебя', *нылкас'а буржык* 'лучше девочки'. В других коми-зырянских говорах функции этого падежа выполняет исходный падеж. В верхнесысольском диалекте сравнительный падеж употребляется вместо послелoga *кындзи* 'кроме' других коми говоров, например: *н'эн'с'а н'эмтор абу* (скр. *Н'ан'ыс' кындзи н'инӧм абу*) 'Кроме хлеба, ничего нет'. *Н'эмтор оз тӧд* (скр. *таыс' кындзи н'инӧм оз тӧд*) 'Кроме этого, ничего не знаю'.

Следует сказать, что функции сравнительного падежа, например, верхнесысольского диалекта полностью совпадают с функциями рассматриваемого падежа в коми-пермяцких диалектах [Жилина 1975, с. 72].

Отметим, что территория функционирования данного падежа представляет компактный ареал (см. карты 1, 8), так как указанные диалекты коми-зырянского языка, имеющие в структуре склонения имен сравнительный падеж, являются окраинными (южными), примыкающими с северо-запада к территории Коми-Пермяцкого автономного округа.

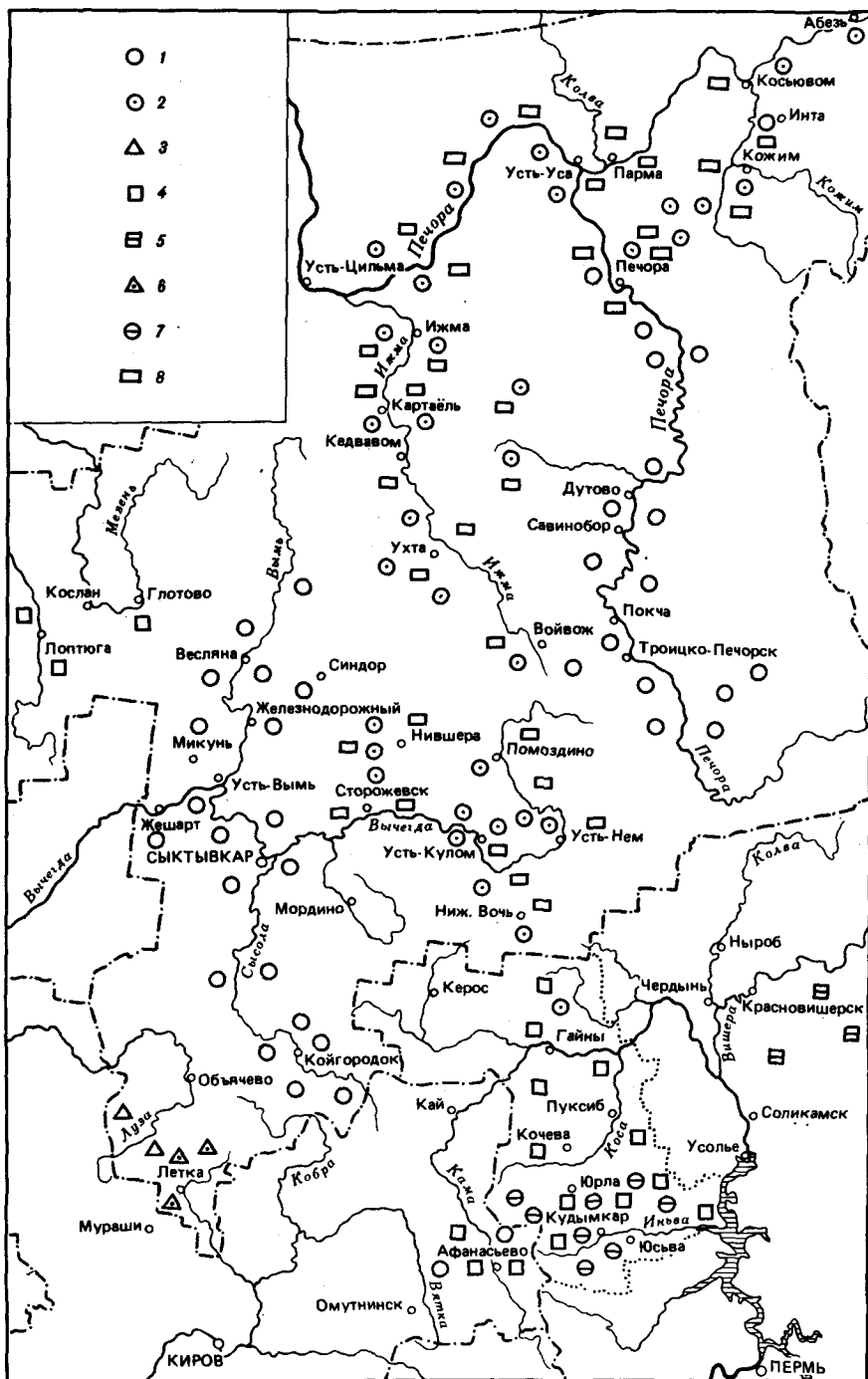
СОЕДИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

-кӧд// -кэд// -кыд; -кӧт// -кэт; -мыд

В большинстве коми-зырянских диалектов суф. соединительного падежа является *-кӧд* (в присыктивкарском, нижневычегодском, верхнесысольском, среднесысольском, печорском и вымском), его вариант *-кэд* употребляется в верхневычегодском и ижемском, *-кыд* — в лузском, *-кӧт* — в удорском. Последний выступает во всех диалектах коми-пермяцкого языка, в том числе и в верхнекамском наречии и в коми-язьвинском (*-кэт*). Следует отметить, что наряду с *-кӧт* в речи кировских пермяков в качестве варианта выступает *-кӧд* (последний менее употребителен). Примеры: вк. *ниакӧт* 'с ними', *пашэн'атакӧт* 'с пашенятами', *тэкӧд* 'с тобой', *пасӧнӧгыскӧт* 'с пасынком', *мамкӧт* 'с матерью'; кя.

Карта 12. Особенности падежных форм и территория их распространения:

формы соед.п.: 1 — *-кӧд*, 2 — *-кэд*, 3 — *-кыд*, 4 — *-кӧт*, 5 — *-кэт*, 6 — *-мыд*; род.п.: 7 — *-вон*, 8 — *-лэн*.

кинкөт 'с кем', сойкөт 'с сестрой', зонкөт 'с сыном', ср. кп.: кинкӧт 'с кем', сойкӧт, зонкӧт.

В лузско-летском диалекте формант соединительного падежа *-мыд* является характерной чертой его говоров. Примеры: лет. Кат'амыд вэт-лим вӧро 'С Катей ходили в лес', Тэмыд кыкӧн йувам чай 'С тобой вдвоем пьем чай'.

Итак, еще раз отметим, что в большинстве коми-зырянских диалектов употребителен суф. соединительного падежа *-кӧд*, для коми-пермяцких говоров и удорского диалекта коми-зырян характерен формант *-кӧт*, коми-язьвинского наречия — *-кет*. Последние два варианта представляют самостоятельные ареалы, а изоглосса на *-кӧт* тянется с юга (с Камы) на северо-запад (к Мезени).

Вариант *-кэд* является характерной чертой верхневьчегодского и соседнего с ним с севера — ижемского диалектов коми-зырянского языка. Другой вариант *-кыд* отмечен только в лузском диалекте. Оба форманта *-кед* и *-кыд* функционируют на ограниченной территории. То же самое следует сказать о специфическом суффиксе *-мыд*, выступающем в летском говоре (карта 12).

ЛИШИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

-тӧгэ // -төг; -тӧгӧа // -тӧгӧи; -тӧг

Почти во всех диалектах коми языков суф. лишительного падежа является *-тог*, его фонетический вариант *-тэг* функционирует только в ареале верхневьчегодского и соседнего с ним ижемского диалектов. На территории коми-язьвинского наречия выступает формант *-тег*. Примеры: вв. д'эн'гатӧг 'без денег', кукан'тэг 'без теленка'; иж. мамтэг 'без матери', китэг-кок'тэг 'без рук, без ног'; кя. з'ат'тег 'без зятя'; кп. турунтӧг 'без сена', н'ан'тӧг 'без хлеба' и др.

В ареале верхнесысольского, ижемского и удорского диалектов коми-зырян наряду с *-тӧг* употребительна форма *-тӧгӧа*, вс. *-тӧгӧи*; Ср. примеры: иж. Ивантэгӧа оз мун 'Без Ивана не пойду'. Чэл'ад'тэгӧа вэтлэ 'Без ребенка ходит'; вс. Кок бед'тӧг оз вэтлы Гр. 'Ноги (у меня) без палки не ходят'. Н'ан'тӧгӧа он ол 'Без хлеба не проживешь'; уд. улӧстэг 'без стула', Н'эв-эстатӧгӧа оз ло 'Без невесты не будет'.

В некоторых диалектах коми-пермяцкого языка к окончанию лишительного падежа могут присоединяться лично-притяжательные суф. *-йам*, *-йат*, *-йас* (в ед. числе) и *-йаным*, *-йаныт*, *-йаныс* (во мн. числе), например: чур. с'ӧкыт йӧлтӧгӧйс олны 'трудно жить без молока'; коч. с'интӧгӧйт умӧл 'Плохо без глаз'. Ниа айтӧгӧиыс строиччисӧ 'Они отстроились без отца' и др. Чаще всего из этих осложненных падежных окончаний встречаются форманты *-тӧгӧят (-тӧгӧйт)*, *-тӧгӧас (-тӧгӧис)*; остальные употребляются реже, поскольку их значение обычно передается описательно. Нужно заметить, что звук *а* (*ја*) (их варианты *-тӧгӧис*, *-тӧгӧит*, по-видимому, результат более поздних фонетических изменений) встречается и в некоторых коми-зырянских диалектах.

Таким образом, ареал распространения варианта *-тэг* (< *-тӧг*) данного падежа занимает территорию верхневьчегодского и соседнего с ним ижемского диалектов. Формат *-төг* характерен для коми-язьвинского наречия и представляет собой замкнутый ареал (см. карту 8).

-öd// -эд; -öt// -от; -ти, -ет

В качестве формантов переходного падежа в диалектах коми языков встречаются: -öd, -эд, -öt, -от, -ти, -ет.

Суф. -öd употребителен в ареале присыктивкарского, нижневьчегодского, лузско-летского, верхнесысольского, среднесысольского, печорского, вымского и удорского диалектов; -эд — в ижемском, и верхневьчегодском, а также наряду с -öd имеется в отдельных говорах нижневьчегодского диалекта.

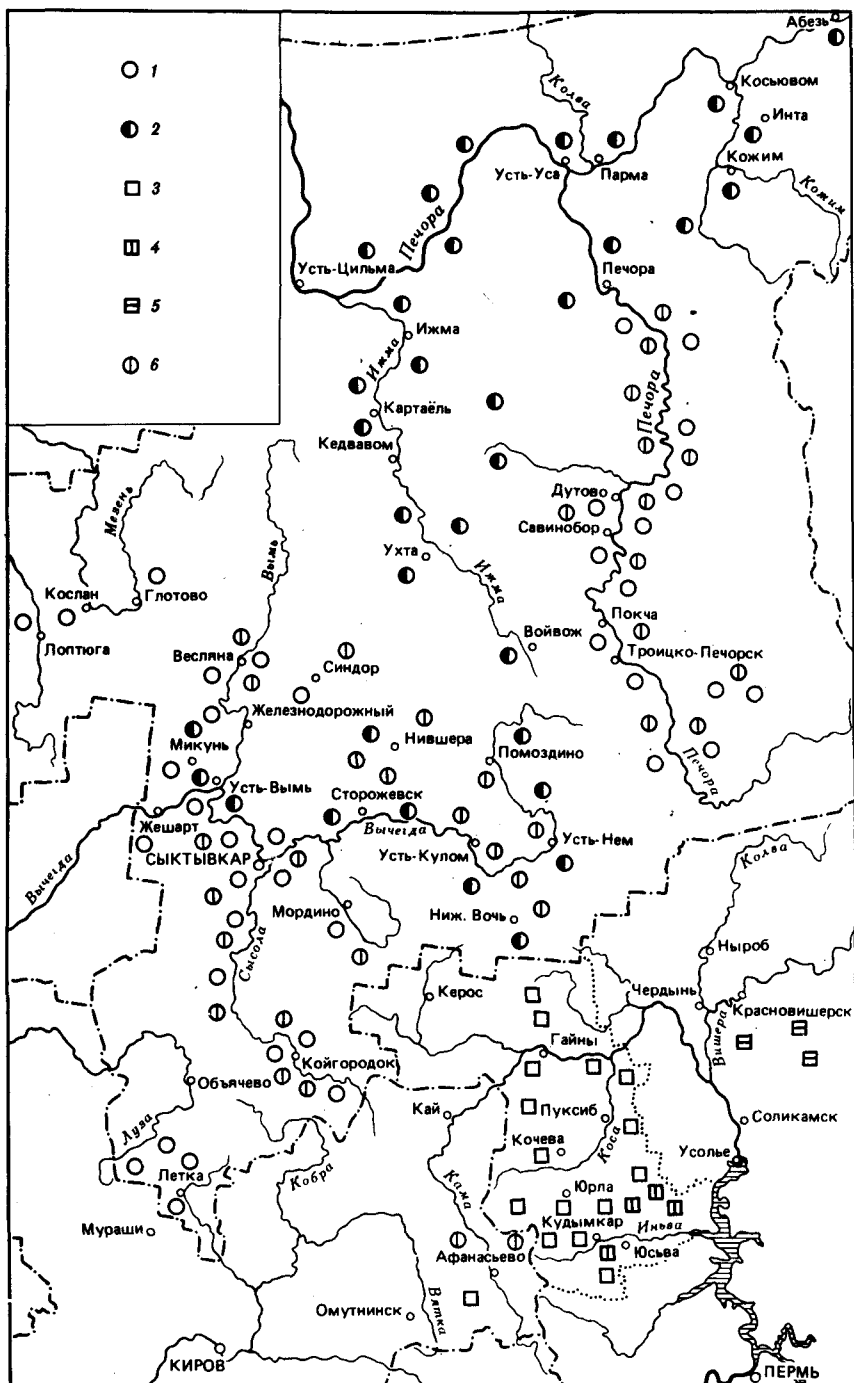
Окончание -öt характерно для всех коми-пермяцких говоров, включая и коми-язьвинское наречие (в последнем -ет). Вариант -öt → ot' характерен для нижнеиньвенских и среднеиньвенских говоров, а также оньковского диалекта южного наречия, например: vöröt (ср. л. vöröt) 'по лесу', ср. кя. vурөт; ötöröt' (л. ötöröt) 'по улице, на воздухе'. По территории распространения суф. -öt' занимает южную часть южного наречия, а также его северо-восточную часть. Примеры: косог. Gainäöt' зэрис 'В Гайнах был дождь. Ыböт' н'ат' 'по полю грязно'; от. Йумйöt' гон'айтис 'Через Юм он ускакал'; мелех. көз уввэс пытшкöt' 'сквозь еловые ветки', пр'амо vöröt 'прямо через лес'; хайд. ваöt' 'по воде', турунöt' 'по траве' и др. (см. карты 1, 13).

Следует отметить, что суф. -öt (твердый вариант суф. -öt') занимает небольшую территорию собственно кудымкарско-иньвенского диалекта — охватывает населенные пункты верх-юсьвинского, верх-иньвенского, деминского, егвинского, ошибского, егоровского, белоевского и кувинского сельсоветов [Баталова 1975, с. 155—156]. Во всех северных диалектах языка коми-пермяков окончанием переходного падежа, как и в литературном языке, является -öt, ср. коч. тэнат д'эрэвн'а ултöt 'По низу твоей деревни'; лев. Мунöма ыббззöt 'Прошелся он по полям'; пукс. горт гöгöрöt 'вокруг дома'; чур. vör дорöt 'по краю леса'; гаин. Ваöt вуджи 'Перешел я речку'; ис. öшынöt пэтны 'выйти в окно, через окно'; мыс. котöртны vöröt 'бежать по лесу, через лес' и др.

Падежный суф. -ти, наряду с -öd или -эд, в коми-зырянском выступает в присыктивкарском, верхневьчегодском, верхнесысольском, среднесысольском, печорском и вымском диалектах [ССКЗД, с. 466], а в коми-пермяцких диалектах -ти встречается как реликтовое явление лишь в некоторых наречных и послеложных формах, напр.: сы с'öрти 'по нему', эсти 'по этому месту', тати 'здесь, около нас', лун бöрти 'через день', увти 'по низу' и т.п. А в верхнекамском наречии падежное окончание -ти является характерной чертой его, например: счан'инти 'по той стороне', Камати взтлö мэлкöй рыба 'По Каме ходит мелкая рыба'; Ул'ичати мунас да 'По улице пройдет да' и др. Лишь в единственном случае зафиксировано окончание -öt, ср.: шут'омйасöt мунö 'по выпасу идет'.

Принято считать, что в основе общепермского суф. переходного падежа -ти прослеживается финно-угорский локатив на -т. Если суф. -ти в коми языках имеет довольно узкое распространение, то в удмуртском языке оно является продуктивным падежным формантом: ср.: к. вати 'по воде', удм. гуртэти 'по деревне, вдоль по деревне', н'улэсти 'через лес' и др. [ОснФУЯз, 1, 1974, с. 251]. Следовательно, суф. переходного падежа -ти употребляется на территории распространения говоров верхнекамского наречия, т.е. в речи кировских пермяков, а в перечисленных выше коми-зырянских диалектах суф. -ти находится в зоне вибрации. Суф. -ет имеет-

- 1
- 2
- 3
- ▣ 4
- ▢ 5
- ⊙ 6

ся только в ареале распространения коми-язьвинцев. Вариант *-эд* (< *-öđ*) является характерной чертой ижемского диалекта, он проявляется также в качестве варианта суф. *-öđ* (наряду с ним) в соседнем — в верхневычегодском диалекте коми-зырянского языка. Таким образом, данный вариант функционирует на компактной территории (карта 13).

ПРЕДЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

-öđz// -эдз; -өдз

Окончаниями данного падежа являются *-öđz*, *-эдз* (< *-öđz*) и *-өдз* (< *-өз'*), последний характерен для коми-язьвинского наречия.

Суф. *-öđz* употребляется в ареале присыктывкарского, нижневычегодского, среднесысольского, верхнесысольского, печорского и вымского диалектов коми-зырянского языка, а также во всех диалектах коми-пермяцкого языка, включая говоры верхнекамского наречия.

Вариант *-эдз* (< *-öđz*) употребителен в лузско-летском, нижневычегодском, верхневычегодском, удорском и ижемском диалектах коми-зырянского языка. В нижневычегодском диалекте суф. *-эдз* выступает наряду с *-öđz*. Вариант *-эдз* появляется также в отдельных словах в потоке речи в окраинном верх-лупьинском диалекте, граничащем с севера с верхневычегодским диалектом коми-зырянского языка. Примеры: вл. *lok тащэдз* 'иди сюда, до этого места', но: *рытöдз уджалö* 'работает до вечера'; вв. *арэдз* 'до осени' и др. Суф. *-эдз* на территории Коми АССР выступает в южных и северо-восточных диалектах коми-зырян и представляет довольно обширный ареал.

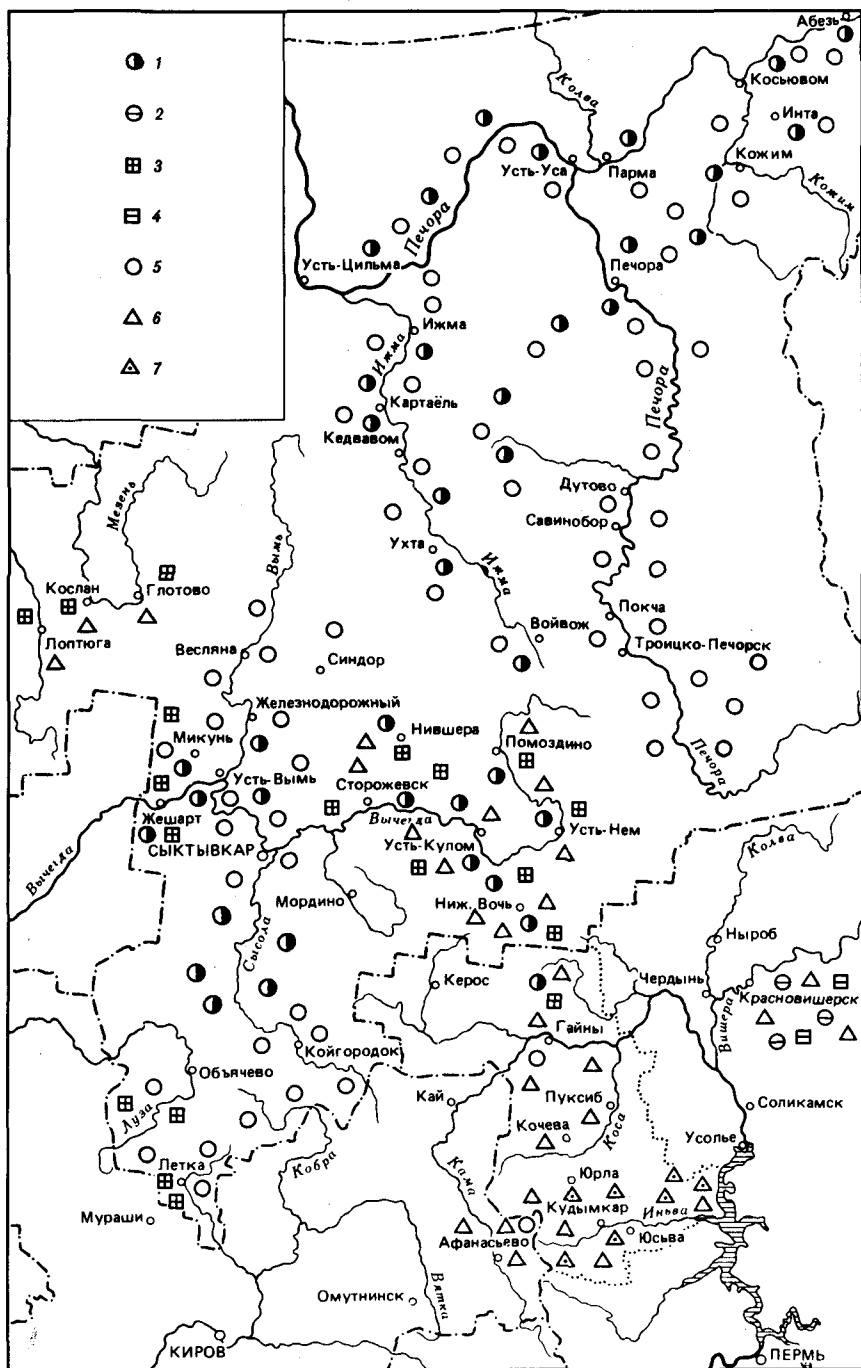
Итак, изоглосса тянется с юга (с Лузы и Летки) на Нижнюю Вычегду, затем на Удору, оттуда — Ижму, с Ижмы — на верхнюю Вычегду (к югу) и далее — к юго-востоку, на верхнюю Лупью — на северную часть Коми-Пермяцкого автономного округа (карта 14).

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

-ö// -э; -ө

Формантом вступительного падежа в диалектах коми языков является *-ö* и его вариант *-э* (< *-ö*). Суф. *-ö* употребляется во всех диалектах коми-пермяцкого языка, в речи кировских пермяков, а также в большинстве диалектов языка коми-зырян, за исключением верхневычегодского и ижемского диалектов (где выступает звук *-э*), а также нижневычегодского, в котором вариант *-э* употребляется в ряде говоров на месте *-ö*. Из последнего диалекта следует выделить прежде всего коквицкий говор, жешартско-гамский (в нем употребление *и* и *э* в первом слове связано с качеством предшествующего им согласного или гласного), а также палевицко-пожегодский и часовский говоры, в которых употребление *и* и *э* в первом слове слова находится в известной зависимости от гласного и соседних согласных [Сорвачева 1978, с. 19–20]. В соседнем с нижневычегодским — в среднесысольском диалекте — также употребляется

←
Карта 13. Особенности падежных форм и территория их распространения:
формы перех.п.: 1 — *-öđ*, 2 — *-эд*, 3 — *-öt*, 4 — *-öt'*, 5 — *-өт*, 6 — *-тi*.

вариант -э [Колегова, Бараксанов 1980, с. 28, 31]. Следовательно, суф. -э занимает компактную территорию.

В коми-язьвинском наречии суффиксом вступительного падежа выступает -ө (вүрө 'в лес', көгнаө 'в копну', күз'инө 'в подарок' и др.) и составляет замкнутый ареал (см. карту 14).

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

-лөн// -лэн; -вён// -ён; -лан

В большинстве диалектов коми языков суф. родительного падежа является -лөн. Его вариант -лэн выступает только в верхневычегодском и ижемском (в соседнем с первым) диалектах коми-зырянского языка, напр.: вв. *Йаким Прокэлэн сэни нэрис йылас и йэм* 'На пригорке Яким Прока и есть'; иж. *Айыс сылэн вёли йармангаын* (к.л. *йарманга вылын*) *тöргуйтэ* (Мохча). 'Отец его торговал на ярмарке'.

В взовых диалектах южного наречия коми-пермяков (в нижнеиньвенском и кудымкарско-иньвенском) в родительном падеже окончаниями являются -вён (после основы на согласный) и -ён (после основы на гласный), ср. примеры: и. *мöсвөн* 'коровы', *бал'аён* (или *бал'ав'ён* — редко) 'у овцы', *сойвөн* 'у сестры', *Аннаён* (вм. *Аннавён*) 'у Анны'; ср. онык. нердв. и лит.: *мöслөн, балялөн, сойлөн, Анналөн*.

Суф. -вён и -ён являются вариантами падежного окончания -лөн.

В коми-язьвинском наречии в родительном падеже окончание -лан: *өжөзөлан* 'у моих овец', *өжйөзнимлан* 'у наших овец', *Н'ималлан кэркуп'ан вэлис йүйс* 'У зайца избушка была из льда' [Лыткин 1961, с. 44]. Это специфическая черта данного наречия (см. карту 12).

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

-лыс'// -лис'; -вис'// -ис'

В коми-зырянском языке в качестве суф. притяжательного падежа почти во всех диалектах выступает -лыс', за исключением верхневычегодского и удорского, в которых употребляется окончание -лис'. Формант -лис' является характерной чертой коми-пермяцкого языка и коми-язьвинского наречия. Он употребителен и в верхнекамском наречии, но как вариант суф. -лыс'. В последнем это явление фонетической вибрации. Примеры: *Мамлыс' оз пол* 'Матери не боится', *Кинлис' бос'тин?* 'У кого ты взял?' *Коклыс' шогсö* 'Боль-то ноги' и др.

В иньвенских (в нижнеиньвенском и кудымкарско-иньвенском) диалектах форманты притяжательного падежа -вис' (<-лис'), -ис' (<-вис'). Суф. -вис' выступает в словах с основой на согласный, а -ис' — в словах с основой на гласный. Примеры: *вонвис'* (л. *вонлись*) 'у брата', *Иванвис'* 'у Ивана', *Певраис'* 'у Февроньи', *сылс'* (л. *сылись*) 'у него'; ср. онык. нердв. сев.: *вонлис', Иванлис', Пэвралис', сылис'*.

Распространение суф. притяжательного падежа -лыс' (на территории

←
Карта 14. Особенности падежных форм и территория их распространения:

формы выступ.п.: 1 — -э, 2 — -ө; пред.п.: 3 — -эдэ, 4 — -өдэ; прит.п.: 5 — -лыс', 6 — -лис', 7 — -вис'

Коми АССР) и *-лис'* (на территории Коми-Пермяцкого автономного округа), а также *-вис'* (и его варианта *-ис'*) представляет четкие ареалы. Наличие суф. *-лис'* на территории коми-зырян носит "островной" характер: удорский говор относится к группе северо-западных, а верхневычегодский — юго-восточных (см. карту 14).

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ

-джык

К зоне распространения данного суффикса относятся диалекты — ижемский, вымский, нижневычегодский, присыктивкарский (в говоре с. Шошки наряду с *-джык* употребляется также *-жык*), говор с. Поруб летского диалекта, верхнесысольский (видимо, за исключением говоров Кобры и Койгорodka) [Жилина 1975, с. 91—92].

-джик

Суф. *-джик* употребляется в ареале верхневычегодского диалекта коми-зырянского языка и в коми-язьвинском наречии, территории которых некогда были сопредельными; позднее между ними появилась полоса русских переселенцев.

-джыг

Суф. *-джыг* употребляется только на территории летских пермяков (за исключением говоров с. Ловли, Поруба, Объячево) коми-зырянского языка (карта 15).

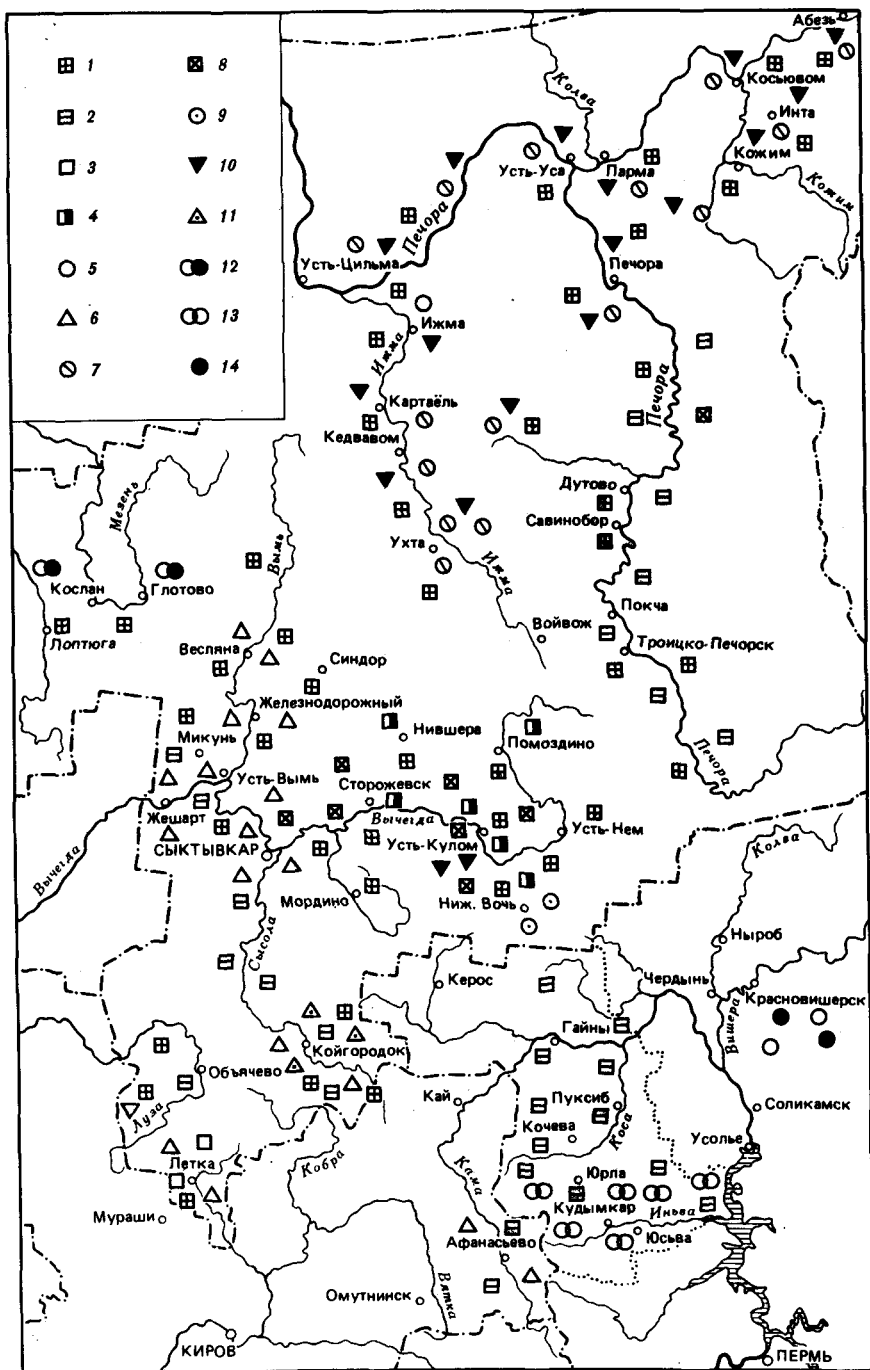
-джиг

На территории коми-язьвинцев финским ученым А. Генецом в 1889 г. был зафиксирован суф. *-джиг* (*-žig*) [Генец, 1889]. Аналогичный формант зафиксирован в древнепермском языке (*-žig*) и лепехинском слове (*-žig*) [Лыткин, 1952₃, с. 117, 158].

В.И. Лыткин предполагает, что суф. *-джиг* (*-джыг*) со звонким *г* на конце является первичным [Лыткин 1961, с. 58]. Следовательно, можно предполагать, что в летском диалекте сохранилась более древняя форма рассматриваемого суффикса. Но вместе с тем, например, в говоре с. Летки наряду с *-джыг* употребляются *-джык* и *-жык*. Примеры: *с'оджыг* 'чернее', *этшаджык* 'меньше', *с'т'экл'утны йонджыгасо* 'застеклить как следует (букв. крепче)', *матынжык олö* 'ближе живет' и др. Такое колебание в употреблении суф. сравнительной степени *-джык*, по-видимому, свидетельствует о наличии процесса изменения звукового состава этого суффикса. Исходя из имеющихся исследований о происхождении данного суф. *-джык*, трудно сказать, в каком направлении развивается рассматриваемое явление [Д. Фокош-Фукс — FUF XXX, с. 157; Raun A. — FUF XXX, с. 384; Серебренников 1963, с. 161—162; Тепляшина 1964,

Карта 15. I. Варианты суф. сравнительной степени: 1 — *-джык*, 2 — *-жык*, 3 — *-джыг*, 4 — *-джик*, 5 — *-джөк*.

II. Суффиксы со значением ограничения: 6 — *-го́м*, 7 — *-гэм*, 8 — *-гов*, 9 — *-гол*, 10 — *-гоо*, 11 — *-вэ́йа*, 12 — *-вэ́йта*, 13 — *-вэ́вйа*, 14 — *-вэ́лйа*.

с. 136—145; Майтинская 1979; с. 146—147; см. также: Лыткин 1961, с. 58]. Если принять точку зрения В.И. Лыткина о первичности суф. *-джыг* [Лыткин, 1961, с. 58], то остаются невыясненными два варианта: *-джык* и *жык*. Если же принять гипотезу происхождения суф. *-джык* от наречия *жук*, некогда означавшего 'очень' [Тепляшина 1964; Серебренников 1963, с. 160—163], то в таком случае трудно объяснить употребление его другого варианта — *жык*, имеющего также довольно широкое распространение. Ясно одно: они оба имеют общий источник происхождения и являются вариантами одного и того же суффикса. Предполагать, что суф. *жык* < *-джык* в результате деаффрикатизации, ныне не представляется возможным, потому что в настоящее время в языке коми-пермяков (чаще в северных и верхнекамских говорах), наоборот, действует процесс аффрикатизации начального звука *ж* из суф. *жык* в позиции после согласных *т* и *д* и аффрикаты *дз*. Примеры: *курыт* — *курытджык* 'горький — горче', *гörd* — *гördджык* 'красный — краснее', *одз* — *одзджык* 'рано — раньше', но: *абужык* 'меньше', *буржык* 'лучше', *басöкжык* 'красивее' и др.

Вариант суф. *жык* ↔ *-джык* изредка появляется и после гласных, как результат действия аналогии. Ср.: пукс. *мичаджык* (< *мича+джык*) 'яснее (о небе), красивее'; чур. *гажаджык* (< *гажа+джык*) 'веселее' и др. Отметим, что такие случаи чрезвычайно редки. Подобные случаи встречаются и в диалектах южного наречия: *йонаджык* (< *йона+джык*) в.м. *йонажык* 'крепче, сильнее', *гораджык* (в.м. *горажык*) 'звонче' и др. Приведенные выше примеры показывают, каким образом происходит видоизменение суф. сравнительной степени *жык* > *-джык*. При присоединении суф. *жык* к основе на глухой смычный в результате регрессивной ассимиляции соседних звуков происходит озвончение предыдущего глухого согласного, т.е. *т* > *д*, а вслед за этим — аффрикатизация *д* и *ж* > *дж* и своеобразное удвоение аффрикаты *дждж*, как результат "восстановления" основы слова. Проследим это на следующем примере: *пэмыт+жык* > *пэмыд+жык* > *пэмыджык* > *пэмыджджык* < *пэмыдж+джык* 'темнее'.

Проанализированный материал приводит к предположению, что первичным мог быть суф. *жык*, являющийся характерной чертой коми-пермяцких диалектов, верхнекамского наречия, а также среднесысольского и летского (говоры с. Объячево и Ловля) — юго-западных диалектов Коми АССР (см. карту 15); встречается он и в качестве варианта в отдельных говорах верхнесысольского, нижневыхгодского, печорского и присыктивкарского (говор с. Шошки) диалектов коми-зырянского языка, т.е. в юго-восточных и юго-западных диалектах данного языка. Суф. *-джык* (варианты *-джик*, *-джыг*, *-джөк*) < *жык* мог появиться в результате ассимиляции и возникшей затем аффрикатизации.

В тех диалектах, где употребляются ныне только *-джык* и *-джик*, *-джөк*, *-джиг*, *-джыг*, по-видимому, процесс ассимиляции и аффрикатизации начального звука *ж* суф. *жык* завершен; там, где употребляются одновременно, например, *-джык* и *жык*, в них явление перехода *жык* → *-джык* является действующим процессом. Если наше предположение верно, то, следовательно, изменение суф. *жык* в *-джык* возникло в начале на территории следующих диалектов: вымского, ижемского, удорского, лузского (с. Поруб) и верхневыхгодского, а также в языке коми-язьвинцев; несколько позднее — в нижневыхгодском, присыктивкарском, летском (говор с. Слудка) и в верхнесысольском. В последнем, видимо, суф. *-джык* и *жык* употребляются в одних и тех же говорах, ср.: *учöт* 'маленький' — *учöдджык* Кб. Кг. 'меньше', *донтöм* 'дешевый' — *донтöм-жык* Кб. 'дешевле', *зумыд* 'прочный' — *зумыдджык* Гр. 'прочнее', *с'ус'*

‘проворный, быстрый’ — *с’ус’жык* Гр. ‘проворнее, быстрее’ и др. [Жилина 1975, с. 91–92; см. также карту 15]. Сравнение этих примеров с коми-пермяцкими приводит к выводу, что процесс аффикатизации, действующий ныне во многих говорах языка коми-пермяков, совершенно аналогичен. Изменение звукового состава морфемы не приводит к изменению его значения. Вероятно, в языке коми-пермяков (в том числе и кировских пермяков) видоизменение рассматриваемого суффикса началось относительно поздно, и оно находится в процессе развития в верхнекамском и северном наречиях и лишь в начальной стадии — в диалектах южного наречия коми-пермяков.

-жык

Как уже отмечалось выше, данный суффикс характерен для коми-пермяцкого языка, в том числе верхнекамского наречия. Его наличие является также отличительной чертой среднесысольского и летского (говоры с. Объячево и Ловля) диалектов коми-зырянского языка. Таким образом, в географическом аспекте они составляют определенный ареал (см. карту 15).

Суф. *-жык* в качестве варианта *-джык* употребляется и в некоторых говорах верхнесысольского, нижневичегодского и присыктывкарского диалектов. Имеется он и в печорском диалекте. Ср.: *буржык* ‘добрее’, *куз’жык* ‘длиннее’, *згөл’жык* ‘беднее’, *мичаджык* ‘красивее’ и др.: лет. *ичотжыккös* ‘л’исйасыс ‘листья поменьше’, *гажажык* и *гажаджык* ‘веселее’, *буржык* и *бурджык* ‘лучше’ и т.д. К сожалению, в работах по коми-зырянским диалектам довольно редко говорится о территории распространения тех или иных явлений, что вызывает большие затруднения при определении тех или иных изоглосс. Это, конечно же, вызвано разноплановостью изучения диалектов и говоров и прежде всего целями и задачами простого описательного метода изложения материала по исследованным диалектам.

В коми-пермяцком языке суф. сравнительной степени *-жык* (*-джык*) употребляется также с наречиями, глаголами и послелогами. Ср.: бк. *уна* ‘много’ — *унажык* ‘больше’, *эм* ‘есть, имеется’ — *эмжык* ‘имеется (есть) больше’, *пас’көм бэрдöжык* (*бэрдö* — послелог) ‘ближе (больше) к одежде’, пел. *одз* ‘рано’ — *одзжык* ‘раньше’, лев. *чожа* ‘быстро’ — *чожажык* и *чоожжык* ‘быстрее’, мыс. *озö* ‘они не’ — *озöжык* ‘они не так (меньше)’, *ог* ‘я не’ — *огжык* ‘я не (меньше)’; ср.-и. *уджалöжык* ‘больше работает’ (ср. *уджалö* ‘работает’), *мати* ‘близко, около, при’ — *матижык* ‘поближе, поблизости’ и др. В отличие от северных, в южных говорах к наречиям с суф. *-жык* часто наращивается словообразовательный суф. *-а*, ср.: *буржыка* ‘лучше’, *куз’жыка* ‘длиннее’ и др. Эти формы употребительны и в литературном языке.

В связи с изложенным выше, говоря о происхождении суф. *-джык*//*-жык*, не легко согласиться с точкой зрения происхождения его от обычного наречия. В обоих коми языках нет как таковой частицы или наречия *джык*, а суф. *-джык*//*-жык* всюду — в том числе и с наречиями, вспомогательными и другими глаголами — употребляется в качестве полноценного суффикса сравнительной степени. В противовес утверждению К.Е. Майтинской, ныне в рассматриваемых языках никаких “признаков отдельной частицы” у суф. *-джык*//*-жык* не прослеживается [ср.: Майтинская 1979, с. 146–147]. Следует также сказать, что не только в удмуртском, но и во всех коми-пермяцких наречиях (в том числе в речи коми-зырянцев,

кировских пермяков), а также в соседних (с севера) с коми-пермяцкими диалектами — в летском и верхнесысольском диалектах коми-зырян [Жилина 1975, с. 58] — суф. *-жык//джык* является безударным, но при этом ударение закономерно падает на предшествующий ему слог, ср.: кп. *га́жа* — *гажа́жык* 'весело — веселый', *ми́ча* — *мича́жык* 'ясно — яснее (о погоде)', *то́ла* — *то́лажык* 'ветрено — более ветренно'; вс. *ы́джы́джык* Кг. 'больше', *э́шажык* Кб. Кг. 'меньше', *джа́го́нджык* Кг. 'тише, медленнее' и др. [Жилина, там же]; ср. также: удм. *у́мо́йджык* 'лучше' и др. — подобно тому, как в глаголах инфинитивной формы в северном и верхнекамском наречиях коми-пермяков, а также в летском и верхнесысольском диалектах коми-зырян ударение переносится на слог, предшествующий суф. инфинитива *-ны//ыны*, например: вл. *ви́с'тала*, но *ви́с'та́лны* 'скажу — сказать', *у́джала*, но *у́джа́лны* 'работаю — работать', *ви́дзота*, но *ви́дзотны* 'смотрю' — 'смотреть' и др.; вк. *пы́рала*, но *пы́ра́лны* 'зайду — зайти', *ва́тлота*, но *ва́тло́тны* 'хожу — ходить' и т.д.; лет. *ко́с'ты́с'а* но *ко́с'ты́с'ны* 'сушу — занимаюсь сушкой' и др. [См. Лыткин 1961, с. 58; Баталова 1975, с. 111–114]. А присоединение суф. *-жык* к обычным формам сравнительной степени, уже имеющим признаки этой степени (удм. *-get* или *-ges*, ср.: *се́берges* 'красивее' — *се́берgez'жык* 'более красивый') не является, на наш взгляд, доказательством употребления *-джык (-жык)* в качестве "усилительного суффиксального элемента" [ср.: Майтинская 1979, с. 146–147]. Это лишь говорит о том, что значение предыдущего суф. *-get* или *-ges* несколько было ослаблено, и языку потребовался другой суффикс, близкий по значению, для усиления значения "сравнительности". Ср., например, случаи удвоения суф. мн. числа в оньковском диалекте языка коми-пермяков: *ы́бэзэзас* (вм. *ы́бэзас*) 'на полях', *с'инэзэзён* (вм. *с'инэзён*) *ог адззы* 'глазами не вижу' и др. [Баталова 1975, с. 126].

ПРЕВОСХОДНАЯ СТЕПЕНЬ

мэд-

Показатель превосходной степени большинства коми диалектов приставка *мэд-*, например: вс. *вы́л'* 'новый' — *мэ́двы́л* 'самый новый'; скр. *мэ́дми-ча* 'самый красивый'; вв. *мэ́дбур* 'самый хороший'; печ. *мэ́двы́л* 'самый новый', *мэ́дс'од* 'самый черный'; кя. *медлэм* 'самый горячий', *мэ́днэж* 'самый тупой'; ки. *мэ́дбасо́к* 'самый красивый', *мэ́дйон* 'самый крепкий', *мэ́дылын* 'дальше всех'; лев. *мэ́дпöрыс* 'самый старей'; гаин. *мэ́дучот* 'самый младший, самый маленький' и др.

Приставка *мэд-* не отмечена в нижневыхегодском диалекте. Так, В.А. Сорвачева отмечает, что превосходная степень образуется с помощью частиц *мэд*, *мэ́д'ча*, *мэ́д'чэн*: *бур* — *мэ́д'ча бур*, *мэ́д'чэн бур* 'хороший — самый хороший' [Сорвачева 1978, с. 42]. Некоторые исследователи такие частицы называют префиксальными [см. Майтинская — Оси́нФУЯз, 1974, с. 282]. Существуют различные точки зрения о происхождении приставки *мэд-* [см. Д.Фокош-Фукс — FUF XXX, с. 183, 193, 195; А. Раун — FUF XXX, с. 385, 386]. К.Е. Майтинская предполагает, что из усилительной частицы *мед* самостоятельно развились два элемента — императивная частица и суперлативный префикс [Майтинская 1979, с. 144].

Необходимо подчеркнуть, что в коми-пермяцком языке приставка *мэд-* является очень продуктивной в диалектах южного наречия и в литературном языке, но в северном наречии *мэд-* чаще всего встречается как частица со значением 'пусть' (ср. южн. и кп. лит. *ась* 'пусть'), напри-

мер: бк. *Мэд кѳт' олѳны* 'Пусть живут', *Мэд эз пѳрйаллы* 'пусть не обманывает'; мыс. *Мэд пырас* 'Пусть заходит', и др. *Мэд* в роли приставки встречается изредка в левичанском и гаинском говорах (в других нами не зафиксирована). В северных диалектах значение превосходной степени обычно передается описательно, напр.: коч. *с'эк* (русск. *всех*) *басѳк* (ср. ки. *мѳдбасѳк*) 'самый красивый'; мыс. *йона мича* (ки. *мѳдмича*) 'самый красивый'; вл. *виа н'ин бур* (ки. *мѳдбур*) 'лучше всех', *йона ыд-жыт* (ки. *мѳдыджыт*) 'больше всех'.

В коми-зырянских диалектах, кроме приставки *мѳд-*, для выражения превосходной степени качества употребляется частица *мѳдс'а* или различные ее варианты. К примеру, в верхнесысольском диалекте, кроме *мѳдс'а*, употребляются *мѳтс'а*, *мѳчча*, *мѳтс'ама* (*мѳдс'а ыыл'* Крв. 'самый новый', *мѳтс'а мича* Кг. Крв., *мѳчча мича* Кг., *мѳтс'ама мича* Кг. 'самый красивый' и др.); в нижневычегодском — *мѳд'ча*, *мѳд'чѳн* (*мѳд'ча бур*, *мѳд'чѳн бѳр* 'самый хороший'); в присыктывкарском — *мѳдс'а* (*мѳдс'а мича* 'самый красивый'); в верхневычегодском — *мѳдс'а*, *мѳдча* Вочь. (*мѳдс'а бур* 'самый хороший', *мѳдча мича* 'самый красивый'); в печорском — *мѳдс'а*, *мѳдс'ѳм* (*мѳдбур* или *мѳдс'а*, *мѳдс'ѳм бур* 'самый хороший').

В ареале верхнесысольского диалекта имеет место употребление в одной конструкции приставки *мѳд-* и частицы *мѳтс'а*, напр.: *мѳтс'а мѳд-лѳс'ыд* Гр. 'самый-самый красивый (приятный, опрятный, хороший)', *мѳтс'а мѳдгажа* Уж. 'самый-самый веселый (красивый, хороший, уютный)' [Жилина 1975, с. 92.; см. карту 1].

По мнению К.Е. Майтинской, префиксальная частица *med* (*medsa*) восходит к усилительному наречию, преобразовавшемуся из частицы побудительного значения *мѳд* 'пусть, чтобы' [ОснФУЯз 1974, с. 282]. Частица *мѳдс'а* сложный по своему составу (*мѳд+с'а*). По мнению, Д. Фокоша-Фукса, элемент *-с'а* восходит к отыменному суф. прилагательного (ср. *арс'а* 'осенний' [Д. Фокош-Фукс — FUF XXX, 1971], а по мнению А. Рауна, элемент *-с'а* является падежным суффиксом преклюзива (сравнительного падежа) [A. Raun — FUF XXX, 385–386].

ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ¹⁵

Для выражения различных оттенков качества в коми языках употребляется ряд словообразовательных суффиксов с ограничительным или увеличительно-выделительным значением. Рассмотрим функционирование отдельных суффиксов.

-ѳв//ол//ѳѳ//ѳ; -ѳѳ//ѳл; -ал; -ѳват; -ѳлтас

Формант *-ѳв* употребляется в ареале присыктывкарского диалекта, а также некоторых говоров верхневычегодского диалекта и в удорском (на верхней Вашке), например: скр. *ѳзѳѳѳ* 'зеленоватый', *рудѳѳ* 'сероватый'; вв. *ѳѳѳѳѳ* 'зеленоватый', *рудѳѳ* 'сероватый'; уд. *ѳѳѳѳѳѳѳ* 'беловатый', *лѳзѳѳ* 'синеватый' и др.

Вариант *-ѳл* выступает в среднесысольском, верхнесысольском, в взеловых говорах верхневычегодского диалекта и в соседнем печорском,

¹⁵ Коми лингвисты данные суффиксы относят к категории степени качества [см. Совр. к. яз., с. 169–170; Коми-перм., с. 224–225; Жилина, Бараксанов 1971, с. 100–101; Сахарова, Сельков 1976, с. 59–60; и др.]. К.Е. Майтинская подобные суффиксы относит к числу словообразовательных [см. Майтинская 1979, с. 143–146].

например: вс. *дэбол* Гр.Кг.М.Уж. 'тепленький', *гёрдол* Гр.Кг. 'красноватый'; вв. *вижол* Вочь. 'желтоватый'; печ. *косн'ол* 'суховатый', *курдол* 'горьковатый' и др. (см. карту 1, 16).

Формант *-оо* (< *-ол*) свойствен ареалу ижемского диалекта и употребляется также в нуль-зловых говорах соседнего верхневычегодского диалекта, ср.: иж. *шондоо* 'тепловатый', *рудоо* 'сероватый' [Сахарова, Сельков 1976, с. 60]; вв. *гёрдоо* М.Н.Укл. 'красноватый', *йэдджгоо* М.Н.Укл. 'беловатый' и др. Вариант *-о* (< *-оо* < *-ол*) зафиксирован только в усть-немском говоре верхневычегодского диалекта, ср.: *гёрдо*, *йэдджго*, *вижо* 'желтоватый' и др. [Сорвачева и др. 1966, с. 89].

Форманты *-өв// -өл* являются характерной чертой языка пермяков: *-өв* выступает в взовых диалектах (в иньвенских), а *-өл* — в зловых (северном наречии, а также в оньковском и нердвинском) диалектах со значением чрезвычайной полноты качества, т.е. с увеличительно-выделительным значением, ср.: ю. *с'öd* — *с'ödöv* 'черный — чернее обычного (положенного)', *кös* — *кösöv* 'сухой — суше обычного'; сев. *кыз* — *кызöl* 'толстый — толще обычного' и т.д. (см. карту 1, 2).

Суф. *-ал* употребляется только на территории коми-язьвинского наречия, например: *к'ус* — *к'усал* 'сухой — суховатый', *с'юд* — *с'юдал* 'черный — черноватый' и др. [Лыткин 1961, с. 58].

Следует отметить, что в отдельных говорах верхневычегодского диалекта для выражения неполноты качества — в дополнение к суф. прилагательных *-ов// -оо* прибавляется вспомогательный глагол *вартэ* (букв. 'бьет; отдает чем-то'), например: *гёрдов вартэ* Ст. Бог. 'красноватый', *лозов вартэ* Ст. Бог. 'синеватый' и др. [Сорвачева и др. 1966, с. 89–90]. Это явление свойственно и говору кольских коми-зырян: *лөзоо вартэ* 'синеватый', *вижоо вартэ* 'желтоватый' и др. [Сахарова, Сельков 1960, с. 142].

Аналогичное явление имеется в коми-пермяцком языке — значение неполноты (ограниченности) качества передается с помощью вспомогательного глагола *вачкö* 'отдает, букв. ударяет'. Примеры: ср.-и. *гёрд вачкö* 'красноватый, похоже на красный', *вөз вачкö* 'синеватый, похоже на синий'; ни. *виж вачкö* 'желтоватый, похоже на желтый' и т.д. Эти сочетания могут быть выражены также следующим образом: *гёрдван'ö вачкис'ö* 'на красное похоже', *вөзван'ö вачкис'ö* 'похоже на синее' и т.д.

Вариант суф. *-ов// -ол* → *-оват* (ср. русск. *-оват// -еват*) выступает в удорском (на верхней Вашке), среднесыольском, присыктивкарском, верхневычегодском и печорском диалектах языка коми-зырян. Примеры: уд. *с'өдоват* 'черноватый' (Сорвачева 1950); скр. *йөйоват* 'глуповатый' [Жилина, Бараксанов 1971, с. 101]; вв. *дубоват*, *дубоватöй* 'недосолёный' [Сорвачева и др. 1966, с. 89]; печ. *лөзоват* 'синеватый', *гёрдоват* 'красноватый' и др. [Сахарова, Сельков, Колегова 1976, с. 31].

Изоглосса функционирования данного суффикса тянется с запада на восток (см. карту 1).

Сложный суф. *-олтас* (< *ол+тас*) распространен на территории верхнесыольского диалекта коми-зырян. Чаще он употребляется в говоре с. Ужга. Примеры: *гёрдолтас* 'красноватый', *рудолтас* 'сероватый' и др. [Жилина 1975, с. 93].

Последние два суф. *-оват*, *-олтас* со значением неполноты качества не характерны для наречий языка коми-пермяков.

Данный суф. также употребляется для выражения ограниченности качества. Формант -гов характерен для вз-эловых диалектов и говоров коми-зырянского языка — нижневыхегодского, присыктивкарского и верхневыхегодского. Примеры: нв. *тэл'гов* 'бледноватый', *гыргов* 'крупноватый' [Сорвачева 1978, с. 41]; скр. *дэбгов* 'тепловатый', *лэмгов* 'темноватый' [Жилина, Бараксанов 1971, с. 100—101]; вв. *йэджгов* Ан. Дер. Крч. П. Руч. Ст. 'беловатый', *кургов* 'горьковатый' и др. [Сорвачева и др., с. 89].

Вариант -гол выступает в вочском говоре верхневыхегодского диалекта, например: *кургол* 'горьковатый', *йэджгол* 'беловатый' [Сорвачева и др., там же].

Формант -гоо (<-гол) функционирует в ареале ижемского диалекта и нуль-эловых говоров соседнего (с юга) верхневыхегодского диалекта. Ср. примеры: иж. *н'эбгоо* 'мягковатый', *кургоо* 'горьковатый' [Сахарова, Сельков 1976, с. 60]; вв. *йэджгоо* М.Н. Укл. 'беловатый', *кэл'гоо* 'бледноватый' [Сорвачева и др. 1966, с. 89].

Изоглосса употребления рассматриваемого суффикса проходит с северо-запада на восток и к северу от Вычегды на Ижму (см. карту 15).

Суф. -гов и его варианты -гол//гоо не характерны для коми-пермяцкого языка.

-гём//гэм

Формант -гём характерен для верхнекамского наречия коми-пермяков, лузско-летских зырян и пермяков, нижневыхегодцев, вымичей, носителей присыктивкарского и верхнесысольского (кроме говора Кобры) диалектов коми-зырянского языка, напр.: вк. *раногём* 'рановато', *матынгём* 'близковато' и др.; лл. *напыдгём* 'сыроватый', *ыджыдгём* 'великоватый'; нв. *гыргём* 'более крупный', *д'эжгём* 'более редкий' [Сорвачева 1978, с. 41]; скр. *чёргём* 'твердоватый, грубоватый', *гыргём* 'крупноватый' и др. [Жилина, Бараксанов 1971, с. 101]; вс. *вэжгём* Гр. 'зеленоватый, недозревший', *ичётгём* Гр. 'маловатый' [Жилина, 1975, с. 93]; вым. *гаргём* 'довольно быстрый', *н'эбыдгём* 'мягковатый' [Ляшев 1975].

Следует отметить, что в нижневыхегодском диалекте данный суффикс придает значение сравнительности, а в верхнекамском наречии (в языке кировских пермяков) суф. -гём употребляется только с наречиями, ср.: *ылынгём* 'далековато', *одзгём* 'рановато' и др. Это свойственно и лузско-летскому диалекту коми-зырянского языка.

Вариант -гэм употребляется только в ижемском диалекте, ср.: *н'ыыгэм ва* 'тепловатая вода' [Сахарова, Сельков 1976, с. 60].

Следует подчеркнуть, что суф. -гём//гэм функционирует на территории значительного ареала: изоглосса с верхней Камы проходит на Летку и Лузу, а также на Сысолу, далее — на Ижму (см. карту 15).

Заметим, что суф. -гём известен почти во всех диалектах удмуртского языка. Он в нем выступает в роли суффикса сравнительной степени. Ср. примеры: *кузьгем* 'длиннее, более длинный', *чебергем* 'красивее, более красивый' и др. [Тепляшина 1964, с. 136—145]. Венгерский ученый Д. Фокош-Фукс считает -гэм/-гем общепермским суффиксом сравнительной степени [Д. Фокош-Фукс — FUF XXX, s. 147—230]. Свое происхождение суф. -гем (как и -ges) ведет от сложного словообразовательного суф. (g+m) путем переосмысления [см. Майтинская 1979, с. 144, а также: Утила 1933, с. 138—139; Вихман 1954, с. 89; Серебренников 1964, с. 162].

-код'//-койд'//-куд'

Суф. -код' широко известен во всех коми-пермяцких говорах. В языке коми-язвинцев он выступает в форме -куд': *вакуд'* 'сыроватый, сыроватый', *кэзкуд'* 'толстоватый' и др.

Формант -код' широко употребителен в верхнекамском наречии; в коми-зырянском языке он свойствен летскому, верхнесыольскому, верхневычегодскому, присыктывкарскому, нижневычегодскому, вымскому, среднесыольскому и печорскому диалектам. Примеры: вк. кп. *мичакод'* 'похоже, что красивый', *буркод'* 'похоже, что хороший (добротный)'; лет. *с'одкод'* 'темноватый'; вс. *рудкод'* Кб. Кг. 'сероватый', *гёрдкод'* Кб. 'красноватый' [Жилина 1975, с. 93]; вв. *ыджидкод'* и *ыджидкойд'* 'большенький', *куридкод'* и *куридкойд'* 'горьковатый' [Сорвачева и др. с. 89]; скр. *пёрыскод'* 'староватый', *лапыдкод'* 'сыроватый, влажный' [Жилина, Бараксанов 1971, с. 100]; вым. *лэзкод'* 'синеватый', *с'одкод'* 'темноватый' [Ляшев 1975]; печ. *пэмыдкод'* 'темноватый', *кёдыдкод'* 'холодноватый' [Сахарова и др. 1976, с. 31].

В ареале ижемского диалекта употребляется вариант -койд (> -код'). Он характерен также для северо-восточных говоров соседнего верхневычегодского диалекта, примыкающих с юга и востока к печорскому и ижемскому диалектам — это бассейны р. верхней Вычегды и Нившеры (говоры с. Вольдино, Пожег, Мыелдино, Усть-Нем и Нившера). Примеры: иж. *гажакойд'* 'немного весело', *йонкойд'* 'не особенно сильный' и др. [Сахарова, Сельков 1976, с. 60]; вв. *ыджидкойд'* 'большенький', *куридкойд'* 'горьковатый' и др. [Сорвачева и др. 1966, с. 89].

Отмечается, что суф. -койд в ижемском мало употребителен: его значение часто передается описательно, например: вместо *йонкод'* других говоров употребляют *зэй абу йон*, вместо *гажакод'* 'немного веселый, веселоватый' употребляют *абу зэй гаж* и т.п. [Сахарова, Сельков 1976, с. 60]. Следовательно, суф. -койд занимает небольшой ареал (см. карту 1).

-ыд

Формант -ыд зафиксирован только на территории печорского диалекта коми-зырян (см. карту 1). По своему значению он совпадает с суф. -код', например: *ул'ыд* (ср. *ул'код'*) 'сыроватый, влажный' [Сахарова и др. 1976, с. 31].

-эб

Данный суф. зафиксирован в говоре с. Сторожевск верхневычегодского диалекта коми-зырянского языка, напр.: *лэзэб* 'синеватый', *вижэб* 'желтоватый' [Сорвачева и др. 1966, с. 89], (см. карту 1б).

-вэля||-вэйт||-вэвйа

На территории верхнесыольского диалекта в качестве "полусуффикса" фиксируется -вэля, например: *гёрдвэля* Кг. 'с преобладанием красного цвета' [Жилина 1975, с. 94]. В этом же значении в ареале верхневашского говора удорского диалекта выделяется -вэйт. Примеры: *лэзвэйт дора* 'холст с преобладанием синего цвета', *рудзёгвэйт н'ан'* 'хлеб с преобладанием ржаной муки', *нырвэйт* 'носатый (о человеке)' и др. В.А. Сорвачева данный суффикс относит к числу суффиксов относительных прилагательных.

тельных [см.: Сорвачева 1950, с. 124; ССКЗД, с. 41]. Данные "Сравнительного словаря коми-зырянских диалектов" [ССКЗД, 1961, с. 41] показывают, что *вэ́йя* и его фонетические варианты (*вэ́лья* вв. Кри, *везя* вв. Бог.; *вейя* вым. иж.; *вевъя* скр.; *велья* лет.) имеют более широкое распространение в коми-зырянском языке.

На территории собственно коми-пермяцкого языка употребляется аналогичный "полусуффикс" *вэ́йя*, ср.: *гёрдвэ́йя* 'с преобладанием красного цвета', *с'одвэ́йя* 'с преобладанием черного цвета', *з'эл'онйвэ́йя* 'с преобладанием зеленого цвета' и др.

Таким образом, в качестве "полусуффикса" со значением преобладания качества какого-либо предмета зафиксированы *-вэ́йя// -вэ́йта* и *-вэ́йя* (в имеющихся исследованиях по диалектам) в удорском, вымском, ижемском, верхневычегодском, верхнесысольском, летском языках коми-зырян и в коми-пермяцком, в том числе и в коми-язьвинском (ср.: *луз вэ́йя* 'синеватый, с преобладанием синего цвета', *гэрд вэ́йя* 'красноватый, с преобладанием красного цвета' и др.) [Лыткин 1961, с. 102], и составляют обширный ареал; изоглосса данного явления тянется с Прикамья и Язьвы (притока р. Вишеры) к северо-западу, включая бассейны р. Летки, средней Сысолы, верхней Вычегды, Ижмы, Выми и верхней Мезени (см. карты 1, 15). [Лыткин 1961, с. 102].

Ряд языковых явлений, общих для данного ареала, свидетельствует о былых контактах между удорскими, летскими, верхнесысольскими и камскими коми до появления русского населения между северными пермяками и южными коми-зырянами (см. карту 1).

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

-овёй// -ёвёй// -ёлёй; -овой; -эвэй

Суф. относительных прилагательных *-овёй* (> *-ёвёй*), заимствованный из русского языка, употребителен в коми-пермяцких диалектах, напр.: *пуовёй* (*пу* 'дерево' *-овёй*) 'деревянный', *пиз'овёй* 'мучной' и др. [См. подробнее: Баталова 1975, с. 169—173].

Формант *-ёвёй* характерен для коми-язьвинского наречия. Примеры: *күзёвёй* 'еловый (лес)', *күз* 'ель'; *с'уйёвёй* 'глиняный', *с'уй* 'глина'; *н'имёлёвёй* 'заячий' и др. В.И. Лыткин данный суффикс относит к числу непродуктивных [Лыткин 1961, с. 57].

В отличие от большинства коми-зырянских диалектов, в верхнесысольском, как и в коми-пермяцком языке, бытуют прилагательные с суф. *-ёвёй* (< *-овой*). Наиболее часто они встречаются в речи жителей с. Кобры и Койгородка. Примеры: *гёнёвёй пэрина* Кг. Кб. 'перина из перьев (*гён* перо, перья)', *идёвёй пирог* Кг. 'ячный пирог', *пуёвёй пан* Кг. 'деревянная ложка', *идзасёвёй* Кб., 'соломенный' *пёлёвёй* Кб Кг., *пёлйёвёй* Уж. 'дощатый (*пёл* 'доска')' и др. [Жилина 1975, с. 98—99].

Вариант *-эвэй* (< *-ёвёй*) широко употребителен в говоре с. Вочь верхневычегодского диалекта, напр.: *вурунэвэй чулку* 'шерстяные чулки', *кучикэвэй сапэг* 'кожаные сапоги', *с'ойэвэй ладка* 'глиняная плошка', *сэнэвэй ки* 'жилистая рука' и т.д. Иногда в говоре этого села суф. *-эвэй* по аналогии употребляется и с качественными прилагательными (чего не встретишь даже на территории распространения коми-пермяцких наречий), например: *гёрдэвэй с'ин* 'красные глаза', *пэмидэвэй лун* 'пасмурный день', *лэээвэй краска* 'синяя краска' и др.

В других говорах верхневычегодского диалекта *-эвэй* встречается

только в русских заимствованиях, ср.: *брусэвэй* 'брусковый', *дубэвэй* 'дубовый' и т.д. [Сорвачева и др. 1966, с. 87].

Суф. *-овёй* (с вариантами *-овёй*, *-овой*) широко употребителен в летском диалекте языка коми-зырян, например: *кёртёвёй* 'железный', *с'умддёвёй* 'берестяной', *бумажкаовой* 'бумажный', *пуовёй* 'деревянный', *с'уовёй* 'ржаной', *пёллёвёй* 'дощатый', *муовёй* 'землистый, земляной' и др. [Жилина 1956, с. 83].

На территории северных диалектов коми-пермяцкого языка суф. относительных прилагательных *-овёй* имеет варианты *-овёй*, *-вёй*, *-олёй*, *-эвэй*. Ср.: бк. *дораёвёй* 'из холста', *этаёвёй* 'из этого', *вайбтомёвёй* 'привезенные'; коч. *л'онёвёй* 'из льна, льняной', *дбраёвёй* 'холщевое-то', но *арёвёй* 'из осенних', *важёлёй* 'из старья, из старого'; лев. *нылкаовой* *ныл* 'старая дева'; пукс. *вил'овёй* 'новый', *плакаёвёй* 'из плахи', *кукан'овёй* 'телятина', *ос'авёй* 'яровой', *шогдивёй* (вм. *шогдиовёй*) 'пшеничный', *дбравёй* (вм. *дбраёвёй*) 'из холста'; гаин. *пэсёвёй* 'дровяной, древесный', *рудзёгёвёй* 'ржаной'; ис. *кёртёвёй* 'железный', *парс'ёвёй* 'свиной, из свинины'; мыс. *просаёвёй* 'из проса, просяной', *пуёвёй* 'деревянный', *муёвёй* 'из земли, земляной'; вл. *пуэвэй* 'деревянный', *кёртэвэй* 'железный'. В последнем, в верх-лупьинском диалекте, суф. *-овёй* имеет несколько иное фонетическое оформление — *-эвэй* совпадает с аналогичным суффиксом (по звуковому составу) говора с. Вочь верхневычегодского диалекта коми-зырян, с которыми лупьинцы до недавнего времени имели эпизодические контакты (карта 16; примеры см. выше).

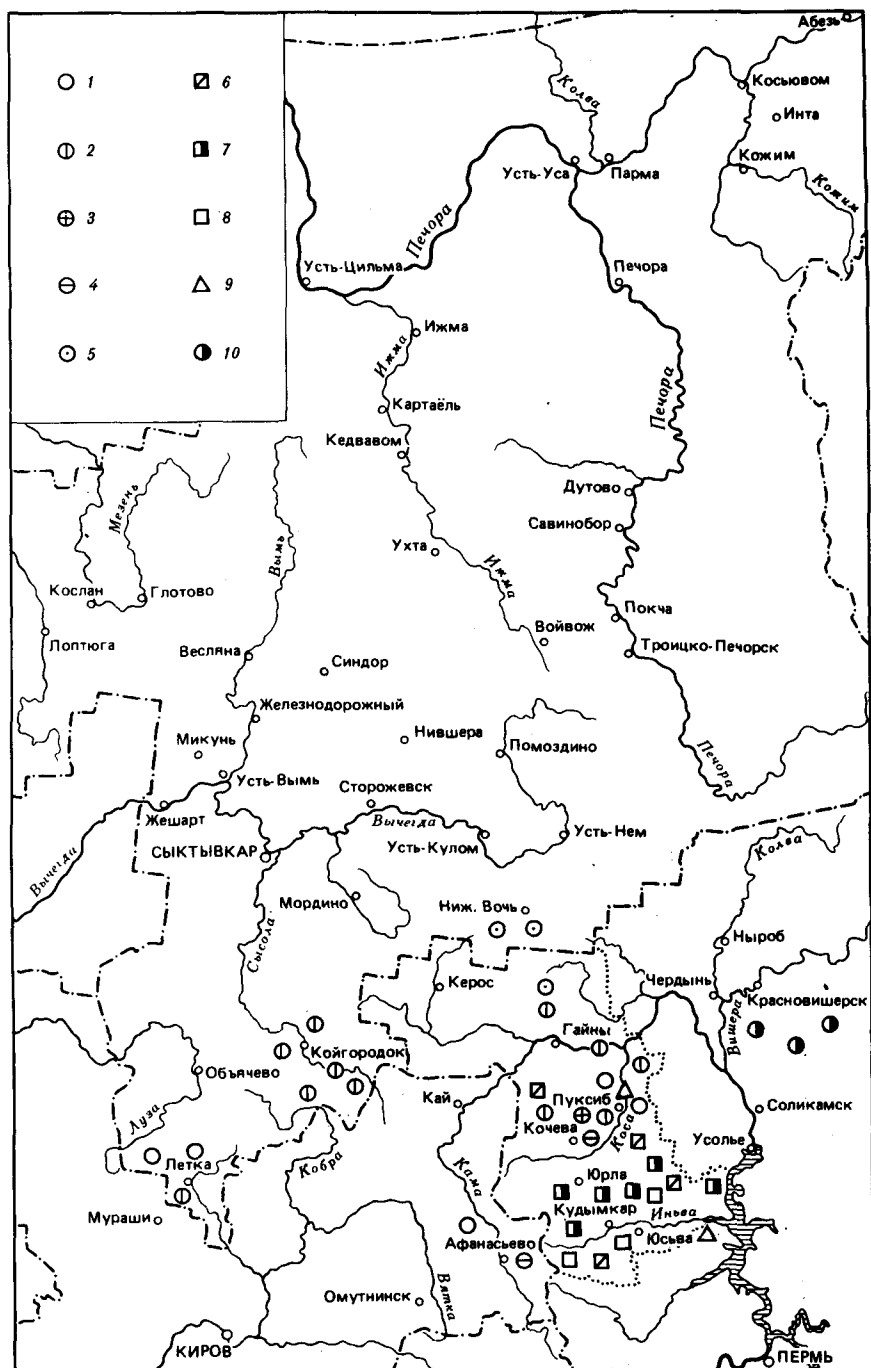
В кочевском диалекте в говоре д. Демино, как и в большекочинском говоре, в суф. *-овёй* на месте звука *в* встречается *л*: *аровёлёй* (вм. *арёвёй*) 'из осенних', *важёлёй* (вм. *важёвёй*) 'из старья'. Замена в звуком *л* происходит под влиянием фонетических явлений местного диалекта, так как в северных диалектах звук *в* в составе морфем не встречается.

На территории пуксибского говора косинско-камского диалекта суф. относительных прилагательных употребляется в форме *-овёй* — после согласной основы и в форме *-вёй* — после гласной основы (примеры см. выше).

В бассейне верхней Камы — в верхнекамском наречии этот суф. встречается в трех вариантах *-овёй*, *-олёй*, *-овёй*: *Од'д'он рамовёй вёли* 'Очень смиренный был'. *Мыйовёй сиа* 'из чего это?' *С'иновёй бров* 'Глазные брови'; *пوماз'эйолёй* 'фланелевый', *кочёвёй* 'заячий', *маёвёй* 'медовый'.

Вариантность этого суффикса в южных (иньвенских) диалектах зависит от позиции звука *в* в том или ином говоре, ср.: доег. *-оёй* — *н'а-н'оёй* 'хлебный', *дбраоёй* 'холщевый', *туруноёй* 'из травы, травяной' и др.; в крохалевском — *-оой*, *-вёй*: *кёдзёсоой* 'семенной', *рудзёгоой* 'ржаной', *шогдивёй* 'пшеничный' и др. (вариант *-вёй* употребляется с именами на гласную основу, а *-оой* — с именами на согласную основу); в федоровском *-овёй* с вариантами *-оой*, *-оёй*: *мортовёй бол'эз* 'колдовство', *готоойсё тол'ко* 'готовое-то только', в среднеиньвенском *-оёй*, *-оой*: *кёзоёй* и *кёзоой* (л. *кёзовёй*) 'еловый', *йайоёй* и *йайоой* 'мясной', *пуоёй* и *пуоой* (л. *пуовёй*) 'деревянный' и др.; в верхиньвенском *-оёй*, изредка *-овёй*: *рэз'иноёй сапоггэсё ваисё* 'резиновые сапоги привезли', *здорой* 'здоровый', *розовёй* 'розовый'; в деминском, косягорском, отевском *-оой*: *рудзёгоой* 'ржаной', *н'ан'оой* 'хлебный', *картошкоой* 'картофель'

Карта 16. Употребление вариантов суф. относительных прилагательных *-овёй*: 1 — *-овёй*, 2 — *-овёй*, 3 — *-олёй*, 4 — *-олёй*, 5 — *-эвэй*, 6 — *-вёй*, 7 — *-оой*, 8 — *-оой*, 9 — *-вёй*, 10 — *-вёй*.

ный', *быттасоой* 'из приемышей', *зёроой* *крупа* 'овсяная крупа' и др.; в вагановском -*оой*, -*вöй*: *учаскоой* 'участковый', *готоойсö* 'готовое-то', *йывöй* *морт* 'ледяной человек'. В ареале егоровского, лопанского и мелехинского говоров относительные прилагательные имеют суф. -*овöй*, как и в литературном языке; ср.: мелех *здоровöй* *вöй* 'был здоров', *туруновöй* 'из травы, травяной'; егор. *Мэ ывис'овöй* 'Я дальний', *Са мыловöй?* 'Это из чего?'; лоп. *Эта вэжöм, а эта мортовöй* 'Этот из чертей, а этот человек (букв. человеческий)'. *Пэрво т'озавöйс* 'Сначала из тезки...' (см. карты 1, 16).

В южных (взовых) диалектах с помощью суф. -*оой*//*-овöй* образуется большое количество относительных прилагательных от причастий на -*ис*. Например: доег. *уджайс'оой* 'работающий', *баутис'оой* 'говорливый, разговорчивый', *воктис'оой* 'приезжий', *шумитис'оой* 'шумный, шумливый', *вэöччис'оой* 'обучающийся', *с'оис'оой* 'любящий поест' и т.д. Таким же образом образуются относительные прилагательные от притяжательных местоимений *миан*, *тиан*, ср.: ни. *мианис'оой* 'наш, нашеньский', *тианис'оой* 'ваш, вашеньский'; ср.-и. *мылоой* 'из чего' (*мый* 'что'), *кытшö-моой* 'какой?' (*кытшöм* 'какой'), *этаоой* (< *эта* 'этот, это') *код* 'как этот же'.

Следовательно, вариант -*вöй* (< -*öвöй* < -*овой*) зафиксирован в пуксибском говоре косинско-камского диалекта северного наречия и в крохалевском и вагановском говорах южного наречия: он появляется после гласной основы (примеры см. выше).

Таким образом, суф. относительных прилагательных -*овöй*, как словообразовательная морфема, свойствен (или: является отличительной чертой) южным диалектам коми-зырянского языка — верхнесыольскому (-*öвöй*), летскому (-*öвöй*) и говору с. Вочь верхневычегодского (-*эвэй*), пограничным с территорией Коми-Пермяцкого автономного округа и северо-восточной частью Кировской обл., где проживают кировские пермяки. Нужно отметить, что ныне прямых контактов между коми-пермяками и коми-зырянами нет, но в их языке отражается бывшее историческое единство этих групп двух близкородственных народов. Языковой материал показывает на компактную территорию (определенный ареал) распространения рассматриваемого явления (см. карты 1, 16).

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

В отличие от коми-зырянского языка, в ареале распространения коми-пермяцкого языка исконные числительные выходят из употребления: ныне счет ведется с помощью числительных, заимствованных из русского языка; на родном языке считают только до пяти: *öтик* 'один', *кык* 'два', *куим* 'три', *н'ол'* 'четыре', *вит* 'пять', а далее счет продолжается как и в русском языке: *шэс'*, *с'эм*, *вос'эм*, *д'эвэт'*, *д'эс'эт'* и т.д. Однако и до пяти, наряду с коми-пермяками, употребляются также русские числительные: *од'ин*, *два*, *три*, *чэтырэ*, *п'ат'*. Очевидно, со временем и эти числительные (до пяти) уступят свое место заимствованным из русского языка. Нужно отметить, что в диалектах изредка встречаются и некоторые другие исконные числительные, кроме 1—5. Так, в мысовском диалекте счет до десяти *ведется* на родном языке. В литературном языке также принято счет вести на родном языке до десяти: *öтiк*, *кык*, *куим*, *н'ол'*, *вит*, *кват'*, *сизим*, *кыкйамыс*, *öкмыс*, *дас*.

Из русского языка заимствуются как количественные, так и порядковые числительные [Баталова 1975, с. 173—176; Гантман 1970, с. 78—85].

Исконные порядковые числительные образуются с помощью суф. -õt и -öðз (*вйтõt* и *вйтöðз* 'пятый', *кват'öðз* и *кват'õt* 'шестой'); в верх-лупыинском диалекте наряду с -õt употребляется -эт, например: *дасõt* и *дасэт* 'десятый', *с'оõt* и *с'оэт* 'сотый' и т.п.

Заемствованные порядковые числительные оформляются суф. -öй: *пйтöй*, *шестöй*, *десятöй*, *тысячнöй* и т.д.

Вариант -öð (< -õt) встречается в верхнекамском наречии наряду с -õt, ср.: *вйтõt* и *вйтöð* 'пятый'.

В языке коми-язвинцев суф. порядковых числительных является -өт (*н'ул'өт* 'четвертый', *квимөт* 'третий').

Специфическим суф. собирательных числительных в коми-язвинском ареале является -ас', который употребляется в нем наряду с суф. -ән, ср.: *көкән* и *көкас* 'двое, вдвоем', *квимән* и *квимас* 'трое, втроем' и др. [Лыткин 1961, с. 59–60].

В большинстве коми-зырянских диалектов порядковые числительные образуются с помощью суф. -öð. Примеры: печ. *вйтöð* 'пятый', *дасöð* 'десятый'; вс. *кват'öð* 'шестой'; скр. *кыз'öð* 'двадцатый', *с'оöð* 'сотый'. В присыктывкарском диалекте исключение составляет шошкинский говор, где наряду с -öð выступает вариант -эд после мягкого согласного основы, ср.: *кыз'эд* 'двадцатый' [Жилина, Бараксанов 1971, с. 108–109]. Данный суффикс характерен для верхневычегодского и ижемского диалектов. Примеры: вв. *коймэд* 'третий', *н'ол'эд* 'четвертый', *вйтэд* 'пятый'; иж. *вйтэд* 'пятый', *кыз'эд* 'двадцатый', *көкйамысдасэд* 'восемьдесятый' и др.

В нижневычегодском диалекте также выступает -эд наряду с -öð, ср.: нв. *коймöð* 'третий', *н'ол'эд* 'четвертый', *вйтэд* 'пятый' и т.д. [Сорвачева 1978, с. 42].

Интересно отметить, что в присыктывкарском диалекте "при подчеркивании количества перед числительным ставится то же числительное с суф. -ә": В. *Кыка-кыкös быттис да пол'затö бос'тис жö Марйәйд* 'Мария вырастила целых двоих, а пользы никакой' [Жилина, Бараксанов 1971, с. 110].

Аналогичное явление имеет место в соседнем верхневычегодском диалекте. В нем также для усиления внимания к количеству перед числительным употребляется числительное того же корня с суф. -ә: *Вита-витан бөдым* 'Впятером мы росли'; *Куйма-куйым йж воши* 'Целых три овцы потерялись'. Числительные с суф. -ә могут иметь "соединительное значение (значение сдвоенности, утроенности и т.п.), ср.: *Кыка кага ваис* Вочь 'Двойню она родила'; *Мон'ис силэн куйима с'эмйа* Вочь 'Сноха у него имеет троих детей (тройню)' [Сорвачева и др. 1966, с. 91–92].

В ареале печорского и соседнего с ним ижемского диалектов, в том числе и в языке кольских ижемцев, в составных числительных от 70 и далее между десятками и единицами вставляется союз *да*. Примеры: печ. *с'из'имдас да öтик* 'семьдесят один', *с'о да комын* 'сто тридцать'; иж. *кыкс'о көкйамысдас да кык* 'двести восемьдесят два', *с'из'имдас да вит* 'семьдесят пять'; кол. *с'из'имдас да вит* 'семьдесят пять', *өкмысдас да кык* 'девяносто два' и т.д. [Сахарова и др. 1976, с. 31; Сахарова, Сельков 1976, с. 63; Они же: 1960, с. 142].

В говоре с. Кобра верхнесысольского диалекта наряду с *н'эл'амын* употребляется *н'ол'дас* 'сорок', который в других койм-зырянских диалектах не встречается. Употребительны также *витдас*, *кват'дас*, *с'из'имдас*, *көкйамысдас*, *өкмысдас* наряду с *вэтымын* 'пятьдесят', *квайтымын*

'шестьдесят'. В говорах с. Куратово и Палауз — в южной части среднесы-
сольского диалекта наряду с *комын* 'тридцать', *н'эл'амын* 'сорок', *вэты-
мын* 'пятьдесят', *кват'ымын* 'шестьдесят' — бытуют варианты *куимдас*,
н'ол'дас, *виддас*, *кват'дас*. Последние (*куимдас*, *н'ол'дас* и др.) характер-
ны для коми-пермяцкого языка, а *вуддас* и *кват'дас* — и для лузско-лет-
ского диалекта коми-зырянского языка [Жилина 1975, с. 99].

Отметим, что десятки на *дас* — черта коми-пермяцкая. Она свойственна
и языку кировских пермяков (см. карту 1).

Таким образом, десятки на *дас* употребительны на определенной терри-
тории: изоглосса данного явления с Прикамья тянется к северо-западу
на Сысолу и Летку (см. карту 1).

ЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

-ӧ// -э; -ө; -ас

Формантом 3-го лица ед. числа в большинстве коми диалектов является
-ӧ, за исключением верхневычегодского и ижемского там *-э <ӧ>*, а в ко-
ми-язьвинском наречии *-ө*. И только на территории удорского диалекта
наряду с окончанием *-ӧ* употребляется *-ас* [см.: ССКЗД, с. 478—479].

-ам// -амӧ// -амө

В 1-м лице мн. числа настоящего времени в большинстве коми-зырянских
диалектов окончанием является *-ам*, а в лузско-летском, среднесысоль-
ском и верхнесысольском — в пограничных с Коми-Пермяцким автоном-
ным округом — наряду с *-ам* выступает также *-амӧ* (см. карту 1). В коми-
пермяцких диалектах чаще выступает *-амӧ*, чем *-ам*; в коми-язьвинском
-амө [Лыткин 1961, с. 67].

-анныд// -аннид// -аныд

Во 2-м лице мн. числа настоящего времени в присыктивкарском, ниже-
вычегодском, вымском, ижемском, удорском (все эти диалекты распо-
ложены на компактной территории) употребляется окончание *-анныд*;
в верхневычегодском *-аннид*, а в среднесысольском, верхнесысольском
и лузском *-аныд*. Заметим, что последние три диалекта также являются
соседними. Следовательно, все три варианта названного суффикса зани-
мают определенные ареалы [см. карту 1; ССКЗД, с. 479].

-ад// -адӧ; -ат// -атӧ// -атө

В летском говоре, почти в единственном языке коми-зырян, окончанием
2-го л. мн. числа настоящего времени является *-ад* (*-адӧ*), последний вы-
ступает также в некоторых говорах присыктивкарского диалекта наряду
с *-анныд* [см.: ССКЗД, с. 479]. Для коми-пермяцкого языка характерны
-ат, *-атӧ*, коми-язьвинского — *-атө*. Суф. *-ад*, *-адӧ* являются звонкими ва-
риантами *-ат* и *-атӧ*.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что глагольные окончания *-ат*,
-атӧ (в том числе кя. *-атө*) распространены на территории проживания
коми-пермяцкого населения, а *-ад*, *-адӧ* — в речи летских "пермяков",
занимающих сопредельную территорию с коми-пермяками (см. карту 1).

Окончанием 3-го л. мн. числа настоящего времени в присыктывкарском, среднесыольском, нижневичегодском и вымском диалектах является *-оны*, в верхневичегодском *-эни* (< *-оны*); последнее имеется также в удорском, где *-оны* употребляется наряду с *-асны* (*с*); в верхнесыольском *-оныс*, а в ижемском диалекте *-эныс* (ср. в коми-язьвинском *-өнөс*). Таким образом, лично-притяжательный суф. *-с* имеет место в верхнесыольском и ижемском, факультативно — в удорском, очевидно, по аналогии с формами инфинитива типа *-ныс*, *-ыныс* и представляет собой изоглоссу, ведущую с юго-востока на северо-запад (карта 17, см. также карту 1).

Суф. *-өнө* (< *-оны*) характерен для говоров лузско-летского диалекта. Вариативно *он* выступает также в нижневичегодском [см.: ССКЗД, с. 479].

В коми-пермяцком языке повсеместно окончанием 3-го л. мн. числа настоящего времени является *-оны*, но во многих говорах данный суф. имеет варианты *-өнө* и *-ён* (< *-өнө* или *-оны*). Ср., например: аз. *мөдён* (< *мөдёнө*) *нөвөтны* 'хотят увезти', *вайён* (< *вайёнө* или *вайёны*) 'несут', но: *кыв чэгйавёно* (< *чэгйавёны*) 'язык ломают'; акс. *корён* (< *корёнө*) 'просят', но: *ыстён* 'посылают', *с'ойён* 'едят' и др.; крох. *куртён* 'гребут', *кол'ён* (< *кол'ёнө*) *пө* 'говорят, оставляют'; *гортө пө воктён* (< *воктёны*) 'Домой, говорят, едут'. И др.; онык. *Гортө локтён* (< *локтёнө*) 'Домой едут', *Вөрө пырён* (< *пырёнө*) 'В лес заходят', *пыр корён* 'Всегда просят'. И др.

Следует отметить, что в большинстве случаев употребляется окончание *-оны*, несколько реже *-өнө* (< *-оны*) и изредка *-ён*. Усеченный вариант *-ён* характерен для оныковского и соседнего с ним нижнеиньвенского диалектов (см. карту 17).

В верхнекамском наречии наряду с *-оны* также нередко появляется вариант *-өнө*, ср.: *Л'эчитёнэ эд* 'Печат ведь', *Мэд с'ылёнө* 'Пусть поют', *Часто мыс'калёно* 'Часто моют'. Суф. *-өнө* (< *-оны*) — результат ассимиляции смежных гласных.

Итак, употребление варианта *-өнө* (< *-оны*) характерно для определенного ареала: изоглосса ведет с юга (с Прикамья) на северо-запад (на юго-западную оконечность территории Коми АССР) (см. карты 1, 17).

-асны//асни//асныс; -оныс

В 3-м л. мн. числа будущего времени в коми-зырянском языке к показателю 3-го л. ед. числа *-ас* добавляется суф. *-ны* в присыктывкарском, среднесыольском, летском, нижневичегодском и вымском диалектах (все они вместе составляют компактную территорию, см. карту 1), *-ни* в верхневичегодском, *-ныс* в ижемском. И лишь в удорском и ижемском диалектах функционируют *-оны* (*с*), *-асны* (*с*) [ССКЗД, с. 479].

-аны//аныс//анис

Представляют интерес окончания 3-го л. мн. числа будущего времени *-аны* (в среднесыольском диалекте и лузском говоре лузско-летского диалекта) и *-аныс* — в соседнем верхнесыольском диалекте языка коми-зырян [Колегова, Бараксанов 1980, с. 49; Жилина 1975, с. 118—121]. В коми-язьвинском наречии употребителен *-анис* (*мунанис* 'они пойдут').

Сложный суф. *-анис* (< *-ан+ис*) в данном ареале, по-видимому, сложился самостоятельно (конвергентно). В коми-пермяцких диалектах, в том числе и в верхнекамских говорах, функционирует окончание *-асö* (*мунасö* 'они пойдут').

Следовательно, изоглосса употребления суффиксов, указанных выше, тянется с северо-востока Пермской области на юго-запад территории Коми АССР, т.е. с территории обитания коми-язьвинцев — к верхнесыльцам (см. карту 1).

-ис//и

В 3-м л. ед. числа первого прошедшего времени в присыктивкарском, верхневычегодском, вымском, ижемском и удорском окончаниями являются *-ис* либо *-и*; в нижневычегодском, среднесыльском и верхнесыльском и лузско-летском употребляется формант *-ис*, как и в коми-пермяцких диалектах. По мнению Т.И. Жилиной формы на *-и* (т.е. без элемента *-с*), употребляемые, например, в присыквакарском, верхневычегодском и вымском диалектах, выступают главным образом в группе непереходных глаголов со значением состояния: *кули, кулис* 'он умер'; *ус'и, ус'ис* 'он упал, что-либо упало'; *быри, бырис* 'что-либо кончилось' [Жилина 1975, с. 117—121]. Судя по названным диалектам, формант *-ис* занимает довольно значительный ареал. Изоглосса данного явления проходит с Удоры через нижнюю Вычегду, среднюю и верхнюю Сысолу на Летку, т.е. с северо-запада к юго-востоку (см. карту 1).

-им//имö; -имө

В 1-м л. мн. числа окончанием глагола в первом прошедшем времени является *-им* (в верхневычегодском, присыктивкарском, нижневычегодском, вымском, ижемском и удорском — это один ареал), а в лузско-летском, среднесыльском и верхнесыльском *-им* и *-имö*, как и в коми-пермяцких диалектах, только в последнем более употребителен формант *-имö* (это второй ареал); в коми-язьвинском выступает *-имө*, напр.: *мунимө* 'мы ушли' и др. (это третий ареал). Все три ареала занимают определенную территорию и не "перекрещиваются" (см. карту 1).

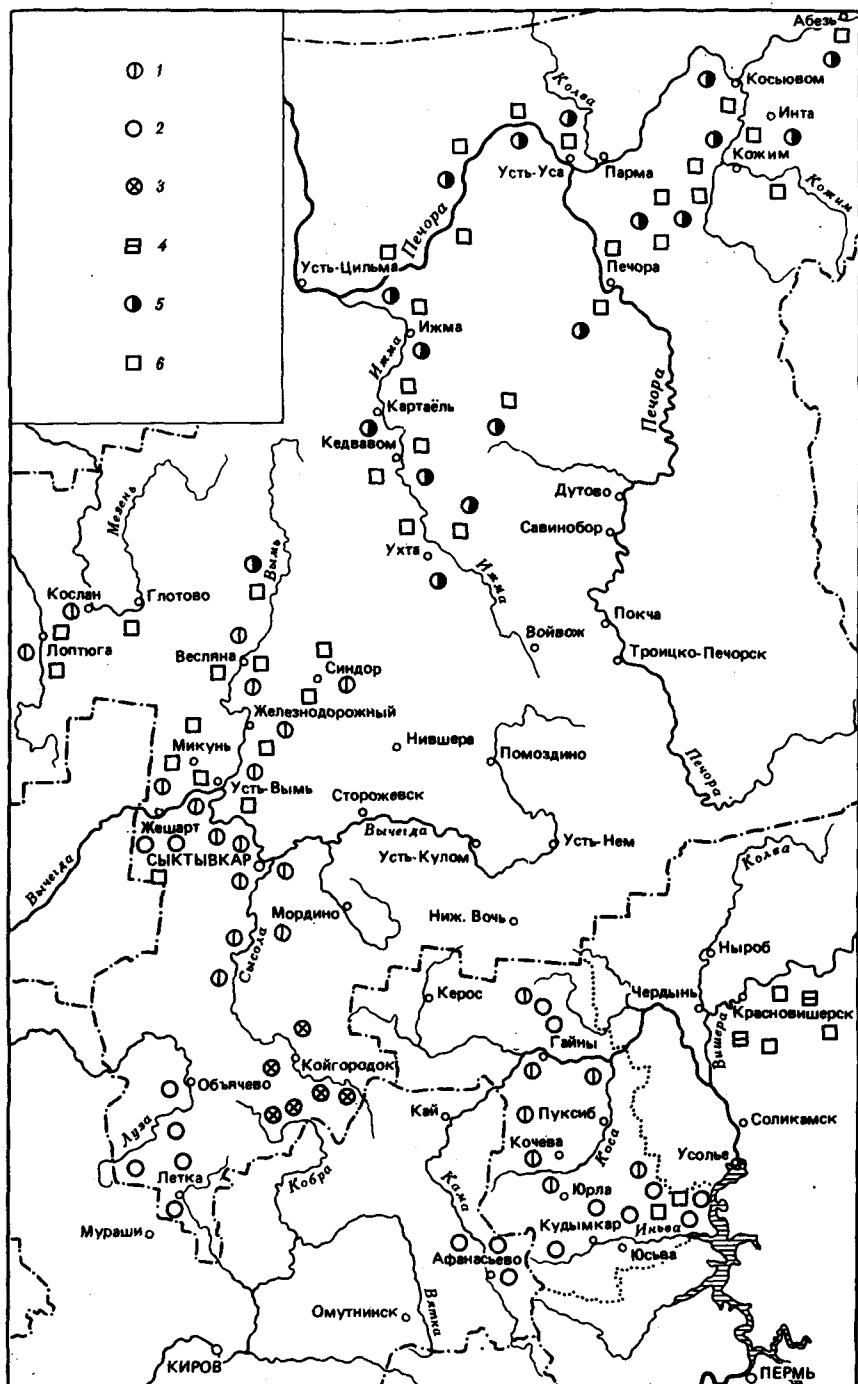
-инныйд//иннид; -ид//идö; -ит//итö//итө

Во 2-м л. мн. числа в присыктивкарском, в соседних с ним — в нижневычегодском, вымском, а также в ижемском и удорском диалектах употребительно окончание *-инныйд* (ср. в верхневычегодском — *-иннид*), в лузском, среднесыльском и верхнесыльском *-иныд* (< *-инныйд*), а в лузско-летском *-ид, идö* (ср. кп. *-ит, итö*). Вариант *-ид* имеется и в отдельных говорах присыктивкарского диалекта.

Формант *-ит* с вариантом *-итö* является характерной чертой коми-пермяцких диалектов. Следует отметить, что последний (окончание *-итö*) более употребителен. В коми-язьвинском ареале показателем указанной формы является *-итө* (*мунитө* 'вы ушли').

Карта 17. 1 Употребление глагольных форм 3-го л. мн. числа настоящего времени на: 1 — *оны*, 2 — *онö*, 3 — *оныс*, 4 — *анес*, 5 — *эныс*.

II. Распространение *и*-овых отрицательных глаголов: 6 — *иг, ин, из* 'я, ты, он не'; *игö, идö, изö* 'мы, вы, они не'.

Вероятно, по распространению суф. 2-го л. мн. числа прошедшего времени территорию летского диалекта (суф. *-ид, -идö*) можно причислить к единому ареалу с коми-пермяцким (ср. суф. *-ит/-итö*) и коми-язьвинским (ср. *-итө*), поскольку указанные суффиксы представляют фонетические варианты и происходят из одного источника (*и+т*) [см.: Серебренников 1963, с. 253–256; карту 1].

-исны//исныс//исни//иныс//инис//ины; -исö

В 3-м л. мн. числа окончанием глагола является *-исны* в присыктивварском, летском, среднесысольском, нижневыхегодском, вымском (изоглосса идет с юга, с Летки, на север — через Сысолу на Вымь), а в верхневыхегодском *-исни*. Вариант *-ины* выступает в лузском и вымском диалектах, а также в нижневыхегодском, составляя компактный ареал. Формант *-иныс* характерен для верхнесысольского диалекта, имеется он и в удорском наряду с *-исны(с)*, а также в ижемском (наряду с *-исныс*); ср. в коми-язьвинском наречии — *-инис* (*мунинис* 'они ушли') (см. карту 1).

В большинстве коми-пермяцких диалектов выступает окончание *-исö*, напр.: *локτισö* 'они приехали', *тöдисö* 'они знали' и др. В верхнекамском наречии употребительны форманты *-исö* и *-инö* (ср. в вымском и лузском *-ины*).

-анö//инö

Необходимо отметить особо, что в мысовском и верх-лупьинском диалектах северного наречия языка коми-пермяков формы 2-го лица мн. числа настоящего, будущего и прошедшего времени имеют окончания *-анö, -инö* вместо *-атö, -итö*: мыс. *мунинö* (л. *мунитö*) 'вы шли', *пыринö* (л. *пыритö*) 'вы зашли', *тиö с'оинö* 'вы покушали' и др.; вл. *нуинö* (л. *нуитö*) н'и 'вы уже отнесли'. *Мый кэранö?* 'Что вы делаете?' *Мый лыд'д'ö-тинö* (л. *лыддьöтитö*) 'Что вы читали'.

Формант *-инö* вместо *-итö* в верх-лупьинском диалекте употребляется последовательно, а в речи молодых носителей мысовского говора изредка на месте *-инö* встречается *-итö*, например: *мунинö* и *мунитö* 'вы шли', *пыринö* и *пыритö* 'вы зашли'. Возможно, это результат влияния литературного языка (см. карту 1).

Окончание *-инö* по своему происхождению, вероятно, является вторичным: *-инö, -анö* появились в результате влияния аналогичной формы 2-го л. ед. числа первого прошедшего времени, ср.:

	ед. ч.	мн.ч.	
2 л.	<i>тэ вöлин</i>	<i>ти вöлинö</i>	'ты был, вы были'
"	<i>тэ бос'тин</i>	<i>ти бос'тинö</i>	'ты взял, вы взяли'

В какой-то степени аналогичное явление наблюдается в верхнекамском наречии, в говорах которого вспомогательный глагол *вöлны* в первом прошедшем времени по лицам не изменяется, ср.:

	вк.	нердв.	
1 л. ед. ч.	<i>мэ вöлин</i>	<i>мэ вöли</i>	'я был'
2 л.	<i>тэ вöлин</i>	<i>тэ вöлин</i>	'ты был'
3 л.	<i>сиа вöлин</i>	<i>сиа вöли</i>	'он был'
1 л. мн. ч.	<i>ми вöлинö</i>	<i>ми вöлимö</i>	'мы были'
2 л.	<i>ти вöлинö</i>	<i>ти вöлитö</i>	'вы были'
3 л.	<i>ниа вöлинö</i>	<i>ниа вöлисö</i>	'они были'

Ср. также примеры в предложениях из верхнекамского наречия: *Мэ ёд'-д'он н'и ыджыт вёлин* (л. *вёли*) 'Я уже очень большой был', *Н'э ёд'-д'он жё эд том вёлин* (л. *воли*) 'Не очень же ведь молод он был', *Ниа Овэрин'-чиын вёлинё* 'Они в Оверино были', *Мэнам с'окор вёлин* 'У меня свекор был', *Мэ кыкён ныллэс вёлинё* (л. *вёлимё*) 'Мы две сестры были', *Д'о-минской д'эрэвн'аын чистой вот'аккэз вёлинё* (л. *вёлисё*) 'В деревне Демино все вотяки были'. Но: *Вэс' хоз'айсво мзылын вёли* 'Все хозяйство на мне было', *Вот'ак вёли* 'Удмурт был', Следует заметить, что форма *вёли* (3 л. ед. ч.) встречается в речи лишь в отдельных случаях. Форма мн. числа *вёлинё* имеет вариант *вёлины*, например: *Гортын быкёб вёлины* 'Все дома были'.

По верхнекамскому наречию, вероятно, можно было предположить появление данного морфологического процесса под влиянием русского языка в условиях двуязычия (ср.: *я был, ты был, он был* и *мы были, вы были, они были*), но это никак нельзя сказать в отношении мысовского и верх-лупьинского диалектов, где влияние русского языка незначительно. По-видимому, корни возникновения этого интересного явления следует искать во внутренней структуре этих окраинных диалектов.

По нашим наблюдениям, нечто подобное имеется также в речи летских пермяков коми-зырянского языка в формах 3 л. мн. числа первого прошедшего времени, например: *Н'ида вёлисны* и *Н'ида вёлины* 'они были'. Употребительны обе формы.

Аналогичные формы могут образовываться и от самостоятельных глаголов. Ср.: вк. *Мамё кулин* (л. *кулис*) *дак, жён'ик гортын ышё вёли* 'Когда моя мать умерла, так мой муж дома еще был', *Можот с' оянё суш-каэзсё?* 'Может быть, покусаете сушки?' *Мэ вот мый кэрин* (л. *кери*) 'Я вот что сделал', *Мый д'э ти дыр уз'анё* (л. *узятё*)? 'Что вы де долго так спите?' *Кол'инё, дак корс'от'э* 'Оставили, так ищите'.

Изоглосса рассматриваемого явления идет с верховья Камы (с территории Афанасьевского р-на Кировской обл.) — на север — в бассейн р. Сёйвы и Лупы — на крайнем севере Коми-Пермяцкого автономного округа (с одной стороны) и на северо-запад — через верховье р. Вятки на Летку (с другой стороны), а также, видимо, на верхнюю Сысолу (см. карту 1).

-ёма// -ёмё// -эма// -эм (а)

Во всех диалектах коми-пермяцкого языка, включая верхнекамское и коми-язвинское наречия, и в большинстве говоров языка коми-зырян неочевидное прошедшее время имеет только формы 2- и 3-го лица. Лишь в летском, вымском, удорском и ижемском диалектах употребляются формы всех трех лиц: показателем 1-го л. ед. числа является *-ёма* в летском, вымском, удорском и *-эм (а)* — в ижемском. В удорском диалекте наряду с *-ём (а)* употребителен также вариант *-ём (ё)*.

Изоглосса форманта *-ёма* ведет с юга (с Летки и Лузы) к северу — на Вымь и Удору. Вариант *-ёмё* занимает небольшой ареал — он зафиксирован только на территории удорского диалекта (см. карту 1). [ССКЗД, с. 480].

Первое лицо неочевидно-результативного прошедшего времени в вымском, ижемском, удорском и летском диалектах чаще означает произвольное действие говорящего первого лица, которое в других говорах передается безличным глаголом с суф. *-с'*, при этом название первого лица, которого касается действие, ставится в форме родительного падежа. Ср.: иж. *Мэ сэс' скёрмэма* — скр. *Мэнам сэс' скёрмыс'с'ёма* 'Это рас-

сердило, раздражило меня'; уд. *Мэным пымовтчыны колö, мэ простуд'ичмö* — скр. *Мэнам пös'öдзчывыны колö, мэнам прöстуд'иччыс'öма* 'Мне надо пропотеть, я, оказывается, простудился'; вым. *Мэ паччэрö води да сэни и уз'öма* — скр. *Мэ паччөрö води да сэни и уз'с'öма* 'Я лег на печку и там, оказывается, проспал'; лет. *Мэ войнас чэччылöма да пачлö лонтыл-лöма* — скр. *Мэнам войнас чэчывс'öма и пачös лонтывс'öма* 'Я, оказывается, ночью вставала и печку топила'.

Изоглосса данного явления проходит с юга (с. Летки) на Вымь, далее — на Удору и Ижму (см. карту 1).

-öмыд//эмид; -öма; -öмыт//öмат

Во 2-м лице ед. числа второго прошедшего времени показателем является *-öм* (в верхневычегодском и ижемском соответственно *-эм*) плюс лично-притяжательный суф. 2-го л. ед. числа *-ыд* (и *-ид* в верхневычегодском) во всех диалектах коми-зырян, за исключением ижемского диалекта. В последнем — в единственном из диалектов коми-зырян, во всех трех лицах ед. числа II прошедшего времени выступает аффикс *-эма* (ср. также в коми-язьвинском наречии — во 2- и 3-м лицах ед. числа показатель *-өм (а)*: *мунөма* 'оказывается, (ты, он) ушел'). В коми-пермяцких диалектах во 2-м л. ед. числа второго прошедшего времени к форманту *-öм* присоединяются суф. *-ыт* и *-эт*, а в верхнекамском — наряду с *-ыт* и *-эт* появляются *-ыд* и *-ад* (последние менее употребительны).

Итак, ареалом распространения форманта *-өм (а)* является только территория коми-язьвинского диалекта, а *-öмыт* (< *-öм+ыт*) и *-öмат* (< *-öм+ат*) — территория расселения собственно коми-пермяков и Кировских пермяков (см. карту 1).

В 3-м лице ед. числа во всех диалектах коми языков показателем второго прошедшего времени является *-öм-а* (в верхневычегодском и ижемском соответственно вместо *-öм-а* > *-эм-а*). В лузско-летском, среднесысольском, верхнесысольском, а также в коми-пермяцких диалектах наряду с *-öм-а* одинаково употребительна форма на *-öм*. В последних *-öма* имеет более широкое распространение. Таким образом, территория распространения лузско-летского, среднесысольского и верхнесысольского диалектов коми-зырян, а также языка коми-пермяков по распространению форманта *-öма* составляет единый ареал (см. карту 1).

-öмным; -эмаэс'

Как уже отмечалось выше, в коми-пермяцком языке и в большинстве диалектов коми-зырянского языка во втором прошедшем времени употребительны только формы 2-го и 3-го лица ед. и мн. числа. И только в удорском и соседнем с ним ижемском диалектах, занимающих северо-западную часть территории Коми АССР, имеются также форманты 1-го л. мн. числа, например: уд. *ми мунöмным* 'мы, оказывается, ушли'; иж. *ми мунэмаэс'* 'мы, оказывается, ушли'. Итак, в удорском диалекте показателем 1-го л. мн. числа является *-öмным* (< *-öм+ным*, где *-ным* — лично-притяжательный суф. 1-го л. мн. числа существительных); в ижемском *-эмаэс'* (< *-эм+а+эс'*), в котором а является наращением, а *-эс'* — суф. мн. числа прилагательных).

Следовательно, личное окончание 1-го лица мн. числа второго прошедшего времени характерно лишь для небольшого ареала — для двух соседних диалектов: ижемского и удорского, т.е. изоглосса тянется с запада на восток, с верховья Мезени на Ижму (см. карту 1).

-*õмныд* // -*эмныд*; -*õмәдс* // -*эмазс* // -*өмас*;
-*õмас* // -*õмõс*

Окончанием 2-го лица мн. числа неочевидного прошедшего времени в большинстве коми-зырянских диалектов является *-õмныд* (< *-õмтныд*, в котором *-ныд* — лично-притяжательный суф. 2-го лица мн. числа), в том числе в верхневычегодском *-эмнид*. И только в ижемском и верхнесыольском диалектах выступает другое окончание: в первом — *-эмазс* (< *-эма+эс* < *-õмә+õс*), во втором — *-õмәдс* (< *-õм+õс*). Ср. в коми-язьвинском *-өмас* (*мунөмас* 'оказывается, они ушли'), а в остальных коми-пермяцких диалектах *-õмас* (в южных) и *-õмõс* (в большинстве северных говоров) (см. об этом подробнее: Баталова, 1975, с. 185–186). Форманты *-õмас* и *-õмõс* по своему происхождению являются вторичными и результатом разного вида стяжения соседних гласных: *-õмас* < *-õмә+õс* (выпала вторая гласная *-õ*); *-õмõс* < *-õмә+õс* (выпала первая гласная *-ә*). Следует отметить, что изредка в отдельных говорах кудымкарско-иньвенского диалекта выступает окончание *-õмныт* (*тиõ пõ мунõмныт* 'вы, оказывается, ушли').

-*õмны*, -*õмәдс*, -*эмазс*

В 3-м лице мн. числа показателем второго прошедшего времени в летском, удорском, среднесыольском и верхнесыольском выступает *-õмны* (< *-õмтны*). Б.А. Серебряников окончание *-ны* выводит из старого *-ныс*, например: *мунõмтны* 'они ушли', ср. др.-перм. *нолõмныс* 'носили (они)'. Окончание *-ны* употребляется наряду с новым *-әдс* [Серебряников 1963, с. 265].

В присыктивкарском, нижневычегодском и вымском ареалах формантом 3-го лица II прошедшего времени является *-õмәдс* (соответственно в ижемском *-эмазс* и верхневычегодском *-эмас*). Аффикс *-õмәдс* наряду с *-õмны* употребляется также в летском, среднесыольском, верхнесыольском, а также в удорском — в варианте *-õмә+эс* (< *-õмә+ә+õс*). В коми-пермяцком языке показателем 3-го лица мн. числа, как и во 2-м лице мн. числа, является *-õмас* или *-õмõс* (ср. также коми-язьвинское *-өмас*). Следовательно, аффиксы *-õмәдс* и его варианты *-õмазс* и *-эмазс* в коми-зырянских диалектах существуют в полной форме; исключением является верхневычегодский диалект, в котором употребляется стяженная форма *-эмас* < *-õмәдс* (см. карту 1).

Интересно отметить, что в ареале ижемского диалекта коми-зырянского языка, в единственном своего рода из его диалектов, во 2-м прошедшем времени во всех 3-х лицах ед. и мн. числа выступают одни и те же окончания: в ед. числе *-эма* (< *-õмә*), во мн. числе *-эмазс* (< *-õмәдс*). Нечто аналогичное имеется в коми-язьвинском наречии, где во 2-м и 3-м лицах ед. и мн. числа также употребительны одинаковые окончания, ср.: в ед. числе *-өм* (*а*), во мн. — *-өмас*, например: *мунөма* 'ты (он), оказывается, ушел'; *мунөмас* 'вы (они), оказывается, ушли' [Лыткин 1961, с. 67]. Во всех остальных коми-пермяцких диалектах совпадают только окончания 2-го и 3-го лица второго прошедшего времени, ср.: *-õмас* или *-õмõс*, например: *тиõ мунõмас* и ниа *мунõмас* 'вы (они) ушли' и др. (см. карту 1).

В этой категории представляет интерес употребление отрицательной частицы глагола прошедшего времени: в одних диалектах она имеет э-овую огласовку (эз, эн, эз), в других — и-овую (из, ин, из). Отрицательная частица с и-овой огласовкой употребляется в ареале ижемского, удорского, вымского и в соседнем с ним нижневыхгодском диалектах коми-зырян, занимая довольно компактную территорию на северо-западе и севере Коми АССР (см. карту 17). Эти частицы характерны также для коми-язвинского наречия, оньковского и соседнего с ним нижнеиньвенского диалектов южного наречия коми-пермяцкого языка [Лыткин 1961, с. 69 и др.; Гантман 1951; Баталова 1962, с. 26—29].

И-овая огласовка отрицательных частиц является вторичной [см. Лыткин 1957, с. 101, Серебренников 1963, с. 290]. Ср. примеры: *из (ин, из) мун* (во всех указанных выше диалектах) 'я (ты, он) не пошел'; нв. вым. иж. уд. *из (ин) мунö* 'мы (вы) не пошли'; кя. *изв (идв) мунв*; оньк., ни. *из-ö (ид-ö) мунö* 'мы (вы) не пошли'; нв. вым. *из мунны*; иж. уд. *из мунныс*; кя. *из муннис*; оньк. ни. *из (ö) мунö* 'они не пошли'.

Таким образом, отрицательный глагол с и-овой огласовкой ныне распространен в трех изолированных диалектных ареалах: 1) на северо-западе Коми АССР, 2) на территории расселения коми-язвинцев и 3) на юго-востоке Коми-Пермяцкого автономного округа, в бассейне притоков р. Иньвы — Доега и Исыла (см. карту 17). Следует подчеркнуть, что в недалеком прошлом территория между оньковцами (представителями самого юго-восточного диалекта коми-пермяцкого языка) и коми-язвинцами, где теперь живут русские, до присоединения к Московскому государству была заселена пермяками, говорившими на промежуточных говорах, похожих на оньковский и коми-язвинский диалекты. На это указывают и материалы рукописных словарей (Усольский русско-пермяцкий словарь 1848 г., Словарь Антония Попова 1785 г. и Словарь Палласа) [Тепляшина 1965, с. 60—61; Баталова 1966, с. 110—121; Она же: 1967, с. 65—75]. С выходом в свет книги венгерского ученого К. Редзи "Пермяцкий словарь..." стали известны материалы еще одного рукописного словаря, составленного служащим имения графов Строгановых Ф.А. Волеговым в 1833 г. в с. Новое Усолье. В словаре зафиксированы материалы ныне исчезнувшего усольского говора, географически близкого к оньковскому диалекту коми-пермяцкого языка (см. карту 1) [Редзи 1968].

По сравнению с другими диалектами в системе отрицательных форм глагола выделяется лузский говор, в котором в 1-м лице ед. и мн. числа настоящего-будущего времени и прошедшего имеется личное окончание -м, что несвойственно другим диалектам обоих языков коми, ср., например: луз. *ог мунöм* и вк. *ог (ö) мунö* 'мы не идем'; луз. *эз мунöм* — вк. *эз (ö) мунö* 'мы не пошли' и др. [см.: ССКЗД, с. 483]. Возможно, здесь сохранилось древнее окончание в форме 1-го л. ед. числа настоящего времени, некогда утраченное другими диалектами. Окончание -м зафиксировано в древнепермских надписях [Лыткин 1952, с. 112]. Б.А. Серебренников форму *ог мунöм* возводит к м-овому причастию (Серебренников 1963, с. 290).

Следовательно, данное явление занимает небольшой ареал и носит "островной" характер (см. карту 1).

В присыктивкарском диалекте и в соседнем с ним, верхневычегодском в 1-м и 2-м лицах ед. и мн. числа в настоящем, будущем и прошедшем временах в отрицательной форме к основе глагола наращивается суф. -öй (скр.) и -эй (вв), ср.:

	скр.	вв.	
наст.-буд. 1 л. ед. ч.	огö мунöй	ог, огэ мунэй	'мы не идем'
2 л.	онö мунöй	он, онэ мунэй	'вы не идете'
прош. вр. 1 л.	эгö мунöй	эг, эгэ мунэй	'мы не пошли'
2 л.	энö, эд, эдö мунöй	эн, энэ мунэй	'вы не пошли'

Форму *мунöй* (мунэй) Б.А. Серебренников, например, возводит к форме 2-го лица мн. числа повелительного наклонения [Серебренников, 1963, с. 289].

Таким образом, данное явление занимает небольшую территорию в центральной части Коми АССР (см. карту 1).

-ны

В 3-м лице мн. числа отрицательная часть глагола во всех коми-зырянских диалектах в настоящем-будущем и прошедшем времени принимает окончание *-ны*, например: *оз мунны* 'они не едут', *эз мунны* 'они не уехали', ср. кп.: *оз мунö*, *эз мунö* и др. Б.А. Серебренников считает, что эта форма возникла в результате перестройки древней формы по линии известного уподобления форме 3-го лица глаголов неотрицательного спряжения [Серебренников 1963, с. 286], т.е. под влиянием форм типа *мунö-ны* 'они идут' на форму *оз мун* > *оз мун+ны* > *оз мунны* 'не идут'.

-нис

В коми-язьвинском наречии в этом значении употребляется форма *из мун-нис* 'они не пошли, не поехали', *из взрднис* 'не кормили, не накормили' и др. Формант *-нис* — показатель 3-го л. мн. числа прошедшего времени отрицательной формы (ср. в утвердительной форме — *мунинис* (< *мун+и+нис*)). В остальных коми-пермяцких диалектах показателем 3-го л. мн. числа рассматриваемой формы является *-ö*, например: *оз (ö) мунö* 'не идут, не едут', *эз (ö) мунö* 'не ушли, не уехали'.

Следовательно, формант *-ны* в рассматриваемой форме распространен на всей территории коми-зырянского языка; формант *-нис* занимает ареал расселения коми-язьвинцев. Эти два форманта не свойственны коми-пермяцким диалектам, в том числе и верхнекамскому наречию (см. карту 1).

ПОВЕЛИТЕЛЬНАЯ ФОРМА ГЛАГОЛОВ

-ы; -öй// -эй; -ө

Повеление, обращенное к одному лицу, выражается основой глагола или с помощью окончания *-ы*, которое присоединяется к некоторым основам глагола, оканчивающимся на два согласных звука, например: *лукс'ы* 'сиди', *взты* 'сходи', но: *бос'т* 'бери', *кор* 'проси' и т.д. Повеление, обращенное ко многим лицам, выражается основой глагола плюс окончание *-öй* (скр., печ.), *-эй* в верхневычегодском и *-ö* — в остальных, кроме ижем-

ского, в котором вместо *-õ* выступает вариант *-э* [ССКЗД, с. 483], в коми-язвинском — *-ө* (*мунө* 'идите', *идө мунө* 'не идите, не ходите') [Лыткин 1961, с. 68]. В коми-пермяцком языке, в том числе и в верхнекамских говорах, повеление выражается основной глагола плюс окончание *-õ*: *мунõ* '< мун+õ) 'идите', *гижõ* 'напишите', *корõ* 'просите' и др. Вариант *-э* на месте *õ* изредка появляется в верх-лупьинском — в самом северном диалекте коми-пермяцкого языка, например: *пырэ* 'заходите', *мунэ* и *мунõ* 'идите', *бос'тõ* и *бос'тэ* 'берите' и др. [Баталова 1975, с. 72–73].

Следовательно, специфические показатели повелительной формы глаголов свойственны только трем соседним диалектам коми-зырян — при-сыктивкарскому, печорскому (*-õй*) и верхневьчегодскому (*-эй*). Как уже отмечалось выше, данный формат свойствен и отрицательным формам глагола этих диалектов (см. с. 145, а также карту 1).

Значение повеления в основном выражается формой 2-го лица ед. и мн. числа. Однако оно может быть выражено и формой 1-го лица мн. числа, например: скр. *мунам-õй*, вв. *мунам-эй*, лет. *мунам* 'идемте', ср.: нв. сс. уд. вым. л. — *мунõ* 'идите', *мунам* 'идемте' и др.

Нужно отметить, что повелительная форма глагола в форме 1-го лица мн. числа совпадает с формой 1-го л. мн. числа настоящего времени, ср.: *мунам* 'пойдемте и идем', *гижам* 'напишемте и пишем' и др. При этом значение повеления в основном выражается интонационно, приглашая, призывая к чему-то, для чего-то и т.п. Но в современной устной речи в помощь интонации чаще всего присоединяется суф. *-тэ* (< русск. *-те*), например: *корõtэ* (вм. *корõ*) 'просите', *вэштõtэ* 'уплатите', *саймõtõtэ* 'разбудите', *вайõtõtэ* 'приведите', *мунамтэ* 'пойдемте' и др.

Аналогичное явление Т.И. Жилина, например, отмечает в верхнесысольском диалекте, называя их "пригласительными формами". В верхнесысольских говорах к форме 1-го лица мн. числа настоящего-будущего времени типа *мунам* 'мы идем, мы пойдем' присоединяются окончания *-тõ*, *-тэ* (*-тõ* в говоре с. Кобра): *мунамтõ* Кг.М., *мунамтõ* Кб. 'идемте' и др. [Жилина 1975, с. 122–123]. Данное явление свойственно также ижемскому и лузско-летскому диалекту коми-зырян [ССКЗД, с. 483]. Оно широко распространено во всех коми-пермяцких диалектах (примеры см. выше).

Таким образом употребление русской частицы *-тэ* в качестве "нового" форманта глаголов повелительной формы свойственно коми-пермяцкому языку в целом и южным диалектам коми-зырян (лузско-летскому и верхнесысольскому), территориально примыкающим к ареалу расселения коми-пермяков. Отдельный ареал составляет ижемский диалект, в бассейне р. Ижмы (см. карту 1).

ИНФИНИТИВНЫЕ ФОРМЫ

-ны// -ыны; -нө// -инө

Инфинитив образуется с помощью суф. *-ны* или *-ыны* (ср. кя. *-нө* или *-инө*): кз. и кп. *гижны* 'писать', *пуктыны* 'положить', ср.: кя. *гижнө*, *пуктинө*.

В инфинитивах лузско-летского, зымского, ижемского и удорского диалектов в сравнении с другими диалектами чаще выступает суф. *-ыны*. Так, с помощью суф. *-ыны* в удорском говоре образуются инфинитивные формы от глаголов с уменьшительным суф. *-ышт*: *с'ойыштыны* (к.л. *сейыштны*) 'поесть, покушать', *тойыштыны* (к.л. *тойыштны*) 'толкнуть,

вытолкнуть', *лõсыштыны* (к.л. *лõсыштны*) 'теснуть, стеснуть (обл.)' и др. Ср. также кп. *сейыштны*, *тойыштны*, *лõсйыштны*.

В оньковском диалекте и в большинстве говоров соседнего нижеиньвенского диалекта южного наречия коми-пермяков в формах инфинитива на *-ыны* конечное *ы* редуцируется и выпадает. В одних говорах это явление распространено довольно широко, в других — меньше. Ср.: оньк. *вз:лын* (вм. *взтлыны*) 'сходить', *кыскын* (вм. *кыскыны*) 'тащить', *горõtлын* (вм. *горõtлыны*) 'кричать', *шэдтын* и *шэдтыны* 'вытащить' и др.; ни. — аз. *снова чэччын* (< *чэччыны*) 'снова вставать', *вõрõ кайвын* (< *кайвыны*) 'в лес сходить'; акс. *мõда õктын* (< *õктыны*) 'хочу собрать', *думаыта пышйын* (< *пышйыны*) 'думаю удрать', *понõм рзз'дын* (< *рез'дыны*) 'начал расходиться в швах', но: *куртыны* 'грести'; доег. *коõ взрдын* (< *взрдыны*) 'надо подкармливать', *н'этшкын* (< *н'этшкыны*) 'дергать, рвать', *къртын* (< *куртны*) 'грести', но: *понас õктыны* 'начнет собирать', *коус'ас кыузыны* 'надо будет слушать' и др. Конечное *-ы*, как правило, сохраняется в конце фразы.

Случаи выпадения *-ы* из суф. *-ыны* имеют место также в среднеиньвенском и других говорах южного наречия. Примеры: ср.-и. *взтвын* (< *взтвыны*) *коус'ас* 'надо будет сходить', *понас кыйвын* (вм. *кыйвыны*) *чэри-сõ* 'будет ловить иногда рыбу'; ср. в вагановском говоре: *мунис взõччын* (вм. *взõччыны*) 'уехал он учиться', *оз понды кывзын* (вм. *кывзыны*) 'не будет слушаться' и др.

Центром рассматриваемой инновации (*-ыны* > *-ын*) является территория оньковского диалекта и большей части нижеиньвенского диалекта. Следует заметить, что в окраинных говорах (в тукачевском и тиминском) нижеиньвенского диалекта конечное *ы* в инфинитивных формах на *-ыны* сохраняется: тук. *тшак кос'тыны* 'грибы сушить', *гортõ взтвыны* 'домой сходить', *понис кос'тыны* 'начало сушить' и др.; тим. *пэтамõ мзз-дыны* 'выйдем освобождать', *ковõ пõ пэшвыны* 'надо, говорят, попробовать' и др.

Отметим, что в этом регионе выпадение конечного *ы* имеет место и в формах глаголов 3-го лица мн. числа настоящего времени: доег. *купкõч-чõн* (вм. *купкõччõны*) 'кudahчут', *взрдõн* (вм. *взрдõны*) 'кормят', но: *взõччõны шковын* 'учатся в школе', *часто с'этаõны* 'часто раздают' и т.п.; тук. *опэт кошшõн* (вм. *кошшõны*) 'снова ищут', *взрмõн* (вм. *взрмõны*) *кэрны* 'могут сделать', но: *гортõ вовõны* 'домой приходят', *н'ан вузайны* 'хлеб продают' и др.

Выпадение конечного *ы* из глагольных суф. *-ыны* и *-õны* — результат редукции конечного гласного слова в потоке речи.

В диалектах коми-зырянского языка подобное явление не отмечено. (см. карту 1).

ПРИЧАСТИЯ

-ыс'//-ис'

Суф. причастий *-ыс'* является характерной чертой большинства коми-зырянских диалектов. Примеры: скр. *чотыс' морт* 'хромающий человек', *л'укас'ыс' õш* 'бодливый бык'; вс. *горзыс' кага* 'плачущий ребенок'; иж. *н'õбс'ыс'* 'покупатель', *с'ийыс'* 'ревнивый'; печ. *дурыс' чэл'ад'* 'шаловливые дети', *пõрйас'ыс' морт* 'лживый человек'; вым. *взлõччыс' чэл'ад'* 'учащиеся дети'; нв. *курччыс' пон* 'кусающаяся собака'; сс. *матыс' морт* 'ближний человек' и др. Формант *-ыс'* в качестве варианта употребляется

также в нижневыходском и лузско-летском диалектах коми-зырян, а также (в бывшем соседнем с летскими пермяками) в верхнекамском наречии и в окраинных северных диалектах коми-пермяцкого языка — в мысовском и верх-лупинском, ср.: вл. *муныс* 'морт' 'идуший человек'; мыс. *йагёдалыс* 'ныл' 'девушка, собирающая ягоды'; вк. *тодыс* 'морт' 'знающий человек' и т.д.

Таким образом, изоглосса употребления данного суффикса идет с севера на юг (на Каму) (см. карту 1).

Вариант *-ис* (< *-ыс*) является характерной особенностью коми-пермяцкого языка в целом, в том числе коми-язьвинского и верхнекамского наречий. Формант *-ис* выступает как отличительная черта в лузско-летском, нижневыходском, удорском и верхневыходском диалектах — в качестве варианта суф. *-ыс*. Примеры: кп. *гижис* 'морт' 'пишущий человек'; кя. *гурзис* 'кага' 'плачущий ребенок'; вк. *с'эралис* 'смеющийся'; вв. *полис* 'морт' 'трусливый человек'; лл. *вузалис* 'продающий'; уд. *гöрис* 'пашущий' и др.

Следовательно, изоглосса форманта *-ис*, с одной стороны, с юга тянется к северо-западу (с Камы на Лузу, Летку, далее — к северу — на Сысолу, затем на Удору), с другой стороны, — на Вычегду; в третьих, — на Язьву (см. карту 1).

-ан// -ана// -анка

Причастный суф. *-ан* выступает во всех диалектах обоих коми языков. Следует отметить, что в ряде диалектов некоторые причастия на *-ан* по своему значению могут совпадать с причастиями на *-ыс*/*-ис*. К ним относятся присыктивкарский, верхневыходский, ижемский и печорский диалекты языка коми-зырян, а также коми-язьвинское наречие. Ср. примеры: скр. *быдман* (вм. *быдмыс*) 'морт' 'растущий человек', *вис'ан* (вм. *вис'ыс*) 'кага' 'больной ребенок' [Жилина, Бараксанов 1971, с. 154]; вв. *дöзман* (вм. *дöзмис*) 'морт' 'раздражительный человек', *уджалан* (вм. *уджалис*) 'йöз' Крч.Н.Укл. 'рабочий люд' [Сорвачева и др. 1966, с. 114]; иж. *уз'ан* (вм. *уз'ыс*) 'морт' 'спящий человек', *чотан* (вм. *чотыс*) 'вöл' 'хромающая лошадь' [Сахарова, Сельков 1976, с. 100]; печ. *ырйан* (вм. *ырйис*) 'вöл' 'норовистая лошадь', *пурс'ан* (вм. *пурс'ыс*) 'пон' 'злая собака' [Сахарова и др. 1976, с. 43—44]; кя. *вис'ан* 'морт' 'болеющий человек', *гижан* (вм. *гижис*) 'морт' 'пишущий человек' [Лыткин 1961, с. 72].

Вариант *-ана* встречается в коми-язьвинском наречии, в верхневыходском, присыктивкарском и ижемском диалектах коми-зырян. Примеры: вк. *вуралана* (кп. *вöралис*) 'морт' 'охотящийся человек', *гиж'ана* (вм. *гижис*) 'морт' 'пишущий человек, писатель' [Лыткин 1961, с. 72]; скр.В. *йуана* (вм. *йуыс*) 'морт' 'пьющий человек'; *тодана* (вм. *тодыс*) 'йöз' 'люди, знающие что-л.' [Жилина, Бараксанов 1971, с. 155]; вв. *с'öдас'ана* 'товар Руч. 'маркированный товар', *с'ис'малана* 'лук Руч. 'лук, подверженный гниению' [Сорвачева и др. 1966, 114]; иж. *рад'эйтана* 'морт' 'уважаемый человек', *дрöжитана* 'гöлэс' 'прерывистый, неровный голос' [Сахарова, Сельков 1976, с. 101].

Приведенные языковые данные показывают, что территории распространения как суф. *-ан*, так и *-ана*, представляют определенные ареалы, если учесть то обстоятельство, что в недавнем прошлом вишерские пермяки (коми-язьвинцы), несомненно, имели контакты с верхневыходцами, печорянами и далее — ижемцами, и, по-видимому, приняли какое-то участие и в заселении бассейна верхней Вычегды (включая и часть

средней Вычегды) и верхней Печоры, о чем свидетельствует и ряд языковых данных (см. карту 1).

Формант *-анка* (< *-ан+ка*) зафиксирован в говоре с. Кобра верхнесольского диалекта и его ареал представляет "островной" характер. Примеры: *уджаланка кышйод* 'рабочая одежда', *вёраланка кад* 'время охоты', *шарэс'анка мода* 'мода играть в шары' [Жилина 1975, с. 135]. Суф. *-ан* и *-анка* в говоре совпадают по своему значению. Коаффикс *-ка* в начале, несомненно, имел какой-то уменьшительно-ласкательный оттенок.

-ом// -ома; -эм// -эма

Причастия на *-ом* свойственны всем коми диалектам. Вариант *-ома* выступает на территории лузско-летского, верхнесольского и печорского (в говоре с. Подчерье) диалектов, например: лет. *сорс'ома йоз* 'смешанный народ'; вс. *сим'ома* (вм. *сим'ом*) *корт* Кб.Кг.М. 'заржавевшее железо', *мун'ома* (вм. *мун'ом*) *ныл* Кб.М. 'замужняя дочь'; печ. *воч'ома* (вм. *воч'ом*) *чэри* 'выпотрошенная рыба', *вэсал'ома* (вм. *вэсал'ом*) *картапэл* 'очищенный картофель' [см. Жилина 1975, с. 135; Сахарова и др. 1976, с. 43].

Суф. *-эм// -эма* характерен для ареала двух соседних диалектов — верхневычегодского и ижемского. Ср. примеры: вв. *пэслалэма* (вм. *пэслалэм*) *кэлуй* 'стираное белье', *подкэдлэма* (вм. *подкэдлэм*) *пэс* 'колотые дрова' (Сорвачева и др. 1966, с. 115); иж. *сот'чэма* (вм. *сотчэм*) *кэрка* 'сгоревший дом', *ытшкэма* (вм. *ытшкэм*) *видз* 'скошенный луг' и др. [Сахарова, Сельков 1976, с. 100].

Имеющиеся данные показывают, что форманты *-ома* (< *-ом+а*) и *-эма* (< *-эм+а*) функционируют на компактной территории, их ареалы занимают юго-восточную и северо-восточную части территории Коми АССР (см. карту 1). Названные суффиксы причастий не характерны для диалектов коми-пермяцкого языка.

-төм// -тэм

Формант *-төм* употребляется во всех коми-пермяцких диалектах и в большинстве коми-зырянских диалектов, кроме ижемского и верхневычегодского, в которых выступает вариант *-тэм*. Примеры: иж. *оотэм кэрка* 'нежилая изба', *ытшкытэм видз* 'нескошенный луг', *вундытэм кодза* 'нежатые посевы' [Сахарова, Сельков, 1976, с. 101]; вв. *олтэм кэрка* 'нежилой дом', *сыыдтэм вый* 'нетопленное масло', *шогмитэм ан* 'бестолковая женщина' и т.д. [Сорвачева и др. 1966, с. 115]. Следовательно, формант *-тэм* занимает определенный ареал — территорию двух соседних диалектов (в бассейне верхней Вычегды и Ижмы) (см. карту 1).

Проанализированный материал показывает, что вариативность суффиксов причастий (и любых) в диалектах находится в прямой зависимости от фонетических особенностей.

ДЕЕПРИЧАСТИЯ

-икö// -ик; -игö// -иг

Суф. деепричастий *-икö// -ик* характерен для ареала собственно коми-пермяцкого языка. Данный формант в нем широко употребителен. Примеры: *Кодзикö воввисö* 'Приезжали во время сева'; *муникö* 'во время ходьбы', *с'оикö* 'во время еды' и т.п. Деепричастия на *-икö* (мыс. вл. *-игö*) в северных диалектах по сравнению с южными говорами мало употребительны;

чаще всего они встречаются в окраинных говорах — в пуксибском, исаевском, мысовском и верх-лупыинском, например: пукс. *миан быдмикö* 'в период нашего детства'; ис. *тас'ан' муникö* 'уходя отсюда'; мыс. *вöрын уджалигö* 'работая в лесу'; вл. *онöй пэс'ис пукалигам* 'сидя спать захотелось' и др.

Заметим, что деепричастия с формантом *-игö// -иг* в коми-пермяцком языке имеют место только в мысовском и верх-лупыинском диалектах — в самых северных (карта 18, см. также карту 1).

Суф. *-игö* и его варианты характерны для ареала коми-зырянских диалектов, ср.: в летском *-иг// -игын*, в ижемском *-ыг// -ыгэн*; вымском *-ыг// -иг, -ыгöн// -игöн*; присыктывкарском *-иг// -игöн*, в вехневичегодском *-иг// -игэн*, в среднесысольском *-иг// -игöн, -иžын*, в верхнесысольском *-иг// -игöн*, печорском *-игöн// -иг*, в удорском *-иг*. Ср. некоторые примеры: лет. *мунигас гижам* 'напишем в пути (букв. *идя*)', *уджалигын взтла* 'схожу во время работы'; иж. *бör муныгэн* 'на обратном пути', *муныг кэжö* 'к отъезду'; печ. *с'ойиг кости* 'во время еды'; вв. *вис'иг шус'э* 'говорит, что болеет'; вс. *Мэ йöз уджалиг быдми* Кг. 'Я росла, работая в людях'; уд. *бос'тиг вылö* 'для покупки' и др.

Следует отметить, что в печорском и летском диалектах наряду с *-иг* выступает вариант *-ик* (с глухим согласным *к* на конце). Примеры: печ. *А. йöктигтырйи* и *йоктигтырйи* 'приплясывая'; лет. *турналикас шэдöм* 'попало во время сенокоса'. По-видимому, эта черта также указывает на былые связи с камскими коми (см. карты 1 и 18).

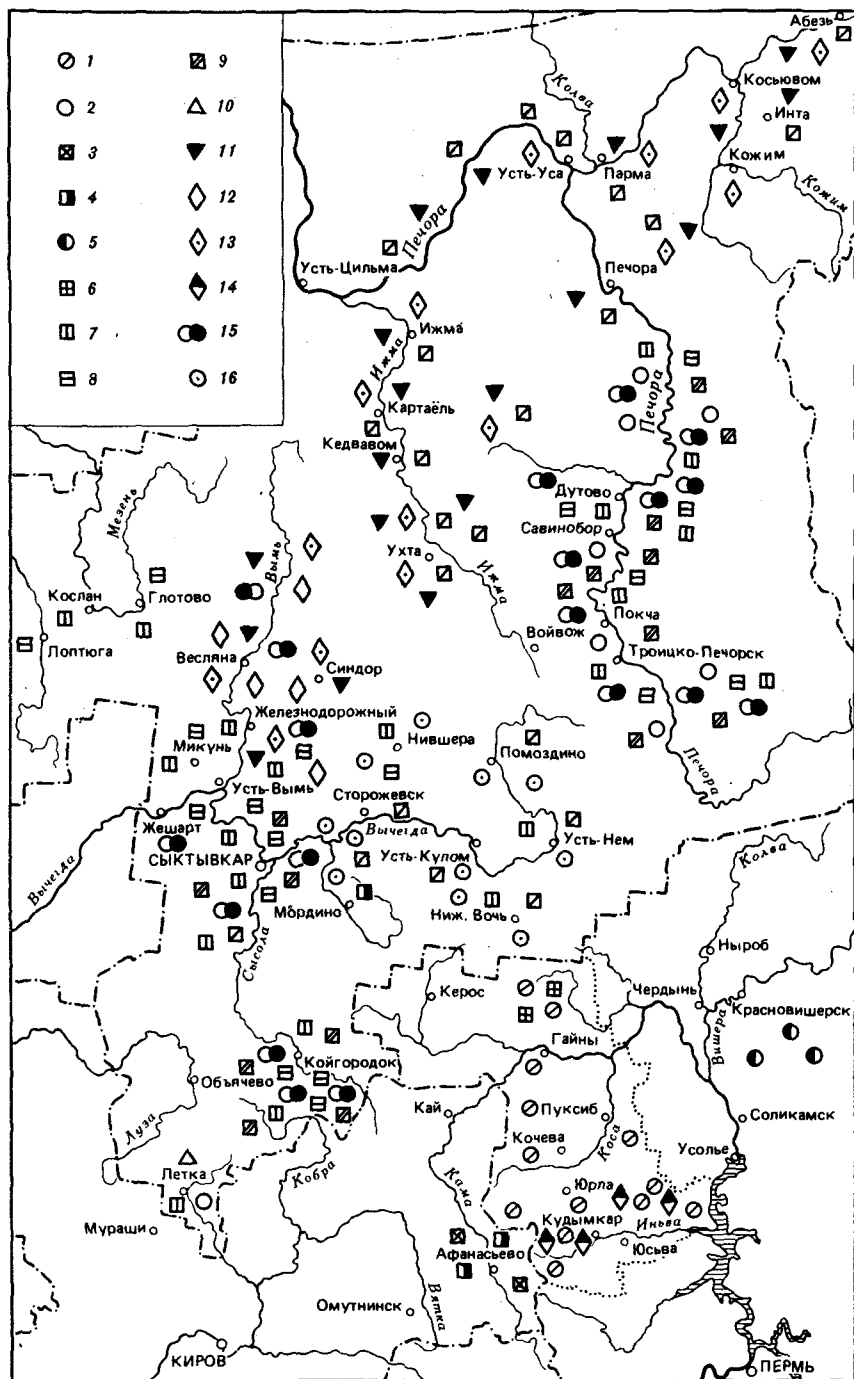
На территории верхнекамского наречия деепричастия образуются с помощью суф. *-икöн// -икын..* Ср.: *пöс'ылас бэргаликын* 'вертаться в жару', *аддзисö самогон пуикöн* 'застали во время варки самогона'. По-видимому, в данном наречии в прошлом был употребителен и суф. *-иг* (со звонким *г*), о чем свидетельствуют единичные примеры: *шонди лэчигикöн* (< *леч+иг+икöн*) 'во время захода солнца'. В этом примере мы видим двойное употребление суф. деепричастий *-иг+икöн*.

В ареале коми-язьвинского наречия аналогичные деепричастия образуются с помощью суф. *-ки// -ик*: *мунки* 'когда шел, идучи', *с'уйики* 'когда ел, во время еды'. Деепричастия на *-ки// -ик* имеют притяжательные формы, ср.: *мункам* 'когда я шел', *мункат* 'когда ты шел', *мункас* 'когда он шел' и т.п. (Лыткин 1961, с. 73).

Данная морфема *-ки/к-* нигде больше не встречается. Следовательно, ареал ее распространения ограничен территорией населения красновишерских пермяков (см. карту 18).

Деепричастия на *-иг, -ик* (и их варианты) могут сочетаться с послелогоми или так называемыми "послеложными суффиксами" (по правилам, принятым в коми-зырянском языке). Так, в присыктывкарском диалекте могут присоединяться следующие послелогии: *тырйи, тырйа, моз, чöж, кости, кэжлö*; в верхневичегодском — *тыр, тырйи*, Крч. Устьк. *дырйи, моз, тшöж, кости, кэжэ*; в печорском — *тыр//тырйи, тырйа, чöж, моз, кост, кэжлэ* и др. Приведенные примеры показывают, что во всех диалектах с деепричастиями на *-иг// -ик* могут употребляться одни и те же послелогии, лишь в верхневичегодском наряду с *тырйи* в говорах Керчомьи, Мыелдина и Усть-Кулома употребляется также послелог *дырйи* с тем же значением — 'во время' (ср. кп. также: *дырйи* — в том же значении).

Карта 18. Деепричастия на: 1 — *-икö*, 2 — *-ик*, 3 — *-икöн*, 4 — *-икын*, 5 — *-ки/к-*, 6 — *-игö*, 7 — *-иг*, 8 — *-игöн*, 9 — *-игэн*, 10 — *-игын*, 11 — *-ыг*, 12 — *-ыгöн*, 13 — *-са*, 14 — *-сөн*, 15 — *-мён*, 16 — *-мэн*.

В диалектах коми-пермяцкого языка с деепричастиями употребляются послелог — *моз, коста, дырйа, кэжӧ*, напр.: *вундик коста* 'во время жатвы', *куритик кэжӧ* 'к курению', *с'ойк коста* 'во время еды', *шоччис'ик дырйа* 'во время отдыха' и др.

Следует отметить еще одну особенность деепричастий на *-иг* летского говора — это возможность употребления их вместо причастий с суф. *-ан* других говоров в позиции определения, ср.: лет. *уджалиг пӧра*, скр. *уджалан пӧра* 'рабочее время'; лет. *зэриг пӧра*, скр. *зэран пӧра* 'дождливое время' [ССКЗД, с. 486]. Кроме того, в этом же говоре деепричастия на *-иг* могут употребляться и в значении деепричастий на *-ӧм*, напр.: *бол'ницаын муй сиа куйлиг* 'Пролежав в больнице, и что далее'. Аналогичное явление зафиксировано в удорском и ижемском диалектах коми-зырянского языка: деепричастия с суф. *-иг* уд., *-ыг* иж. употребляются вместо отглагольного существительного с суф. *-ӧм* других говоров при обозначении цели действия. При этом деепричастие, как и отглагольное существительное, сочетается с пространственными послелогам *выв, вылӧ* уд., *вылэ* иж., напр.: *полиг вылӧ* уд., *полӧм вылӧ* скр. 'чтоб бояться'; *видздыг вылэ* иж., *видзӧдӧм вылӧ* скр. 'чтоб смотреть' [см. там же].

Во всех рассматриваемых коми-зырянских диалектах суф. деепричастий *-иг//ыг* может принимать застывшую форму творительного падежа *-ӧн//эн*, ср.: среднесыольское, верхнесыольское, печорское и присыктывкарское *-иг//игӧн*; в ижемском и верхневычегодском *-ыг//ыгэн* и *-иг//игэн*, в летском *-иг//игын*; ср. также верхнекамское *-икӧн//икын*. В коми-пермяцких диалектах изредка также могут появляться с формантом *-икӧн* (вм. *-икӧ*), напр.: *Асывнас уджаликӧн* 'Работая утром', *Котӧртикӧн ус'ус* 'Упал он во время бега, бегая'.

-ӧмӧн//эмэн

К деепричастиям на *-иг//ик* (с вариантами), которые обозначают действие, совершающееся одновременно с каким-либо другим действием (в плане протекания времени), довольно близки деепричастия с суф. *-ӧмӧн (-эмэн* вв., иж.), обозначающие также действие, которое совершается одновременно с главным действием. Примеры: скр. *вом пас'кӧдӧмӧн кывзӧ* 'слушает, разинув рот'; вс. *мыкталӧмӧн баутӧ* Уж. 'говорит, заикаясь'; печ. *водӧмӧн шоччӧ* 'отдыхает лежа'; лет. *сиӧ кулӧмӧн ваисны* 'его умершим привезли', *н'ужкйӧмӧн баутлӧнӧ* 'говорят, растягивая (слова)'; вв. *гатш куйлэмэн кынэмид оз пӧт* 'лежа на спине не пропитаешься'; иж. *мэ пукс'эмэн с'ойи* 'я сидя поел', и т.д. Но основное отличие состоит в том, что деепричастия на *-ик//иг* обозначают время действия, а деепричастия на *-ӧмӧн//эмэн* означают, каким образом и способом протекает дополнительное действие [Сахарова, Сельков 1976, с. 102].

-са

В ареале ижемского и соседнего с ним — вымского диалектов имеются деепричастия на *-са*, обозначающие действие, совершаемое одновременно с другим действием, и, вместе с тем, способ действия. Например: иж. *вотса лыд'д'ыс'э* 'лежа читает', *сутса с'ойэ* 'стоя кушает', *пукса уз'э* 'сидя спит' [см. там же]; вым. *пукса и унмос'ӧма* 'сидя и уснул' (шош.), *водса шоччӧ* 'лежа отдыхает' (тур.), *тэ сутса с'орн'ит* 'говори стоя' [Ляшев 1975, с. 157].

В аналогичном значении в коми-пермяцком языке употребляется формант *-сӧн*, ср.: *суэтсӧн с'ойӧ* 'стоя ест', *водсӧн выд'д'ӧтӧ* 'лежа читает' и т.п. Но данный суффикс мало употребителен и встречается только с определенными словами (см. карту 18).

-тӧдз// -тэдз, -тэдзйа, -тээдз; -тис'; -төдз

Деепричастия с суф. *-тӧдз* широко употребительны в большинстве диалектов коми-зырянского языка и в коми-пермяцких диалектах. Вариант *-төдз* выступает в коми-язьвинском ареале, а *тэдз* — в ареале летского, ижемского, а также верхневычегодского (в последнем, кроме говоров с. Нившеры и Богородска) диалектов (см. карту 1).

На территории ижемского диалекта, наряду с *-тэдз*, выступает его вариант *-тэдзйа* (< *-тэдз+йа*), а в говорах Нившеры и Богородска наряду с *-тэдз* → *-тээдз* (*Гортӧ вотээдз вайэмас* Н. 'Принесли до прихода домой') [Сахарова, Сельков 1976, с. 101; Сорвачева и др. 1966, с. 116].

В нившерском и богородском говорах верхневычегодского диалекта вместо деепричастия на *-тээдз* часто употребляется деепричастие на *-тис'* в сочетании с послелогом *войдор* 'прежде', например: Н. *карэ мунтис'* *войдор* 'до отъезда в город', *куутис'* *войдор* 'прежде, чем умереть'; Бог. *уджоотис'* *войдор* 'до работы' [Сорвачева и др. 1966, с. 116; Она же: — в кн. ССКЗД, с. 486].

Суф. *-тис'* употребляется также в некоторых говорах удорского диалекта. Зафиксирован он в говорах д. Удор и с. Глотова. Как и в нившерском и богородском говорах, суф. *-тис'* употребляется в сочетании с послелогом *вӧт'ти* со значением 'до, прежде чем'. Эти деепричастия обозначают дополнительное действие, протекающее после главного, и употребляются вместо деепричастий на *-тӧдз* других говоров. Ср. примеры: *гӧрны-кӧдзны пэттис' вӧт'ти* (Гл.) — *гӧрны-кӧдзны пэттӧдз* (скр.) 'до выхода на посевные работы'; *шонди пэттис'ыс вӧт'ти* (Удор) — *шонди пэттӧдз* (скр.) 'до восхода солнца' [Сорвачева 1950; ССКЗД, с. 486]. Следовательно, деепричастный суф. *-тис'* употребляется в двух ареалах: на Удоре и в бассейне Нившеры с Вишерой (притока Вычегды); изоглосса этого явления идет с запада на восток (см. карту 1).

-тӧг// -тэг; -тӧгйа// -тэгйа, -төг

Деепричастия с формантом *-тӧг* характерны для всех диалектов коми-пермяцкого языка, а также для большинства диалектов языка коми-зырян. Вариант *-тэг* употребителен в ижемском и верхневычегодском диалектах, напр.: иж. *с'ойтэг* 'не поевши', вв. *йувалтэг бос'тис* 'не спросив взял (он)' [Сорвачева и др. 1966, с. 116], а вариант *-төг* только в ареале распространения коми-язьвинского наречия, ср.: *вудис с'уйтөг* 'лег не евши', *муннө кортөг* 'идти без приглашения' и др. [Лыткин 1961, с. 73 и др.] (см. карту 1).

Следует заметить, что в печорском и ижемском диалектах формант *-тӧг// -тэг* имеет варианты: *-тӧгйа* (< *-тӧг+йа*) и *-тэгйа* (< *-тэг+йа*), например: печ. *йуас'тӧгйа бисӧ ӧзтис* 'без спросу он зажег огонь', *мунтэгйа оз поз* 'не уехать нельзя' (Сахарова, Сельков, Колегова 1976, с. 44); иж. *мэ тӧдтэгйа кар* 'сделай, чтоб я не знал', *уз'тэгйа ооны* 'жить без сна' [Сахарова, Сельков 1976, с. 101].

В вымском, присыктывкарском, среднесыольском, верхневичегодском, верхнесыольском и печорском диалектах употребляются деепричастия с суф. *-мӱн// -мэн* со значением меры и степени действия. Ср.: скр. *ӱччӱд лонтымӱн пэс* З. 'дрова на одну топку', вв. *каштимэн котэртны* М. 'бежать до одышки', вс. *эндымӱн с'ойи* 'наелся до отвала', печ. *с'инва пэзмӱн жал* 'жалко до слез' и др. Заметим, что вариант *-мэн* характерен для верхневичегодского диалекта. В наречиях языка коми-пермяков данный суффикс не зафиксирован. Следовательно, изоглосса данного явления тянется с запада (с Выми) на восток (на верхнюю Сысолу и верхнюю Печору) (см. карту 1).

*мыс'т'и//мыс'ти//мис'та//мис'тӱн;
бӱрын; мӱда//мыда*

В верхневичегодском, нижневичегодском, вымском, удорском диалектах коми-зырянского языка имеется своеобразная конструкция, образуемая из основы глагола с послелогом *мыс'ти* вым.; *мис'т* вв. нв.; *мист'и* вв., нв.; *мис'ти*, *мис'та*, *мис'тӱн* уд.; *мыс'тэн* иж. — со значением 'после, после того как' и употребляющаяся при обозначении дополнительного действия, непосредственно предшествующего главному действию. Данное явление представляет компактный ареал, изоглосса тянется с запада на восток (см. карту 1).

В других диалектах языка коми-зырян вместо этой конструкции употребляется сочетание отглагольного существительного с послелогом *бӱрын* 'после, после того как', а в ижемском — с послелогом *мӱда*, *мыда*, например: *Вайис ӱтпыр с'ойӱм мӱда* 'Принес один раз покушат' и др. [Сахарова, Сельков 1976, с. 101—102]. Ср. также: *во мис'т* вв., *воӱм бӱрын* (скр.) 'после того, как пришел, пришедши'; вым. *гӱтрэс' мыс'ти*, скр. *гӱтрэс'ӱм бӱрын* 'после того, как женился, женившись'; уд. *вэрӱс сайӱ мун мыс'ти* 'после выхода замуж, вышедши замуж' и др. [ССКЗД, с. 486]. Глагольные конструкции с послелогом *мыс'ти*, употребляющиеся в роли деепричастий, не свойственны диалектам коми-пермяцкого языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование диалектных особенностей коми языков в ареальном плане дает возможность конкретизировать и в то же время расширить наши представления об общих и специфических чертах в области фонетики и морфологии этих языков. В этом смысле подобные работы, несомненно, представляют большой интерес не только для специалистов пермских языков.

Ареалы языковых явлений и отдельные изоглоссы могут свидетельствовать не только о месте возникновения какой-то инновации, но и о направлении их распространения на той или иной территории. Привлечение диалектного материала с обширной территории дает возможность для установления динамики распространения изоглоссных явлений, а также помогает в установлении так называемых "центров" относительно новых языковых процессов, находящихся на определенной ступени развития. Так, явление морфологизации ударения, возникнув на территории кудымкарско-иньвенского диалекта, развивалось вширь: оно распространилось на окраинные говоры; в настоящее время на той или иной ступени развития находится в диалектах и говорах северного наречия, верхнекамского наречия, а также получило развитие на территории бывших некогда соседними — лузско-летского и верхнесысольского диалектов коми-зырянского языка.

Почти аналогичное происходит в трансформации послелогов с основой на *выл-* (*вылв-*) в падежные формы с внешнеместным значением в коми-пермяцком языке. Образование новых падежных форм завершилось почти на всей территории южного наречия, отдельные случаи употребления некоторых усеченных форм послелогов с указанной основой зафиксированы лишь в самых окраинных говорах. Интенсивное развитие этого процесса наблюдается в ареале кочевского диалекта, примыкающего к южному наречию. Развивается данное явление и на территории косинско-камского диалекта северного наречия, а также в языке Кировских пермяков. Разнообразные промежуточные формы этого интересного языкового явления свидетельствуют о неравномерности развития данного процесса.

В ареале северных диалектов коми-зырянского языка имеют место явления деаффрикатизации: $dz > d'$ в удорском и вымском (в последнем — шошецком и онежском говорах) и в нившерском говоре верхневычегодского диалекта; $dz > z'$ — в веслянском, половницком, княжпогостском и переходном говорах вымского бассейна, а также в печорском. В последний (в печорский) это диалектное явление, по-видимому, привнесено в результате миграции населения с Выми. В синдорском говоре вымского диалекта сосуществуют оба явления: $dz > z'$, $dz > d'$. Аффриката $dj > j$ в ижемском диалекте и реже — в вымском. Наблюдается она и в печорском диалекте, а в удорском $dj > d'$.

На территории верхневычегодского диалекта (в его юго-восточной части), в формировании которого принимало участие также население с Вы-

ми, аффрикаты *дз, дж, тш, ч* последовательно переходят во фрикативные *з', ж, с', ш* в говорах Усть-Нема, Мыелдина и Вочи вероятно явление деаффрикитизации свое развитие получило уже на указанной территории.

Гласные *ö* и *ы* в первом слоге слова не употребляются в ижемском (в определенных позициях), удорском, нижневыхегодском, вымском (в последнем — в кошецком говоре, пограничном с нижневыхегодским, и отчасти в пеловницком) диалектах, они переходят в *э* и *и*. Это явление имеется и в печорском бассейне (диалекте), но оно встречается непосредственно. Обычно переход *ö > э*, а *ы* в *и* обусловлен качеством соседних звуков — наличием мягких согласных или гласных переднего ряда, это вызвало сужение гласных *ö > э* и *ы > и*. Однако, например, в коквицком говоре вымского диалекта *э* вместо *ö* выступает независимо от качества соседних звуков. В верхневыхегодском переход гласных *ö* и *ы* в *э* и *и* также ничем не обусловлен, в нем, как и в ижемском и коквицком, гласные *ö* и *ы* неупотребительны в первых слогах. В удорском и верхневыхегодском *э* и *и* на месте *ö* и *ы* употребляются значительно шире — не только в соседстве с мягкими согласными и гласными переднего ряда. Но и после твердых согласных. А в отличие от других диалектов в удорском гласные *э* и *и* на месте *ö* и *ы* встречаются и в первом слоге. Следовательно, указанное явление получило дальнейшее развитие в удорском, верхневыхегодском диалектах, а также в коквицком говоре (явившемся, возможно, центром возникновения данного явления) вымского диалекта в период их самостоятельного развития, что является подтверждением неравномерности развития рассматриваемого явления.

Гласный *э* на месте *ö*, хотя и непоследовательно, но встречается в самом северном коми-пермяцком диалекте — в верх-лупьинском. В последнем эта черта — верхневыхегодская, получившая свое развитие на верхней Лупье в результате смешения местного населения (см. карту 1).

Долгие гласные — характерная черта нуль-эловых диалектов — вымского, ижемского и, отчасти, — верхневыхегодского (говоры, распространенные на Вишере, Нившере, а также в Усть-Куломском, Мыелдинском, Носимском, Усть-Немском и Донском сельсоветах). Их появление обусловлено ослаблением этимологического *л* в позиции конца слога. В ижемском диалекте наблюдаются долгие гласные — *ō, ā, ȳ, ȳ, ȳ*, в верхневыхегодском — *ō, ā, ȳ, ȳ, ȳ, ȳ*, а в синдорском говоре вымского диалекта — *o, ā, ȳ, ȳ, ȳ, ȳ*. Долгие гласные *ē* и *ū*, вероятно, — результат более позднего развития этого явления в синдорском и верхневыхегодском говорах.

Явление ассимиляции гласных условно можно объединить в два типа: 1) выравнивание по ряду и подъему (оно свойственно коми-пермяцким, в том числе верхнекамским говорам) и 2) лабиализация соседних и смежных гласных. Последнее имеет место в коми-язвинском, верхневыхегодском и ижемском диалектах. Оба типа составляют определенные ареалы и свидетельствуют о действии новых импульсов в системе гласных звуков.

Звук *й* из суф. мн. числа (*-йас/-йэс* уд., *-йёс* Гл.) в коми-зырянском языке ассимилируется в большинстве диалектов предыдущими мягкими согласными, ср.: в.ваш. уд. *пёл* — *пёл'л'эс* 'старик — старики' нв. *чун'н'ас* < *чун'йас* 'пальцы'; вым. *н'оз'з'ас* < *н'оз'йас* 'овраги; иж. *дод'д'ас* < *дод'йас* 'сани'; печ. сс. *рочас* < *рочйас* 'русские'; вв. *вундис'с'ас* < *вундис'йас* 'жнецы'; вс. *шат'т'ас* < *шат'йас* 'вицы', пл. < *н'ан'йас* 'хлеба'. Исключение составляет присыктывкарский диалект, в котором в

данной позиции *й* суф. *-йас* после мягких согласных сохраняется, но в говорах Тентюкова, Вильгорта и Шошки также отмечаются отдельные случаи ассимиляции *й* из этого суффикса, ср.: В. *видэ́дзас* < *видэ́йас* 'луга', Т. *кан'н'ас* < *кан'йас* 'кошки', Ш. *омо́л'л'ас* < *омо́л'йас* 'нечистые, бесы'. В соседнем с ним нижневыходском диалекте ассимиляция *й* суф. *-йас* конечным мягким согласным основы последовательно отмечается в говорах Межого, Жешарта и Гама, несколько слабее она выражена в говорах Айкино, Туискероса, Коквицы. В остальных говорах, близлежащих к присыктывкарскому, по имеющимся данным, *й* из суф. *-йас* не ассимилируется, напр.: *кол'йас* 'шишки', *кан'йас* 'кошки' и др.

Й в составе суф. мн. числа в большинстве случаев сохраняется также в говоре с. Кобра верхнесысольского диалекта (см. карты 1, 7). Следовательно, почти во всех диалектах коми-зырянского языка (за небольшим исключением) в позиции после мягких согласных суф. мн. числа имен существительных выступает в варианте *-ас* (ср. уд. в.-ваш. *-эс*; Гл. (Удор) *-ёс*; лет. *-ас*, *-эс*, *-эз*). Таким образом, в языке коми-зырян начался процесс трансформации суф. мн. числа *-йас* (уд. *-йэс*, *-йёс*). Случаи ассимиляции *й* этого суффикса предыдущими твердыми согласными пока что не зафиксированы. Значит, данное явление находится на начальной стадии развития, ср.: кп. суф. мн. числа *-эз* (< *-йэз*), употребляющийся после мягких и твердых согласных: *вон* — *вон'йэз* > *вонн-эз* 'братья', *кан'* — *кан'йэз* > *кан'н'эз* 'кошки', а также пельмское — *кан'н'э* < *кан'н'эз* < *кан'йэз*. Следует отметить, что почти все этапы постепенной трансформации суф. мн. числа *-йэз* (ср. сев. также *-йас*) представлены на данном этапе развития в верхнекамском наречии, что представляет своего рода необычную "кладовую" для исследователя языка. Это в какой-то степени относится также, по нашим наблюдениям, к летскому говору коми-зырянского языка, где рассматриваемое явление находится в зачаточном состоянии. С этой точки зрения представляет интерес и языковой материал самого северного верх-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка.

Специфические падежные суффиксы, как правило, имеют малый регион распространения. Так, суф. вин. п. на *-лө* (ср. лоп. и егор. *-во*) имеется в ареале лузско-летского, *-лы* — в вымском коми-зырянского языка. В форме *-лө* он выступает в ареале всех северных говоров и верхнекамского наречия языка коми-пермяков, а вариант *-ё* — в лопанском и егоровском говорах кудымкарско-иньвенского диалекта. Оба говора ранее имели контакты с северянами до появления русского населения на территории современного Юрлинского р-на. В других диалектах это явление не зафиксировано. Весьма вероятно, что наличие винительного падежа на *-лы* в некоторых вымских говорах также является результатом былых контактов между этими ареалами. На это указывают не только отдельные исторические источники, но и ряд диалектных явлений, общих между удорцами, вымичами, нижневыходцами, с одной стороны, и летскими, кировскими и северными пермяками, с другой (см. карту 1).

Так, на территории распространения лузско-летского диалекта в отдалительном падеже наряду с суф. *-с'ан'* употребляется *-ыс'эдз*, в вымском диалекте *-ыс'өдз* употребляется в кошецком говоре (редко), княжпогостском, раковичском, кыркочском (несколько чаще), в средневымских и верхневымских говорах. Отмечается, что на верхней Выми суф. *-ыс'өдз* употребляется чаще, чем в низовьях бассейна Выми. На Удоре, как и на Лузе и Летке, он выступает в форме *-ис'эдз*. В нем функционирует также формант *-ис'төм*, употребляющийся лишь с некоторыми словами с временным значением: *асулис'төм* 'с утра', *пэръзис'төм* 'с первого раза' и др.

Об этом же свидетельствует *и*-овая форма суф. исходного падежа *-ис'*, которая употребляется в коми-пермяцком языке, в коми-язьвинском и верхнекамском наречиях, в верхневычегодском и удорском диалектах.

Суф. соединительного падежа *-кõt* (с глухим вариантом — согласным *т* на конце) свойствен коми-пермяцким, верхнекамскому и удорскому диалектам (ср. также кя. *-кõt*), в остальных коми диалектах — *-кõд* или *-кэд* и только в лузско-летском *-мыд*.

Отрицательные вспомогательные глаголы в первом прошедшем времени имеют *и*-овую огласовку (*иg, ин, из* 'я, ты, он не' и др.) в ижемском, удорском, вымском и нижневычегодском диалектах коми-зырянского языка, с одной стороны, и в коми-язьвинском, оньковском и нижнеиньвенском диалектах языка пермяков, с другой.

Суф. прилагательных со значением неполноты качества *-gõm* характерен для верхнекамского, лузско-летского (эти два диалекта до появления русских на данной территории были соседними; см. карту 1), верхнесыольского, присыктивкарского (в нем чаще встречается в говоре Зеленца — в близлежащем к нижневычегодскому и вымскому — и реже в других говорах диалекта), нижневычегодского, вымского, ижемского диалектов. В удорском данный формант не зафиксирован.

Заемствованный из русского языка суф. *-овõй* (*-õvõй*) усвоен в коми-пермяцком языке, в верхнекамском и коми-язьвинском наречиях, а также в пограничных с коми-пермяцким — в летском и верхнесыольском (чаще в говорах с. Кобры и Койгородка) и в верхневычегодском (только в говоре с. Вочь) диалектах коми-зырян. В остальных диалектах употребление данного словообразовательного суффикса не отмечено.

К-овый суффикс деепричастий (и его варианты) свойствен коми-пермяцкому (ср. также *-икõ* наряду с *-игõ* в мысовском и верх-лупьинском), в том числе в коми-язьвинском *-ки//к* и верхнекамском *-икõн//икын*, также в пограничных с коми-пермяцким диалектах: в печорском *-ик* наряду с *-иг//игын*, в летском *-ик* наряду с *-иг//игын*. А *г*-овый вариант суффикса, имеющийся в мысовском и верх-лупьинском, употребителен в "соседних": в лузском-летском (*-иг//игын*), верхнесыольском (*-иг//игõн*), в удорском (*-иг//игõн*), вымском *-иг//ыг, игõн//ыгõн*, а также в ижемском *-ыг//ыгэн*. Следовательно, от суф. деепричастий *-иг* (*õ*) мысовского и верх-лупьинского диалектов изоглосса идет к северу, а *к*-овые суффиксы "ведут" к югу, т.е. свойственны южным диалектам коми-зырянского языка и коми-пермяцкому языку в целом, включая сюда язык Кировских и красновишерских пермяков (см. карту 18).

Все это является доказательством в недавнем прошлом контактов между северными коми-пермяками и южными коми-зырянами, не говоря уже о том, что контакты между летскими и Кировскими пермяками прослеживаются на значительном количестве общих признаков и общих тенденций. Вместе с тем некоторые языковые явления свидетельствуют о связях не только с верхневычегодцами и верхнесыольцами, но и с жителями Нижней Вычегды, Выми и в особенности с Удорой. К сожалению, по языковым особенностям удорян имеющиеся сведения пока что слишком скудны и отрывочны. По всей вероятности, дальнейшие исследования позволят получить новые факты в пользу предположения о том, что на Удору в результате миграционных процессов переселилось значительное количество камских коми, что не могло не оказать своего влияния на особенности языка удорских пермяков.

Вопросы о былых контактах между коми Великой Перми и Малой Перми частично затрагивались в отдельных работах археологов и этнографов, однако они ждут еще своего серьезного исследования с учетом и лингвистических данных.

СОКРАЩЕНИЯ

НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ И НАРЕЧИЙ

- вк. — верхнекамское наречие
др.-п. — древнепермский язык
кз. — коми-зырянский язык
кп. — коми-пермяцкий язык
кя. — коми-язьвинское наречие
русск. — русский язык
сев. — северное наречие коми-пермяцкого языка
южн. — южное наречие коми-пермяцкого языка

НАЗВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ

- аз. — азовский говор южного наречия
акс. — аксеновский говор южного наречия
бел. — белоевский говор южного наречия
бк. — большекочинский говор северного наречия
ваг. — вагановский говор южного наречия
вв. — верхневычегодский диалект коми-зырянского языка
в.-ваш. — верхневашский говор удорского диалекта
ви. — верх-иньвенский говор южного наречия
вл. — верх-лупьинский диалект северного наречия
вс. — верхнесысольский диалект коми-зырянского языка
вю. — верх-юсьвинский говор южного наречия
вым. — вымский диалект коми-зырянского языка
гаин. — гаинский говор северного наречия
дем. — деминский говор южного наречия
доег. — доеговский говор южного наречия
егор. — егоровский говор южного наречия
иж. — ижемский диалект коми-зырянского языка
и. иньв. — иньвенские говоры южного наречия
ки. — кудымкарско-иньвенский диалект
к.л. — коми литературный язык
кол. — кольский говор ижемского диалекта
косог. — косогорский говор южного наречия
коч. — кочевский диалект северного наречия
крох. — крохелевский говор южного наречия
кув. — кувинский говор южного наречия
куд. — кудымкарский говор южного наречия
лев. — левичанский говор северного наречия
л. — лузский говор коми-зырянского языка
лет. — летский говор коми-зырянского языка
лл. — лузско-летский диалект коми-зырянского языка
лоп. — лопанский говор южного наречия
мелех. — мелехинский говор южного наречия
мелюх. — мелюхинский говор южного наречия
мыс. — мысовский диалект северного наречия
нв. — нижневычегодский диалект коми-зырянского языка
оньк. — оньковский диалект южного наречия

от. — отевский говор южного наречия
 ош. — ошибский говор южного наречия
 пел. — пельмский говор северного наречия
 печ. — печорский диалект коми-зырянского языка
 пукс. — пуксибский говор северного наречия
 самк. — самковский говор южного наречия
 скр. — присыктивкарский диалект коми-зырянского языка
 ср.-и. — среднеиньвенский говор южного наречия
 сс. — среднесыольский диалект коми-зырянского языка
 тим. — тиминский говор южного наречия
 тук. — тукачевский говор южного наречия
 уд. — удорский диалект коми-зырянского языка
 фед. — федоровский говор южного наречия
 хайд. — хайдукский говор южного наречия
 чаз. — чазевский говор северного наречия
 чур. — чураковский говор северного наречия

НАЗВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

А. — д. Абар — печорский диалект
 Ан. — д. Аныб — верхневычегодский диалект
 Бог. — с. Богородск — верхневычегодский диалект
 В. — с. Вильгорт — присыктивкарский диалект
 Вочь — с. Вочь — верхневычегодский диалект
 Гл. — с. Глатова — удорский диалект
 Гр. — с. Грива — верхнесыольский диалект
 Дер. — с. Деревянск — верхневычегодский диалект
 З. — с. Зеленец — присыктивкарский диалект
 Кб. — с. Кобра — верхнесыольский диалект
 Кип. — с. Кипеево — ижемский диалект
 Кр. — д. Красная — присыктивкарский диалект
 Крв. — д. Карвуджем — верхнесыольский диалект
 Крч. — с. Керчомья — верхневычегодский диалект
 М. Мыелд. — Мыелдино — верхневычегодский диалект
 М. — Мырпонаиб — верхнесыольский диалект
 Н. — с. Нившера — верхневычегодский диалект
 Нос. — д. Носим — верхневычегодский диалект
 П. — д. Пустошь — верхнесыольский диалект
 Руч. — с. Руч — верхнесыольский диалект
 Сиз. — с. Сизябск — ижемский диалект
 С. — с. Слобода — присыктивкарский диалект
 Ст. — с. Сторожевск — верхневычегодский диалект
 Т. — д. Тентюково — присыктивкарский диалект
 Тур. — с. Турья — вымский диалект
 Уж. — с. Ужга — верхнесыольский диалект
 Укл. — с. Усть-Кулом — верхневычегодский диалект
 Устьн. — с. Усть-Нем — верхневычегодский диалект
 Ш. — с. Шошка — присыктивкарский диалект

ПРОЧИЕ УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

безл. — безличная форма
 букв. — буквально
 д. — деревня
 дат. п. — дательный падеж
 вн.-м.-дост. — внешнеместный достигательный падеж
 вн.-м.-вступ. — внешнеместный вступительный падеж
 вн.-м.-исх. — внешнеместный исходный падеж
 вн.-м.-перех. — внешнеместный переходный падеж

вн.-м.-пред. — внешнеместный предельный падеж
вступ. — вступительный падеж
дат.-направ. — дательно-направительный
им.п. — именительный падеж
исх. п. — исходный падеж
л. лит. — литературный
лишит. — лишительный падеж
местн. п. — местный падеж
напр. — например
обл. — областное
орф. — орфографический
отдалит. п. — отдалительный падеж
перех. п. — переходный падеж
пред.п. — предельный падеж
перен. — переносный
прибл.-местн. — приблизительно-местный
прибл.-вступ. — приблизительно-вступительный
прибл.-исх. — приблизительно-исходный падеж
прибл.-перех. — приблизительно-переходный
прибл.-пред. — приблизительно-предельный
притяж. п. — притяжательный падеж
р. — река
род. п. — родительный падеж
с. — село
сс. — селения
см. — смотри
соед. п. — соединительный падеж
ср.-р. — среднерусское
суф. — суффикс
ткац. — ткацкое
указ. — указанный, -я, -е

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев 1965 — *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
- Баталова 1962 — *Баталова Р.М.* Онъковский диалект коми-пермяцкого языка. Канд. дис. М., 1962.
- * *Баталова 1966 — Баталова Р.М.* Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII–XIX вв. — ВФУЯ, М., 1966.
- Баталова 1967 — *Баталова Р.М.* Материалы по коми-пермяцкой лексике (извлечения из словарей XVIII и начала XIX вв.). — ВФУЯ, вып. IV. Ижевск, 1967.
- В *Баталова 1975 — Баталова Р.М.* Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.
- Благова 1975 — *Благова Г.Ф.* К методике историко-ареальных сопоставлений в тюркологии. — ВЯ, № 5, 1975.
- Ботева 1961 — *Ботева Е.В.* Характеристика ижевского диалекта и методика преподавания коми-пермяцкого языка в IV–VI классах. Канд. дис. М., 1961.
- Бубрих 1949 — *Бубрих Д.В.* Грамматика коми языка. Л., 1949.
- Гаджиева 1975 — *Гаджиева Н.З.* Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975.
- Гаджиева 1979 — *Гаджиева Н.З.* Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979.
- Гантман 1951 — *Кривощекова-Гантман А.С.* Словарный состав и словоизменение ижевского диалекта коми-пермяцкого языка. Канд. дис. Л., 1951.
- Гантман 1958 — *Кривощекова-Гантман А.С.* О некоторых особенностях ижевского диалекта коми-пермяцкого языка. — Учен. зап. Пермского госпединститута, вып. 17. Пермь, 1958.
- Гантман 1962 — *Кривощекова-Гантман А.С.* О переходе л в в и чередовании в с нулем звука в ижевском диалекте коми-пермяцкого языка. — ВФУЯ, М.-Л., 1962.
- Гантман 1970 — *Кривощекова-Гантман А.С.* К проблеме языковых контактов. — ВФУЯ, вып. V. Саранск, 1970.
- Гвоздев 1949 — *Гвоздев А.Н.* О фонологических средствах русского языка. М.-Л., 1949.
- Гуляев 1975 — *Гуляев Е.С.* Открытое и закрытое о и история их изучения. — В кн.: *Жилина Т.И.* Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975.
- Жеребцов 1975 — *Жеребцов Л.Н.* Из истории заселения Верхней Сысолы. — В кн.: Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975.
- Жилина 1956 — *Жилина Т.И.* О говоре с. Слудка. — В кн.: Историко-филологический сборник, № 3. Сыктывкар, 1956.
- Жилина, Колегова 1960 — *Жилина Т.И., Колегова Н.А.* Некоторые особенности говора обских коми (с. Мужы и Шурышкары). — В кн.: Историко-филологический сборник, вып. 6. Сыктывкар, 1960.
- Жилина 1972 — *Жилина Т.И.* Основы с закрытым о в современном верхнесысольском диалекте. — В кн.: Коми филология. Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР, № 14. Сыктывкар, 1972.
- Жилина, Бараксанов 1971 — *Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г.* Присыктывкарский диалект коми языка. М., 1971.
- Жилина 1975 — *Жилина Т.И.* Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975.
- Жирмунский 1956 — *Жирмунский В.М.* Немецкая диалектология. М.—П., 1956.
- Жирмунский 1954 — *Жирмунский В.М.* Некоторые проблемы лингвистической географии. — ВЯ, № 4, 1954.
- Игушев 1972, — *Игушев Е.А.* Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка. Канд. дис. Сыктывкар, 1972.
- Игушев 1972, — *Игушев Е.А.* Экспериментальные данные о долготе гласных в ижемском диалекте коми языка. — СФУ, № 1, 1972.
- Истомин 1857 — *Истомин М.* Об этимологических формах ижемско-зырянского языка с присовокуплением сборника слов зырянских. — Архангельские губернские ведомости, № 12–34, 1857.
- Кельмаков 1969 — *Кельмаков В.К.* Кукморский диалект удмуртского языка. Канд. дис. М., 1969.
- Климов 1973 — *Климов Г.А.* Методы лингвогеографических исследова-

- ний. — В кн.: *Общее языкознание*. М., 1973.
- Колегова, Бараксанов 1980 — *Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г.* Среднесольский диалект коми языка. М., 1980.
- Коми-перм. 1962 — Коми-пермский язык. Введение, фонетика, лексика, морфология. Кудымкар, 1962.
- Кузнецов 1949 — *Кузнецов П.С.* О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. — В кн.: *Материалы и исследования по русской диалектологии*, т. 1, М.—Л., 1949.
- Кузнецов 1951 — *Кузнецов П.С.* Судьба твердого л в иньвенском диалекте коми-пермского языка. — В кн.: *Памяти академика Л.В. Щербы*. Л., 1951.
- Кузнецов 1960 — *Кузнецов П.С.* Русская диалектология. М., 1960.
- Лисенкова 1964 — *Лисенкова Д.Т.* Консонантизм в говоре с. Трусово Усть-Цилемского района Коми АССР. Сыктывкар, 1964.
- Лыткин 1930₁ — *Лыткин В.И.* Диалект Кобры. — В кн.: *Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка*, вып. 1. Сыктывкар, 1930.
- Лыткин 1930₂ — *Лыткин В.И.* Некоторые особенности ижемского говора. — В кн.: *Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка*, вып. 1. Сыктывкар, 1930.
- Лыткин 1949 — *Лыткин В.И.* Фонетика северно-великорусских говоров и заимствования в коми-пермском языке. — В кн.: *Материалы и исследования по русской диалектологии*, т. 2. М.—Л., 1949.
- Лыткин 1952₁ — *Лыткин В.И.* Древнепермский язык. М., 1952.
- Лыткин 1952₂ — *Лыткин В.И.* Об ударе в коми-пермском языке. — В кн.: *Труды Ин-та языкознания*, т. 1, М., 1952.
- Лыткин 1952₃ — *Лыткин В.И.* К вопросу о вокализме пермских языков. — В кн.: *Труды Института языкознания*, т. 1. М., 1952.
- Лыткин 1955 — *Лыткин В.И.* Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М., 1955.
- Лыткин 1957 — *Лыткин В.И.* Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар, 1957.
- Лыткин, Тепляшина 1959 — *Лыткин В.И., Тепляшина Т.И.* Некоторые особенности глагольного диалекта. — *Зап. УдНИИ*, вып. 20. Ижевск, 1959.
- Лыткин 1961 — *Лыткин В.И.* Коми-зырянский диалект. М., 1961.
- Лыткин 1964 — *Лыткин В.И.* Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.
- Лыткин 1965 — *Лыткин В.И.* Вопросы акцентуации пермских языков. — In: *Beiträge zur Sprachwissenschaft. Volkskunde und Literaturforschung*. Berlin, 1965.
- Лыткин 1970 — *Лыткин В.И.* Несколько слов о вокализме ижемского диалекта коми языка. — *СФУ*, № 4, 1970.
- Ляшев 1975 — *Ляшев В.А.* Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка. Канд. дис. Сыктывкар, 1975.
- Майтинская 1950 — *Майтинская К.Е.* Развитие системы падежей в венгерском языке. Докт. дис. М., 1950.
- Майтинская 1955 — *Майтинская К.Е.* Венгерский язык, т. 1. М., 1955.
- Майтинская 1979 — *Майтинская К.Е.* Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 1979.
- Макаев 1964 — *Макаев Э.А.* Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.—Л., 1964.
- Матер. и иссл. 1949 — *Материалы и исследования по русской диалектологии*, т. II. М., 1949.
- Михайлов 1873 — *Михайлов М.* Практическое руководство к изучению ижемско-зырянского языка. Архангельск, 1873.
- Нечаев 1930 — *Нечаев Г.А.* Характеристика зюдинского диалекта коми языка. — В кн.: *Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка*, вып. 1. Сыктывкар, 1930.
- Нечаев 1962 — *Нечаев Г.А.* К вопросу о грамматической категории одушевленности в коми языке. — *Учен. зап. Коми госпединститута*, № 10. Сыктывкар, 1962.
- Осн. ФУЯз, 1, 1974 — *Основы финно-угорского языкознания*. т. I. М., 1974.
- Образцы к.-зыр. 1971 — *Образцы коми-зырянской речи*. Сыктывкар, 1971.
- Общее яз. 1970 — *Общее языкознание*. М., 1970.
- Общее яз. 1973 — *Общее языкознание*, т. 3. М., 1973.
- Савельева 1971 — *Савельева Э.А.* Пермь-вычегодская. М., 1971.
- Сахарова, Сельков 1960 — *Сахарова М.А., Сельков Н.Н.* Некоторые особенности говора кольских коми. — В кн.: *Историко-филологический сборник*, вып. 6. Сыктывкар, 1960.
- Сахарова, Сельков 1976 — *Сахарова М.А., Сельков Н.Н.* Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.
- Сахарова и др. 1976 — *Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Колегова Н.А.* Печорский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.

- Серебренников 1957 — *Серебренников Б.А.* Теория волн Иоганна Шмидта и явления языковой аттракции. — ВЯ, 1957, № 4.
- Серебренников 1963 — *Серебренников Б.А.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
- Серебренников 1970 — *Серебренников Б.А.* Проблема прогресса в развитии языков. — В кн.: Общее языкознание. М., 1970.
- Серебренников 1974 — *Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Совр. к. яз. — Современный коми язык. Под ред. проф. В.И. Лыткина. Сыктывкар, 1955.
- Сорвачева 1950 — *Сорвачева В.А.* Морфологические особенности верхневашского говора коми языка. Канд. дис. Сыктывкар, 1950.
- Сорвачева 1961 — *Сорвачева В.А.* Краткий грамматический справочник по диалектам коми-зырянского языка. — В кн.: Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- Сорвачева и др. 1966 — *Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С.* Верхневыхогодский диалект коми языка. Сыктывкар, 1966.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- СФУ — Советское финно-угроведение (Журнал). Таллин.
- Тараканов 1959 — *Тараканов И.В.* Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка. Канд. дис. Тарту, 1959.
- Тараканов 1962 — *Тараканов И.В.* К вопросу истории и развития неслогового у в удмуртском языке. — ВФУЯ. М.-Л., 1962.
- Тепляшина 1965 — *Тепляшина Т.И.* О рукописных памятниках коми-пермяцкого языка. — СФУ, № I, 1965.
- Тепляшина 1964 — *Тепляшина Т.И.* О суффиксе сравнительной степени в северо-западных удмуртских диалектах. — ВФУЯ. М.-Л., 1964.
- Терентьев 1970 — *Терентьев В.А.* О долготах гласных и согласных в ижемском диалекте коми-зырянского языка. — СФУ, № 4, 1970.
- Фролова 1952 — *Фролова Т.И.* Именные категории верхневымских говоров северного диалекта коми языка. Канд. дис. Сыктывкар, 1952.
- Чебоксаров 1946 — *Чебоксаров Н.Н.* Этногенез коми по данным антропологии. — Советская этнография, № 2, 1946.
- Эдельман 1968 — *Эдельман Д.И.* Основные вопросы лингвистической географии. М., 1968.
- Fokos-Fuchs D.R. Der Komparativ und Suppletiv in den finnisch-ugrischen Sprachen — FuF. Bd. 30. H. 1—2.
- Fokos-Fuchs D.R. Syrjänisches Wörterbuch, 1—2. Budapest, 1959.
- ALH — Acta linguistica Academiae scientiarum Hungaricae (Журнал). Budapest.
- FUF — Finnisch-ugrische Forschungen, I—XIII — Helsingfors — Leipzig; XIV и т.д. — Helsingfors, позднее — Helsinki.
- Genetz A. Ost-permische Sprachstudien. Helsingfors, 1897.
- Itkonen E. Über die Betonungsverhältnisse in den finnisch-ugrischen Sprachen. — ALH, Bd. V. H. 1—2. Budapest, 1955.
- Kastren M.A. Elementa grammaticae Syrjänae. Helsingforsiae, 1844.
- Müller H.F. Sammlung russischer Geschichte, Bd. 3. St. Petersburg, 1758.
- Rédei K. Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F.A. Wolegows von Karoly Rédei. Budapest, 1968.
- Rédei K. Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970.
- Sjögren A. Reise nach dem Nordosten des Europäischen Russlands durch die Tundren der Samoeden, zum Arktischen Uralgebirge, II. Dorpat, 1854.
- Uotila T.E. Zur Geschichte des Konsonantismus in der permischen Sprachen. Helsinki, 1933.
- Uotila T.E. Syrjänische Chrestomatie mit grammatischen Abriss etimologischen Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938.
- Wiedemann F.J. Verzeich einer Grammatik der syrjänischen Sprache. Reval, 1847.
- Wiedemann F.J. Syrjanisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register von F.E. Wiedemann. St. Petersburg, 1880.
- Wichmann F. Surjänisch-deutsches Wörterbuch. St.—Pb. 1880.
- Wichmann-Uotila. — *Wichmann Y.* Syrjänische Chrestomathie mit grammatischem Abriss und etimologischem Wörterverzeichnis von T.E. Uotila. Helsinki, 1938.
- Wichmann-Uotila. — *Wichmann Y.* Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formlehre, aufgezeichnet von Y. Wichmann, bearbeitet und herausgegeben von T.E. Uotila. Helsinki, 1942.
- Wichmann Y. Zur Geschichte der Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische. Helsinki, 1915.
- Itkonen E. Spuren der Quantitätskorrelation der Vokale im Syrjänischen. Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja, 71. Helsinki, 1971.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I	
Характеристика изоглоссных явлений в области фонетики языков коми . . .	6
Особенности в системе гласных	6
Гласный <i>ô</i>	6
Гласный <i>ø</i>	11
Гласный <i>y</i>	11
Гласный <i>э</i>	12
Гласный <i>и</i>	13
Долгие гласные	20
Стяжение гласных	27
К вопросу об ассимиляции гласных звуков	31
Особенности в системе ударения	39
Особенности в системе согласных	50
Аффрикаты и особенности их употребления	50
Аффриката <i>ч</i>	50
Аффриката <i>дз</i>	53
Аффриката <i>дж</i>	56
Аффриката <i>тш</i>	56
Звуки <i>л</i> и <i>в</i> , различия в их употреблении	58
Глава II	
Характеристика изоглоссных явлений в области морфологии языков коми . .	81
Множественное число	81
<i>-йэс, -эс</i>	81
<i>-йос, -ос</i>	81
<i>-йас, -ас</i>	82
<i>-йэз, -йэс</i>	84
<i>-эз</i>	84
<i>-йез</i>	85
<i>-э</i>	85
Особенности падежных форм	90
<i>выв-//выл-</i>	91
<i>дын-//орд-</i>	98
Винительный падеж	100
<i>-дö</i>	100
<i>-öс, -тö, -сö</i>	100
<i>-лö//вö, -лы//лö</i>	101
Дательный падеж	103
<i>-лы//лö; -лө; -вö//ö</i>	103
Достигательный падеж	106
<i>-ла//ла; -ва</i>	106
Творительный падеж	106
<i>-өн//эн; -насөн; -ныни; -өн</i>	106
Местный падеж	108
<i>-ын//ин, -өн, -өн</i>	108
Приблизительный падеж	109
<i>-лан//лэн; -ван//ан; -лаз+дорэ</i>	109
Отдалительный падеж	110
<i>-с'ан//с'эн//с'ин</i>	110

Исходный падеж	113
-ыс'//ис'	113
Сравнительный падеж	114
-с'а	114
Соединительный падеж	114
-көд//кэд//кыд; -көт//көт; -мыд	114
Лишительный падеж	116
-төг//тэг, -төгйа//төгйи; -төг	116
Переходный падеж	117
-өд//эд; -өт//өт; -ти; -өт	117
Предельный падеж	119
-өдз//эдз; -өдз	119
Вступительный падеж	119
-ө//э; -ө	119
Родительный падеж	121
-лөн//лэн; -ённ//ённ; -лэн	121
Притяжательный падеж	121
-лыс'//лис'; -вис'//ис'	121
Степени сравнения	122
-джык	122
-джик	122
-джыг	122
-джиг	122
-жык	125
Превосходная степень	126
мэд	126
Ограничительные суффиксы	127
-ов//ол//оо//о; -өв//өп; -өл; -оват; -олтас	127
-гов//гол//гоо	129
-гөм//гэм	129
-код'//койд//куд'	130
-ыд	130
-эб	130
-вэля//вэйт//вэля	130
Относительные прилагательные	131
-өвөй//өвөй//өлөй//өвөй//эвэй	131
Числительные	134
-өт//эт//өд//эд; -өт; -өдз//эдз	135
Личные формы глагола	136
-ө//э; -ө; -ас	136
-ам//амө//амө	136
-аннөд//аннид//анид	136
-ад//адө; -ат//атө//атө	136
-оны//эни; -оныс//энис; -асныс; -анөс; -өнө//ён	137
-асны//асни//асныс; -оныс	137
-аны//аныс//анис	137
-ис//и	138
-им//имө; -имө	138
-иннөд//иннид; -ид//идө; -ит//итө//итө	138
-исны//исныс//исни; -иныс//инис//ины; -исө	140
-анө//инө	140
-өмө//өмө; -эмө; -өм (а)	141
-өмөд//эмөд; -өмө; -өмит//өмөт	142
-өмным; -эмэс	142
-өмнөд//эмнөд; -өмэс//эмэс//эмас; -өмас//өмос	143
-өмны; -өмөс//эмэс	143
Отрицательная форма глаголов	144
-өй//эй	145
-ны	145
-нис	145
Повелительная форма глаголов	145
-ы; -ө//э; -ө	145
Инфинитивные формы	146
-ны//ыны; -нө//инө	146
Причастия	147
-ыс'//ис'	147

-ан//ана//анка	148
-ом//ома; -эм//эма	149
-том//тэм	149
Деепричастия	149
-икö//ик; -игö//иг	149
-омöн//эмэн	152
-са	152
-тöдз//тэдз, -тöдзйа, -тээдз, -тис', -төдз	153
-тöг//тэг; -тöгйа//тэгйа	153
-мөн//мэн	154
мыс'т'и//мыс'ти//мис'та//мис'төн, бöрын, мöда//мыда	154
Заключение	155
Сокращения	
Названия языков и наречий	159
Названия диалектов и говоров	159
Названия населенных пунктов	160
Прочие условные сокращения	160
Литература	162

Раиса Михайловна Б а т а л о в а
**АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ВОСТОЧНЫМ ФИННО-УГОРСКИМ ЯЗЫКАМ**
(коми языки)

*Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР*

Редактор издательства *Г. Н. Корозо*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *А. Л. Шелудченко*

ИБ № 25037

Подписано к печати 20.07.82 г.

Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная № 2
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,5. Усл. кр.-отт. 10,8
Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 800 экз. Тип. зак. 449
Цена 2 руб.

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Офсетное производство 3-й типографии
издательства "Наука"
Москва. К-45, ул. Жданова, д. 12/1